

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. В. Друговейко-Должанская, М. Б. Попов

СОВРЕМЕННОЕ
РУССКОЕ ПИСЬМО

ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ

Учебник

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 81.161.1
ББК 81.2Рус-4
Д99

Рецензенты: д-р филол. наук, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. А. А. Бурькин
(Словарный отдел Ин-та лингвист. исследований РАН);
канд. филол. наук, доц. А. И. Рыко (С.-Петербург. гос. ун-т)

*Рекомендовано к публикации Учебно-методической комиссией
по УГСН 45.00.00 Языкознание и литературоведение
Санкт-Петербургского государственного университета*

Друговойко-Должанская С. В., Попов М. Б.

Д99 Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: учебник. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. — 400 с., ил.
ISBN 978-5-288-05943-8

Учебник содержит теоретический материал университетского курса «Современный русский язык (Письмо. Графика. Орфография)» для студентов 1 курса бакалавриата. В нем представлены все основные разделы: соотношение устной и письменной форм общения, понятие письма и его типы, современный русский алфавит и его история, принципы русской графики, орфографии и пунктуации. Проблемы интерпретации звукового строя русского языка рассматриваются с позиций Петербургской (Щербовской) фонологической школы.

Издание рассчитано на студентов филологических факультетов университетов, а также будет полезно магистрантам и аспирантам, изучающим русский язык, учителям-словесникам и всем интересующимся русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматики.

УДК 81.161.1
ББК 81.2Рус-4

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда «Русский мир», проект № 1672Гр/II-246-17.

ISBN 978-5-288-05943-8

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2019
© Друговойко-Должанская С. В.,
Попов М. Б., 2019

Оглавление

Предисловие	7
Введение	8
§ 1. Определение письма	8
§ 2. Предмет теории русского письма	14
§ 3. Понятие фонемы	22
§ 4. Состав фонем русского языка	24
§ 5. Письмо и орфоэпическая норма	30
<i>Рекомендуемая литература</i>	33
Глава I. Система и употребление букв русского алфавита	34
§ 1. Аспекты письма	34
§ 2. Типы письма	35
§ 3. Элементы идеографического и слогового письма в современном русском буквенно-звуковом письме	48
§ 4. Алфавит	50
§ 5. Состав и названия букв русского алфавита	52
§ 6. Алфавитные значения букв	63
§ 7. Истоки русского алфавита	65
§ 8. Основные предпосылки возникновения письменности у славян	67
§ 9. Создание славянской письменности	72
§ 10. Старославянские азбуки: глаголица и кириллица	77

§ 11. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы.....	85
<i>Рекомендуемая литература</i>	95
Глава II. Графика	97
§ 1. Графика как аспект письма.....	97
§ 2. Слоговой принцип русской графики.....	100
§ 3. Обозначение твердости/мягкости.....	102
§ 4. Обозначение фонемы /j/.....	104
§ 5. Графика и звуковые значения букв.....	107
§ 6. Ограничения и нарушения слогового принципа русской графики.....	109
§ 7. «Математическая формула построения алфавита» Н. Ф. Яковлева.....	119
<i>Рекомендуемая литература</i>	124
Глава III. Орфография	126
§ 1. Орфография и ее части.....	126
§ 2. Понятие орфограммы и орфографической ошибки.....	128
§ 3. Возможность письма без орфографии.....	133
§ 4. Чередования фонем.....	136
§ 5. Адекватнофонемные и неадекватнофонемные написания.....	140
§ 6. Принципы русской орфографии.....	142
§ 7. Морфологический принцип русской орфографии.....	146
§ 8. Ограничения и нарушения морфологического принципа орфографии.....	148
§ 9. Фонетический принцип орфографии.....	150
§ 10. Традиционный принцип русской орфографии и его разновидности.....	153
§ 11. Принцип морфолого-графических аналогий.....	156
§ 12. Типы написаний. Второстепенные (орфографические) значения букв.....	160
§ 13. Типы написаний с точки зрения	

их определенности произношением: опорные, проверяемые и бесспорные написания.....	162
§ 14. Правила орфографии.....	165
§ 15. Правила слитных, отдельных и дефисных написаний.....	169
§ 16. Правила употребления прописных и строчных букв	182
§ 17. Правила переноса слова с одной строки на другую	193
§ 18. Правила графических сокращений.....	200
<i>Рекомендуемая литература</i>	206
Глава IV. Из истории русского письма и его реформирования.....	208
§ 1. Важнейшие события в истории русского алфавита	208
§ 2. Избыточные и недостаточные буквы в русском письме	235
§ 3. Некоторые неосуществленные предложения по реформированию русского алфавита	246
§ 4. Из истории нормализации и реформирования русской орфографии	255
§ 5. Подготовка и проведение Орфографической реформы 1917–1918 гг.....	267
§ 6. Упорядочение русской орфографии в советский и постсоветский периоды	278
<i>Рекомендуемая литература</i>	307
Глава V. Неалфавитные знаки в русском письме	309
§ 1. Знаки препинания.....	309
§ 2. Знаки препинания и принципы пунктуации.....	312
§ 3. Семантика знаков препинания	318
§ 4. Инвентарь знаков препинания.....	331
§ 5. Расширение инвентаря знаков препинания в современном письме.....	338
§ 6. Диакритические знаки	340

§ 7. Апостроф.....	343
§ 8. Акцент.....	343
§ 9. Две точки над «ё» и умлаут.....	345
§ 10. Кратка	348
§ 11. Идеограммы.....	348
<i>Рекомендуемая литература</i>	352
Глава VI. Графическая стилистика.....	354
<i>Рекомендуемая литература</i>	389
Используемая литература	390

Предисловие

Настоящий учебник, посвященный теории современного русского письма и его становлению, вместе с терминологическим словарем и хрестоматией избранных научных работ входит в учебно-методический комплекс для высших учебных заведений Российской Федерации «Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация». По своему содержанию данный учебно-методический комплекс в целом соответствует рабочей программе курса «Современный русский язык (Письмо. Графика. Орфография)», который читается для студентов-русистов 1 курса бакалавриата на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета.

В учебнике представлены основные разделы данной дисциплины: соотношение устной и письменной форм общения, понятие письма и его типы, современный русский алфавит и его история, принципы русской графики, орфографии и пунктуации. В учебнике обсуждаются некоторые актуальные вопросы теории и истории русского письма. Проблемы интерпретации звукового строя русского языка, тесно связанные с теорией русского письма, рассматриваются с позиций Петербургской (Щербовской) фонологической школы.

Данный учебник призван помочь студенту в освоении теоретического материала учебной дисциплины «Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация», и предназначен для аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов бакалавриата филологических факультетов университетов. Вместе с тем авторы надеются, что учебник может быть полезен магистрантам и аспирантам, изучающим проблемы теории и истории русского письма, а также школьным учителям-словесникам и всем интересующимся современным русским письмом, его историей и теоретическими проблемами грамматики.

Введение

Узоры иероглифов, латиниц,
арабской вязи,
Кирилла и Мефодия гостинец
и поиск связей
между звучанием буквы и
ее походкой.
Их знают арфы, соловьи,
шмели, трещотки.
Они в гудящих поездах,
где звук — движенье,
и в телеграфных проводах,
в их протяженьи.
Прямая черточка и круг,
стрела, квадратец,
где вместе буква и звук.
Сестра и братец.

Вадим Жук

§ 1. Определение письма

Слово «письмо» в современном русском литературном языке, согласно «Малому академическому словарю» (МАС), имеет несколько значений: 1) *только ед. ч.* — ‘умение, навыки писать, а также само писание’; 2) *только ед. ч.* — ‘система графических знаков, употребляемых для писания; письменность’; 3) ‘бумага с написанным текстом, посылаемая кому-либо для сообщения чего-либо, а также соответствующее почтовое отправление’; 4) *только ед. ч.* — ‘приемы и характер художественного изображения действительности’¹. Все эти значения слова тесно связаны друг с другом, но нас будут интересовать два первых, и прежде всего, конечно, второе — лингвисти-

¹ Письмо // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. С. 127.

ческое значение, т. е. письмо как система графических знаков, письменность.

В родственных индоевропейских языках разные значения слова «письмо» обычно закреплены за разными лексемами: ср. англ. *letter*, нем. *Brief*, фр. *lettre* или исп. *carta* ‘почтовое отправление’ и англ. *writing/script*, нем. *Schrift*, фр. *écriture* и исп. *escritura* ‘письменность’. В древнерусском языке до XV–XVI вв. при всей многозначности слов **письмо** ‘алфавит, письменность’ и **грамота** ‘буква, письменность, письменный текст, договор’ эти значения также были разведены: ср. **грамотица** — ‘письменное послание, частное письмо’ и **письмо** — ‘письменность’. История глаголов, соответствующих русскому ‘писать’, в разных языках показывает, как люди понимали это действие, с чем его сравнивали, к чему возводили. И.-е. **roik’-/*rik’-*, к которому восходит ст.-сл. и др.-рус. **писати/пъсати** (также в **пѣстръ** ‘пѣстрый’), лит. *piešti* ‘рисовать, изображать’, *poikilos* ‘пѣстрый, разноцветный, раскрашенный’, гот. *-faih(s)* ‘очень пѣстрый’, имело первоначальное значение ‘изображать что-либо путем вырезывания или с помощью красок’, ‘раскрашивать, делать разноцветным, пестрым’² (ср. *писать* (красками), *писанка* — ‘расписанное красками пасхальное яйцо’).

Когда мы говорим о понятии *письмо* в его лингвистическом смысле (во втором из четырех приведенных значений), следует иметь в виду, что оно включает в себя не только значение ‘системы графических знаков’ и ‘письменности’ как результата функционирования этой системы (т. е. совокупности текстов, записанных с помощью этой ‘системы графических знаков’), но и весь комплекс прилегающих к нему явлений. Например, говоря о письме и письменности, мы постоянно должны иметь в виду различные фазы письма, а именно: порождение письменного текста (т. е. его писание или переписывание), сам текст и его чтение (восприятие и понимание или непонимание). Таким образом, письмо включает в себя не только систему начертательных знаков и тексты, записанные при посредстве этих знаков. Кроме того, письмо как система знаков тесно связано с языком в его устной форме, поскольку возникает и существует для фиксации устных текстов таким образом, чтобы их можно было закреплять во времени и перемещать в пространстве.

² Черных П. А. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. С. 35.

Обоснование необходимости закрепления устных текстов на письме часто встречается в преамбулах к важным средневековым официально-деловым документам. В качестве примера можно привести самое начало так называемой Смоленской грамоты 1229 г.³ Вот этот текст без разделения на слова, т. е. так, как он написан в оригинале:

Чтосадѣктѣповѣрьменьемъ · то ѿидетоповѣрьменьемъ · приказан
о боудѣте добрымъ людемъ · а любо грамотою оутвѣрдачь · како то боуд
ѣте всемъ въ домъ · или кто послѣ живътии встанѣтъ сѧ ·

Сняв некоторые особенности графики, затрудняющие чтение данного списка, а именно беспорядочное смешение, с одной стороны, букв ѣ = о, а с другой — ь = е = ѣ, которое проводится писцом как графический прием, приведем этот текст в «стандартной» книжной графике XIII в. и с разделением на слова, но с сохранением фонетических особенностей, отраженных в этом списке:

Что сѧ дѣкть по веремемь · то ѿидеть по веремемь · при
казано боудеть добрымъ людемъ · а любо грамотою оутвѣрдачь ·
како то боудеть всемъ въ домо · или кто послѣ живътии встанеть сѧ ·

Начало грамоты содержит так называемую *аренгу*, т. е. часть преамбулы, в которой разъясняются мотивы заключения договора. Перевести этот отрывок можно приблизительно так: 'что происходит во времени, то и исчезает во времени. <А если> будет поручено достойным людям и если <они> на письме зафиксируют <договор>, то будет всем известно, даже <тому, кто> потом будет жить'.

О значении письма как важнейшего исторического источника наших знаний о далеком прошлом и о преимуществах письменных памятников перед археологическими артефактами хорошо сказано в стихах Ивана Бунина (1915):

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

³ Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригию и Готским берегом 1229 г. (Готландская редакция, список А) представляет собой мирный договор и соглашение о правилах торговли между смоленскими и немецкими купцами.

Так же как звуковая материя, порождаемая артикуляционным аппаратом человека, является естественной и наиболее подходящей для передачи и восприятия речевых сигналов, о чем остроумно писал еще М. В. Ломоносов⁴, так и оптическая (зрительная) форма знаков письма в виде начертательных изображений оказалась оптимальной для передачи речевой информации во времени и пространстве. Именно необходимость продлить жизнь устного текста во времени и получить возможность преодолевать расстояние между адресантом и адресатом привела к появлению письма. На ранних этапах развития письма (точнее — *предписьма*, или *протописьма*), предшествующих собственно письму, люди использовали не условные начертательные изображения типа букв или иероглифов (как это имеет место в собственно письме), а различные предметы (так называемое предметное письмо) или рисунки (пиктографическое письмо). Собственно письмо появляется только тогда, когда графические знаки приобретают условный характер и начинают обозначать не общий смысл передаваемой информации, а конкретные языковые единицы, т. е. так или иначе оказываются связанными со звуковыми оболочками этих единиц, прежде всего слов и морфем. Именно поэтому теория письма тесно связана с науками, изучающими звуковую строй языка, — фонетикой и особенно фонологией.

Звуковая и письменная формы языка не равноправны: письменная форма и функционально, и исторически вторична по отношению к звуковой. Язык долгое время существовал без письменности, есть бесписьменные языки и сейчас. Письмо появляется как некое продолжение языка (точнее, дополнение к нему) на определенном историческом этапе его развития. Широкое распространение письменности в современных обществах фактически превращает письменный язык в самостоятельную знаковую систему, автономную по отношению к звуковому языку. Устная и письменная речь имеют свои сферы действия и дополняют друг друга. В отличие от звуковой стороны языка письмо является чем-то внешним по отношению к говорящему на данном языке индивиду. С этим связано то,

---

⁴ «Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было через разные движения очей, лица, рук и протчих частей тела как то пантомимы на театрах представляют, однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо рук наших, великим были б помешательством такому разговору; не упоминаю других неприятностей» (Ломоносов М. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 14).

что звуковая (устная) и письменная формы родного языка различным образом осваиваются людьми: устная форма усваивается в детстве как бы сама собой в процессе коммуникации с окружающими людьми, естественным, незаметным образом, а письменной форме обучаются специально. Это приводит к тому, что в глазах неискушенного, но грамотного носителя языка отношения между устной и письменной речью, как правило, искажаются: письмо полностью заслоняет собою устную речь, как бы подменяет язык. Устная речь обычно воспринимается неискушенным носителем языка через призму письменной, а звуковой строй родного языка, что для нас особенно важно, рассматривается через посредство используемой графическо-орфографической системы. Отсюда не только распространенное отождествление буквы и звука (ср. *Он не выговаривает букву р*), но и резко отрицательное отношение к любым реформам орфографии: даже робкие попытки незначительных коррективов в области орфографии (например, предложения писать слово *заяц* как «заец» или *огурцы* как «огурци») обычно рассматриваются общественностью как покушение на язык.

Крупнейший отечественный специалист по теории и истории письма И. М. Дьяконов определяет письмо следующим образом: «**Письмо́** — знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов передавать информацию на расстоянии и закреплять ее во времени»⁵. Это определение позволяет отделить так называемое *предписьмо* (предметное письмо и пиктографию) от *собственно письма* (идеографического = словесно-слогового и буквенно-звукового = алфавитного — см. ниже о типах письма, гл. I, § 2). Соответственно, письмо следует понимать как систему графических знаков, предназначенную для передачи единиц языка, реализуемых в речи, а не просто для передачи информации, содержащейся в речи. Другими словами, о письме как о фиксации речи на каком-то конкретном языке имеет смысл говорить тогда, когда единицы письма обозначают те или иные языковые единицы, главным образом слова и морфемы, а также фонемы и их сочетания.

Итак, **сущность** письма заключается в том, что оно является графической формой существования звукового языка. **Функция** письма состоит в том, чтобы переводить тексты какого-либо язы-

⁵ Дьяконов И. М. Письмо // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 339.

ка, существующие в звуковой (устной) форме, в оптическую (письменную) форму, с последующим ее переводом снова в звуковую. По своей структуре письмо представляет собой систему знаков, планом выражения которых являются условные начертательные изображения, а планом содержания — единицы языка (слова, морфемы, фонемы и их сочетания), и систему правил употребления этих знаков. Постепенно превращаясь в автономную (от звукового языка) знаковую систему передачи информации, письмо обрывает и другими функциями, которые не являются для него «сущностными», но коррелируют с функциями языка, такими как коммуникативная (средство общения), гносеологическая (когнитивная, познавательная), эстетическая (поэтическая), эмотивная (передача эмоций) и др.

Когда мы говорим о письме, необходимо иметь в виду, что существуют различные виды письма (не путать с типами письма, о которых см. ниже). Во-первых, имеет смысл разграничивать **общепринятое** (или **обычное, общее**) и **специальное** письмо. Все, что выше говорилось о письме, относилось к так называемому общепринятому письму. Применительно к буквенно-звуковому (алфавитному) типу письма, например такому, как русское, общепринятое письмо иногда называют «орфографическим» или «общепринятым практическим». В тех случаях, когда общепринятого письма по тем или иным причинам оказывается недостаточно для передачи звукового состава словоформы или какого-либо речевого отрезка, используются специальные виды письма. Наиболее известными видами такого специального письма являются фонологическая и фонетическая транскрипции. *Фонологическая* транскрипция (ее называют также фонематической или фонемной) отражает фонемный состав того или иного сегмента речевого потока. *Фонетическая* же с разной степенью детализации, определяемой задачами транскрибирования, передает реализации фонем и супraseгментных средств, характеризующих речевой отрезок. И фонологическая и фонетическая транскрипции являются научными. Кроме этих видов научной транскрипции, используемых прежде всего в научных целях и в преподавании языков, к специальному письму относят практическую транскрипцию и транслитерацию.

§ 2. Предмет теории русского письма

Наука, которая изучает теорию и историю письма и различных письменностей в широком смысле, но преимущественно в филологическом и лингвистическом отношении, называется **грамматологией** (от греч. γραμμα, род. п. γραμματος ‘рисунок, буква’, γραμμαται (мн.) чтение и письмо’ и λόγος ‘учение’). По аналогии с другими разделами лингвистики грамматология может быть условно разделена на две взаимосвязанные и взаимодополняющие области исследований — общую грамматологию (или просто грамматику), изучающую самые общие принципы функционирования и развития систем письма, и частную грамматологию, занимающуюся проблемами теории и истории конкретных систем письма и письменностей, например русского письма. Общая грамматология опирается в своих выводах на исследования конкретных письменностей, и наоборот, изучение конкретных систем письма, например теории и истории русского письма, происходит с неперенным учетом принципов, выработанных общей теорией письма.

Когда мы говорим об изучении письма и особенно развитых современных письменностей, следует подчеркнуть, что грамматология имеет не только собственно исследовательскую, но и солидную практическую составляющую. Причем этот практический аспект грамматологии очень тесно связан с теорией. Во всяком случае, эта связь теории и практики в области грамматологии значительно теснее, чем в других разделах лингвистики, ибо частная грамматология как область лингвистики в значительно большей степени, чем фонетика, лексикология, морфология, синтаксис и др., вынуждена заниматься **прескриптивными** (от лат. *prescribo* ‘предписываю’), или предписывающими, нормами письма, т. е. «должным» (тем, как надо писать), а не только **дескриптивными** (из англ. *descriptive* ‘описательный’, от лат. *describo* ‘описываю’), или описательными нормами, т. е. «сущим» (тем, как реально пишут)⁶. Это вызвано тем, что письменная речь, как уже было сказано, во-первых, вторична по отношению к устной речи, которую она в принципе должна отражать, во-вторых, более консервативна, а в-третьих, более унифицирована

⁶ Дескриптивная норма отражает реальное положение дел, т. е. узус, поэтому ее иногда называют узальной нормой. Она может как совпадать с прескриптивной нормой, так и противоречить ей. Дескриптивная норма включает в себя вариативность как неперенный компонент.

на и подвержена значительно большему общественному и государственному контролю по сравнению с устной.

Соответственно, разрыв между устной и письменной формами речи со временем постепенно увеличивается. Этот разрыв возникает прежде всего в результате фонетических и грамматических изменений, происходящих в языке, но также и вследствие других процессов, так или иначе увеличивающих вариативность на письме, которая в принципе не приветствуется обществом. Одной из таких актуальных проблем, перманентно стоящих перед специалистами в области современного русского письма, является в последнее время унификация вариантных написаний новых заимствований, которые широким потоком хлынули на страницы СМИ и постоянно нуждаются в кодификации. Решение всех этих, на первый взгляд, сугубо практических задач требует теоретического обоснования.

На определенных этапах развития того или иного письма расхождение между прескриптивной и дескриптивной нормами, другими словами — между нормой и узусом, доходит до такой степени, что для приведения их в соответствие требуется реформа алфавита, графики и орфографии. Столь радикальное изменение в системе письма обычно требует вмешательства общества и государства. История русского письма знает всего две крупномасштабные реформы: Петровскую реформу русской азбуки 1708–1710 гг. и орфографическую реформу 1917–1918 гг. Петровская реформа коснулась в первую очередь русского алфавита (инвентаря графем и их начертаний), не затрагивая орфографии (за неимением строгих правил последней, поскольку литературный язык нового типа, ориентирующийся на разговорное употребление, а не на церковнославянские нормы, еще не сформировался), но подготавливая почву для ее становления в будущем. Орфографическая реформа 1917–1918 гг., несколько сократив инвентарь графем, загронула преимущественно орфографию, которая к концу XIX в. была кодифицирована благодаря в значительной степени трудам Я. К. Грота⁷.

В предыдущем параграфе письмо было определено в самом общем виде как система фиксации устной речи при помощи начертательных изображений, причем было подчеркнуто, что исполь-

⁷ См.: Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологическое разыскание. СПб.: Тип. Импер. академ. наук, 1873; Русское правописание: Руководство, сост. по поручению Второго отделения Импер. академ. наук академиком Я. К. Гротом. СПб.: Тип. Импер. академ. наук, 1885.

зование изображений для коммуникации становится *собственно письмом* (или *письмом в узком смысле*) лишь тогда, когда его единицы — графические знаки, которые и образуют систему письма, оказываются способны обозначать единицы того языка, который обслуживается данным письмом⁸. Какие же выразительные средства языка, например современного русского, — как звуковые, так и смысловые — находят то или иное систематическое отображение на письме? Ответ на этот вопрос позволит выяснить, каков предмет теории письма, в частности теории современного русского письма.

Из звуковых средств, которыми располагает современный русский язык, систематически в русском письме находят отражение только минимальные сегментные единицы звукового строя — фонемы, т. е. гласные и согласные, а также сочетания фонем. С полным правом можно утверждать, что центральным вопросом теории русского письма является вопрос о том, как на письме передаются фонемы, составляющие план выражения (звуковые оболочки) русских словоформ. Что касается просодических (супraseгментных) средств (разные виды ударения, компоненты интонации), то они — именно как звуковые средства — последовательно на письме не отражаются, за исключением тех случаев, когда это важно для различения смысла, другими словами — для предотвращения двусмысленности. Так, в общепринятом русском письме знак ударения — акут — обычно не ставится, хотя словесное ударение является неотъемлемой принадлежностью звуковой оболочки словоформы, но употребляется выборочно, для предупреждения неправильного понимания слова (*большая/большáя, подрéзать/подрезáть*). Интонация может до некоторой степени передаваться на письме с помощью знаков препинания, например точки и вопросительного знака: ср. *Он приехал.* — *Он приехал?* Предложения эти совпадают в лексическом и морфологическом отношении, а также по фонемному составу звуковых оболочек, но различаются интонационно — характером мелодического контура, представляя собой интонационные «минимальные пары». В первом предложении — понижение тона на последней словоформе (ИК-1), во втором — резкое повышение и понижение на ударном

---

⁸ Это, разумеется, не значит, что предыстория собственно письма, в частности такие виды зрительной коммуникации, как предметное «письмо» и особенно пиктография (рисуночное письмо), из которой развивалось письмо в узком смысле, не представляют интереса для лингвиста.

слоге последней словоформы (ИК-3)⁹. Однако было бы натяжкой утверждать, что знаки препинания обозначают здесь собственно интонацию (движение тона). В приведенной паре предложений точка и вопросительный знак прежде всего передают смысловое различие, т. е. отражают противопоставление сообщения и общего вопроса¹⁰, которое в устной речи выражается только интонационно. Таким образом, на письме передаются звуковые средства языка не сами по себе, а только те из них, которые хотя бы потенциально связаны с выражением значений.

Теперь посмотрим, какие элементы смысла находят непосредственное отражение на письме. Прежде всего, как уже было сказано, систематически и непосредственно на письме отражаются минимальные единицы плана выражения — фонемы. И хотя фонемы сами по себе не наделены значениями, они связаны со смыслом потенциально. Достаточно заменить в звуковой оболочке словоформы одну фонему на другую (например, в слове *pad* /rat/ конечную согласную фонему /t/ на /t'/ или гласную /a/ на /o/, или целиком отбросить первую согласную фонему /r/), и мы получим звуковые оболочки русских словоформ, которые ассоциируются с другим значением: *рать* /rat'/, *рот* /rot'/ и *ад* /at/'. Таким образом, несмотря на то что фонемы как таковые не обладают значением, различия между ними семантизованы и вследствие семантизации различия между фонемами передаются на письме знаками алфавита. Потенциальная связь фонем со смыслом приводит к тому, что значимые единицы языка — слова и морфемы — могут состоять из одной фонемы, например союзы *а* /a/ или *и* /i/, основообразующий глагольный суффикс *-а-* и суффикс инфинитива *-ть* /t'/ (*изр-а-ть* /igrat'/) или флексия им. ед. ср. р. *-о* (*окн-о* /akno/). Таким образом, фонема /a/ непосредственно может быть связана со смыслом не как фонема, а только как звуковая оболочка союза *а* или морфемы *-а-*.

Говоря о фонемах, необходимо коснуться еще одного аспекта проблемы обозначения фонем в общепринятом письме. Каждая

⁹ О широко используемом в лингвистике описании системы русских интонационных конструкций (ИК), разработанной Е. А. Брызгуновой в 1960–1970-е гг., подробнее см.: *Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика: в 2 т. Т. I. М., 1982. С. 96–122.* — Краткая характеристика ИК по Брызгуновой дана также в кн.: *Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. С. 185–191.*

¹⁰ Общий вопрос иногда называют «да/нет-вопросом».

фонема как языковая единица плана выражения в зависимости от фонетического положения (например, от соседних фонем, от места по отношению к ударному слогу и др.), реализуется в речи разными звуками, которые называются аллофонами (вариантами) этой фонемы, причем у каждой фонемы имеется свой набор аллофонов. Так, фонема /a/ представлена разными аллофонами в ударном ([a]), в первом предударном, а также в абсолютном начале и конце ([ʌ]), во втором предударном и в неконечном заударном слоге ([ə]) (ср., например, /gala'va/ *голова* → [gəʌ'va]). Если фонема /a/ находится в положении после носовых сонантов /n/ и /m/, то, соответственно, происходит дополнительная назализация гласного, что в фонетической транскрипции обозначается знаком (̃) (ср. /ma'naška/ *монашка* → [mʌ'nãʂka]). Аллофоны (варианты) фонемы не выполняют в языке различительной функции, не осознаются носителями языка и поэтому не передаются, да и не могут быть переданы на письме. Необозначение вариантов фонемы в общепринятом письме не недостаток письма, а, напротив, единственно возможное условие осуществления письмом его смысловозначительной функции. Данное положение четко и ясно сформулировал Л. В. Щерба в своей поздней работе «Теория русского письма» (1942–1943), опубликованной уже после смерти ученого: «...всякий практический алфавит должен и может обозначать только фонемы и отнюдь не их варианты: совершенно очевидно, что для быстреего восприятия текста важны те звуковые различия, которые способны дифференцировать слова, а не те, которые лишь механически возникают при артикуляции в зависимости от тех или других условий произнесения. Многим казалось и кажется, что наше практическое письмо, не обозначая более тонких звуковых нюансов языка, должно считаться неточным. Это настолько не отвечает действительному положению вещей, что скорее можно было бы поддерживать обратное, т. е. что оно было бы неточным, если бы стремилось обозначать все эти нюансы. И это понятно: число нюансов, завися не только от фонетического окружения и от словесного ударения, но и от темпа речи и вообще от общих условий говорения (вдвоем с товарищем, при официальном разговоре, в гостиной, на митинге и т. д. без конца), может быть бесконечно велико, и нет никаких объективных оснований для решения вопроса о том, какие из них следует отмечать, и какие — нет»¹¹.

¹¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 19.

Таким образом, из звуковых (сегментных и супraseгментных) средств русского языка современное письмо более или менее последовательно и системно обозначает только минимальные сегментные единицы — фонемы. Графическим средством обозначения фонем являются буквы (графемы). Однако фонемы сами по себе не наделены значением и прямо никаких значений не передают: они связаны с передачей смысла лишь потенциально — через смысловразличение.

Если же обратиться к вопросу о том, какие элементы смысла непосредственно и систематически передаются средствами письма, то в первую очередь следует назвать обозначение членения речевого потока на такие смысловые единицы, как слова (словоформы) и предложения.

Членение потока речи на слова (словоформы) не является членением фонетическим. Это именно смысловое (лексико-грамматическое) членение, так как в русском языке границы между словами с помощью звуковых средств (артикуляторно-акустически) в связанной речи никак не выражены: ср., например, тождественность в спонтанной речи односитагменных фраз *Там арка упала.* — *Та марка упала.* — *Тамарка упала.* /ta'markau'pala/ → [тл.'mã.rkλ.u.'pa.lλ]¹². Носитель русского языка может, конечно, при необходимости отделить друг от друга паузами слова этих фраз, но сделает он это, руководствуясь своими представлениями о границах между словами, т. е. в конечном счете опираясь на смысл фразы, в результате чего высказывание будет расчленено на столько синтагм, сколько словоформ во фразе. Отражающая реализацию фонем фонетическая транскрипция при этом несколько изменится, так как изменятся и позиции фонем: ср. /'tam | 'arka | u'pala/ → ['tam. | 'ʔa.rkλ. | ʔu.'pa.lλ]¹³. *Там арка упала.* — /'ta | 'marka | u'pala/ → ['ta | 'ma.rkλ. | ʔu.'pa.lλ] *Та марка упала.* — /ta'marka | u'pala/ *Тамарка упала.*

Главным графическим средством, маркирующим межсловные границы, является *пробел* («белое», пустое пространство) в последо-

¹² Точками в фонетической транскрипции обозначено слоговое членение.

¹³ Символ [ʔ] Международного фонетического алфавита (МФА) обозначает глоттальный (гортанный) взрыв, который появляется перед любым неприкрытым начальным гласным синтагмы, а также факультативно, если говорящий хочет отделить согласный от следующего гласного (ср. ['vot.'ʔon] *вот он* при обычном ['vo.'ton]). В русском языке [ʔ] не фонологизован и является частью гласной фонемы.

вательности букв (иногда его называют «буквой пробела»), а также, конечно, и любой знак препинания с пробелом после него.

Что касается членения на предложения, то на письме границы между предложениями обозначаются посредством знаков препинания — так называемых знаков конца предложения. К ним относятся точка, многоточие, вопросительный знак, восклицательный знак и их комбинации. Еще одним системным средством, которое, наряду со знаками конца предложения, выполняет функцию указания на границу между предложениями, является прописная буква, маркирующая первое слово следующего предложения: ср. *Кривицкий (заместитель Симонова по «Новому миру») мне нравится. Умен, схватывает на ходу, с ним легко. Хочет власти — но сольной власти: например, надо мной* (Ю. Олеша). В этом тексте точка в сочетании с прописной буквой следующего слова связного текста обозначает границы между предложениями. В последнем предложении употреблены тире и двоеточие, которые никогда не используются в качестве маркеров границ предложения, обычно они (а также запятая и точка с запятой) отделяют части сложного предложения или однородные члены предложения. Менее последовательно обозначаются другие типы смыслового (грамматического) членения речи, например на синтагмы.

Все эти графические знаки, передающие членение текста на слова и предложения (и их части), могут выполнять и другие функции. Это очевидно, если говорить о знаках препинания (точке, многоточии, вопросительном и восклицательном знаках), и менее очевидно, когда речь идет о пробеле. Пробел прежде всего, конечно, обозначает границу между словами — это его основная функция, но как маркер конца словоформы при отсутствии мягкого знака между буквой согласного и пробелом он указывает также на твердость парной по признаку твердости/мягкости согласной фонемы, обозначаемой этой согласной буквой¹⁴. В связи с тем, что твердость согласного

¹⁴ Разумеется, если этому не препятствуют фонетические закономерности. Так, в фонетическом слове *с ним* /s' n'ím/ (см. приведенный выше текст Ю. Олеша) пробел после *с*, обозначая границу между предлогом и знаменательным словом, не указывает вместе с тем на мягкость парного по твердости/мягкости согласного, так как фонотактические правила русского языка (в его старомосковском варианте литературного произношения) накладывают запрет на употребление твердого /s/ перед /n'/ в границах фонетического слова.

передается не столько пробелом как таковым, сколько отсутствием мягкого знака, все, что сказано о пробеле как маркере твердости согласных, может быть отнесено и к любому знаку препинания, непосредственно следующему за согласной буквой, обозначающей парную по твердости/мягкости согласную фонему, так как знаки препинания всегда маркируют и конец слова.

Итак, графические знаки, являющиеся элементами системы письма, делятся на две группы.

Первая группа — это **буквы** алфавита. Передавая на письме минимальные сегментные единицы плана выражения — фонемы, буквы имеют прежде всего звуковое значение. Разумеется, в развитом современном письме алфавитные средства (буквы) выполняют и другие функции, дополняющие их основное назначение обозначать фонемы. Так, противопоставление строчных и прописных букв не затрагивает их звукового значения (см. ниже). Так же и мягкий знак в ряде случаев используется для разграничения грамматических форм (*нож — рожь*)¹⁵, но только в тех графических позициях, где он не может выполнять функцию обозначения мягкости согласного, т. е. после шипящих (непарных по твердости/мягкости) согласных.

Вторую группу составляют **неалфавитные знаки**, т. е. такие графические средства, которые передают на письме не звучание, а некоторые грамматические и смысловые отношения: пробел, дефис, абзац, знаки препинания и многие другие, включая идеограммы и даже шрифтовые выделения (см. гл. V).

В связи с таким раздвоением инвентаря графических знаков Л. В. Щерба предлагал разбить теорию русского письма на две части: одна изучает буквенные знаки письма (алфавит, графика и орфография), другая — небуквенные (пунктуация, к которой в орфографии традиционно примыкают слитные, дефисные и отдельные написания, а также написания строчных и прописных букв). Однако такое разбиение предмета теории русского письма не прижилось, причем не только в силу традиции, но и потому, что графические средства, как уже было показано, выполняют в русском письме разнообразные и в некоторых случаях пересекающиеся функции. Яркий пример — прописные и строчные буквы, которые, сохраняя свое звуковое

¹⁵ До орфографической реформы 1917–1918 гг. эти формы тоже различались, но по-другому: ср. *ножь* и *рожь*.

значение, непосредственно участвуют в передаче смыслов, причем совершенно разных: во-первых, разграничивают имена нарицательные и собственные (*орёл — Орёл*); во-вторых, маркируют начало предложения; в-третьих, маркируют начала стихотворных строк. В связи с тем, что прописные и строчные буквы, обладающие одним звуковым значением, выполняют смыслоразличительную функцию, некоторые лингвисты предлагают считать их разными графемами, хотя и одной буквой¹⁶. Довольно сложным образом переплетается передача в русском письме грамматической и ритмико-мелодической структуры речи при помощи знаков препинания. Все это способствовало сохранению традиционного подхода к разбиению предмета буквенно-звукового письма, в частности русского письма, на два достаточно самостоятельных раздела: 1) система и употребление букв русского алфавита (алфавит, графика и орфография); 2) система и употребление знаков препинания (пунктуация). Промежуточная между орфографией и пунктуацией область — слитные (контактные), полуслитные (дефисные) и раздельные (пробельные) написания — в соответствии с традицией относится к орфографии, так как рассматривается с точки зрения правописания слов (словформ), а не предложений (и словосочетаний). Соответственно, пробел трактуется в этом случае не как знак препинания, а скорее как «буква пробела», которую не включают в состав алфавита (так же, как «ноль звука» не включают в состав фонем языка).

§ 3. Понятие фонемы

Прежде чем перейти к подробной характеристике русского письма, его графики и орфографии, необходимо остановиться на некоторых важнейших понятиях фонологии, прежде всего на понятии фонемы, а также представить состав фонем современного русского языка, которые, собственно, и обозначаются буквенными средствами русского письма.

Фонема — минимальная, т. е. линейно неделимая функциональная единица звукового строя языка, которая, сама по себе не обладая значением, используется для образования и различения звуко-

¹⁶ См.: Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balkanica: Лингвистические исследования*. М.: Наука, 1979. С. 134–152.

вых оболочек значимых языковых единиц — слов и морфем. Это не фиктивная единица, придуманная лингвистами для более экономного описания звучащей речи, а реальная единица языковой системы. В каком-то смысле фонема — то же самое, что и «звук речи», однако фонетисты пришли к необходимости разграничить понятия «фонема» и «звук речи»: звук речи как единицу языковой системы стали называть фонемой, а звук речи как артикуляторно-акустическое воплощение фонемы, как ее реализация в речевом потоке получил наименование **аллофона** (оттенка фонемы, варианта фонемы, вариации фонемы). Именно фонемы, а не аллофоны обозначаются буквами в **буквенно-звуковом** письме, которое поэтому более точно следовало бы называть **буквенно-фонемным**.

Понятия фонемы и звука речи (аллофона) пришлось разделить, во-первых, потому, что в речевом потоке отсутствуют границы между отдельными его сегментами, которые соответствовали бы членению на фонемы: ни акустический анализ, ни рентгенокиносъемка не обнаруживают таких физических границ между звуками речи. Во-вторых, наивный носитель языка осознает как функциональные звуковые единицы именно фонемы, а не их реализации — аллофоны, существование которых он не замечает. Фонемы как языковые единицы имеются не во всех языках. В некоторых (таких как китайский, вьетнамский и др.) слог, который одновременно является и морфемой, далее не членится на отдельные фонемы, согласные и гласные. В таких языках (их иногда называют слоговыми) в качестве минимальной единицы выступает слог (слогоморфема), а фонемы как особые языковые единицы не выделяются. Русский, как и большинство других языков мира, относится к фонемным языкам, в которых минимальной фонетической единицей является фонема.

Каждая фонема в зависимости от позиции реализуется в разных своих оттенках — аллофонах, вариантах. Те аллофоны фонем, которые фонетисты считают важными для описания звуковой системы какого-либо языка или для обучения произношению, отражаются в фонетической транскрипции. Так, фонема /j/ реализуется разными аллофонами, которые в фонетической транскрипции обозначаются символами [j], [j°] и [i]: щелевой согласный [j] представлен в позиции перед ударным неогубленным гласным ([jáxɬɫ] *яхта*), щелевой огубленный [j°] — перед ударным огубленным гласным ([júpkɫ] *юбка*), [i] — после гласных перед согласными и на конце слова ([dai] *дай*, [taigá] *тайга*). Эти реализации фонемы не противопоставлены

друг другу, т. е. у каждого аллофона есть своя фонетическая позиция по отношению к ударению, соседним фонемам и месту в фонетическом слове, поэтому носителями языка они и рассматриваются как «один звук». Такое распределение аллофонов, когда они не пересекаются и каждый из них имеет свою собственную позицию, лингвисты называют дополнительной дистрибуцией (распределением). Однако в дополнительной дистрибуции могут находиться и аллофоны разных фонем, поэтому, кроме дополнительной дистрибуции есть еще нечто, что связывает аллофоны одной фонемы в единое функциональное целое, а именно способность «чередоваться» в составе одной морфемы в зависимости от фонетической позиции. Например, приведенные выше аллофоны фонемы /j/ — [j], [j°] и [j̥], находясь в дополнительной дистрибуции, регулярно «чередуются» в составе морфем: ср. *твоя* [tvɫ'ja], *твою* [tvɫ'j°u] и *твой* ['tvoj̥]. У каждой фонемы свой набор аллофонов, а один аллофон не может быть реализацией двух разных фонем: например, [ɫ] не может быть одновременно и аллофоном фонемы /a/ (ср. *дай* ['daj] — *даю* [dɫ'j°u]), и аллофоном фонемы /o/ (ср. *твою* [tvɫ'j°u] — *твой* ['tvoj̥]), поэтому [ɫ] рассматривается как аллофон фонемы /a/, а не /o/, который в безударной позиции имеет другой аллофон — слабо лабиализованное [ɔ] (ср. *ООН* [ɔ'on] — *а он* [ɫ'on], *но вы* [nɔ'vy] — *новы* [nɫ'vy] и т. п.).

§ 4. Состав фонем русского языка

Звуковой строй современного русского литературного языка насчитывает 42 фонемы и включает две относительно самостоятельных подсистемы: *подсистему вокализма* (шесть гласных фонем: /i/, /ы/, /u/, /e/, /a/, /o/) и *подсистему консонантизма* (36 согласных фонем: /p/, /p'/, /b/, /b'/, /m/, /m'/, /f/, /f'/, /v/, /v'/, /t/, /t'/, /d/, /d'/, /n/, /n'/, /c/, /č/, /s/, /s'/, /z/, /z'/, /š/, /ž/, /š':, /l/, /l'/, /j/, /r/, /r'/, /k/, /k'/, /g/, /g'/, /x/, /x'/). Такой состав (репертуар, ассортимент) фонем принимается далеко не всеми специалистами в области фонетики русского языка: на вопрос о том, какими фонемами располагает фонологическая система русского языка, существуют и другие точки зрения. Конечно, нельзя утверждать, что разногласия между фонологами по этим вопросам носят кардинальный характер. В конечном счете специалисты при установлении состава фонем русского языка так или иначе опираются на интуицию носителей языка, которая ставит некото-

рые пределы творческой фантазии исследователей, поэтому костяк фонем одинаков практически во всех фонологических описаниях. Разногласия касаются в основном отдельных частных вопросов.

Так, применительно к области русского вокализма существуют расхождения в определении фонологического статуса звуков [ы] и [и]. Что это — самостоятельные фонемы, противопоставленные друг другу, или аллофоны одной фонемы? При установлении состава согласных фонем русского языка такой проблемой является фонологический статус долгих мягких шипящих [š':] и [ž':]: самостоятельные это фонемы или бифонемные сочетания? А если [š':] и [ž':] — бифонемные сочетания, то сочетания каких фонем они реализуют? Долгое время спорным оставался и вопрос о фонологической самостоятельности мягких заднеязычных [k', g', x'], однако в настоящее время этот спор в основном завершен: практически все фонетисты признают /k', g', x'/ самостоятельными фонемами.

Разногласия в определении состава фонем вызваны прежде всего двумя обстоятельствами. Первое носит объективный характер и связано с тем, что любой живой язык в процессе ежедневного общения изменяется. Изменения пронизывают как план содержания, так и план выражения. Если рассматривать изменения в звуковом строе языка, то выясняется, что они происходят не только в звуковых оболочках слов и морфем, но и в инвентаре фонем. Так, в процессе исторического развития русского языка одни фонемы утратились (носовые гласные /ɛ/ и /ɔ/, редуцированные гласные /ъ/ и /ь/, фонема «ять» /ĕ/), другие, наоборот, появились (мягкие губные, переднеязычные и заднеязычные согласные, долгие мягкие шипящие /š':/ и /ž':/, фонемы /f/ и /f'/), третьи появились на некоторое время, а потом снова утратились (например, возникшая из /o/ под восходящим ударением, видимо, сразу после падения редуцированных и утратившаяся после развития аканья фонема /o/ закрытое). Некоторые изменения происходили сравнительно недавно и неравномерно по говорам (например, возникновение мягких заднеязычных фонем /k', /g', /x'/ или долгого мягкого шипящего /š':/), а кое-какие еще не завершились и в настоящее время (например, утрата звонкой шипящей фонемы /ž':/, заменяемой в процессе ее отвердения сочетанием фонем /žž/, — изменение, которое в литературном языке близко к завершению или, возможно, уже завершилось). В зависимости от того, считают ли лингвисты такие процессы завершенными, возможны разногласия в оценке фонологического статуса той или иной

фонетической единицы, в частности в признании ее самостоятельной фонемой, сочетанием разных фонем или аллофоном какой-либо другой фонемы.

Второе обстоятельство носит в каком-то смысле субъективный характер. Часто причиной разногласий при определении состава фонем языка являются расхождения во взглядах на фонему у лингвистов, придерживающихся разных фонологических концепций, особенно в том, каковы критерии, которые лежат в основе процедур установления состава фонем языка. Однако эти расхождения во взглядах между представителями разных фонологических школ не следует преувеличивать: несмотря на существенные разногласия в теоретических установках сторонники разных школ при решении вопросов, связанных с определением состава фонем языка, приходят (за некоторыми редкими исключениями, лишь подтверждающими правило) к сходным результатам.

Приведем подсистему вокализма современного русского литературного языка (с характеристикой фонем по дифференциальным признакам) в том ее виде, в котором она представлена в описаниях разных влиятельных в русистике фонологических школ (табл. В.1). Такая модель с пятью фонемами принята в большинстве фонологических школ — Пражской (ПФШ), Московской (МФШ) и др.

Таблица В.1. Система гласных фонем (по ПФШ и МФШ)

Ряд \ Подъем	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	/i/		/u/
Средний	/e/		/o/
Нижний		/a/	

В Щербовской фонологической школе (ЩФШ) принята модель с шестью фонемами и с пересечением дифференциальных признаков ряда и лабиализованности. На наш взгляд, именно она более адекватно отражает звуковой строй русского языка (табл. В.2).

В рамках ЩФШ возможен вариант подсистемы вокализма с бинарным противопоставлением по признаку подъема (табл. В.3.).

Что касается состава согласных фонем, то здесь серьезных разногласий между современными ЩФШ, ПФШ и МФШ нет (табл. В.4).

Таблица В.2. Система гласных фонем (по ЩФШ)

Ряд	Подъем	Непередний	
	Передний		
Верхний	/i/	/ы/	/u/
Средний	/e/		/o/
Нижний		/a/	
		Нелабиализованные	Лабиализованные

Таблица В.3. Система гласных фонем с бинарным противопоставлением по подъему

Ряд	Подъем	Непередний	
	Передний		
Верхний	/i/	/ы/	/u/
Неверхний	/e/	/a/	/o/
		Нелабиализованные	Лабиализованные

Таблица В.4. Система согласных фонем (по ЩФШ)

Способ образования		Место образования				
		Губные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные
			Одно-фокусные («нешипящие»)	Двух-фокусные («шипящие»)		
Шумные	Взрывные	pp' bb'	t t' d d'		k k' g g'	
	Аффрикаты		с	щ'		
	Щелевые	f f' v v'	s s' z z'	š š': ž (ž':)	x x'	
Сонанты	Взрывные	m m'	n n'			
	Щелевые		l l'	j		
	Дрожжющие		r r'			

Когда лингвист устанавливает состав фонем конкретного языка, он сталкивается с проблемой неоднородности речевого потока. Эта

неоднородность проявляется в том, что в связной спонтанной речи, которая является наиболее естественным представителем устной формы речи и, соответственно, объектом фонетического исследования, чередуются сегменты, характеризующиеся разными типами произнесения. Одни сегменты воспринимаются носителями языка с опорой прежде всего на акустические свойства речевого потока, для восприятия других только фонетических характеристик оказывается недостаточно, поэтому они могут быть восприняты и адекватно интерпретированы благодаря контексту и ситуации общения. В соответствии с этим принято различать два типа произнесения — полный и неполный¹⁷.

Полный тип произнесения — это такой способ реализации фонем в потоке речи, который позволяет носителю языка на уровне восприятия однозначно определить, какие фонемы образуют данный отрезок речевого потока, опираясь только на акустические ключи и не прибегая к дополнительным источникам информации, например к информации морфологической, и широкому смысловому контексту.

Неполный тип произнесения — способ реализации фонем в потоке речи, который не позволяет однозначно воспринять и опознать ее только с помощью акустической информации, а значит, идентифицировать ее фонемный состав. Если какая-то часть словоформы реализуется в неполном типе произнесения, то фонемный состав словоформы реконструируется слушающим с использованием дополнительной (морфологической, семантической и т. п.) информации.

Противопоставление полного и неполного типов произнесения с точки зрения фонологического аспекта носит принципиальный характер. Фонемный состав сегментов полного типа произнесения всегда может быть интерпретирован носителем языка однозначно, а сегменты неполного типа произнесения не поддаются однозначной фонемной интерпретации. При этом только полный тип отражает фонемную модель словоформы. Соответственно, различие полного и неполного типов произнесения относится не столько к характеристике фразы или части фразы, сколько к фонемам и особенностям их реализации.

---

¹⁷ О типах произнесения и их отличии от стилей произношения см. в кн.: *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. и др.* Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.

Некоторые фонетисты наряду с полным и неполным выделяют также **сверхполный** тип произнесения. К сверхполному типу можно отнести скандирующее произношение (ср. ['šaj-'b^ou] *Шай-бу!*, ['ra-'s'i-'j'a] *Ро-сси-я!*, ['ma-'la-'tci] *Мо-ло-дцы!* и т. п.), некоторые виды декламации стихов, классическое (оперное и камерное) пение. В разговорном стиле сверхполный тип часто используется для акцентирования каких-то участков речи, которые необходимо выделить в смысловом отношении (малоупотребительные, незнакомые собеседнику слова, разного рода уточнения, оценочные слова и т. п.), в частности тогда, когда говорящий обращается к удаленному собеседнику¹⁸.

Реальный речевой поток представляет собой постоянное чередование отрезков, соответствующих разным типам произнесения. Ср., например, фразы *Я тебе сказал: ни-ко-гда!* /'ja t'i'b^e ska'zal || n'ikagda||/ → [j-a 't^sie skl'zał || 'n'i-'ka-'gda||]. В фонетической транскрипции одной чертой подчеркнуты отрезки, соответствующие неполному типу произнесения (транскрипция, конечно, очень условная), а двумя чертами — сверхполному типу. Таким образом, при установлении состава фонем языка и определении цепочки фонем в конкретной фразе можно использовать речевые отрезки только полного типа произнесения.

Звуковые оболочки словоформ хранятся в лексиконе носителя языка в виде последовательностей фонем. Соответственно, морфологическая система языка и вся грамматика в целом базируются на звуковых оболочках словоформ, представленных в виде цепочек фонем, поэтому описание грамматики (например, представление парадигм склонения и спряжения, морфемной структуры словоформы и т. п.) опирается на полный тип произнесения. Разумеется, полный тип произнесения лежит в основе описания и звукового строя языка, так как неполный тип характеризуется фонологической неопределенностью и тем самым оказывается непригодным для фонологического анализа.

Сказанное имеет непосредственное отношение к теории русского письма, так как принципы буквенного отражения на письме фонемного состава русских словоформ, т. е. все правила графики

¹⁸ Сверхполный тип произнесения может передаваться на письме с помощью особых графических средств: ср. «*Антропка! Антропка-а-а!*...» — кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог (И. Тургенев. Певцы).

и орфографии, базируются именно на полном типе произнесения словоформ.

§ 5. Письмо и орфоэпическая норма

Различие между полным и неполным типами произнесения — не единственный вид вариативности, которую нужно иметь в виду, когда мы говорим о передаче звуковой речи на письмо.

Носители литературного языка и нормативного произношения не говорят одинаково во всех случаях общения. Небрежное произнесение, допустимое в непринужденном общении, оказывается неприемлемым в официальной речи, которая предъявляет более высокие требования к четкости, тщательности артикуляции. И наоборот, слишком отчетливая, замедленная речь, характерная для публичных выступлений, в спонтанном бытовом диалоге может производить комический эффект или восприниматься как менторская и даже издевательская по отношению к собеседнику.

Стилей произношения (в отличие от типов произнесения) много, они плавно перетекают один в другой, и установить четкие границы между ними практически невозможно. На крайних точках стилового континуума находятся, с одной стороны, подготовленная, официальная, монологическая речь (например, выступление с докладом на торжественном заседании, декламация стихов со сцены), а с другой — спонтанная, непринужденная, диалогическая (например, обсуждение результатов только что закончившегося футбольного матча в кругу близких друзей). Между ними располагаются разновидности речи, которые характеризуются другими сочетаниями дифференциальных признаков (например, спонтанная, непринужденная, монологическая речь). Из общих соображений в рамках русского литературного языка обычно выделяют три произносительных стиля: **торжественно-официальный** (высокий), **нейтральный** (средний) и **разговорный** (разговорно-фамильярный). За пределами литературного языка лежит **просторечно-вульгарный стиль** произношения, для которого характерно, в частности, выделение, подчеркивание, «высветление» редуцированных форм, свойственных разговорному стилю в беглой речи (ср. тщательное произношение [ˈskolʲkə] вм. [ˈskokə] *сколько*, [gəvʌˈrit] вм. [ˈgrʲit] *говорит*, [ˈzdrasʲtʲi] *здравствуйте*, [ˈkosʲtʲ] вм. [ˈkosʲ] *кость*, [təˈskatʲ] *так*

сказать и т.п.). Торжественно-официальный стиль по сравнению с нейтральным характеризуется большей тщательностью артикуляции звуков и громкостью, но меньшим темпом речи, а также максимально четким членением речевого потока на синтагмы. Наоборот, разговорному стилю присущи меньшая тщательность произношения, пониженная громкость, убыстренный темп речи и нечеткость синтагматического членения. Нейтральный стиль лишен специфической стилистической окраски и в целом приемлем для любой ситуации общения. Так, он обычно используется преподавателем вуза при чтении лекций или учителем во время проведения урока в школе, при передаче новостей по радио и на телевидении.

Большинство современных лингвистов при описании фонетической системы русского языка выбирает нейтральный стиль. Р.И. Аванесов выделяет внутри нейтрального стиля две разновидности — *строгую* (сценическое произношение) и *свободную* (менее нормированную) — и основной при описании и изучении литературного произношения считает строгую разновидность нейтрального стиля¹⁹.

Вариативность литературного произношения изучается в специальном разделе фонетики — орфоэпии (греч. ὀρθοέπεια ‘правильная речь’ от ὀρθός ‘правильный’ и ἔπος ‘речь’). Орфоэпия на основании этого изучения устанавливает границы подобного варьирования и кодифицирует нормы литературного произношения, а также дает произносительные рекомендации. Произношение, соответствующее нормам литературного языка, называется орфоэпическим. Принципы и правила письма, его графики и орфографии опираются исключительно на орфоэпическое произношение. Так, в словоформе *плачу́* написание корневого *а* является орфограммой: выбор буквы *а*, а не *о* определяется в соответствии с морфологическим принципом орфографии тем, что под ударением в том же корне пишется *а* (*пла́тишь*). Проверка приведет к правильному написанию только в том случае, если мы ориентируемся на орфоэпическое произношение *пла́тишь*, а не *плóтишь*, где корневой гласный оказывается под ударением. Написание *текёт* в соответствии с нелитературным (просторечным) произношением /t'ikot/ не будет содержать ни орфографической (т. к. обе орфограммы *е* и второе *т*

¹⁹ Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1972. С. 21–22.

написаны правильно, написание **ч** или **к** не является орфограммой), ни графической (поскольку к соответствует правилам русской графики) ошибки. Ошибка здесь только орфоэпическая.

Произносительные правила и нормы бывают двух типов — орфоэпические и орфофонические. Орфоэпические правила устанавливают фонемный состав конкретных словоформ (напр., *течѐт* /t'ičot/, а не *текѐт* /t'ikot/), а орфофонические — реализации фонем в разных фонетических позициях (напр., *час* /čas/ → [čas] с мягкой аффрикатой, а не с твердой; *вода* /vadá/ → [vldá] с [ʌ] в первом предударном слоге, а не [vʔdá] с [ʔ], который нормативен во втором предударном — [vʔdlvós] *водовоз*). Таким образом, /t'ikot/ → [t'ikót] содержит орфоэпическую ошибку, а /t'ičot/ → [t'ičót] (с твердым [č]) — орфофоническую. Орфоэпические варианты и ошибки в принципе могут отражаться на письме: ср. *скушно*, *мылся*, *твердый*, *что*, *дождь*, *ходят* (старопетербургский вариант: /'skučna/, /'myls'a/, /'tvordyj/, /čto/, /došt'/, /'hod'at/) — «скушно», «мылса», «твёрдай», «што», «доць», «ходят» (старомосковский вариант: /'skušna/, /'mylsa/, /'tvordaj/, /što/, /doš':/, /'hod'ut/); *несу* (литературное иканье: /n'isú/) — *нису* (диалектное иканье: /n'isú/²⁰) — «нясу» (южнорусское яканье: /nású/) и т. п.; орфофонические — не отражаются (за редкими исключениями, связанными с **ограничениями слогового принципа графики**: ср. *чэстный, *течот).

Место ударения также входит в сферу орфоэпии, а ошибка в месте ударения рассматривается как орфоэпическая (ср. *магазин*, а не *магáзин). Некоторые лингвисты к ведению орфоэпии относят образование вариантов грамматических форм слов (*бухгалтеры*, а не *бухгалтерá), потому что вариативность форм часто сопровождается изменением места ударения в словоформе.

Основные орфоэпические нормы современного русского литературного языка сформировались к середине XVII в. как особенности московского говора, который лег в основу литературного языка. На протяжении XVIII — первой половины XX в. эти нормы приобрели современный вид в результате взаимодействия старо-

²⁰ Ср. в рассказе И. Тургенева «Певцы»: — *А затем, что тебя тятя высечь хочи-и-и-т, — поспешно прокричал первый голос.* — Слово *хочет* произносится мальчиком в соответствии со сверхполным типом (кричит издали) и отражает диалектное иканье, характерное для курско-орловской группы говоров южнорусского наречия, что подчеркнуто отклонением от орфографической нормы.

московского и старопетербургского произношений. Петербургский вариант формировался в ином диалектном окружении — северо-западных русских говоров. Кроме того, считается, что старопетербургское произношение подвергалось более сильному воздействию со стороны написания. В настоящее время различия между московским и петербургским произношением в основном стерлись.

Рекомендуемая литература

- Гельб И. Е.* Письмо как система знаков // *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. Основы грамматиологии. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 13–33.
- Дьяконов И. М.* Письмо // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 339–344.
- Зиндер Л. Р.* Звуковой язык и письменный язык // *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 22–43.
- Зиндер Л. Р.* Функция языка и форма его существования // *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 7–21.
- Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 20–61.

Глава I

СИСТЕМА И УПОТРЕБЛЕНИЕ БУКВ РУССКОГО АЛФАВИТА

§ 1. Аспекты письма

В связи с тем, что письмо как система фиксации речи, и прежде всего буквенно-звуковое письмо, каковым является русское, так или иначе передает звуковые единицы, обычно различают следующие аспекты письма: алфавит, графику, орфографию, тип письма. Применительно к русскому письму три аспекта письма — алфавит, графику и орфографию — впервые четко разграничил И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он определил их следующим образом:

«1. *Русский алфавит*, или русская азбука, т. е. описание и всесторонняя характеристика элементов писанно-зрительного материала, связанного потенциально с элементами произносительно-слуховыми, но еще без определенных частных ассоциаций <...>.

2. *Русская графика*. Связь писанно-зрительных элементов с элементами только произносительно-слуховыми, в отвлечении от ассоциаций с представлениями морфологическими и семасиологическими.

3. *Русская орфография*, или правописание в тесном смысле этого слова. Связь писанно-зрительных представлений не только с представлениями произносительно-слуховыми, но тоже с представлениями морфологическими и семасиологическими»¹.

Итак, по Бодуэну де Куртенэ, **алфавит** представляет собой упорядоченную совокупность основных единиц письма, т. е. букв, имеющих потенциальную связь с фонемами, но без указания на конкретное звуковое (фонемное) значение каждой из них. **Графика** как аспект письма устанавливает прямое соотношение алфавита с системой фонем (т. е. связывает конкретные буквы алфавита

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 221.

с конкретными фонемами языка), а также принципы и правила обозначения буквами алфавита (графемами) фонем и их сочетаний, но безотносительно к конкретным словам и морфемам. **Орфография** определяет принципы и правила употребления букв алфавита в конкретных морфемах, группах морфем и словоформах.

Таким образом, если алфавит, по Бодуэну де Куртенэ, связан с системой фонем лишь потенциально, а графика устанавливает связь между конкретными буквами алфавита (графемами) и фонемами, то орфография, основываясь на отношениях между графемами и фонемами, закрепленными графикой, обращена к смысловой стороне языка, имеет дело с его значимыми единицами — морфемой и словом, и определяет звуковые (фонемные) значения графем в конкретных словоформах.

Однако не всякая письменность нуждается в алфавите, а тем более в графике и орфографии, как они определены И. А. Бодуэном де Куртенэ. Это станет ясным, если учесть еще один важный аспект письма, не выделенный исследователем в процитированной работе, а именно **тип письма**. Тип письма определяется тем, какие языковые единицы передаются его основными знаками. Понятно, что если знаки письма (как, например, китайские иероглифы) обозначают значимые единицы языка целиком (например, слова или морфемы с их значениями), то такое письмо не нуждается в алфавите, если под последним понимать совокупность графических знаков, обозначающих фонемы, из которых состоят звуковые оболочки слов и морфем (как в греческой, латинской или русской письменности). Китайская иероглифика и русское алфавитное письмо, таким образом, относятся к принципиально разным типам. И дело здесь не во внешнем облике самих графических знаков (китайских иероглифов и кириллических букв), которые, конечно, мало похожи по начертанию и стилистически, а в том, какие единицы китайского и русского языков обозначаются знаками китайского и русского письма.

§ 2. Типы письма

Итак, в своей основе современное русское письмо — письмо алфавитное, а буквы алфавита обозначают минимальные единицы плана выражения (фонемы), из которых состоят звуковые оболочки русских слов. Однако для того чтобы охарактеризовать русское письмо

с точки зрения его типа более полно, в частности выяснить, не используются ли в нем элементы других типов письма, необходимо коснуться вопроса о том, какие вообще бывают типы письма.

Как было сказано в предыдущем параграфе, тип письма определяется тем, какие именно языковые единицы (слова, морфемы, слоги, фонемы) передаются основными графическими знаками. При этом следует иметь в виду, что лингвистическая терминология, связанная с типами письма, довольно запутанна. Попытки привести ее к унификации приводят к еще большему нагромождению терминов, что будет видно из дальнейшего изложения.

Традиционно различают следующие типы письма: пиктографическое (оно же рисуночное), идеографическое (оно же словесное, или словесно-слоговое, или иероглифическое), буквенно-звуковое² (оно же алфавитное) с двумя разновидностями — слоговое и собственно буквенно-звуковое. Буквенно-звуковое письмо иногда подразделяют на консонантно-звуковое³, в котором обозначены только согласные, и вокализированно-звуковое, в котором отдельными письменными знаками обозначаются как согласные, так и гласные звуки. Именно в таком порядке появлялись эти типы письма в истории человечества.

Пиктографическому письму исторически предшествовало примитивное средство передачи информации на расстоянии — так называемое предметное письмо, которое, строго говоря, письмом, конечно, не является. Для передачи информации в нем использовались даже не изображения в виде рисунков и тем более не начертательные знаки, а непосредственно предметы, выступающие в качестве знаков, — оливковая ветвь или белый флаг (знак примирения), черная метка или веревка (знак угрозы, предупреждение) и т. п.

В пиктографии определенное сообщение передавалось уже при помощи сочетаний более или менее схематичных рисунков, обозначающих предметы (например, древние наскальные рисунки и граффити). Однако между предметным и пиктографическим письмом все-таки еще нет четкой границы, так как с точки зрения способа

---

² Отметим, что более точным было бы называть буквенно-звуковое письмо буквенно-фонемным, так как, строго говоря, буквы обозначают фонемы, а не просто звуки во всем их артикуляционно-акустическом разнообразии (другими словами — варианты, оттенки, аллофоны фонем).

³ Впрочем, в настоящее время существование разновидности письма, которое называли консонантно-звуковым, подвергается сомнению (см. с. 66).

передачи информации принципиальное различие между предметом и его изображением на другом предмете отсутствует. Различие между предметным и рисуночным письмом чисто техническое: при использовании в качестве графического средства передачи информации рисунок, в отличие от предмета, относительно легко подвергается все большей схематизации, в конечном счете превращаясь в условный графический символ какого-либо языкового значения. Но по существу рисунок, как и предмет в предметном письме, отражает лишь общую идею сообщения, его общее содержание, но не значения языковых единиц, при помощи которых это содержание может быть передано средствами устной речи.

Рисунки, используемые в пиктографическом письме как средство для передачи информации, называются **пиктограммами** (от лат. *pictus* 'нарисованный' и греч. *υράμμα* 'запись, письмо'). Поскольку пиктограмма не привязана к конкретной языковой системе, а передает только общий смысл сообщения, она может быть понята носителями разных языков. В качестве примера пиктографии приведем письмо, написанное охотниками из Аляски, которое выглядит следующим образом⁴:

Информация, которая заключена в этом письме и которую можно примерно понять как «Два охотника ушли из жилища, потому что у них не осталось еды», передается при помощи нескольких последовательно нанесенных на кусочек дерева пиктограмм, обозначающих компоненты содержания:

- 1) 'каное с двумя охотниками, владельцами лодки';
- 2) 'ничего нет (человек, раскинувший руки в жесте отрицания)';
- 3) 'еда (одна рука человека подносит еду ко рту, другая указывает на жилище)';
- 4) 'жилище охотников'.

⁴ Использован пример из кн.: Гельб И.Е. Опыт изучения письма. Основы грамматиологии. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 42–43.

Пиктограммы еще не образуют систему условных графических знаков, связанных с единицами языка, что характерно для собственно письма, будь то идеографическое или буквенно-звуковое письмо. Граница между рисунком как художественным самовыражением и пиктограммой как средством передачи некоторых смыслов заключается в том, что пиктограмма представляла собой условный схематизированный знак, предназначенный для передачи определенного значения, причем знак, понятный адресату или адресатам сообщения. На определенном этапе пиктограмма превращается в логограмму, а пиктографическое (рисуночное) письмо становится идеографическим (логографическим). Этот постепенный процесс превращения рисунка в пиктограмму и, соответственно, пиктографии в идеографию является внутренним системным процессом, который затрагивает отношения между знаками письма и языковыми единицами. Этот процесс отражается во все большей схематизации рисунка лишь внешне, поэтому сама по себе узнаваемость исходного изображения еще не говорит о том, что перед нами пиктографическое письмо. В качестве примера можно привести логограммы со значением 'бык' в древних системах идеографического, т. е. словесного (уже не пиктографического!) письма, еще не утратившие связь с условными рисуночными знаками, которые лежат в их основе: шумерское , египетское , хеттское , китайское . Эти графические знаки принадлежат уже достаточно развитым идеографическим письменностям, хотя и сохраняют связь с рисунками, которые в конечном счете лежат в их основе. Являясь логограммами, они, в сущности, имеют мало общего с приведенными выше пиктограммами из письма аляскинских охотников.

Таким образом, пиктограммы (отдельные рисунки) в процессе постепенной схематизации могли преобразовываться в знаки идеографического письма — идеограммы (логограммы), иероглифы, клинописные знаки, превращаясь тем самым в знаки идеографического письма. Этот процесс схематизации изображения может быть проиллюстрирован изменением китайского иероглифа *шн* 'стрела', который по своему начертанию все больше отличался от рисунка стрелы: ср. → → . Еще один пример — развитие шумерского рисуночного знака (пиктограммы) в клинописный знак (иероглиф): → → → 'рыба'. Еще раз подчеркнем, что превращение пиктограммы в логограмму представляло собой не просто внешнее изменение начертания в направлении большей условности изо-

бражения, его схематизации. Сама схематизация была следствием и проявлением того, что условное изображение закреплялось за определенной единицей языка — словом (и комплексом связанных лексических значений), т. е. пиктограмма становилась знаком собственно письма — идеограммой (логограммой). Таким образом, схематизация изображения и его закрепление за конкретной значимой единицей языка связаны между собой, но ведущую роль в этом процессе, несомненно, играла семантика, т. е. установление устойчивой связи между знаком письма и знаком языка — словом с присущим ему комплексом значений и звучанием в данном конкретном языке (диалекте).

Скажем несколько слов о терминах, которые используются в грамматологии для определения знаков идеографического (словесного) письма. По аналогии с пиктограммой — знаком пиктографического письма, единицу идеографического письма следовало бы называть **идеограммой** (от греч. *idéa* ‘идея, образ’ и *у́ра́цца* ‘рисунок’). Однако более подходящим, возможно, является термин **логограмма** (от греч. *λόγος* ‘слово’ и *у́ра́цца* ‘рисунок’), внутренняя форма которого подчеркивает, что при помощи основной единицы идеографического письма обозначается прежде всего **слово** конкретного языка, а идеографическое письмо с лингвистической точки зрения фактически является словесным. Если термин «логограмма» подчеркивает связь графической единицы с обозначаемой ею языковой единицей (словом), то использование термина «идеограмма» в значительной степени оправдывается тем, что он отсылает к значению слова, обозначаемого идеограммой, к его «идее, образу», так как в идеографическом/словесном письме графическая единица может обозначать сразу несколько семантически связанных друг с другом слов.

В качестве названия единиц идеографического письма используется еще один термин — «иероглиф» (от греч. *ἱερός* ‘священный’ и *γλύφω* ‘вырезаю’). Иероглифы — это, как правило, графические знаки разных типов письма (но прежде всего идеографического), которые используются для передачи разных языковых единиц — слов, морфем, слогов и звуков. Термин «иероглиф» характеризует графический знак прежде всего с внешней стороны, подчеркивая его отличие от единиц алфавитных письменностей — букв. Иероглифы как знаки идеографического письма могут быть как логограммами, обозначающими конкретные слова, так и собственно идеограммами,

которые могут обозначать группу семантически связанных слов, но, кроме того, они могут иметь и собственно фонетическое (слоговое) значение. Первоначально иероглифами называли письменные знаки вполне конкретной письменности — древнеегипетского словесно-слогового письма, но в настоящее время термин обычно употребляется в отношении знаков китайского письма — самой древней из до сих пор используемых систем письма, а также восходящих к ним знаков других письменностей (корейской, японской и др.).

Иероглифами фактически были и **клинописные знаки**, хотя обычно их так не называют. Таким образом, клинописный знак — еще один термин, используемый при описании знаков идеографического письма и характеризующий их с внешней стороны. Клинопись — это особая форма письма, в которой графические знаки по своему начертанию представляют собой комбинацию клинообразных штрихов. Тексты, записанные клинописью, дошли до нас на глиняных табличках, на которые клинописные письменные знаки наносились, когда глина была еще мягкой, специальными палочками, чем и объясняется особая форма штрихов.

Древнейшей известной системой письма была шумерская клинопись (самая ранняя табличка датируется 3500 г. до н. э.). Выше был приведен шумерский клинописный знак (иероглиф) 'рыба', восходящий к условному рисуночному знаку . К шумерской клинописи восходят более поздние клинописные системы. Известные науке системы клинописи по типу письма являются словесно-слоговыми, т. е. относятся к идеографическому письму. Так, знаки ассирийской клинописи, передавая ассоциативно связанные понятия, с собственно лингвистической точки зрения являются идеограммами (или логограммами): ср. 'солнце, день', 'зерно, злак', 'пахать'.

Система письма, знаками которой являются иероглифы, называется иероглифической. Таким образом, **иероглифическое письмо (иероглифика)** — еще один термин, обозначающий идеографическое письмо. В одной и той же иероглифической письменности иероглифы могут обозначать: 1) слова или морфемы (понятия); 2) детерминативы, уточняющие понимание слов в тексте; 3) отдельные слоги, т. е. иметь фонетическое значение (что особенно важно для передачи заимствованных слов). Подобный тип письма называется словесно-слоговым. Типичным примером иероглифики является современное китайское письмо. В древности такое письмо было распространено у народов Египта, Месопотамии и др.

Пиктограмма как знак, передающий некий элемент смысла в пиктографическом письме, совсем не привязана к конкретной языковой системе, поэтому переданное таким способом сообщение, в сущности, может быть «прочитано», т. е. «озвучено» и «понято» на любом языке (см., например, приведенное выше письмо американских индейцев). Если понимать письменность как фиксацию человеческой речи (и соответственно, языковых единиц), а не просто как обозначение общего содержания сообщения, то необходимо признать: ни предметное письмо, ни пиктографию не следует считать собственно письмом. Некоторые ученые трактуют пиктографию как предписьменность, или протописьмо.

Таким образом, пиктографическое письмо как внеязыковая знаковая система представляет собой этап предыстории письма, следующий после предметного. Сообщение, переданное посредством пиктограмм (рисунков), которые непосредственно не обозначают языковых единиц, может быть прочитано и понято на любом языке. Собственно же письмо фиксирует звучание (звуковую оболочку языковых единиц), а через него — языковое значение, тем самым оно привязано к конкретной языковой системе и ее единицам (фонемам и их сочетаниям, морфемам и словоформам, слогоморфемам). К собственно письму относятся такие системы письма, в которых графическими знаками так или иначе передается план выражения языковых единиц. Соответственно, к типам собственно письма целесообразно относить идеографическое (оно же словесное, или словесно-слоговое) и буквенно-звуковое (алфавитное) с возможным подразделением на буквенно-слоговое и собственно буквенно-звуковое, отделив от них предметное письмо и пиктографию как стадии предписьма.

Что же касается идеографического (словесного) письма, которое в процессе исторического развития формируется на базе пиктографии, то здесь ситуация несколько иная. Поскольку идеограмма (логограмма) не просто обозначает квант информации, а связана непосредственно с передачей языковой единицы — слова, то тем самым она передает не только его значение, но и звучание в данном языке (диалекте). Таким образом, план содержания и план выражения в идеограмме нераздельны. Диалекты китайского языка, носители которых пользуются одним иероглифическим письмом, очень сильно отличаются друг от друга в фонетическом отношении — до такой степени, что взаимопонимание между ними практически

невозможно. При этом текст, записанный знаками китайского иероглифического письма, будет понятен грамотным носителям разных китайских диалектов, поскольку китайские иероглифы являются прежде всего логограммами, т. е. обозначают слова или семантически связанные друг с другом несколько слов. Произношение же этих слов, т. е. чтение иероглифов носителями разных диалектов, будет различным. То же самое имеет место в случае использования китайского иероглифического письма японцами и корейцами, чьи языки не имеют ничего общего с китайским.

Однако нельзя сказать, что логограмма словесного письма вообще не связана с планом выражения обозначаемой языковой единицы, подобно пиктограмме в рисуночном письме. Такая связь имеется, причем вполне определенная, но эта связь специфична для каждого конкретного языка или диалекта, пользующегося данным словесным письмом. В конце концов и в буквенно-звуковом письме типа русского, в котором, казалось бы, знаки письма прямо предназначены для передачи единиц плана выражения — фонем, мы наблюдаем сходные явления, хотя, может быть, не столь ярко выраженные. Так, словоформа *голов* (род. мн. существительного *голова*) произносится носителями разных русских диалектов либо как [gl'lof] (литературное произношение), либо как [ɣl'low] (южнорусский говор с аканьем, фрикативным [ɣ] и губно-губным [w]), либо как [go'low] (севернорусского говора с оканьем и губно-губным [w]). Если рассматривать современную русскую орфографию с точки зрения фонетической системы каждого отдельного диалекта, то соотношение букв и звуков будет для каждого из них специфичным. Единая система письма, которая опирается на литературное произношение, объединяет диалекты одного языка и в конечном счете объединяет нацию. Это справедливо как для китайской языковой ситуации, так и для русской. Все попытки создания китайского письма на латинской основе взамен традиционного идеографического письма были заранее обречены на неудачу не только потому, что для фонологической системы китайского языка и его диалектов идеографическое письмо подходит, может быть, лучше, чем буквенно-звуковое, но прежде всего по политическим причинам — для того, чтобы не провоцировать местный сепаратизм.

Итак, собственно письмо с двумя его основными разновидностями, или типами, — идеографическим (= словесным, которое в дошедших до нас письменностях фактически выступает как сло-

весно-слоговое) и буквенно-звуковым (= алфавитным) — привязано к конкретной языковой системе, а знаки письма (логограммы/идеограммы/иероглифы в первом, графемы/буквы — во втором) обозначают единицы этой языковой системы (слова — в первом случае, фонемы — во втором). Именно связь системы письма с системой конкретного языка приводит к тому, что знаки письма и их сочетания передают план выражения («звучание») языковых единиц. В буквенно-звуковом письме это происходит непосредственно через обозначение фонем буквами алфавита, а в идеографическом письме одновременно с языковым значением и в какой-то степени через него, так как знаки идеографического письма — логограммы — исторически возникали из рисунков, которые передавали исключительно смысл сообщения, т. е. компоненты «значения», а не «звучание». Таким образом, звуковую сторону языков каждый их этих типов письма передает по-разному.

В сущности, Ф. де Соссюр был прав, когда писал, что существует всего два типа (системы) письма:

«1. Идеографическое письмо, при котором слово изображается одним знаком, не зависящим от звуков, входящих в его состав. Этот знак представляет слово в целом и тем самым выражаемое им понятие <...>.

2. Система, обычно называемая “фонетической”, стремящаяся воспроизвести звуковую цепочку, представляющую слово. Фонетические системы письма бывают то слоговыми, то буквенными <...>»⁵.

В идеале тип должен соответствовать звуковому строю языка. Для языков, в которых основной единицей является фонема, больше подходит буквенно-звуковое письмо, т. е. такое, где буквы алфавита обозначают фонемы. Для языков, где основная звуковая единица — слог, который всегда совпадает со словом (или морфемой)⁶, удобно

⁵ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 64.

⁶ В слоговых языках слоги (слогоморфемы) членятся на составные части, называемые инициалью и финалью, но они функционально не похожи на фонемы языков другого типа (см. об этом: Гордина М. В. О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966. С. 172–183). Основное различие следующее: фонема в неслоговых (фонемных) языках является парадигматической единицей, а слог представляет собой сочетание фонем, в то время как в слоговых языках главной парадигматической единицей являются не инициали и финали, которые

идеографическое (словесное) письмо. Если идеографическое письмо в силу каких-либо исторических обстоятельств заимствуется для фонемного языка, то в процессе его использования обычно выясняется, что оно не очень хорошо гармонирует с его звуковым и грамматическим строем. В таком случае, даже несмотря на, возможно, уже сложившуюся длительную традицию использования заимствованного письма, следует ожидать попыток создания собственного буквенно-звукового письма, более подходящего для такого языка. Подобная ситуация имела место в Корее и Японии, где для фонемных корейского и японского языков возникли собственные системы буквенно-звукового (алфавитного) письма. Так, японцы начали пользоваться китайской иероглификой в V в., причем китайские иероглифы имели такое же значение, как в китайском, но читались (т. е. произносились) по-японски. В силу очень больших различий между фонологическими и морфологическими системами китайского и японского языков китайское письмо совсем не подходило для японского языка. Сначала для обозначения того, что не могло быть обозначено китайскими иероглифами (например, для морфологических показателей), использовались китайские же иероглифы, но не по значению, а по звучанию. Так появилась **манъёгана** — ранняя система японского письма. Начиная с IX в. на основе манъёганы в Японии стала развиваться система уже собственно японских слоговых знаков — **канá**, существующая в двух разновидностях (**катакана** и **хирáкана**) и представляющая собой алфавит из 46 базовых слоговых знаков. Похожая ситуация была и в Корее, где для записи текстов на корейском языке с VII в. использовались **ханчá** — китайские иероглифы, читавшиеся по-корейски, а позднее (после X в.) появилось письмо **күгёль** — аналог японской манъёганы. В середине XV в. (1443–1446 гг.) коллективными усилиями корейских филологов создается оригинальный алфавит — **хангыль**, хорошо приспособленный для передачи фонологической системы корейского языка. И японский, и корейский алфавиты — это уже не идеографическое письмо, а буквенно-звуковое слогового (буквенно-слогового) типа, где знаки алфавита обозначают фонемы и сочетания фонем.

В языках, для которых хорошо подходит идеографическое (словесное) письмо, например китайском, слово как языковая единица

выделяются только на синтагматическом уровне, а именно слог. Таким образом, функционально фонема неслоговых языков соответствует слогу, а не инициалам и финалям слоговых языков.

грамматически не противопоставлено (или слабо противопоставлено) морфеме⁷, а фонетически совпадает со слогом (одно слов/морфема = один слог). Постоянное совпадение морфемных и слоговых границ в таких языках, как китайский, вьетнамский, бирманский и некоторых других, приводит к тому, что слоги в них не членятся на фонемы, поэтому минимальной фонологической единицей таких языков является слог, точнее — учитывая его совпадение с морфемой — слогоморфемой. Языки такого звукового строя называют слоговыми, или слогоморфемными, в отличие от фонемных языков, в которых минимальной функциональной единицей звукового строя является фонема⁸. Соответственно, в китайском идеографическом письме графический знак (иероглиф) передает звучание и значение слогоморфемы. В чистом виде словесное письмо практически не встречается: известные идеографические (иероглифические) письменности, как правило, являются **словесно-слоговыми** (для уточнения звучания слова к иероглифу может прибавляться **силлабограмма**). Поскольку в китайском языке фонемы как минимальные единицы плана выражения отсутствуют, буквенно-звуковое письмо, знаки которого предназначены для передачи фонем, не очень подходит для этого языка. Это обстоятельство обрекало на неуспех всякие попытки заменить китайское идеографическое (словесно-слоговое) письмо каким-нибудь буквенно-звуковым (алфавитным)⁹. К этому лингвистическому фактору следует добавить и социолингвистический (а в сущности, и политический): идеографическое письмо дает возможность общаться с его помощью грамотным носителям многочисленных и мало похожих друг на друга диалектов китайского языка и тем самым способствует консолидации нации и препятствует центробежным тенденциям в китайском обществе.

⁷ Языки, в которых слова состоят из одной морфемы, называют изолирующими, или аморфными (многие языки Юго-Восточной Азии).

⁸ Слоговые языки отличаются от неслоговых (фонемных) тем, что в них нет морфем, которые были бы меньше слога, и тем, что в них невозможна морфемная граница внутри слога (подробнее об этом см.: *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. С. 118–121).

⁹ Впрочем, пример перехода вьетнамского языка, который, как и китайский, является слоговым, с китайской иероглифики на латинский алфавит показывает, что этот фактор не является непреодолимым, поскольку слогоморфема в слоговых языках может морфологически члениться, например на инициаль и финаль, хотя функционально их нельзя полностью приравнять к таким единицам, как фонемы или морфемы в фонемных языках.

Конечно, было бы преувеличением считать, что для слогового языка в принципе невозможно создание буквенно-звуковое письмо. Для слогового вьетнамского языка такое письмо — **куокнги** — было составлено на базе латинского алфавита и официально введено французскими колониальными властями в начале XX в. Первоначально для записи текстов на вьетнамском языке использовалось китайское иероглифическое письмо, которое появилось во Вьетнаме еще до н. э., но постепенно оно было дополнено вьетнамскими иероглифами — для приспособления к строю вьетнамского языка. В результате к XIII в. оформилось вьетнамское иероглифическое письмо **ты-ном**, которое сосуществовало наряду с классической китайской иероглификой, пока к середине XX в. не было полностью вытеснено алфавитным письмом куокнги, в основе которого лежала система транскрипции вьетнамских слов, использовавшаяся европейскими миссионерами в XVII в. В настоящее время куокнги — единственная система письма во Вьетнаме. Поскольку вьетнамский язык является слоговым (причем каждый из слогов равен морфеме, а морфемные и слоговые границы совпадают, и, соответственно, отсутствуют фонологические единицы, функционально тождественные фонемам фонемных языков) и тоновым (в нем имеется 6 тонов)¹⁰, то для обозначения частей вьетнамских слогов и тонов буквами латинского алфавита в куокнги широко применяются диграфы и надстрочные знаки, причем одна буква может иметь несколько диакритических знаков. Все это издержки того, что алфавитное (буквенно-звуковое) письмо, предназначенное для обозначения фонем, используется для передачи звуковых оболочек значимых единиц слогового языка, в звуковом строе которого отсутствуют единицы, функционально равные фонемам неслоговых языков.

Тип письма, который называют слоговым, или, точнее, **буквенно-слоговым**, по сути является разновидностью буквенно-звукового письма (в широком смысле). В буквенно-слоговом письме буква, как правило, обозначает целый слог, фактически — сочетание фонем, составляющих один слог, а в буквенно-звуковом (в узком смысле) — фонему. Как буквенно-слоговое, так и буквенно-звуковое письмо характерны для неслоговых (фонемных) языков. Оба эти

¹⁰ Об особенностях фонологического строя вьетнамского языка см.: *Гордина М. В.* К вопросу о фонеме во вьетнамском языке // *Вопросы языкознания.* 1959. № 6. С. 103–109; *Гордина М. В., Быстров И. С.* Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука, 1984. С. 9–19.

типа письма противопоставлены идеографическому (словесному) и предполагают наличие алфавита.

Итак, буквенно-слоговое письмо является разновидностью буквенно-звукового в широком смысле, в котором графическими знаками (буквами) обозначаются минимальные сегментные единицы звукового строя — фонемы и их сочетания. Если в буквенно-слоговом письме графема передает сочетание фонем, то обычно это сочетание представляет собой сочетание согласного и следующего за ним гласного, т. е. открытый слог. Сам термин «буквенно-слоговое письмо» указывает на то, что знаки такого письма, обозначая, как правило, сочетание фонем, вместе с тем обозначают и слоги. Обе разновидности буквенно-звукового письма характерны для языков, где основной фонетической единицей является отдельный звук речи (фонема). Обычно типичным представителем буквенно-слогового письма считается древнеиндийское письмо *деванāгари* (скр. देवनागरी /devanāgarī/), где согласный и следующий за ним гласный, составляющие открытый слог, обозначаются одной сложной буквой. Ср.:

व = /va/, त = /ta/, क = /ka/;
 वा = /vā/, ता = /tā/, का = /kā/;
 वो = /vo/, तो = /to/, को = /ko/;
 वे = /ve/, ते = /te/, के = /ke/;
 वि = /vi/, ति = /ti/, कि = /ki/ и т. д.

Для гласных существуют, впрочем, отдельные буквы (ср. अ = /a/, आ = /ā/, ओ = /o/, ए = /e/, इ = /i/ и т. п.). Для обозначения согласного без следующего гласного к букве, передающей сочетание этого согласного с фонемой /a/, добавляется подстрочный диакритический знак (̣) — **вирāма** (ср. क = /ka/, но क̣ = /k/).

В мире существует много систем письма, в которых буквы обозначают именно слоги (прежде всего открытые), а не отдельные фонемы, составляющие эти слоги. Это относится не только к так называемым слоговым (как китайский) языкам, в которых слог (слогоморфема) не членится на фонемы, но и к фонемным, каковыми являются японский, корейский, санскрит и др. К слоговому финикийскому (западноевропейскому) письму восходит и греческий алфавит, в котором впервые в истории письма появились (и использовались сначала факультативно, а потом систематически) отдельные буквы для передачи гласных, что привело в конечном счете к обозначению

всех согласных и гласных фонем отдельными буквами. Греческое алфавитное письмо стало первым в истории письмом, в котором все фонемы передавались отдельными буквами. Его предшественником было финикийское слоговое письмо, в свою очередь восходящее к египетскому идеографическому (иероглифическому) письму.

Таким образом, если оставить в стороне предметное «письмо», история письма с точки зрения преемственности его типов в самом общем виде выглядит следующим образом: пиктографическое (как предписьменность, протописьмо) → идеографическое (иероглифическое) → слоговое → буквенно-звуковое (алфавитное) письмо в узком смысле.

В принципе, идеальна ситуация, когда тип письма, используемого в каком-либо языке, соответствует его фонологическому (и морфологическому) типу. Так, для греческого, латинского, славянских и многих других неслоговых (фонемных) языков больше подходит буквенно-звуковое (алфавитное) письмо. Для таких слоговых языков, как китайский, вьетнамский, бирманский и др., удобным является идеографическое (словесное) письмо. Если в силу каких-либо культурно-исторических обстоятельств фонемный язык заимствует идеографическое письмо, которое не вполне гармонирует с его звуковым строем, можно ожидать появления нового буквенно-звукового письма, которое заменяет традиционное идеографическое. Так произошло у корейцев и японцев, которые сначала заимствовали китайское иероглифическое письмо, а потом создали свои собственные алфавитные письменности, которые постепенно в значительной степени его вытеснили.

§ 3. Элементы идеографического и слогового письма в современном русском буквенно-звуковом письме

В одной письменности одновременно могут сосуществовать элементы разных типов письма, которые исторически сменяли друг друга. Так, известные системы идеографического (словесного) письма фактически являются словесно-слоговыми. В алфавитных письменностях, основанных на буквенно-звуковом письме, широко представлены элементы идеографического письма.

В современном русском письме, которое по своему типу является буквенно-звуковым, что предполагает наличие алфавита, также

имеются вкрапления идеографического (словесного) письма. Идеограммами (логограммами), в частности, являются арабские и римские цифры, математические символы =, + и др., а также знаки типа № 'номер', №№ 'номера', § 'параграф', §§ 'параграфы', ° 'градус', £ 'фунт стерлингов, британский фунт', ♀ 'женский пол', ♂ 'мужской пол' и т. п. Такие знаки передают не звуковой состав слова, а его значение или пучок ассоциативно связанных понятий, которые могут быть выражены разными словами. Так, текст +20 °С, записанный с помощью идеограмм (логограмм), передает содержание сообщения, но может быть прочитан (произнесен) по-разному: *плюс двадцать градусов по Цельсию*, или *плюс двадцать градусов Цельсия*, или даже *двадцать градусов выше нуля по Цельсию*, или *двадцать градусов тепла по Цельсию* и т. п. Они передают не фонемный состав словоформы, а слово целиком, точнее, даже не конкретное слово с присущим ему значением, а комплекс связанных друг с другом значений, которые могут быть переданы разными словами. Многие из идеограмм, представленных в современном русском письме, интернациональны и по происхождению являются **гетерограммами** (от греч. ἕτερος 'иной, другой' и γράμμα 'рисунок, знак, буква'), т. е. знаками или сочетаниями знаков, которые заимствованы русским письмом из других систем письма, но продолжают выражать то же значение, хотя читаются по-русски. Например, символ английской денежной единицы £, по происхождению представляющий собой сокращение лат. *Libra* 'древнеримская мера веса (фунт)', по-русски читается как «фунт», «фунт стерлингов» или «британский фунт». Символы иностранных валют естественным образом являются гетерограммами. Идеограмму фактически представляет собой и символ российского рубля — Р (прописная буква Р с перечеркнутой ножкой). Он был создан отечественными дизайнерами и официально утвержден в 2013 г., поэтому его, видимо, нельзя считать гетерограммой, хотя он входит в подсистему идеограмм, которые являются гетерограммами, и его рисунок стилизован под них.

Кроме приведенных выше идеограмм, обозначающих целые слова с их значениями, в русском письме имеются различные небуквенные графические средства, такие как **знак ударения**, **пробел** между словами («буква пробела»), **дефис** (черточка), **апостроф**, **знаки препинания**, разные типы **кавычек**, **скобок** и другие. Их использование определяется правилами орфографии (знак ударения, пробел, дефис, апостроф) и пунктуации (знаки препинания).

Особо следует сказать о тех буквах русского алфавита, которые могут обозначать сочетание согласного и гласного. Так, буквы **я**, **е**, **ё**, **ю** в определенных графических позициях (например, в начале слова или после гласной буквы, а также твердого (**ѣ**) и мягкого (**ь**) знаков) передают сочетание согласного /j/ и следующей за ним гласной: *яма* /jama/, *моё* /majo/, *съел* /sjel/, *пьют* /pjut/. Возникает вопрос, не свидетельствует ли это о существовании в современном русском письме элементов слогового письма? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Совпадение в отдельных случаях (*яма* /'ja.ma/, *моё* /ma.'jo/) таких сочетаний звуков со слогом не является рудиментом какого-либо предшествующего слогового письма, к которому современное русское письмо могло бы восходить. Также нет никаких оснований для предположения о наличии в русском письме элементов слогового письма. Совпадение в ряде случаев сочетаний фонем со слогами является внешним, случайным. В русском письме буквы **е**, **ё**, **ю** и **я**, обозначающие одновременно две фонемы (не слог!), используются как одно из средств передачи фонемы /j/, что обеспечивается специальными правилами графики, прежде всего его слоговым принципом (см. ниже, с. 104–107). Эти правила выкристаллизовались в процессе исторического развития русского письма, хотя нельзя исключить, что частично они были заложены в славянское письмо уже при его создании.

§ 4. Алфавит

В языках фонемного строя, в том числе в русском, фонемы служат, в частности, для «смыслоразличения», точнее — для различения звуковых оболочек слов. Буквенно-звуковое письмо характеризуется наличием знаков письма — букв, которые, обозначая фонемы, также могут выполнять в письме различительную функцию. Упорядоченная совокупность основных знаков письма, т.е. букв, предназначенных для передачи фонем, и называется алфавитом.

Понятие алфавита включает как минимум следующие признаки: 1) состав, 2) порядок, 3) начертания, 4) названия букв. Кроме того, некоторые лингвисты считают, что алфавит, используемый конкретным языком, имеет еще один признак — алфавитные значения входящих в него букв.

Когда говорят об алфавите, целесообразно различать алфавит как упорядоченную последовательность букв данной письменности с их названиями, которая закреплена определенной культурной традицией и отражается, в частности, в академических грамматиках и школьных учебниках, и алфавит как некую совокупность (репертуар, инвентарь) букв, использующихся в текстах данной письменности в определенный промежуток времени. Для современного русского письма это разграничение не столь принципиально, но на определенных этапах развития письменной традиции оно оказывается важным. Дело в том, что состав букв в алфавите как официальном инвентаре букв, упорядоченный порядок названий которых фактически представляет собой освященный культурной традицией текст, может не совпадать с реально используемым в текстах этого же времени инвентарем букв.

Чтобы не углубляться уж совсем в глубокую древность, достаточно упомянуть, что буква **ѣ**, например, со времени ее введения в практику письма Н. М. Карамзиным (в самом конце XVIII в.) и кодификации А. Х. Востоковым (уже в начале XIX в.) не удостоивалась включения в официальный счет букв алфавита вплоть до Орфографической реформы 1917–1918 гг. То же самое можно сказать и о букве **й**, имеющей гораздо более долгую и драматичную историю. На протяжении первой половины XVIII в. она несколько раз включалась в алфавит и исключалась из него, и хотя ее использование на письме было абсолютно обязательным, на протяжении всего XIX в. (даже вопреки авторитетному мнению акад. Я. К. Грота) вплоть до 1920-х гг. буква **й** не входила в счет букв алфавита, считаясь вариантом буквы **и**.

С точки зрения звукового значения вариантами одной буквы должны были бы считаться скорее **и** (восьмеричное) и **і** (десятеричное), которые, обозначая одну и ту же фонему /i/, до орфографической реформы 1917–1918 гг. были распределены дополнительно (букву **і** следовало писать перед гласными буквами и перед **й**, а также в слове *міръ* в значении ‘вселенная’, букву **и** — во всех остальных случаях), а не **и** и **й**, передававшие разные фонемы. Тем не менее давление культурной традиции определило иной ход развития русского алфавита, и буквам с диакритикой (**ѣ** и **й**) пришлось отвоевывать место под солнцем вплоть до того времени, когда буква **і** этого места лишилась.

Еще бóльшие расхождения между составом букв кириллического алфавита и инвентарем букв, которые использовались в текстах, были характерны для средневековой письменности. Так, в состав дошедших до нас древнерусских абecedариев (еще один термин, связанный с понятием алфавита¹¹) не входят йотированные буквы (**ѣ**, **ѡ**, **ѣ**, **ѣ**)¹², которые, видимо, рассматривались как сочетание двух букв — диграф (**ѣ** = **ѣ**+**ѣ**; **ѡ** = **ѡ**+**ѡ**, **ѣ** = **ѣ**+**ѣ**) и потому не включались в алфавит, хотя использовались в текстах.

§ 5. Состав и названия букв русского алфавита

Современный русский алфавит насчитывает 33 буквы (если считать букву **ѣ**, не всегда включаемую в состав алфавита).

Для сравнения приведем русский дореформенный алфавит, кодифицированный в руководстве «Русское правописание» Я. К. Грота (1-е изд., 1885):

а	б	в	г	д	е	ж	з	и	і	к	л
м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч
ш	щ	ъ	ы	ь	ѣ	э	ю	я	ѡ	(ѣ)	

Он состоит из 35 букв. Последнюю букву алфавита — ижицу (**ѣ**) — Грот заключил в скобки, поскольку она к тому времени прак-

¹¹ *Абecedарием* (от лат. *abecedarium* ‘алфавит, азбука’) обычно называют латинский алфавит, но в исторической славистике этот термин часто применяют для обозначения конкретного перечня букв глаголического или кириллического алфавита (иногда с названиями букв), представленного в конкретном памятнике (рукописи, граффити, берестяной грамоте и др.). В русистике древнерусские абecedарии чаще принято называть *азбуками* (напр., Азбука на стене Софии Киевской XI в.; известно несколько древнерусских берестяных азбук и т. п.). Подробнее о древних славянских абecedариях см. в кн.: *Зализняк А. А. О древнейших кириллических абecedариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.*

¹² Почти во всех (кроме древнейшей из дошедших — в берестяной грамоте № 591 первой половины XI в.) берестяных азбуках присутствует **ю**, которая уже не трактуется как диграф и поэтому включается в алфавит, хотя по происхождению, видимо, даже триграф ***ѣ**+**ѡ** > **ю**.

Современный русский алфавит

Начертания букв		Названия букв	Алфавитное значение
печатные	рукописные		
А а	<i>А а</i>	а	/a/
Б б	<i>Б б</i>	бэ	/b/
В в	<i>В в</i>	вэ	/v/
Г г	<i>Г г</i>	гэ	/g/
Д д	<i>Д д</i>	дэ	/d/
Е е	<i>Е е</i>	е	/je/
Ё ё	<i>Ё ё</i>	ё	/jo/
Ж ж	<i>Ж ж</i>	же	/ž/
З з	<i>З з</i>	зэ	/z/
И и	<i>И и</i>	и	/i/
Й й	<i>Й й</i>	и краткое	/j/
К к	<i>К к</i>	ка	/k/
Л л	<i>Л л</i>	эл (эль)	/l/
М м	<i>М м</i>	эм	/m/
Н н	<i>Н н</i>	эн	/n/
О о	<i>О о</i>	о	/o/
П п	<i>П п</i>	пэ	/p/
Р р	<i>Р р</i>	рэ	/r/
С с	<i>С с</i>	эс	/s/
Т т	<i>Т т</i>	тэ	/t/
У у	<i>У у</i>	у	/u/
Ф ф	<i>Ф ф</i>	эф	/f/
Х х	<i>Х х</i>	ха	/x/
Ц ц	<i>Ц ц</i>	це	/c/
Ч ч	<i>Ч ч</i>	че	/č/
Ш ш	<i>Ш ш</i>	ша	/š/
Щ щ	<i>Щ щ</i>	ща	/šː/
Ъ ъ	<i>Ъ ъ</i>	твёрдый знак	–
Ы ы	<i>Ы ы</i>	ы	/ы/
Ь ь	<i>Ь ь</i>	мягкий знак	–
Э э	<i>Э э</i>	э	/e/
Ю ю	<i>Ю ю</i>	ю	/ju/
Я я	<i>Я я</i>	я	/ja/

тически не использовалась¹³. Отсутствуют буквы **й** и **ё**, из которых первая употреблялась очень широко, а вторая имела ограниченное применение. Они не считались отдельными буквами, а рассматривались как варианты букв **и** и **е**, получающих «еще особое назначение помощью надстрочных знаков (**й**, **ё**), при которых они изображают другие звуки и потому в этом виде должны бы также занимать место в азбуке»¹⁴.

Буквы в алфавите располагаются в строго определенном порядке от **а** до **я**. Без знания состава букв алфавита (и, разумеется, их начертаний) невозможен сам процесс чтения и письма. Что же касается порядка букв в алфавите, то его знание оказывается необходимым для того, чтобы можно было пользоваться словарями, справочниками, различными каталогами, где информация, как правило, расположена в строгом алфавитном порядке.

Порядок букв алфавита с детства закрепляется в прецедентных текстах — детских стихах или даже просто строчках, таких, например, как начало классического стихотворения Б.Заходера «Буква «Я»» (1947):

Всем известно:
Буква «Я»
В азбуке
Последняя.

Для облегчения выучивания алфавитного порядка букв создаются мнемонические тексты (так, отрезок алфавита **к — л — м — н — (о) — п — р — с — т** кодируется забавным украинским текстом *Коло мене поросята* ‘около меня поросёнок’, который читается по-украински: с безударным /о/ и твердыми согласными перед /е/ [kólo méne poros’áta]; а далее для отрезка **у — ф — х — ц — ч — ш**: *Уф — ха, це чаша!*).

Знание **названий** букв в большинстве случаев помогает при чтении аббревиатур (ср. нормативные МЧС /,emč’e’es/ или /,emč’i’es/ и ненормативное /,emč’a’es/), хотя строгого правила ориентироваться на официальное название буквы нет (при произ-

¹³ Видимо, в связи с этим в Декрете о введении нового правописания от 17 декабря 1917 г. об исключении буквы **ѵ** даже не говорится.

¹⁴ *Прот Я. К.* Русское правописание: Руководство, сост. по поручению Второго отделения Имп. акад. наук академиком Я. К. Протом. 11-е изд. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1894. С. 2.

ношении ряда аббревиатур используются разговорные названия букв: *США* /seʃea/), и при этом наряду со знанием строгого алфавитного порядка букв является одним из важных показателей культуры речи как существенной части общей культуры человека. Названия некоторых букв имеют варианты, напр.: **й** — официальное «и краткое» и иногда встречающиеся неофициальные «и с краткой» и «й» (последнее, видимо, предполагает разговорно-школьное произношение [ij]), **э** — «э» и «э обратное»¹⁵. У буквы **л** наряду с традиционным наименованием «эль» появился почти официальный вариант «эл», возникший в результате выравнивания нестандартного названия буквы «эль» (с мягкой финалью) по типу названий с твердой финалью («эн», «эм», «эс», «эр», «эф»). В то же время в просторечии обнаруживаются попытки выровнять названия букв «эн», «эм», «эс», «эр», «эф» (а вместе с ними и нового «эл») по типу названий букв «бэ», «вэ», «гэ», однако названия «лэ», «нэ», «мэ», «сэ», «рэ», «фэ» не являются нормативными. То же самое происходит и с «нестандартными» названиями на **а**: «ка», «ха»¹⁶, «ша», «ща» получают просторечные наименования «кэ», «хэ», «ше», «ще».

Что касается правописания названий букв, то оно официальными правилами русской орфографии строго не регламентировано и представляет собой некоторую орфографическую и в известном смысле орфоэпическую проблему. Так, при предпочтительном в настоящее время написании *бэ, вэ, жэ, цэ* и т. п. встречаются (в том числе и в толковых словарях русского языка) написания *бе, ве, же, це* и т. п. Надо ясно себе представлять, что и за старыми написаниями типа *бе, ве, ге* и т. д. с **е** после парных по твердости/мягкости согласных, и за более новыми, «подсказывающими» произношение, написаниями типа *бэ, вэ, гэ* с **э** стоит одно и то же произношение — с твердым согласным ([be], [ve], [ge] и т. д.). Твердое произношение

¹⁵ Против названия «э обратное» выступал еще Я. К. Грот: «Буква “э” (к названию которой вовсе не нужно прибавлять эпитета *обратное*, если другую называть как следует, то есть “йэ”) буква э не может считаться излишнею, ибо выражает отдельный звук, действительно существующий в языке» (*Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологическое разыскание*. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. С. 145–146).

¹⁶ Как и «эль» (с мягким /l/, которое в русском языке, имевшим еще и твердое (веляризованное) /l/ = ([l̥]), передавало в заимствованиях так называемое среднеевропейское [ll]), названия «ка», «ха» унаследованы из латинского алфавита (ср. **k** “k̄a”, **h** “h̄a”).

парных согласных в названиях русских букв заимствовано из латинского языка, в XVIII–XIX вв. в связи с малой употребительностью буквы э эти слова писались с е, хотя произносились с твердым согласным. Сейчас нормативным является написание с э. Такое написание оправдано тем, что е провоцирует неправильное произношение с мягким согласным. Некоторые ученые считают разумным в целях единообразия распространить написание с э и на названия букв, обозначающих непарные твердые согласные, и соответственно, писать также *жэ* и *цэ*, сохранив написание с е только после ч — *че*¹⁷. Другие идут еще дальше и предлагают даже название буквы е писать как *йэ*¹⁸. Однако приближаясь к единообразию (но не достигая его в полной мере: *чэ* все-таки никто не предлагает писать) в написании названий букв, мы в таком случае нарушаем более глобальные орфографические правила, согласно которым после ж и ц следует писать е, а не э. В таком отклонении от общих правил орфографии нет никакой необходимости: наличие буквы е после ж и ц не может провоцировать неправильное чтение, так как соответствующие согласные фонемы /ʒ/ и /c/ (/ц/) не имеют мягких коррелятов.

В морфологическом отношении современные названия букв, за исключением твердого и мягкого знаков, являются несклоняемыми существительными среднего рода: ср. *прописное А*, *строчное б*, *написано лишнее н* и т. п.

Первым, кто еще в середине XVII в. предлагал в подражание латинскому дать кириллическим буквам более удобные односложные названия, был Юрий Крижанич¹⁹, хорватский ученый и богослов, работавший в России и опубликовавший здесь свои филологические труды²⁰. Нынешние названия букв (*а*, *бе/бэ*, *ве/вэ*, *ге/гэ* и т. д.) начали вводиться с середины XVIII в. по модели названий букв латинского алфавита и в XX в. полностью вытеснили старые (*азъ*, *буки*, *въди*, *глаголь* и т. д. < ст.-сл. *азъ* ‘я (мест. 1 л.)’, *боукы*²¹, *вѣдѣ* ‘знаю’,

¹⁷ Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. С. 62.

¹⁸ Волоцкая З. М., Молошина Т. Н., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М.: Наука, 1964. С. 10.

¹⁹ Подробнее см.: Долобо М. Г. Ю. Крижанич о русском языке // Советское языкознание. Вып. 3. Л., 1937. С. 19.

²⁰ «Обясньенје изводно о писмѣ словѣнском» (1661) и «Граматично исказанје об Руском језику» (1666).

²¹ Название второй буквы славянского алфавита первоначально, видимо, имело форму *боукъви* ‘письменность, грамота’ и представляло собой фор-

глаголи ‘говори, проповедуй’ и т. д.), восходившие к названиям букв в древнейших глаголице и кириллице. Новые названия букв, обозначающих парные по твердости/мягкости согласные, отражают изменение в их произношении (*бе* /bɛ/ > *бэ* /bɛ/ и т. п.). Некоторые из старых названий сохраняются в многочисленных устойчивых выражениях, пословицах и поговорках, теперь уже в значительной степени устаревших, но все-таки переживших сами старые наименования букв: ср. *ни аза не знает* ‘ничего не знает’; *начинать с азоз* ‘начинать с самого начала, с простого’; *дойти до ижицы* ‘кончить’; *прописать ижицу* ‘высечь, сделать выговор, внушение’; *стоять (ходить) фертотом* ‘стоять (ходить) с самодовольным видом, оперев руки в бока’; *сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет*; *фита да ижица — к ленивому плеть движется*; *корову через ять пишет* и т. п.

Важной характеристикой алфавита является начертание букв. По величине и рисунку шрифта русские буквы, как и буквы многих других алфавитов, представлены в четырех основных начертательных разновидностях: *рукописные строчные*, *ПЕЧАТНЫЕ ПРОПИСНЫЕ*, печатные строчные и ПЕЧАТНЫЕ ПРОПИСНЫЕ. Кроме того, есть и другие варианты начертаний в рамках одной гарнитуры²², например КАПИТЕЛЬ (малые прописные или увеличенные строчные). Прописные буквы называют также **большими** или **заглавными**, а строчные — **малыми**. Прописные и строчные буквы были введены в русское письмо вместе с гражданским шрифтом во время Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. Употребление строчных и прописных букв определяется правилами орфографии.

По начертанию буквы современного русского алфавита отличаются простотой, редко выступают за пределы строки (печатные **д, ц, щ, у, б, ф** рукописные *з, г, ф, в, ѓ*), а использование диакритических знаков минимально (**ё, й, щ**). Эти и некоторые другие особенности начертаний букв русского алфавита рассматриваются как его недостаток. Ср. оценку букв русского алфавита, которая дана в резолюции, принятой общим собранием секции графических

му вин. мн. Скорее всего, это название не является древнейшим, а заменило первое наименование этой буквы — **богъ** (подробнее о названиях букв древнего славянского алфавита см.: *Иванова Т. А. Избранные труды*. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 18–32, 72–97).

²² В типографике *гарнитурой* называют набор одного шрифта в нескольких размерах и начертаниях, который состоит из графических знаков, характеризующихся стиливым единством рисунка.

искусств Всероссийского союза мастеров, заведующих мастерскими и техников фабрично-заводских предприятий сразу после выхода Декрета о введении нового правописания: «Русский текст, сравнительно с текстами тех языков, которые пользуются латинским алфавитом, обладает значительно меньшим количеством букв, выступающих своими элементами за линию строки, значительным количеством симметричных букв, как например: Н, П и другие, значительным количеством букв обратного направления, как например: Я, Ч, Э и другие, уменьшающих скорость пробегания взгляда по строке <...> что, вместе взятое, придает русскому тексту, сравнительно с текстами латинского алфавита, более монотонный и угловатый характер и затрудняет быстроту чтения <...>»²³.

Диграфов, т.е. таких сочетаний двух букв, которые регулярно могут использоваться для обозначения одной фонемы, и тем более лигатур (букв, образованных соединением, спайкой двух букв в одно целое) в современном русском письме нет²⁴. В древней кириллице имелись диграфы и лигатуры, которые обычно возникают из диграфов. Современная русская буква *у* восходит к старославянскому и древнерусскому диграфу *ѡѳ* (и его лигатурному варианту *Ѹ*); буква *ы* — к *ѣ* (с ее вариантами *ѣи* и *ѣы*); рус. *щ* — к лигатуре *ѡѣ*, которая, в свою очередь, восходит к диграфу *ѡѣ*.

Начертания некоторых букв принципиально изменились. Так, *н* («наш») → *н* → *н*; *н* («и осьмеричное») → *и* → *и*, *ц* → *ц* → *ц*, *ѣ* → *ч*, *ѣ* («юс малый») → *ѣ* → *я* и т.п. Особенно важные изменения произошли в связи с введением гражданского шрифта Петром I. Однако начертания отдельных букв не оставались неизменными и в последующую эпоху. Например, в гражданском шрифте вплоть до 1830-х гг. строчная буква «твердо» (*т*) была мало похожа на современную (*т*) и довольно сильно отличалась от прописной (*Т*) не только высотой, но и рисунком, напоминая перевернутое вверх ногами *ш*²⁵. По утверждению Я.К. Грота, строчное *т*, сходное по рисунку

²³ Резолюция секции графических искусств по поводу нового правописания, вынесенная общим собранием 14-го января 1918 года. Пг.: [Б.и.], 1918. С. 2–3.

²⁴ Впрочем, иногда в качестве диграфов рассматривают сочетания согласных букв с мягким знаком *нь*, *сь* и т.п. (ср. *конь* /kɔnʲ/, *весь* /vʲesʲ/).

²⁵ Начертание *т* с тремя равными вертикальными черточками появилось вместо *Т* в середине XV в. как результат второго южнославянского влияния и господствовало в русском письме накануне введения Петром I граждан-

прописному, было придумано русским ученым немецкого происхождения П. И. Кёппеном и впервые употреблено в печати в 1827 г.²⁶

Некоторые лингвисты разграничивают понятия **буквы** и **графемы**. Так, согласно одному из подходов²⁷, в русском письме каждая графема как единица алфавита выступает по крайней мере в четырех своих вариантах (**аллограф**ах), в той или иной степени различающихся начертанием. Так, русская графема № 3 («вз») представлена двумя печатными буквами — прописной «В» и строчной «в» и двумя рукописными — прописной *В* и строчной *в*. Написать конкретную графему как абстрактную единицу невозможно, можно написать только ее аллограф, поэтому целесообразно обозначать графемы под номерами. При этом используется терминология, аналогичная той, что имеет место в фонологии (ср. **фонема** — **аллофон**). Вместе с тем аллофоны одной фонемы функционально не противопоставлены друг другу, а прописные и строчные варианты одной графемы (ее аллографы) — противопоставлены (ср. *Летит утка.* и *Утка летит.*, *Орёл* (город) — *орёл* (птица), *Ходынка* (Ходынское поле в Москве) — *ходынка* (катастрофическая давка в толпе), *Бог* (в религиозном смысле) — *бог* (в разговорных устойчивых выражениях)²⁸ и т. п.). Обращая внимание на специфический с точки зрения выражаемых значений характер оппозиции прописных и строчных букв, Л. В. Щерба уподоблял их иероглифам: «Особое место занимают большие и малые буквы, которые хотя и имеют одно звуковое значение, однако различаются по функции и, так сказать, являются своего рода иероглифами, обозначая в своем различии не разные фонемы, а непосредственно те или другие понятия (например, начало самостоятельного предложения или категорию собственных имен и т. д.)»²⁹.

ского шрифта. Впрочем, в некоторых вариантах гражданского шрифта начертание т существовало наряду с п.

²⁶ Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. СПб., 1973. С. 56–57.

²⁷ Волоцкая З. М., Молошная Т. М., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М.: Наука, 1964.

²⁸ Ср. ...*И Бога глас ко мне воззвал...* (А. Пушкин), ...*И в небесах я вижу Бога...* (М. Лермонтов), но *ради бога*, *бог знает что*, *одному богу известно*, *сам бог велел*, *ей-богу* и т. п.

²⁹ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 62.

Именно поэтому некоторые лингвисты предлагают считать прописное *A/A* и строчное *a/a* разными графемами, употребление которых определяется правилами орфографии, а термин «буква» закрепить за единицей алфавита³⁰. В этом случае аллографами одной графемы (например, *A/A* или *a/a*) будут разные способы ее начертания (например, разнообразные печатные и рукописные варианты, а также их реализации, различающиеся размером, стилем и т. п. характеристиками, никак не зависящими от передачи какого-либо смысла; ср. прописные *A, A, A, A, A, A, A, A* — строчные *a, a, a, a, a, a, a, a* и др.³¹). При таком подходе одной буквой как основной единицей алфавита считаются графемы, предназначенные в данном алфавите для передачи одной и той же фонемы (или одного и того же признака фонемы).

Поскольку в соответствии с правилами орфографии одна буква может обозначать разные фонемы (ср. *дом* — *домá*), а одна фонема может обозначаться двумя или более буквами (*вода* /*vada*/ — *трава* /*trava*/, *писать* /*p'isát'*/ — *лежать* /*l'izát'*/ — *вязать* /*v'izát'*/), некоторые лингвисты считают графемой минимальную единицу графики, представляющую собой класс букв, служащих в определенных позициях для обозначения одной фонемы. Так, в русском письме для передачи фонемы /*a*/ в безударной позиции после твердых согласных используется графема **а/о**, а для фонемы /*i*/ в безударной позиции после мягких — графема **и/е/а**. Соответственно, буквы **а** и **о**, представляющие в определенной позиции графему **а/о**, будут ее аллографами, а буквы **и**, **е**, **а** — аллографами графемы **и/е/а**. В качестве аллографа может выступать и сочетание букв — **диграф** (например *банька*, *сталь*). Графема оказывается при таком подходе двусторонней единицей, планом содержания которой является обозначаемая ею фонема. Если обратиться к русскому дореформенному письму, то при таком подходе своего рода аллографами одной графемы окажутся буквы, имеющие одинаковое звуковое значение, т. е. так называемые дублетные буквы, каковыми до орфографической реформы 1917–1918 гг. были буквы **и** и **і**, **е** и **ѣ**, **ф** и **ѳ**.

³⁰ Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balkanica: Лингвистические исследования*. М.: Наука, 1979. С. 134–152.

³¹ Л. В. Щерба предлагал типовые варианты начертаний рукописных **д** (**g** и **д**) или **т** (**m** и **т**) называть дубликатами (*Щерба Л. В. Теория русского письма*. С. 62).

Понятие графемы может быть расширено за счет небуквенных графических знаков. В принципе, самостоятельными графемами могут быть признаны и неалфавитные графические средства — пробелы между словами, знаки препинания, диакритики и, возможно, некоторые другие.

Понятие графемы, таким образом, в теории русского письма не отличается определенностью. Слово «графема» является таким термином (его использовал еще И. А. Бодуэн де Куртенэ), который, видимо, очень хочется применять в теории письма, но не совсем ясно, как лучше его пристроить. Мы, вслед за некоторыми учеными³², будем исходить из того, что графема — это абстрактная единица алфавита, которая имеет четыре основных варианта (печатный прописной, печатный строчный, рукописный прописной и рукописный строчный), являющиеся ее аллографами. Так, графема *д* имеет четыре аллографа (аллографемы) — *Д*, *д*, *Д*, *д* (см. выше таблицу букв современного русского алфавита). Как отмечено выше, внутри аллографов, разумеется, тоже существует определенная вариативность (разные шрифты, почерки, шрифтовые выделения и т.п.), но в целом вариации аллографов сохраняют общие черты рисунка, характерного для данного аллографа (ср. вариации рукописного прописного аллографа *д* — *Д*, *Д*, *Д*, *Д* и др.) и на интуитивном уровне воспринимаются как некоторое единство. В пределах одного аллографа иногда могут возникать устойчивые однотипные варианты — например, у строчного рукописного аллографа графемы *д* есть вариант, выходящий за строку снизу (*д*, *д*), и вариант, выходящий за строку сверху (*д*). Такие варианты вслед за Щербой можно назвать «дубликатами».

Поскольку всякое изображение (начертание) графемы будет одновременно и изображением одного из ее аллографов, в качестве представителя графемы как единицы алфавита целесообразно использовать наименее маркированный вариант, а именно печатный строчной — *д*. Наиболее устойчивой синхронной характеристикой графемы является, таким образом, ее название. Все аллографы со всеми их начертательными вариациями и дубликатами графемы *д* со всеми ее звуковыми значениями в конкретных словах — это буква «дэ».

³² Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. С. 54–55. — В конце концов такое понимание графемы восходит к концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ, представленной в его работе «Об отношении русского письма к русскому языку» (СПб., 1912).

Полной аналогии между понятиями «фонема» и «графема» не получается, так как фонема — единица односторонняя, обладающая только планом выражения, а графема — это знак, у которого есть свой план содержания — «звуковое» (фонемное) значение. Если аллофоны функционально совсем не нагружены (в отличие от фонем они не выполняют различительной функции и не осознаются носителями языка), то аллографы имеют определенную функциональную нагрузку, которая связана с семантикой, но это свойство является вторичным (в том числе, исторически) к функции обозначения фонем.

И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал еще на одно существенное различие между фонемами и графемами. По его мнению, фонемы, будучи единицами («произносительно-слухового») языка, «разлагаются на более дробные, далее уже не разлагаемые психически живые элементы: с одной стороны, представления отдельных работ (кинемы), с другой же стороны, представления отдельных акустических впечатлений (акусмы)», в то время как «графемы как простейшие элементы языка писанно-зрительного, обыкновенно дальше не могут разлагаться. Вообще характеристическим признаком фонем следует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем — их неразложимость»³³. В связи с этим наблюдением Бодуэна де Куртенэ отметим, что несоответствие между систематикой фонем и графем в принципе давно беспокоит лингвистов. Даже Я. К. Грот, который, конечно же, не был фонологом (разве что стихийным), считал, что «первою задачей должно быть приведение букв азбуки в правильный порядок, основанный на свойстве изображаемых ими звуков»³⁴. В эпоху бурного развития становления фонологии более определенно об этой проблеме писал А. А. Реформатский: «С алфавитной стороны шрифт должен представлять собой систему, графически отражающую фонематическую систематику; например, соответствующие непалатальные и палатальные в основном контуре должны совпадать, что указывает на их общий тип, различаться же они должны по добавочным признакам»³⁵.

³³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912 (§ 10, п. 4).

³⁴ Грот Я. К. Русское правописание. 22-е изд. СПб., 1916. С. 2–3.

³⁵ Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. I. М.; Л.: Изд. ВЦК НА, 1933. С. 49.

Что касается систематизации графем с целью отражения системы фонологических признаков обозначаемых фонем, то такой систематизации благоприятствует ситуация создания нового алфавита, а в случаях заимствования — необходимость приспособления его к фонологической системе языка-рецептора. Так, удачным примером подобной систематизации может служить создание Константином Философом букв для передачи носовых гласных в глаголице: ср. юс большой **ѣ** (= /ɔ/), юс малый **ѣ** (= /ɛ/), юс большой йотированный **ѣ** (= /ǫ/), где во всех трех юсах признак ринезма (назализации) передан элементом **ѣ**, а в **ѣ** (= /ɔ/) и **ѣ** два первых элемента — **ѣ** и **ѣ** — совпадают с буквами, обозначающими соответственно фонемы /o/ и /e/.

При приспособлении заимствованного алфавита к фонологической системе языка-рецептора одним из средств, которое позволяет достичь фонологической систематизации, является использование диграфов и диакритиков. И те и другие широко представлены в польском письме на основе латиницы (ср. польские диграфы **cz** /č/, **sz** /š/, **rz** /ž/, **ch** /x/ и т. п., а также диакритики — **ś** /ś/, **ź** /ź/, **ć** /ć/, **ż** /ż/, **ń** /ń/, **ą** /ɔ̃/, **ę** /ɛ̃/). Более удачным приспособлением латинского алфавита с помощью диакритических знаков к чешскому фонологическому строю считается система диакритиков, созданная в нач. XV в. Яном Гусом (ср. шипящие **š**, **ž**, **č** — свистящие **s**, **z**, **c**; долгие **ó**, **á**, **é**, **í**, **ů** — краткие **o**, **a**, **e**, **i**, **u**; мягкие **ň**, **ř**, **ď** — твердые **n**, **t**, **d**). Идеальной графической системой диакритических знаков является такая, в которой фонемы, обозначаемые буквами с диакритиками, характеризуются теми же фонологическими признаками, что и фонемы, передаваемые соответствующими буквами без диакритических знаков, но отличаются от них каким-либо одним фонологически существенным признаком, который и обозначается диакритиком. Чешская система диакритических знаков стремится к такой идеальной системе, хотя и не вполне последовательно.

§ 6. Алфавитные значения букв

Некоторые лингвисты вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ считают, что буква в алфавите представляет собой чисто начертательный символ, только потенциально имеющий звуковое значение, а конкретные звуковые значения — главные и второстепенные — она

получает в графике и орфографии. При таком подходе буквы не имеют алфавитных звуковых значений. Возникает вопрос: принадлежат ли какие-либо звуковые значения букв собственно алфавиту или, как полагал Бодуэн де Куртенэ, они даются только в графике и орфографии?

Если исходить из того, что буквы имеют *алфавитные значения*, отличные от *графических* и *орфографических* (см. ниже), то можно предположить, что алфавитное значение буквы должно быть как-то связано с ее названием в алфавите. Поэтому некоторые ученые склонны считать, что для грамотных носителей языка алфавитное значение буквы совпадает со звуковым значением данной буквы в слове, являющемся ее названием в алфавите. Соответственно, буква **а** («а») имеет алфавитное значение /a/, буква **б** («бэ») — алфавитное значение /b/, буква **в** («вэ») — /v/, буква **г** («гэ») — /g/, буква **д** («дэ») — /d/, буква **е** («е») — /je/ и т. д. до буквы **я** («я») с алфавитным значением /ja/.

Лингвисты, которые с таким решением не согласны и исходят из того, что никаких собственно алфавитных значений у букв нет, считают, что звуковые значения появляются у букв только в графике и орфографии, и тогда все звуковые значения следует подразделять, соответственно, на графические и орфографические. Таким образом, предполагаемые при первом подходе алфавитные звуковые значения полностью поглощаются графическими. При втором подходе буква **б** имеет два графических значения (/b/ и /b'/) и два орфографических (/p/ и /p'/). Буква **о** имеет графическое значение /o/ и орфографическое — /a/. Для **я** графическими значениями будут /ja/ и /^(j)a/³⁶, а орфографическими — /ji/ и /i/. Такой подход позволяет не допускать пересечения графических и орфографических значений. Некоторые ученые называют графические значения букв основными, или главными, а орфографические — второстепенными³⁷.

Мы будем в дальнейшем исходить из первого подхода, наделяющего звуковыми (фонемными) значениями буквы уже в алфавите. Так, алфавитным значением буквы **я** считаем /ja/, которое у **я** проявляется в написаниях *яма* /jáma/, *заявка* /zajáfka/, *семья* /s'im'já/.

³⁶ В данном случае апостроф в скобках (') перед гласной фонемой /a/ используется для указания на то, что в звуковое значение буквы входит обозначение мягкости предшествующего согласного.

³⁷ Гвоздев А. Н. Основы русской орфографии // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Просвещение, 1963. С. 27–86.

В системе графики (в соответствии со слоговым принципом русской графики) у нее наряду с /a/, которое совпадает с алфавитным, возникает еще одно звуковое значение — /a/ с одновременным указанием на мягкость предшествующего согласного (условно его можно обозначить /^(ʰ)a/): ср. *пять* /rʲatʲ/, *любя* /lʲubʲa/. Таким образом, у буквы **я** имеется два графических значения /ja/ и /^(ʰ)a/, они же, по А. Н. Гвоздеву, главные, или основные. Если посмотреть еще шире, то в системе орфографии у буквы **я** выявляются новые значения — /ji/ и /i/ (ср. *объявить* /abjivʲitʲ/ и *пяти* /pʲitʲi/). Эти значения являются орфографическими, или, по Гвоздеву, второстепенными, звуковыми значениями буквы **я**.

Если согласиться с тем, что алфавит непосредственно связан с системой фонем, и алфавитные звуковые значения даны уже в названиях букв алфавита, то при сравнении алфавитных значений букв с составом фонем в современном русском алфавите обнаружатся некоторые «недостатки». С точки зрения идеального соответствия букв алфавита и состава фонем в нем, во-первых, «не хватает» букв для обозначения парных мягких согласных фонем, а во-вторых, имеется некоторый «перебор» букв для гласных: на 6 гласных фонем приходится 10 букв. Такое, на первый взгляд, странное соотношение гласных и согласных фонем и передающих их букв в русском алфавите не исконно. Оно возникло в результате ряда изменений, которые происходили в звуковом строе русского языка еще в древнерусский период, но уже после того как кириллица была приспособлена для обозначения звуков древнерусского языка. Для того чтобы разобраться в этом, необходимо хотя бы в самом общем виде рассмотреть предысторию современного русского алфавитного письма, которая уходит своими корнями в глубокую древность и связана с возникновением первого литературного языка славян — так называемого старославянского, или древнецерковнославянского языка.

§ 7. Истоки русского алфавита

Как было отмечено в параграфе, посвященном типам письма, идеографические (иероглифические) письменности восходят к пиктографии, а слоговое письмо обычно является результатом развития и приспособления иероглифической письменности к особенностям

языков фонемного типа. В свою очередь, алфавитное письмо представляет собой дальнейшее развитие какого-либо слогового письма. Однако таков лишь общий вектор развития письма в истории человечества. В реальной истории конкретных письменностей все оказывается несколько сложнее, а в каком-то смысле и проще. Прежде всего это связано с тем, что письмо, в частности алфавитное, для конкретного бесписьменного (или пользующегося какой-либо «неудобной» системой письма) языка довольно редко создается заново. Обычно имеет место не изобретение, а наследование письма, причем даже в случае изобретения алфавита в нем могут присутствовать буквы известных алфавитов, особенно в части их начертания, а иногда и принципы обозначения фонем. Тем не менее унаследованное (заимствованное) письмо должно так или иначе приспособиться к особенностям звуковой и грамматической системы языка-рецептора. В противном случае письмо не будет максимально эффективно выполнять свои функции. Удачное приспособление унаследованного письма к языковой системе языка является не меньшим достижением, чем создание новой системы письма.

Большинство исторически засвидетельствованных и современных систем буквенно-звукового письма так или иначе восходят к семитскому письму Финикии, Сирии и Палестины, которое, в свою очередь является продолжением древнеегипетского иероглифического письма. Древнеегипетское письмо было словесно-слоговым, т. е. в нем наряду с иероглифами имелись фонетические знаки, которые обозначали слоги. Долгое время считалось, что финикийское письмо XII–X вв. до н. э. было консонантно-звуковым, однако, как считают современные исследователи, скорее всего оно было слоговым. Собственно же звуковое, т. е. вокализованно-звуковое, письмо впервые появилось в IX–VIII вв. до н. э. у греков. Они заимствовали финикийский алфавит и добавили к нему буквы, обозначающие гласные, причем первоначально обозначение гласных было факультативным. Классический древнегреческий алфавит из 24 букв сформировался к V в. до н. э. Одним из ответвлений греческого алфавита является латинский алфавит. Возникновение славянской письменности (а к ней в конечном счете восходит и современный русский алфавит) также связано с творческим освоением греческого алфавита и греческого письма в целом.

Обе древние славянские азбуки — **глаголица** и **кириллица** — созданы под влиянием и по образцу греческого алфавита: глаголица

была изобретена Кириллом в 863 г. в Византии, а кириллица — это заимствование и приспособление греческого алфавита с добавлением букв глаголицы. Замена глаголицы кириллицей была инициирована учениками свв. Кирилла и Мефодия в конце IX в. в Болгарии. К одному из двух древних славянских алфавитов, а именно к кириллице, восходит и современный русский алфавит. В следующих параграфах рассмотрим некоторые аспекты возникновения славянской письменности и древних славянских алфавитов — глаголицы и кириллицы.

§ 8. Основные предпосылки возникновения письменности у славян

Русский язык является одним из славянских языков, которые появились в результате распада их общего предка — праславянского, или общеславянского, языка³⁸. Распад праславянского этноязыкового единства начинается примерно в VI–VII вв., когда намечаются расхождения между отдельными группами славянских языков и диалектов, но говорить о существовании отдельных славянских языков и самостоятельных этносов (народностей) для этого времени еще не представляется возможным. Какие-то диалектные различия внутри праславянского языка наверняка существовали и раньше, но о них ничего достоверно не известно, и, возможно, они никак не связаны с позднейшим разделением на отдельные славянские языки.

Формированию новых славянских этносов и, соответственно, языков способствовало возникновение первых государственных образований на обширной территории, занятой в VII–IX вв. славянскими племенами. Эти государства выросли из военно-политических объединений славян, которые в византийских источниках конца VI — начала VII в. получили название *славиний*, или *славий*. Древнейшим государственным объединением славян, оста-

³⁸ Мы не располагаем текстами, написанными носителями праславянского языка, поскольку он существовал в то время, когда у славян еще не было письменности. Даже если придерживаться максимально поздней (X–XII вв.) датировки распада праславянского, которая принята многими славистами и восходит к идеям Н. С. Трубецкого, надо считаться с тем, что дошедшие до нас тексты, созданные ранее XII в., отражают многочисленные диалектные различия.

вившим след в их исторической памяти и источниках, было *Сáмо*, которое сложилось в 20–30-е годы VII в. и получило название по имени князя, основавшего его. *Само* объединяло часть западных и южных славян на территории нынешних Чехии, Словакии, Словении и Хорватии, однако быстро распалось после смерти своего основателя в 658 г. В 680 г. возникает Болгарское царство (Первое Болгарское царство, просуществовавшее до 1018 г.). В IX в. на юге Моравии (это территория современной Чехии) появляется княжество Великая Моравия, к которому в 833 г. было присоединено Нитранское княжество (Нитра — древнейший город в Словакии, впервые упоминаемый в 828 г.). В то же время в районе озера Балатон (территория современной Венгрии, но венгры появились там значительно позднее) появляется Паннонское (Блатенское) княжество, в 874 г. вошедшее в состав Великой Моравии. В 895 г. из Великоморавского княжества выделилась Чехия. К концу IX в. складывается государство восточных славян Русь (Киевская Русь), распавшееся к середине XII в.

Усложнение общественной жизни славянских племен, вызванное появлением первых славянских государственных объединений, создавало благоприятные условия для возникновения письменности. Другой важнейшей предпосылкой возникновения славянской письменности было принятие новыми славянскими государствами христианства.

Славяне начинают принимать христианство в качестве государственной религии в VIII–IX вв.: Паннония в конце VIII — начале IX вв., Великая Моравия — в 831 г., Болгария — в 865 г. В условиях перехода от язычества к христианству славянские князья предпринимают попытки войти в контакт с церковной иерархией с целью получения текстов, трактующих нормы церковной и светской жизни в соответствии с христианской верой. Естественно, для них было желательно, чтобы эти тексты излагались на понятном славянам языке. Но собственной, тем более развитой письменности, при помощи которой можно было бы записать переводы этих текстов, у славян в начале IX в. еще не было.

Возможно, какие-то зачатки письма существовали у славян и раньше, однако попытки создания более развитой письменности активизируются только с принятием христианства. Вначале славяне пытались записывать свою речь при помощи букв греческого и латинского алфавитов. Греческий алфавит, очевидно, применялся для

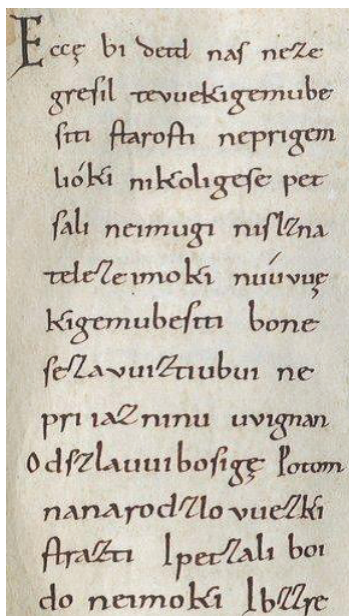
записи славянской речи на территориях, граничивших с Византией, однако прямых свидетельств этому нет. На то, что подобное было возможно, как будто указывают обнаруженные на территории Болгарии надписи на протоболгарском (тюркском) языке, сделанные греческими буквами. Если тюркское население Болгарского царства использовало греческие буквы для записи текстов на родном языке, то же самое могли делать и болгарские славяне. Что же касается использования латинского алфавита для записи славянских текстов на территориях, граничивших с империей Каролингов, то это подтверждается документально.

Самым ранним дошедшим до нас памятником, в котором славянские тексты записаны латинскими буквами, являются Фрейзингенские отрывки. Это 5 листов, находящихся в составе латинской рукописи конца X — начала XI в. и содержащих три текста на славянском языке, которые записаны латинскими буквами (каролингским минускулом) и отражают черты древнесловенского языка, предка современного словенского — одного из южнославянских языков.

Фрейзингенские отрывки по языку близки кирилло-мефодиевским переводам, но написанные латиницей и не вписывающиеся в кирилло-мефодиевскую традицию, они обычно не включаются в состав старославянских памятников. Полагают, что текст отрывков содержит перевод с древневерхненемецкого языка, сделанный, видимо, в Моравии в первой половине IX в., т. е. еще до кирилло-мефодиевской миссии.

Поскольку латинский алфавит не был приспособлен к славянской фонетической системе, некоторые славянские фонологические различия не могли быть переданы во Фрейзингенских отрывках. Например, неадекватно обозначается различие между шипящими и свистящими, а также между звонкими и глухими шипящими: *osima* = [ošima] = ст.-сл. **очима** ‘(двумя) глазами’, *prides* = [prideš] ‘придешь’ = ст.-сл. **придеши**, *strazti i petzali* = [strasti i pečali] ‘страсти и печали’ = ст.-сл. **страсти и печали**, *siuuim* = [živym] ‘живым (дат. мн.)’ = ст.-сл. **живъимъ**.

Для передачи текста Фрейзингенских отрывков принята условная транскрипция, которая позволяет адекватно отразить фонологическую реконструкцию славянского текста. Приведем небольшой отрывок из памятника в оригинальной графике, в принятой транскрипции и переводе на русский язык.

Текст	Транскрипция	Перевод
<p>Еццѣ би дедъ нашъ не зегресилъ те вѣки гему бе сѣти старости не пригемлоки николѣгесе петсали неимуги ни слзна телезе имоки ну увѣки гему бе зѣти bone се завистѣ буй неприазнѣну увѣгнанъ одъ слзлауи бо сѣгѣ Потомъ на народъ злоувѣзки страсти I петсали боидо неимокѣ I бзъ ре- <du zemirt></p>	<p>Ešte bi ded naš ne segrešil te v veći jemu be žiti starosti neprijemloči nikoližeže pečali ne imy ni slzna telese imoči no v veći jemu be žiti pone že zavistju by neprijazninu vignan od slavy božije Potom na narod človecki strasti i pečali pojdo nemoči I bzz re- <du semirt></p>	<p>Если бы дед³⁹ наш не согрешил, то всегда ему бы жить, старости не обретая, никогда печали не имея и страдающего тела, но всегда бы ему жить. Поскольку же завистью был дьявольскою изгнан от славы Божией, позже на род человеческий страдания и печали обрушились, болезни и <случайная смерть></p>

А вот как этот текст выглядел бы в нормализованном (идеализированном, учебном) старославянском написании: *аште бы дѣдъ нашъ не съгрѣшилъ · тѣ въ вѣкы кмѣ бѣ жити старо-

³⁹ Дед 'предок', имеется в виду Адам.

**СТИ · НЕПРИКМЛЖШТИ НИКОЛИЖЕ ПЕЧАЛИ НЕ ИМЫ · НИ СЛЪЗЪНА ТЕЛЕСЕ
ИМЖШТИ · НЪ ВЪ ВЪБЪКИ КМОУ ВЪ ЖИТИ · ПОНКЖЕ ЗАВИСТИЖЪ БЫ
НЕПРИАЗНИНОУ ИЗГЪНАНЪ ОТЪ СЛАВЫ БОЖИИЪ · ПОТОМЪ НА НАРОДЪ
ЧЛОВЪЧЬСКИИ СТРАСТИ И РЕЧАЛИ ПОНДЖ · НЕМОШТИ И БЕЗ РАДОУ
СЪМРЪТЬ.**

Важно, что инициатива использования греческого и латинского алфавитов для записи своей речи принадлежала самим славянам. Об этом сообщает такой авторитетный источник, как «Сказание о письменах» древнеболгарского писателя черноризца Храбра. Это сочинение («сказание»), написанное на старославянском языке, появилось, вероятно, между 886 и 893 гг. и является первым очерком истории славянской письменности. Черноризец Храбр написал свой трактат с целью разъяснения достоинств славянского алфавита, созданного Кириллом, в частности его преимуществ перед греческим как средства передачи славянской речи⁴⁰.

Прочитируем самое начало трактата (текст реконструирован по поздним спискам и приводится нами в нормализованной орфографии):

**прѣжде оубо словѣне не имѣахъ кънигъ · нъ чрътами и рѣзми
чѣтѣахъ и гатаахъ погани сѣште** 'Прежде ведь славяне не имели письма (букв), но читали (т. е. читали, считали, почитали богов) и гадали с помощью черт и резов, так как были язычниками'

**крѣстивъше же сѧ · римьскъими и гръчьскъими писмены нждаахъ
сѧ пьсати словѣньскъ рѣчь без оустроения** 'Крестившись же, они были вынуждены записывать славянскую речь бессистемно латинскими и греческими буквами'

**нъ како можетъ сѧ пьсати добръ гръчьскъими писмены · вогъ · или
животъ · или зѣло · или цръкы · или чаганик · или широта · или
тадь · или ждоу или ѧзыкъ и ина подобнаѧ симъ · и тако бѣша
мънога лѣта** · 'Но как можно написать хорошо греческими буквами [слова] «вогъ», или «животъ» 'жизнь», или «зѣло» 'очень», или «цръкы» 'церковь» или «чаганик» 'надежда», или «широта» 'ширина», или «тадь» 'еда» или «ждоу» 'где», или «юность» 'молодость», или «ѧзыкъ» 'народ» и иные [слова] подобные этим? И так было многие годы'

В этом отрывке дано сжатое, но, видимо, довольно объективное описание предыстории славянского письма. Использование грече-

⁴⁰ Это сочинение опубликовано и исследовано в кн.: *Куйо М. Кув.* Черноризец Храбр. София: БАН, 1967.

ских и латинских букв «без устройства» при записи славянской речи не привело в конечном счете к возникновению полноценной письменности у славян и, что особенно важно, устойчивой письменной традиции. Храбр прекрасно понимал, что латинский и греческий алфавиты не располагают достаточным количеством букв, чтобы адекватно обозначить все звуки (фонемы) славянской речи. Из приводимого им выразительного списка слов видно, что в этих алфавитах отсутствовали буквы для передачи таких звуков, как губно-губное /b/, шипящие согласные и аффрикаты, носовые гласные и др. Так, в греческом консонантизме IX в. существовала губно-зубная фонема /v/, которая обозначалась буквой **Β**, а фонемы /b/ не имелось, как и буквы, ее обозначающей. Поэтому славянскую фонему /v/ было естественно передавать греческой буквой **Β β**, а для славянской фонемы /b/ (= [б]) в греческом алфавите подходящей буквы не нашлось. В греческом вокализме IX в. была фонема /i/, которая обозначалась буквами **Η η** и **Ι ι**, а фонемы /y/ (= [ы]) не было, как и буквы, ее обозначающей. Если славянам (или у грекам) требовалось написать славянское слово с /b/ и /y/ (например, /buku/ 'буква'), то для передачи /b/ использовали сочетание греческих букв **μτ**, в котором первая буква указывает на признак звонкости, а вторая — на признак шумности. Для обозначения /y/ приходилось выбирать одну из двух греческих букв, например **η**. В результате возникало написание **μτουκη**, где фонема /ш/, обозначена так, как она обозначается в греческом — сочетанием **ου**. Итак, пользоваться греческим письмом для обозначения фонемного состава славянских слов было неудобно.

Появление в 60-е годы IX в. более совершенной системы славянского письма, вполне оригинальной и приспособленной для передачи именно славянской речи, и создание на основе этого письма первого славянского литературного языка связано уже с именами Кирилла и Мефодия.

§ 9. Создание славянской письменности

Помимо сочинения черноризца Храбра, основным источником наших сведений о создании первого славянского алфавита и письменности, а значит, и старославянского языка, являются жития Кирилла и Мефодия. Жития написаны на старославянском языке и дошли до

нас в поздних списках; имеются также греческие и латинские источники.

Константин (родился в конце 826 — начале 827 г., умер в 869 г.), прозванный за ученость Философом, а в монашестве принявший имя Кирилл, и его родной старший брат Мефодий (родился ок. 815 г., умер в 885 г.), чье мирское имя неизвестно, были родом из г. Фессалоники (современный греческий г. Салоники). Этот портовый город являлся одним из крупнейших в Византийской империи и располагался в районе со смешанным славянским и греческим населением. Его древнее славянское название — **Болоуѣнь**, поэтому Кирилла и Мефодия называют «солунскими братьями». Вероятно, братья были греками, но не исключено и их славянское происхождение. В любом случае для понимания их лингвистической деятельности важно, что они владели греческим и славянским языками в одинаковой степени.

В создании славянской письменности приоритет, согласно житиям, принадлежал младшему из братьев — Константину. Он учился в Константинополе в эпоху культурного подъема Византии, характеризовавшегося, в частности, повышенным интересом к филологическому изучению античных текстов. Учителями Константина были выдающиеся деятели византийской культуры Лев Математик и Фотий, ставший впоследствии патриархом. Позднее Константин служил хранителем патриаршей библиотеки и преподавал философию, а также участвовал в византийских дипломатических миссиях в Хазарский каганат и Арабский халифат. Во время этих поездок он, в частности, изучал языки, что отнюдь не было распространенным занятием в среде даже образованных подданных Византии. Кроме славянского и греческого Константин владел латинским, еврейским, хазарским, готским языками. Таким образом, деятельность Константина в период, предшествовавший работе по созданию славянской письменности, основательно подготовила его к главному делу его жизни.

Согласно источникам, в 862 (или 863) г. в Константинополь к императору Михаилу III прибыло посольство из Великой Моравии от князя Ростислава (Растицы) с просьбой прислать мораванам «епископа и учителя», который мог бы изложить им на славянском языке основы христианского вероучения. Возможно, этому предшествовало аналогичное обращение к папе, на которое, однако, не было получено положительного ответа. Следует иметь в виду, что

Великая Моравия в церковном отношении подчинялась баварскому епископу, формально находившемуся под юрисдикцией папского престола. В отличие от папы, византийское правительство отнеслось к просьбе Ростислава благосклонно, и в 863 г. в Великую Моравию была послана миссия во главе с Константином, который создал алфавит и начал вместе с Мефодием переводить необходимые книги с греческого на славянский язык. Таковы в общих чертах сведения, сообщаемые историческими источниками.

Однако письмо, созданное Константином, по общему мнению славистов, столь совершенно, что может рассматриваться только как результат длительной и кропотливой работы. Эта работа, вероятно, была начата задолго до приглашения в Великую Моравию. Нельзя исключать и того, что какая-то деятельность по созданию письменности для славян могла быть инициирована самим византийским правительством, которое в первой половине IX в. активно поддерживало миссионерскую деятельность византийского духовенства на пограничных с Византией славянских землях. Дело в том, что на окраинах империи и в приграничных с Болгарским царством районах славяне оставались единственным на территории Византии языческим народом, хотя большая часть славян, проживавших в самой империи, была уже христианизирована. Отношения Византии с населенным славянами Болгарским царством были непростыми. Официальное крещение Болгарии римскими священниками (неожиданное для Константинополя) датируется 865 г., однако в 870 г. после неудачных попыток болгар получить разрешение от папы на организацию епископской кафедры произошла их переориентация на Византию. То, что ко времени появления славянской письменности большинство византийских славян уже сделали христианами, означает, что предварительная работа по созданию славянской письменности и переводческая деятельность первоучителей в Византии проходила в условиях сложившейся у славян империи христианской речевой традиции. Это должно было благоприятствовать деятельности Кирилла и Мефодия.

Таким образом, начатая, видимо, еще в Византии работа по созданию письменности для славян, живших в Византии и прилегающих к ней областях, была продолжена в Великой Моравии, где Кирилл и Мефодий проработали около трех лет. Кроме того, по приглашению князя Коцела они несколько месяцев работали в Паннонии.

Кирилл и Мефодий
(иллюстрация из Радзивилловской летописи XV в.)

В церковном отношении Великая Моравия подчинялась баварскому, а Паннония — зальцбургскому архиепископу. Оба они, с одной стороны, были в значительной степени независимы от папского престола, который, в принципе, одобрял миссионерскую деятельность Константина, а с другой — естественным образом действовали в интересах Восточно-франкского королевства. С канонической точки зрения камнем преткновения было использование славянского алфавита и отправление богослужения на славянском языке. Баварские и зальцбургские миссионеры возражали против этих новшеств: сами они записывали необходимые славянские тексты — переводы молитв — латинскими буквами и проводили богослужение на латинском языке.

Во время моравской миссии Кирилл и Мефодий опирались на поддержку папы, которая временами была непоследовательной и противоречивой. В 867 г. они отправились в Рим к папе Адриану II за официальным одобрением своей деятельности. Там Кирилл заболел и в 869 г. умер, а Мефодий с учениками продолжил свою деятельность в славянских землях. В 870 г. папа поставил его паннонским архиепископом. В его епархию входили Великая Моравия, Паннония и некоторые другие славянские земли, что, конечно, не могло не обострить и без того сложные отношения с немецким духовенством. В начале 870-х годов (уже после смерти Кирилла) Мефодия по доносу даже посадили в тюрьму, но он был освобожден повелением папы Иоанна VIII. Борьба за сохранение и распространение славянской

письменности велась учениками солунских братьев и после смерти Мефодия в 885 г., однако закончилась она запрещением славянского богослужения и их изгнанием из Великой Моравии. Тем не менее кирилло-мефодиевские традиции славянской письменности какое-то время продолжались у западных славян и в X в., в частности в Чехии, а через нее, видимо, даже и в Польше.

После изгнания из Моравии ученики Кирилла и Мефодия направляются в Болгарию, Хорватию, Сербию. То, что не удалось сделать в Великой Моравии и Паннонии, а именно — создать прочную славянскую письменную традицию, было достигнуто в Болгарском царстве, где при царе Борисе (852–888 гг.) и царе Симеоне (888–927 гг.) ученики и последователи солунских братьев получили теплый прием. Там 893 г. на Преславском соборе славянский язык был провозглашен, наряду с греческим, языком церкви и государства. Из Болгарии он распространился на другие славянские (и не только славянские) земли. 893 г. знаменует окончание тридцатилетнего периода становления старославянского языка и начало его стабилизации в древнеболгарском варианте. Следующие несколько десятилетий царствования болгарского царя Симеона письменность на старославянском языке переживает расцвет. Это время называют золотым веком древнеболгарской литературы.

Итак, в результате деятельности Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников славяне получили собственную оригинальную письменность, т. е. алфавит, приспособленный для передачи фонем славянской речи (даже два алфавита — глаголицу и кириллицу), и литературно-письменный язык, который в науке получил название старославянского, или древнецерковнославянского. Этот старославянский язык формировался непосредственно в процессе перевода греческих литературных текстов на язык, которого еще не существовало. Таким образом, перед переводчиками стояла задача создания славянских текстов, которые и точно передавали бы оригинал, и были бы хорошо понятны славянам. Язык этих переводов оказался такого высокого качества, что мог не только адекватно передавать богатое и сложное содержание переводимых греческих текстов, но и позволял создавать оригинальные произведения.

В том виде, в каком слависты представляют себе существование старославянского языка в IX — начале X в., он является результатом реконструкции. Начальное состояние этого языка приходится реконструировать по более поздним памятникам письменности, так

как старославянские рукописи, относящиеся к этому периоду, не сохранились. Дошедшие до нас письменные памятники, в том числе содержащие кирилло-мефодиевские переводы, могут быть датированы концом X–XI в. Эти памятники являются копиями древнейших, что и позволяет более или менее точно реконструировать начальное состояние старославянского языка.

То же самое можно сказать и о начальном состоянии старославянского письма как составной части старославянского языка. Каков был древнейший славянский алфавит, нам доподлинно не известно. До нас не дошло никаких принадлежащих Кириллу автографов, в которых он сообщал бы, какую из азбук — глаголицу или кириллицу — он создал и когда, не говоря уже о других, более мелких деталях. Все это ученые могут с той или иной степенью достоверности лишь реконструировать, используя только косвенные данные — прежде всего материал древнейших сохранившихся письменных памятников.

§ 10. Старославянские азбуки: глаголица и кириллица

Древнейшие старославянские памятники письменности созданы с использованием двух внешне сильно различающихся видов письма — **глаголицы** и **кириллицы**. Но какой из этих алфавитов был создан Кириллом и какой из них древнее? Поскольку прямого ответа на эти вопросы исторические источники не содержат⁴¹, дискуссия вокруг данной проблемы имеет в славистике длительную историю. Однако в настоящее время более или менее общепринятым является мнение, согласно которому глаголица изобретена Кириллом в 863 г. еще в Византии, а первоначальная кириллица является приспособлением к славянской фонетической системе греческого алфавита, который был дополнен буквами глаголицы для обозначения славянских фонем, не имевших соответствий в греческом.

⁴¹ В тех исторических источниках, где рассказывается о том, что св. Кирилл создал славянскую письменность, не уточняется, какой алфавит он создал — глаголицу или кириллицу. Даже в сказании «О письменах» черноризца Храбра, дошедшем до нас в кириллических списках, ничего не говорится о существовании двух типов славянского письма, поэтому только из общего контекста можно заключить, что он имеет в виду глаголицу.

К первоначальной кириллице восходит и современный русский алфавит.

Гипотеза, согласно которой автором глаголицы признается Кирилл, базируется на следующих косвенных аргументах:

1) глаголица в большей степени, чем кириллица, подходила для передачи солунского диалекта (родного, очевидно, для Кирилла), который предположительно и лег в основу письма, созданного Кириллом (см. с. 87–95);

2) начертания глаголических букв, в отличие от кириллических, свидетельствуют об индивидуальном творчестве (а именно на оригинальности алфавита настаивают исторические источники, когда говорят о письме, созданном Кириллом), хотя некоторые буквы имеют соответствия или их можно возвести к буквам других алфавитов, главным образом греческого (многие глаголические буквы возводят к греческому курсивному письму) и древнееврейского (что также неудивительно, если учесть филологическую подготовку Кирилла);

3) об индивидуальном творчестве свидетельствует и тот факт, что при создании букв глаголицы были использованы христианские символы: первая буква глаголицы *азъ* представляет собой крест — **✝**, а символы Троицы — треугольники **Δ** и **∇** — и символ бесконечности божества — круг (○) — служат основой для букв *иже* **Ѣ** и *слово* **Ѧ**, используемых при сокращенной передаче под титлом имени *Иисус* (греч. Ἰησοῦς): греч. ΙΣ = глаголическое **ѢѦ** (кириллическое **іѣ**);

4) существует мнение, что первоначально имя Кирилла носила именно глаголица, в доказательство чего приводится запись писца Упия Лихого 1047 г., сохранившаяся в нескольких списках XV–XVI вв., в которой он сообщает, что Бог сподобил его «**написати книги си • ис куриловицѣ князю владимирѹ новѣгородѣ княжащю**» (т.е. ‘переписать книги эти «с кириллицы» для князя Владимира, княжщего в Новгороде’). С учетом того, что переписанная им книга — кириллическая, а в рукописи встречаются глаголические буквы, полагают, что ее оригинал был целиком написан глаголицей, — следовательно, под «куриловицей» (= кириллицей) Упирь Лихой подразумевал глаголицу. Впрочем, не исключено, что оригинал этой рукописи не был полностью глаголическим, а Упирь Лихой назвал «куриловицей» не глаголицу, а особую разновидность южнославянского устава, которая отличалась от той, которой пользовался писец. Само же название «глаголица» возникло сравнитель-

но поздно — в Хорватии в XVI в. (от хорв. *glagoljaši* ‘католический священник, использующий глаголические книги во время богослужения’).

Таковы основные доводы в пользу авторства Кирилла. Гипотеза о большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей тоже строится на ряде косвенных аргументов.

1. В древней славянской письменности есть такие стихотворные молитвы, в которых начальные буквы каждого стиха идут в порядке их следования в алфавите. Их называют **азбучными молитвами**, или **толковыми азбуками**. Вот пример семи первых стихов (в нормализованной орфографии) Азбучной молитвы Константина Преславского, одного из учеников Кирилла и Мефодия:

Азъ словомъ симъ молю сѧ богоу •	‘Я с такой речью обращаюсь к Богу:
Боже всея твари и зиждителю •	«О Бог всего сущего и создатель
Видимъ имъ и невидимъимъ •	видимого и невидимого!
Господа доуха посли живѣщааго •	Господина Духа пошли животворящего,
Да въдъхнетъ въ сръдце ми слово •	пусть он вдохнет в сердце мне слово,
Еже бждетъ на оуспѣхъ всѣмъ •	которое поможет всем
Живѣ щимъ въ заповѣдхъ ти <...>	живущим по заповедям твоим <...>’

Для решения вопроса, какая из двух старославянских азбук древнее, существенно, что в азбучных молитвах имеется два стиха на **х** и три стиха на **и**, что предполагает наличие в исходной азбуке двух букв для передачи /x/ и трех — для /i/. А это характерно именно для глаголицы: в глаголических памятниках три буквы **Ѣ**, **Ѧ**, **Ѧ**, обозначающие /i/, употребляются в соответствии с двумя кириллическими **и**, **і**, а две буквы — **Ѧ** **хѣръ** и **Ѧ** **хѣмъ**, — обозначающие /x/, используются в соответствии с кириллическим **х**. Буква **Ѧ**, которую часто называют «паукообразное х», встречается очень редко и только в слове **хѣмъ** ‘холм’, поэтому в славистике условно называется **хѣмъ**. Впрочем, в сочинении черноризца Храбра эта буква имеет название **хѣ**. Возможно, за этим сокращением стоит слово **хѣбъ**, которое, как предполагают некоторые слависты, и было названием данной буквы в первоначальной глаголице.

2. Числовое значение соотносимых букв глаголицы и кириллицы не совпадает, причем если в глаголице все буквы от **а** «азъ» до **ч** «чръвь» включительно (в том числе, не имеющие соответствий в греческом алфавите) имеют числовое значение, рост которого строго

соответствует порядку букв, то в кириллице буквы **Б** «**БОУКЪ**» и **Ж** «**ЖИВѢТЕ**», созданные для передачи славянских фонем и добавленные к греческому алфавиту, числового значения не имеют. Само по себе такое соотношение, строго говоря, еще не доказывает большей древности глаголицы, однако, по мнению палеославистов, встречающиеся в памятниках ошибки, которые возникают в результате несовпадения числового значения букв глаголицы и кириллицы, указывают на то, что глаголица древнее.

3. На бóльшую древность глаголицы указывают и некоторые особенности тех старославянских памятников, в которых есть и глаголические, и кириллические буквы. Существует два типа таких рукописей. В одних основной текст (он же и более древний) записан глаголицей, а более поздние записи на полях (маргиналии) — кириллицей. В других рукописях кириллический текст имеет спорадические вкрапления букв глаголицы — видимо, проникающих в него из глаголического оригинала, с которого рукопись переписывалась. В обоих случаях глаголический текст хронологически предшествует кириллическому.

4. До нас дошли и такие старославянские памятники, в которых более поздний текст нанесен поверх старого, соскобленного или смытого. Их называют **палимпсесты** (греч. παλιμψητος, от *pálin* 'опять' и *ψητός* 'стертый, соскобленный'). Если в палимпсесте алфавиты разные, то удаленный (а значит, видимо, и более древний) текст всегда писан глаголицей, а по нему идет кириллица (и никогда наоборот), что говорит о систематической замене глаголицы кириллицей.

Три последних аргумента основаны на том, что при наличии в рукописи (или в двух связанных друг с другом рукописях) глаголицы и кириллицы глаголический текст всегда оказывается древнее.

Итак, глаголица древнее кириллицы и была создана Константином Философом. Судя по всему, создавая глаголицу, Константин опирался на средневековую грамматическую традицию, согласно которой буквы одной письменности должны были отличаться от букв другой письменности тремя своими характеристиками: **начертанием** (в латинской грамматической терминологии — *figura* 'изображение'), **значимостью** (лат. *potestas* 'значение') и **названием** (лат. *nomen* 'имя'). С ориентацией на эту традицию и была, видимо, связана необычность (оригинальность) начертаний глаголических букв. Однако существует и другое предположение: стремление

Кирилл сделать буквы нового алфавита максимально непохожими ни на греческий, ни на латинский алфавиты могло иметь и дипломатическую подоплеку, поскольку, будучи византийским миссионером, создатель славянской письменности во время своей деятельности в Великой Моравии и Паннонии, подконтрольных папе, должен был постоянно лавировать между Римом и Константинополем.

Позднее глаголица проникла в Болгарию и на другие славянские территории, однако затем была почти везде заменена кириллицей или латиницей, за исключением Хорватии, где в богослужении глаголица продолжала использоваться до конца XVIII в., а глаголическая письменная традиция оказалась столь сильна, что уже в конце XIX в. папа Лев XIII вновь позволил печатать глаголические богослужебные книги. В Древней Руси глаголица использовалась очень редко.

Возникновение и начало широкого распространения второго старославянского алфавита — кириллицы, а также замена ею глаголицы относятся уже к деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии, где в конце IX в. при грекофиле царе Симеоне сложились наиболее благоприятные условия для развития письменности на первом литературном языке славян. Однако этот триумф кирилло-мефодиевского дела в Болгарии имел и оборотную сторону. Замена глаголицы на кириллицу означала в определенном смысле нарушение кирилло-мефодиевских традиций, хотя и была проведена, вероятно, Константином Преславским, одним из учеников Кирилла и Мефодия. Впрочем, некоторые слависты связывают введение кириллицы с именем другого их ученика — Климента Охридского.

По начертанию букв кириллица представляла собой греко-византийский **устав** (= унциал), дополненный глаголическими буквами. Уставом называют древнейший из трех последовательно сменявших друг друга почерков, или видов, кириллического письма (два другие — **полуустав** и **скоропись**). Устав XI–XIII вв., представленный в пергаменных рукописях, — это медленное, торжественное письмо в границах двух параллельных линеек, причем буквы писались прямо, перпендикулярно к строке. Со второй половины XIV в. устав сменяется полууставом, сохраняясь, однако, до XVI в. в торжественно оформленных богослужебных рукописях.

Восточноболгарский эпиграфический материал X–XI вв. (в частности, двуязычные греко-славянские граффити) показывает, что с палеографической точки зрения между греческими и славянскими

буквами нет различий. Например, адекватно записать славянское /bogъ/, используя только буквы греческого алфавита, было невозможно, так как в греческом не имелось подходящих букв для передачи славянских фонем /b/ и /ъ/, поэтому поначалу к греческим буквам добавлялись глаголические, которые использовались для передачи славянских фонем: слав. /bogъ/ → **ЪОГЪ** (глаголица: все буквы глаголические) → **ЪОГЪ** (первоначальная кириллица: первая и последняя буквы — глаголические, вторая и третья — кириллические, совпадающие с греческими) → **БОГЪ** (стилизованная кириллица: все буквы кириллические). Замена глаголицы кириллицей в источниках получила обозначение **прѣложеніи кѣнигъ** 'переложение (замена) письма'. Вместе с тем глаголица не была отвергнута напрочь или тем более запрещена: обе азбуки были равноправны, а глаголица использовалась в Восточной Болгарии еще в середине X в.

Таким образом, в культурологическом плане важнейшим различием между двумя старославянскими алфавитами является то, что глаголица — это искусственно созданный, а кириллица — исторически сложившийся алфавит, т.е. греческое письмо, приспособленное к звуковому строю славянской речи («славянизированное») под влиянием глаголицы. С собственно лингвистической точки зрения оба алфавита очень хорошо подходили для передачи звукового строя древней славянской речи.

Можно выделить следующие основные этапы развития старославянской письменности:

- 1) использование различных типов первобытного письма при совершении языческих обрядов и для примитивного счета (по свидетельству черноризца Храбра, «**словѣне... чрътами и рѣзани чѣтъѡхъ и гатаахъ**»);
- 2) использование греческого и латинского письма «без устройства»;
- 3) создание глаголицы (отчасти под влиянием греческого письма);
- 4) возникновение кириллицы, т.е. славянизация греческого алфавита по образу глаголицы.

Оба древнейших старославянских алфавита представлены в таблице 1.1. В графе «Звуковое значение» запятая (,) разделяет варианты чтения соответствующей буквы, знак равенства (=) соединяет разные равноправные способы обозначения соответствующих

фонем, а через косую линию (/) даны возможные, включая диалектные или хронологически сменяющие друг друга, варианты произношения. Две точки над гласными свидетельствуют о переднем произношении соответствующих гласных после йота и мягких согласных. Йот в скобках (j) указывает на то, что буква может обозначать сочетание йота с соответствующим гласным, в частности в начале слова и после гласного. Запятая вверху при согласном и знак (') над согласным указывают на его мягкость, а знак (˘) — на шипящий характер согласного (при этом одновременно может быть отмечена его мягкость). Индекс (ⁿ) при гласном указывает на носовой призвук этого гласного, но традиционно в палеославистике носовые гласные принято обозначать значком (˘) под гласным — ҃ ([e] носовое), ҃ ([o] носовое), что отличается от обозначения носовых гласных в международной фонетической транскрипции, где носовой характер гласного помечается тильдой над гласным — [õ], [ã], [ĩ].

Таблица 1.1. Соотношение глаголицы и кириллицы

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
азъ	Ѧ	1	а	1	a
боукы	Ѣ	2	в	—	b
вѣдѣ	Ѧ	3	в	2	v
глаголи	Ѧ	4	г	3	g
добро	Ѧ	5	д	4	d
кстѣ	Ѧ	6	ѣ	5	e
живѣте	Ѧ	7	ж	—	ž' = ž
зѣло	Ѧ	8	з (з)	6	dz' = ź
земля	Ѧ	9	з	7	z
ижен	Ѧ	10	—	10	(j)i
	Ѧ	—	—	—	(j)i
иже	Ѧ	20	и	8	(j)i
Ѧ(она)	Ѧ	30	—	—	g'

Продолжение табл. 1.1

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
како	ⱁ	40	к	20	k
людик	ⱃ	50	л	30	l
мъслитѣ	ⱄ	60	м	40	m
нашь	ⱆ	70	н	50	n
онъ	ⱇ	80	о	70	o
покон	ⱈ	90	п	80	p
ръци	ⱉ	100	р	100	r
слово	ⱊ	200	с	200	s
твърдо	ⱋ	300	т	300	t
ѹкъ, ѱкъ (ижица)	ⱌ	400	ѹ	400	ü, i, u
оѹкъ, оникъ	ⱍ	400	оѹ, ѻ	400	u
фрътъ	ⱎ	500	ф	500	f
хѣр(оѹвим)ъ	ⱏ	600	х	600	x
отъ	ⱐ	700 (?)	ѡ	800	o
пѣ, пѣ	?	800	—	—	?
ци	ⱑ	900	ц	900	c' = ć
чръвь	ⱒ	1000	ч	90	č' = č
ша	ⱓ	—	ш	—	š' = š
шта	ⱔ	800	щ	—	št'/št
кръ	ⱕ	—	ъ	—	ъ
кры	ⱖ, ⱗ, ⱘ	—	ъи, ѱ, ѱ	—	y = i
кръ	ⱕ	—	ь	—	ь
ѡдъ, ѡтъ	ⱙ	—	ѣ	—	(j)ě = (j)ä
хлъмъ, хлъвъ	ⱚ	—	—	—	x

Окончание табл. 1.1

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
ю, юсь	Ю	—	ю	—	(j)ü / (j)u
юс большой	Ѧ	—	Ѧ	—	ɔ = ǫ
юс малый	Ѣ	—	Ѣ	900	ɛ = ě
юс большой йотированный	ѦѢ	—	ѦѢ	—	(j)ǫ̆ = (j)ǫ̇
юс малый йотированный	ѢѢ	—	ѢѢ	—	(j)ɛ̆ = (j)ɛ̇
йотированное а	—	—	Ѧа	—	(j)ä / (j)a
йотированное е	—	—	Ѧк	—	(j)e
кси	—	—	Ѧѣ	60	ks
пси	—	—	Ѧѣ	700	ps
фита	Ѧѣ	—	Ѧѣ	9	θ, t, f

§ 11. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы

Для характеристики любого алфавита первостепенное значение имеет звуковое значение его букв. Звуковые значения букв определяют, насколько хорошо алфавит выполняет свою основную функцию — обозначать фонемы данного языка. Когда мы говорим о современном языке, мы знаем состав его фонем и фонологическую систему в целом, поэтому для определения звуковых значений букв нужно соотнести известный нам состав букв и состав фонем. В случае же древнейших глаголицы и кириллицы ситуация принципиально иная. С одной стороны, их состав доподлинно неизвестен: мы его реконструируем, анализируя дошедшие до нашего времени письменные памятники, а последние не совпадают друг с другом в отношении состава используемых букв. С другой стороны, точ-

но не известен и состав фонем того древнеславянского языка или диалекта, который лежит в основе исходной глаголицы и кириллицы.

Таким образом, палеослависты должны решить уравнение с двумя неизвестными, каждое из которых нужно установить. Конечно, было бы преувеличением утверждать, что нам совсем уж ничего не известно. Сравнительно-исторический метод позволяет с большим или меньшим приближением к реальности реконструировать фонологическую систему позднепраславянского языка. Кроме того, при помощи выработанных в исторической фонологии принципов расшифровки древних письменных текстов можно уточнить детали реконструкции, в частности выявить некоторые диалектные черты, отраженные в древнеславянских письменных памятниках.

Таким образом, филологический и фонологический анализ глаголицы и кириллицы имеет особое значение как для реконструкции звуковых систем, для которых они создавались, так и для реконструкции тех принципов, которые были положены в основу этих алфавитов при их создании и формировании. Основным теоретическим положением при этом является следующее: на письме отражаются только фонологические различия и не отражаются аллофонные. Соответственно, создатели новой письменности по необходимости являются стихийными фонологами, и создаваемое ими новое письмо может отразить только фонологически существенные различия, при этом в идеале оно должно учитывать все фонологически существенные различия.

В середине XX в. этот принцип был сформулирован Л. Р. Зиндером, который сделал при этом оговорку, касающуюся отклонений от данного принципа в случае заимствования алфавита: «Если бы для каждого языка изобреталась своя особая система знаков, то каждая фонема этого языка могла бы обозначаться специальной буквой. Но история письма учит, что алфавит не изобретается для каждого языка заново, а заимствуется из языка в язык. Полностью приспособить чужой алфавит — задача чрезвычайно трудная, а иногда и невыполнимая. Погрешности против звуковой стороны могут быть заложены, таким образом, в письменности с самого начала ее существования»⁴².

---

⁴² Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики: Популярный очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. С. 53.

Несколько подробнее об этом же писал В. М. Жирмунский, анализируя готское письмо: «Все алфавиты, созданные заново, если бы они создавались на пустом месте, были бы фонологическими в том смысле, что буквы обозначали бы фонемы как смыслоразличительные звуковые типы (термин Л. В. Щербы), а не оттенки фонем, механически обусловленные положением звука и не осознаваемые ни говорящим, ни слушающим. Однако алфавиты никогда не создаются на пустом месте; они обычно примыкают к традиции другого, более раннего письма... Кроме того, не будучи ученым специалистом в области фонологии, создатель нового алфавита в своем “стихийном фонологизме” мог натолкнуться на те или иные объективные трудности технического характера в обозначении или даже в различении как фонем, так и их оттенков»⁴³.

Поскольку, как полагают, глаголица не представляла собой исторически сложившегося письма, а была специально создана для передачи славянской речи, естественно предположить, что глаголический алфавит потенциально имел строго фонологический характер, т. е. в принципе отражал только фонематически существенные противопоставления. Вместе с тем это предположение не означает, что исходное старославянское письмо представляло собой фонематическую транскрипцию славянской (солунской) речи (хотя в значительной степени приближалось к ней). Причина отклонения старославянского письма от фонематической транскрипции заключалась прежде всего в том, что глаголица, несмотря на отсутствие внешне-го сходства в начертании букв, создавалась под сильным влиянием греческого письма (т. е. примкнула «к традиции другого, более раннего письма»). Но нельзя исключить и того, что создатель глаголицы мог (хотя бы стихийно) использовать такие графические принципы, которые нарушали соотношение «одна фонема = одна графема», отражая при этом необходимые фонологические оппозиции. Например, Кирилл использовал гласные буквы для обозначения мягкости согласных: ср. глаг. **ѡѢРѢѢ** (= кир. **женѣ**) ‘жену (дат. ед.)’ — глаг. **ѡѢРѢѢ** (= кир. **женѣ**) ‘женю (наст. вр. 1 л. ед.)’. Н. С. Трубецкой полагал, что идею обозначать мягкость согласного буквой гласного (напр., глаг. **коню** ‘коню’ дат. ед., **волю** ‘волю’ вин. ед.) Кирилл мог почерпнуть из современной ему греческой графики, где уже в IX в.,

⁴³ Жирмунский В. М. Готские ai, au с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 67–78.

видимо, были палатализованные согласные [l'], [n']: ср. ἐννέα [en'a] 'девять', λιοντάρη [l'ontari] 'лев'⁴⁴. Такой способ обозначения палатальных согласных предвосхищает **слоговой принцип графики** в современном русском письме, когда твердость/мягкость согласного передается следующей буквой.

Рассмотрим сходства и различия между глаголицей и кириллицей с точки зрения передачи ими фонем солунского говора.

Состав первоначальной глаголицы является предметом дискуссий. В целом можно принять сообщение Храбра, который пишет, что Кирилл изобрел 38 букв. Это же количество букв находим в латинской рукописи XI в. — кириллическо-глаголическом Мюнхенском алфавитари. Однако многие ученые полагают, что сначала в глаголице было 36 букв. Спорным является и первоначальный состав кириллицы, но для этого алфавита вопрос стоит не столь остро, так как кириллица складывалась более или менее постепенно в результате преобразования греческого письма и глаголицы. Различия в составе букв глаголицы и кириллицы, их начертании и цифровой значимости несколько затушевывают сходство графических принципов обоих алфавитов, которое, несомненно, объясняется влиянием глаголицы на кириллицу.

Как правило, и в глаголице, и в кириллице одна буква передает одну фонему. В глаголице только в двух случаях можно заподозрить передачу фонемы сочетанием букв: 1) [y] = **ѣѣ** (= **ѣи**); 2) [u] = **ѣѣ** (= **ѣѣ**). Однако в случае **ѣѣ** второй элемент графемы не употребляется без первого, отделившись от ижицы, к которой, видимо, восходит: **ѣѣ** получился из **ѣѣ**, т. е. **ѣ** + **ѣ**. Таким образом, для передачи славянского [u] в обоих алфавитах на основе греческой графики (заимствование принципа греческого письма в передаче [u] через сочетание букв ou) был создан диграф — буква **ѣѣкъ**: в глаголице **ѣѣ**, которая затем превратилась в **ѣѣ**, и в кириллице **ѣѣ** с ее лигатурным вариантом **ѣѣ**, который часто использовался в начале и в конце строки.

Что касается **ѣѣ**, то, возможно, в первоначальной глаголице буква **ѣѣ** специально была включена в алфавит для использования в составе диграфа, передающего [y], а в таком случае здесь также не нарушался фонографический принцип. В кириллице находим

⁴⁴ Трубецкой Н. С. Старославянская грамматика. Система письма / пер. с нем.; предисл. и комм. Ю. К. Кузьменко. Спб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 31–32, 111–114, 123–124.

больше отступлений от этого принципа: к двум случаям, указанным для глаголицы, но относящимся к обоим алфавитам, следует при-
совокупить наличие в кириллице букв **ѣ** (= [ks]) и **ѵ** (= [ps]), взятых
из греческого алфавита и предназначенных для передачи соответ-
ствующих сочетаний согласных (невозможных в славянских словах
по фонетическим причинам — см. ниже) в греческих заимствовани-
ях: **алеѣандръ**, **ѵгалмъ** ← греч. Ἀλέξανδρος ψαλμός.

Как уже было отмечено, в глаголических рукописях есть три
буквы, которые могут иметь одно звуковое значение [i]: две, соот-
ветствующие кириллическому **і** (в русской традиции «и десятирич-
ное») — **Ѡ** (основной вариант, с числовым значением 10) и **Ѳ** («на
ножке», без числового значения), а также **Ѣ** (с числовым значением
20), соответствующее кириллическому **и** (с числовым значением 8;
в русской традиции «и восьмеричное»). Несомненно, в первоначальной
глаголице эти буквы имели разную значимость, однако
установить исходное состояние на основании употребления этих
букв в дошедших рукописях практически невозможно, так как оно
уже было затемнено произошедшими фонетическими изменениями.
В Киевском миссале, древнейшей глаголической рукописи, имеется
следующее распределение этих букв: **Ѣ** употребляется в диграфе
ѢѢ для обозначения этимологического [y] < *ǔ, в союзе **и** исполь-
зуется только **Ѡ**, а его дублет **Ѳ** («на ножке») встречается как после
гласных, так и после согласных. В другой древней рукописи — Зо-
графском Евангелии — **Ѣ** употребляется после согласных и в начале
слова после союза **и**, **Ѡ** — в начале слова и в союзе **и**, а **Ѳ** — после
гласных в составе одного слова и в качестве элемента диграфа **ѢѲ**.
Таким образом, видно, что показания памятников довольно сложно
привести к общему знаменателю.

Буквы, которые в русской славистической традиции называются
«юсами» (первоначально это название, вероятно, имела буква
Ј/ю), в старославянском языке передавали носовые гласные [ɔ] (**ѡ**
юс большой) и [ɛ] (**ѣ** юс малый). Неясно, сколько юсов было в древ-
нейшем глаголическом алфавите — два (**ѢѢ** и **ѣѣ**) или три (**ѢѢ**, **ѣѣ**
и **ѡѡ**). Дело в том, что в азбучных молитвах им отводится два сти-
ха, но древнейшие рукописи используют три юса. Из сравнения на-
чертания юсов в глаголице видно, что они имеют общую часть (**ѣ**),
соответствующую четвертому юсу — **ѣ**, который в некоторых бо-
лее поздних рукописях выступает в качестве самостоятельной бук-
вы и обозначает звук [ɛ] после непалатальных согласных. Сходство

в начертании юсов показательно: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем с одним дифференциальным признаком.

В кириллице юс малый выступает в трех вариантах: **Ѧ** (наиболее распространенный вариант), **Ѧ** и **Ѧ** (сравнительно редкие варианты), которые встречаются только в нескольких рукописях. В Саввиной книге **Ѧ**, как правило, употребляется в начале слога (после гласных и в начале слова), т. е. имеет звуковое значение [jɛ], а **Ѧ** и **Ѧ** — (они выступают как дублеты) — после согласных, т. е. в значении [ɛ]. В Супрасльской рукописи отсутствует знак **Ѧ**, а **Ѧ** и **Ѧ** употребляются, как в Саввиной книге. Иное распределение в Хиландарских листках: также используются только две буквы — **Ѧ** и **Ѧ**, но употребляются они противоположным образом: **Ѧ** — после согласных, **Ѧ** — после гласных и в начале слова.

Еще одной особенностью глаголицы в обозначении гласных было отсутствие буквы, соответствующей кириллической **Ѧ**. Глаголические памятники используют один знак **Ѧ** вместо двух кириллических букв **Ѧ** и **Ѧ**, которые употреблялись в соответствии с этимологией: глаг. **Ѧ Ѧ Ѧ** = кир. **ѦѦѦ**, глаг. **Ѧ Ѧ Ѧ** = кир. **ѦѦѦ**. Сначала это объясняли несовершенством глаголицы, но последующее изучение южнославянских говоров показало, что неразличение [a]/[ɛ] в позиции после палатальных (мягких) согласных и [j] характерно для многих македонских говоров, в том числе близких к Солуни. Таким образом, использование в глаголице одной буквы в соответствии с кириллическими **Ѧ** и **Ѧ**, видимо, объясняется нейтрализацией [a] ÷ [ɛ] > [ɛ] после мягких (палатальных) согласных. При транслитерации глаголических памятников кириллицей в соответствии с традицией для передачи глаг. **Ѧ** используется буква **Ѧ**: глаг. **Ѧ Ѧ Ѧ** транслитерируется как **ѦѦѦ**, а глаг. **Ѧ Ѧ Ѧ** — как **ѦѦѦ**, т. е. в транслитерированных кириллицей глаголических рукописях буква **Ѧ** отсутствует.

При создании глаголицы был использован следующий графический принцип: одинаковые буквы обозначают разные фонологические единицы, если эти фонологические единицы не встречаются в одинаковых позициях, т. е. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В частности, буквы **Ѧ/Ѧ**, **Ѧ**, **Ѧ** обозначали соответственно [i], [e], [ɛ], [ɛ] после согласных и [ji], [je], [jɛ], [jɛ] после гласных и в начале слова. Это оказалось возможным потому, что в солунском диалекте того времени сочетание «j + гласный переднего

ряда» не могло находиться в позиции после согласного, а соответствующий гласный переднего ряда в начале слова обязательно развивал протетический [j]. В противоположность этому сочетания «j + гласный заднего ряда» противопоставлялись соответствующим «чистым» гласным в одинаковых позициях, что и отразилось в обоих алфавитах: противопоставления букв **Ѣ/ю** — **Ј/ю** и **Ѥ/ѧ** — **Ѧ/ѧ** в начале слова передавали оппозиции [u]/[ju], [ɔ]/[jɔ] (ср. **ѢѢѢ/юѧ** — **ЈЈЈ/юѧ**, **ѤѤѤ/ѧѧѧ** — **ѦѦѦ/ѧѧѧ** ‘где’), а в позиции после согласных — противопоставление твердых и мягких (палатальных) согласных (см. ниже). Сказанное о гласных заднего ряда касается и кириллической пары **а/ѧ**.

С использованием описанного выше графического принципа связано, вероятно, отсутствие в глаголице и кириллице особой буквы для обозначения [j]. Однако возможны и иные интерпретации. В частности, можно предполагать, что глаголические буквы **Ј** и **Ѧ** передавали в начале слова не бифонемные сочетания /ju/ и /jɔ/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ö/. Соответственно, **юѧ** = **ЈЈѧ** может быть интерпретировано фонологически как /jjuṅ/ или /jjuṅ/, а **ѧѧѧ** = **ѦѦѦ** — как /jɔdu/ или /jɔdu/.

Так называемые йотированные буквы глаголицы и кириллицы использовались, как сказано выше, для обозначения мягкости предшествующего согласного. В старославянском языке существовали «мягкие», точнее палатальные, согласные фонемы [ń], [l̥], [r̥], возникшие из исконных праславянских сочетаний *nj, *lj, *rj. В глаголице противопоставление [n]/[ń], [l]/[l̥], [r]/[r̥] перед гласными заднего ряда [u], [ɔ] (а в кириллице и перед [a]) передавалось противопоставлением йотированных и нейотированных букв. Однако перед гласными переднего ряда соответствующее противопоставление не нашло отражения на письме (в частности, в глаголице не было буквы, соответствующей кириллическому **к**, и еще одного юса для передачи носового гласного переднего ряда). Лишь позднее и непосредственно для этого стали использовать особый значок над согласным и следующим за ним гласным: **ѧѧѧ** = **кѧѧ** ‘конь’ им. ед., **ѧѧѧѧ** = **кѧѧѧ** им. мн. (ср. **на кѧѧѧ** [na końi] ‘на коне’ и **искѧѧѧѧ** [iskoni] ‘сначала’), **ѧѧѧѧѧ** = **кѧѧѧѧѧ** вин. мн. Отмеченную особенность глаголицы — невыраженность противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными переднего ряда — не следует считать недочетом составителей первого алфавита. Она отражает фонетическую систему солунского говора, в котором ко времени возникновения

глаголицы, видимо, произошла нейтрализация палатальных и твердых согласных в положении перед гласными переднего ряда. Данное предположение подтверждается исследованиями современных западноболгарских и македонских говоров, для которых характерно неразличение [í]/[i] и [ń]/[n] перед передними гласными. То же самое явление отмечается в ряде моравских говоров чешского языка, т. е. именно в тех местностях, для которых в древнейший период развития старославянского языка было характерно распространение глаголицы. Что же касается большинства болгарских говоров, то там оппозиция [í]/[i], [ń]/[n], [ř]/[r] сохранялась, поэтому в кириллицу были введены буквы **к** и **п**, специально предназначенные для передачи противопоставления твердых и мягких согласных перед [e] и [ɛ] (перед [i] и [ь] могли использоваться специальные надстрочные значки). Следует подчеркнуть, что введение в кириллицу букв **к** и **п**, а также **ѡ**, не имевших соответствий в первоначальной глаголице, было значительным достижением древних болгарских книжников, так как учитывало звуковой строй восточноболгарских говоров.

В глаголице имелась буква **ѡ** (в кириллице ей соответствовала **ѡ**), которая, вероятно, сначала называлась **икъ** (или **ѡкъ**), а в русской традиции за ней закрепилось более позднее название «ижица». Предполагается, что она предназначалась для передачи греческого *υ* в заимствованиях. В архаическом греческом произношении *υ* читалось как [ü], и этому произношению, видимо, следовали составители первой славянской азбуки; в разговорном же греческом того времени ему соответствовал [i]. Обычно в славянской речи (это отражают и старославянские памятники) греческий звук [ü] = *υ* заменялся славянскими звуками [i] = **и** (что совпадало с бытовым греческим произношением), [ʲu] = **ю** или [u] = **ѡ**: ср. греч. ὑποκρίτης > ст.-сл. **ѡпокрѣтъ** / **ипокрѣтъ** / **ѡпокрѣтъ**, греч. ὑπόστασις > ст.-сл. **ѡпостась** / **ѡпостась**, греч. μῦρον > ст.-сл. **мѡро** / **миро** (ср. в связи с этим и обратные гиперкорректные замены: **ѡттро** / **ютро**, но в Маринском Евангелии **ѡттро**).

Глаголическая буква **ѡ** «**фита**», скорее всего отсутствовавшая в первоначальной глаголице, была предназначена для передачи греческого междузубного щелевого звука [θ], который, вероятно, существовал в произношении двуязычных славянских книжников. Эта буква писалась в соответствии с греческой θ в словах, заимствованных старославянским языком из греческого. Однако славяне, в язы-

ке которых подобный звук отсутствовал, обычно заменяли его своим звуком [t] (изредка другими звуками — [x] или даже [z], передавая иные признаки заменяемой иноязычной фонемы): греч. Μάρθα > ст.-сл. **марѣта** / **марѣѡа**, но в Супрасльской рукописи **марѡа**. Иногда славянские книжники в процессе заимствования субституировали греческий звук [θ] звуком [f]. Фонемы /f/ в то время в славянской фонетической системе также не было, но, возможно, она оказывалась более приемлемой для славян, контактирующих с греками. Для передачи греческого [f] служила глаголическая буква **фрѣтъ**: греч. Γολγοθᾶ > ст.-сл. **голѡгѡта** / **голѡгѡѡа**, но в Саввиной книге **голѡгаѡа** / **голѡгаѡа**. Греческий звук [f], который через двуязычных книжников был заимствован в старославянский из греческого языка (ср. греч. φαρισαῖος > ст.-сл. **фарисеи** (-ѣи), греч. ὑναφεῦς > ст.-сл. **гнафеи** ‘белильщик’), в бытовой славянской речи заменялся звуком [p]. Это отражают не только более древние заимствования (ср. греч. φᾶρος > рус. *парус*), но и старославянские рукописи: ср. греч. φοῖνιξ > ст.-сл. **финикъ** ‘пальма’, но в Синайской псалтыри **пиникъсъ**; греч. πορφύρα > ст.-сл. **порѣѡѡра** ‘багряница, пурпур’, но в Зографском Евангелии **форѣѡѡра** (гиперкорректная форма). Существует даже мнение, что буква **фрѣтъ** имела в старославянском языке чисто графическое значение, т. е. читалась как [p], употребляясь только в словах, заимствованных из греческого (ср., однако, употребление **ѡ** в значении [t]/[θ]). Подобное могло происходить у тех славянских книжников, которые не владели греческим произношением.

Глаголическая буква **ѡ** **ѡѡ** передавала особую фонему, которая фонетически представляла собой мягкую аффрикату [ʒ = dʒ] в отличие от фрикативной фонемы [z], которая обозначалась буквой **ѡ** **ѡѡ**. В кириллице для передачи этой аффрикаты, возникшей в результате второй и третьей палатализаций из *g, использовалась буква **з** (видоизменение кириллической буквы **з**), которая в более поздних памятниках была заменена буквой **ѡ**, первоначально не имевшей в кириллице звукового значения и заимствованной из греческой цифри (греч. ζ «вау») для передачи цифры 6. Традиционно при транслитерации глаголических текстов кириллицей глаголическая буква **ѡ** **ѡѡ** заменяется знаком **ѡ**. Наличие в глаголице особого знака для аффрикаты [ʒ = dʒ] говорит о том, что в солунском говоре того времени эта аффриката еще не изменилась в фрикативное [z]. Такую аффрикату до сих пор сохраняют некоторые македонские говоры в районе г. Салоники. Дошедшие до нас старославянские памятники (как

глаголические, так и кириллические) в целом отражают смешение букв **земла** и **ѣло**, которые стали графическими дублетами.

Особый интерес представляют глаголические буквы **ѣ** **шта** и **ѣ** **ѣе**. В первоначальной глаголице, возможно, не было буквы **ѣ**, если учесть, что в древнейших глаголических памятниках она либо не встречается (вместо нее употребляется сочетание **Шѣ** = кир. **шт**), либо встречается эпизодически. В поздних же, наоборот, используется исключительно **ѣ**. По своему начертанию глаголическая **ѣ** представляла комбинацию букв **Ш** и **ѣ**. По-видимому, буква **ѣ** была создана для обозначения мягкой аффрикаты [ʃʦʲ], возникшей в южнославянских говорах праславянского языка из древних сочетаний *tj и *stj. В других диалектах представлены иные рефлексy этих сочетаний, в частности [ʃtʲ], которое, возможно, и обозначалось в глаголических памятниках сочетанием **Шѣ**, а в кириллических — буквой **ѣ** и сочетанием **шт**. Не вполне ясно, была ли подобная аффриката в речи Кирилла и Мефодия, так как македонские говоры обычно дают рефлекс [kʲ], хотя в районе Салоник сохраняются говоры, имеющие в этом случае [ʃt].

Что касается буквы **ѣ**, которой не было в кириллице, то полагают, что она была введена в глаголицу для передачи греч. γ в заимствованиях: ср. греч. ἡγεμών > ст.-сл. **нѣмонъ**, греч. Αἴγυπτος > ст.-сл. **ѣнѣптъ**. В исконных славянских словах этот звук не встречался вследствие произошедших в праславянском языке изменениях заднеязычных согласных в шипящие (первая палатализация) и свистящие (вторая палатализация) согласные перед гласными переднего ряда. В большинстве позиций звук, обозначавшийся в греческом буквой γ , был фрикативным и воспринимался как отличный по способу образования от славянского взрывного [g]. Характерно при этом, что для передачи греческого [kʲ] Кирилл не создал специальной буквы. В славистике при транслитерации старославянских глаголических текстов кириллицей принято передавать букву **ѣ** специальным знаком **ћ**, который использовался в том же значении в древних кириллических памятниках сербского извода церковнославянского языка.

Существует и совершенно иная трактовка глаголических **ѣ** и **ѣ**. Предполагается, что буква **ѣ** была введена Кириллом в глаголицу для передачи солунского рефлекса *tj, а буква **ѣ** — для передачи рефлекса *dj. Эти рефлексy, вероятно, представляли собой палатальные смычные (типа [kʲ] и [tʲ], как в македонском) или палатальные аффрикаты (типа [hʲ] и [dʲ]), как в сербохорватском). В диалекте, на

котором говорили славяне Моравии, не было необходимости в этих буквах, так как там рефлексy данных сочетаний, совпавшие с уже существовавшими фонемами, соответственно обозначались другими буквами: *tj > ć (**Ѣ** = **ц**), *stj > šč (**ШѢ** = **шч**), *dj > đ (**Ѣ** = **з**). Позднее в Болгарии буквой **шта** (**Ѣ** = **ц**) стали обозначать свои рефлексy *tj (šč или šť).

Анализ глаголицы показывает, что в солунском диалекте, который лег в основу первого славянского алфавита и старославянского языка, практически не было ни одного фонологического противопоставления, которое бы не передавалось на письме. Глаголица, таким образом, идеально подходила для передачи на письме звукового строя родного для Кирилла и Мефодия солунского говора и оказалась алфавитом, хорошо устроенным для приспособления к фонологическим системам других древних славянских языков и диалектов. Приведем в качестве подтверждения сказанного высокую эмоциональную оценку, которую дал глаголице видный французский лингвист Ж. Вандриес: «Готский алфавит Вульфилы — прекрасное орудие, достаточно точное; славянский алфавит Кирилла и Мефодия — настоящий шедевр. Как далеки от них алфавиты англосаксов и ирландцев!»⁴⁵. Кириллица унаследовала все достоинства глаголицы, что позволило ей положить начало мощной восточнославянской письменной традиции, частью которой является современное русское письмо.

Рекомендуемая литература

- Бодуэн де Куртене И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: [Б. и.], 1912. С. 41–66.
- Власов С. В.* К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф. 19–21 ноября 2008 г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 25–30.
- Григорьева Т. М., Осипов Б. И.* Русское письмо от старой азбуки до современного алфавита // Русский язык в школе. 2002. № 2. С. 77–82.
- Еськова Н. А.* Передача фонемы <о> после парно-мягких согласных и в сочетании с предшествующим <j> (буква ё и ее графические эквиваленты) // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии: XVIII–XX вв. / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1965. С. 117–131.

⁴⁵ *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 296.

- Зализняк А. А.* О понятии графемы // *Balkanica: Лингвистические исследования*. М.: Наука, 1979. С. 134–152 (перепечатано в кн.: Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 559–556).
- Зиндер Л. Р.* Типы письма // *Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма*. Л.: Наука, 1987. С. 44–53.
- Иванова В. Ф.* Алфавит // *Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография*. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. С. 43–67.
- Иванова Т. А.* О новой интерпретации славянского азбучного именника как текста // *Иванова Т. А. Избранные труды / под ред. С. А. Авериной*. СПб., 2004. С. 72–82 (Впервые опубликовано: *Научные доклады СПбГУ*. СПб., 1999. С. 3–9).
- Моисеев А. И.* Алфавит как фактор письма. Современный русский алфавит // *Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо: пособие для учителей*. М.: Просвещение, 1974. С. 40–67.
- Фридрих И.* О развитии письма и его типах // *Фридрих И. История письма / пер. с нем.* М.: Наука, 1979. С. 30–47.
- Jakobson R.* Избыточные буквы в русском письме // *Jakobson R. Selected writings*. T. I. s'Gravenhage, Mouton, 1962. P. 559–562.

Глава II

ГРАФИКА

§ 1. Графика как аспект письма

В толковых словарях обычно приводится два основных значения слова *графика* (греч. γραφική, от γράφω ‘пишу, рисую’): 1) жанр изобразительного искусства, в основе которого лежит изображение предметов контурными линиями и штрихами, без красок; 2) совокупность начертательных средств (обычно какой-либо письменности). Второе значение лежит в основе и лингвистического термина «графика», который в теории русского письма тоже оказывается многозначным. За ним стоит несколько связанных друг с другом понятий. Во-первых, графика — это совокупность знаков письма (графических средств), с помощью которых передается устная речь; во-вторых, графика — раздел грамматики, изучающий графические средства и их соотношение с языковыми единицами; в-третьих, и это будет нас интересовать прежде всего, под графикой понимают аспект (фактор) письма (наряду с другими аспектами — типом письма, алфавитом и орфографией), определяющий связи между знаками письма и языковыми единицами, которые обозначаются этими знаками. В буквенно-звуковом (алфавитном) письме графика регулирует отношения между буквами алфавита и системой фонем данного языка.

Если в ведении орфографии как аспекта письма находятся принципы и правила написания букв в конкретных морфемах и словоформах, то графика определяет принципы и правила обозначения фонем и их сочетаний буквами вне связи с конкретными морфемами и словоформами.

Знаки письма, служащие для передачи речи, делятся на два разряда: буквенные и небуквенные, — и графика, устанавливающая, как в письменной речи обозначаются фонемы, занимается в основном буквенными средствами конкретного письма. Соотношение между буквой и обозначаемой ею фонемой трактуется как *звуковое*

значение буквы. Чем более однозначным в данном письме является соответствие «буква — фонема», тем совершеннее его фонографическая система, т. е. графика как фактор письма. Однако идеальных графических систем с более или менее длительной письменной традицией, в которых для каждой фонемы имелась бы отдельная буква, практически не существует. Даже если в момент создания новой письменности подобная система появляется (некоторое приближение к такому состоянию, возможно, имело место при создании Кириллом глаголицы), обычно через некоторое время первоначальные отношения между буквами и фонемами нарушаются вследствие звуковых изменений, так как письмо в силу присущего ему по природе консерватизма никогда не поспевает за языковыми изменениями. Появление и исчезновение тех или иных фонем, совпадение их друг с другом в тех или иных позициях приводит к тому, что время от времени в обществе возникает необходимость в реформировании алфавита, графики и орфографии.

С точки зрения того, насколько графические средства приспособлены для передачи фонологических противопоставлений, русское письмо можно признать одним из вполне удобных, несмотря на довольно существенное несоответствие репертуара фонем русского языка и букв русского алфавита.

В фонологической системе русского языка 36 согласных фонем — /p/, /pʲ/, /b/, /bʲ/, /m/, /mʲ/, /f/, /fʲ/, /v/, /vʲ/, /t/, /tʲ/, /d/, /dʲ/, /n/, /nʲ/, /c/, /cʲ/, /s/, /sʲ/, /z/, /zʲ/, /ʃ/, /ʃʲ/, /ʒ:/, /ʒ:/, /ʎ/, /ʎʲ/, /j/, /r/, /rʲ/, /k/, /kʲ/, /g/, /gʲ/, /x/, /xʲ/, однако для их передачи на письме в алфавите имеется 21 согласная буква: **п, б, м, ф, в, т, д, н, ц, ч, с, з, ш, ж, щ, л, й, р, к, г, х.** Соответственно, согласных букв в русском языке значительно меньше, чем согласных фонем. Русский алфавит содержит 15 согласных букв (**п, б, м, ф, в, т, д, н, с, з, л, р, к, г, х**), которые могут обозначать как твердую, так и мягкую согласные фонемы; 3 буквы (**ж, ш, ц**), которые обозначают только твердые согласные фонемы, и 3 буквы (**ч, щ, й**), предназначенные для обозначения только мягких фонем. При этом в фонологической системе русского языка представлено 6 гласных фонем — /i/, /ы/, /u/, /e/, /o/, /a/, однако для их передачи на письме в алфавите имеется 10 гласных букв: **и, ы, у, ю, е, э, ё, о, а.** Соответственно, гласных букв в русском языке значительно больше, чем гласных фонем.

Итак, русская графика приспособила 33 буквы современного русского алфавита (из них 10 гласных и 21 согласная, 2 буквы — **ъ**

и ь — не имеют собственного звукового значения) для обозначения всех 42 фонем (из них 6 гласных и 36 согласных) русского языка. Если же сравнить алфавитные значения русских гласных и согласных букв с составом фонем вокализма и консонантизма литературного языка, обнаружится еще больший переко́с: на 6 гласных фонем приходится целых 10 букв, а на 36 согласных фонем — только 21 буква.

Каким же образом русское письмо справляется с таким переко́сом?

Недостаток согласных и, наоборот, избыток гласных букв сложились в русском письме исторически, вследствие глобальных фонетических изменений, пережитых звуковым строем древнерусского языка. Эти изменения происходили в подсистемах как вокализма, так и консонантизма и были тесно взаимосвязаны. В области консонантизма наблюдалось увеличение количества согласных фонем: возникновение корреляции по твердости/мягкости, а именно палатализованных (мягких) согласных фонем, которые появились на месте твердых перед гласными переднего ряда и стали противопоставляться непалатализованным (твердым) согласным. В области вокализма, наоборот, происходило сокращение количества фонем: исчезли редуцированные гласные /ь/ и /ъ/, утратилось противопоставление передних и непредних фонем (/ä/ и /a/ совпали (нейтрализовались) в /a/, /i/ и /u/ — в /u/). Письмо по-своему приспособлялось к результатам этих изменений. Новые согласные для обозначения новых мягких согласных фонем, конечно, не создавались, но некоторые гласные буквы изменили свое звуковое значение, наиболее кардинально ь и ъ, которые стали использоваться для передачи мягкости и твердости согласных. Так сформировался принцип обозначения твердости и мягкости согласных посредством следующей буквы, который сейчас обычно называют слоговым принципом русской графики.

Таким образом, отсутствие в современном русском алфавите специальных букв для обозначения мягких парных согласных компенсируется графической (фонографической) системой, а именно слоговым принципом графики, когда для обозначения двух парных согласных, различающихся только по признаку твердости/мягкости, используется одна согласная буква, а мягкость согласного обозначается при помощи следующей йотированной гласной буквы **я**, **е**, **ё**, **ю**, **и** или мягкого знака **ь**.

Оказалось, что для удобства буквенно-звукового письма совсем не обязательно обозначение каждой самостоятельной фонемы одной и только одной буквой, т. е. максимальная приближенность письма к фонологической транскрипции. Единственное, что действительно важно, — однозначная передача на письме всех фонологических различий. Более того, в зависимости от особенностей фонологической системы возможна такая организация графики, которая позволяет добиться обозначения большего числа фонем меньшим составом букв алфавита (см. ниже о «формуле построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита» Н. Ф. Яковлева).

§ 2. Слоговой принцип русской графики

Связь алфавита и системы фонем осуществляется через графику. Координация фонем и букв в системе русской графики определяется так называемым слоговым принципом русской графики. Название этого принципа связано с тем, что в основе координации букв и фонем, т. е. фактически в основе базовых правил письма и чтения, лежит «графический слог». Речь идет, конечно, не о фонетическом слоге, как бы его ни понимать, а о графическом единстве — о сочетании букв согласных и гласных со следующими гласными или согласными, а также со следующим мягким или с предшествующим твердым знаком. Такие сочетания могут внешне совпадать с целым слогом, но могут быть и частью слога, как открытого, так и закрытого, или не совпадать, как в случае сочетания согласной буквы с мягким знаком или с пробелом (ср. *н, нь* в словах *стан* и *стань*). «Графический слог» выступает как базовая единица русской графики, определяющая правила письма и чтения русских букв.

Если отбросить некоторые частности, суть слогового принципа состоит в следующем. Для того чтобы обозначить на письме, например, фонему /n/ на конце слова, достаточно использовать букву **н** в соответствии с ее алфавитным значением (напр. *он, банка*); если же за /n/ следует фонема /a/, нужно написать после **н** букву **а** в соответствии с ее алфавитным значением (например, *на*). Если требуется обозначить фонему /n'/ на конце слова и перед согласным, то после **н** для обозначения мягкости согласного придется написать мягкий знак (например, *лень, банька*); если же за /n'/ идет /a/, то нужно написать после **н** букву **я**, которая одновременно обозначает фонему

/a/ и указывает на мягкость согласного (например, *няня*). Правила чтения обратны правилам письма: если после **н** идут буквы **ь** или **я**, то «графические слоги» *нь* и *ня* следует читать как /nʲ/ и /nʲa/ (*ланы* → /lanʲ/, *няня* → /nʲaʲa/); если же после **н** идет согласная буква, «буква пробела» или буква **а**, то *н* и *на* следует читать как /n/ и /na/ (*он* → /on/, *на* → /na/). Таково в самом общем виде функционирование слогового принципа русской графики при обозначении твердости или мягкости парных по этому признаку согласных. Однако у слогового принципа есть еще одна сфера действия — обозначение фонемы /j/.

Таким образом, слоговой принцип русской графики имеет две сферы действия: обозначение твердости/мягкости согласных и обозначение фонемы /j/.

Первым, кто назвал **силлабическим**, или **слоговым** (поскладным — от устар. *склад* ‘слог’) основной принцип русской графики, согласно которому твердость или мягкость согласного при обозначении открытых слогов обнаруживается в написании следующей гласной буквы, был, видимо, В. А. Богородицкий¹. Он, однако, не распространял этот принцип на обозначение мягкости согласного в конце слова и даже на обозначение йота перед гласными. Таким образом, В. А. Богородицкий, называя основной принцип графики слоговым, имел в виду именно фонетические, а не графические слоги. Некоторые ученые во избежание смешения понятий «фонетический слог» и «графический слог» предлагали называть слоговой принцип русской графики в широком смысле (т. е. охватывающий обозначение твердости/мягкости согласных перед гласными, перед согласными и на конце слов, а также обозначение фонемы /j/) «буквосочетательным»². Но всё же следует признать, что последний термин не имеет особого преимущества перед традиционным, так как не проясняет сути слогового принципа графики, если не понимать под «буквосочетанием» «графического слога» (в противном случае непонятно, какие «буквосочетания» подразумеваются), и, наоборот, проигрывает традиционному термину именно в традиционности и привычности. Таким

¹ *Богородицкий В. А. О русском правописании // Богородицкий В. А. Курс русской грамматики русского языка. Ч. I. Фонетика. Варшава, 1887. С. 43. — Впрочем, годом раньше термин «поскладной принцип русской графики» встречается в кн.: Бахтин Н. Н. Проект новой системы азбуки и орфографии. Киев: [Б. и.], 1886. 26 с.*

² Например, в кн.: *Моисеев А. И. Буквы и звуки: О современном русском письме. Л.: Просвещение, 1969. С. 53.*

образом, термин «буквосочетательный» может использоваться для прояснения и уточнения содержания старого и привычного термина «слоговой принцип русской графики».

§ 3. Обозначение твердости/мягкости

Как следует из приведенных выше примеров действия слогового принципа графики, указание на твердость/мягкость парных по этому признаку согласных содержится не в самих согласных буквах, а в следующих за ними буквах — гласных и **ь**.

Внутри слова перед гласным твердость/мягкость согласного обозначается не буквой согласного, которая в алфавите предназначена для обозначения твердого согласного, а буквой следующего за ним гласного: мягкость передается так называемыми смягчающими буквами **е, ё, и, ю, я**, твердость, соответственно, несмягчающими буквами **э, о, ы, у, а**.

Если требуется обозначить мягкость согласного в абсолютном конце слова и перед согласным внутри слова, то мягкость передается постановкой мягкого знака после согласного: *банька* /'ban'ka/ — *банка* /'banka/, *конь* /kon'/ — *кон* /kon/ и т. п. Соответственно, отсутствие в подобных случаях **ь** оказывается значимым и указывает на твердость предшествующего согласного.

Таким образом, необходимость обозначения твердости/мягкости согласных гласными буквами приводит к тому, что одна и та же гласная фонема обозначается разными буквами в зависимости от твердости/мягкости предшествующих согласных фонем: ср. *мал* — *мял*, *лук* — *люк*, *вол* — *вёл*, *сэр* — *сер*, *хорт* 'борзая собака' — *Хёрт* (имя собственное ← англ. *Hurt*). При этом сама по себе согласная буква оказывается как бы нейтральной по отношению к признаку твердости/мягкости, обозначая совокупность только общих для твердой и мягкой фонемы дифференциальных признаков, т. е. своего рода архифонему, если использовать термин фонологической концепции Пражской школы. Так, различающиеся только признаком твердости/мягкости фонемы /t/ и /t'/ являются в русском языке переднеязычными, взрывными, глухими. Это их общие дифференциальные признаки, совокупность которых в принципе можно рассматривать как архифонему /T/. Можно сказать, что архифонему /T/ обозначает в алфавите буква **т** («звуковым» алфавитным значе-

нием этой буквы является, конечно, не абстрактная архифонема /T/, а немаркированная фонема /t/). В графике буква **т** в соответствии со слоговым принципом получает два звуковых значения — /t/ и /t'/, но только при помощи следующих за **т** букв.

Слоговой принцип графики в сфере обозначения твердости/мягкости согласных очень хорошо согласуется с системой чередований русского языка, позволяя обозначать одной буквой твердые и мягкие согласные, которые чередуются в одной морфеме.

Чередования твердых и мягких согласных буквально пронизывают всю систему русского словоизменения и словообразования. Это «большое практическое достоинство» слогового принципа графики отмечал Л. В. Щерба: «Возможность обозначения твердых и мягких согласных одной буквой сильно облегчена строем русского языка, в котором они очень часто чередуются друг с другом в разных формах одного и того же слова: „стол || на сталь-э“, „вад-а || вадь-э“, „сяд-у || сядь-эш“, „силън-ыј || сильнь-эјэ“ и т. д., — а также при словопроизводстве: „черн-ыј || чернь-ить“, „ряб-ој || ряпь“ и т. п. Во всех этих случаях перемена твердого согласного на соответственный мягкий создает видоизменения корней, семантически абсолютно тождественных: „стол“ и „столь-“ (в *на столе*), „сяд-“ и „сядь-“ (в *сядешь*), „черн-“ (в *черный*) и „чернь-“ (в *чернить*)»³. С другой стороны, Щерба (вслед за Бодуэном де Куртенэ) указывал и на «теоретический» недостаток слогового принципа графики, так как его использование на практике «внушает ложные идеи», в частности то, что различительную функцию имеет не противопоставление твердых и мягких согласных, обозначаемых одной буквой, а противопоставление следующих за ними гласных, обозначаемых разными буквами. Вот как описал Бодуэн де Куртенэ этот «недостаток» русского письма, вызывающий у носителя языка «навязчивые идеи»: «Каждая психически оживленная графема вызывает, путем ассоциации по смежности, навязчивую идею из области произносительно-слуховой: графема гласная навязчивую идею работы средней части языка в момент, предшествующий непосредственно произнесению соответствующей гласной фонемы; графема согласная навязчивую идею отсутствия в ней самой ассоциации с работой средней части языка, свойственную соответствующей фонеме»⁴.

³ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 40.

⁴ Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912. С. 70.

§ 4. Обозначение фонемы /j/

В соответствии со слоговым принципом русской графики фонема /j/ (йот) обозначается двумя разными способами в зависимости от позиции: на конце слова и перед согласными — посредством буквы **й** (/daj/, /tajga/), а перед гласными (в начале слова, а также внутри слова после гласных и после согласных) — при помощи так называемых йотированных (при обозначении мягкости согласных фонем они выступают как «смягчающие») букв **е, ё, и, ю, я** (/jel/ *ел*, /'jotka/ *ёлка*, /vara'bji/ *воробы*⁵, /da'jut/ *дают*, /rjan/ *пьян*, /sjel/ *свел*).

Таким образом, йотированные гласные буквы получают в русской графике две функции: 1) указание на мягкость предшествующего согласного и 2) обозначение фонемы /j/ (в этом случае йотированная гласная обозначает сочетание йота и следующей за ним гласной фонемы). Эти функции вступают в противоречие в случаях, когда фонема /j/ оказывается в позиции после согласного перед гласным. Для снятия этого противоречия используются буквы **ъ** и **ь** в так называемой разделительной функции: они указывают, что следующая за ними йотированная гласная использована для обозначения фонемы /j/, а не мягкости предшествующей согласной фонемы (ср. *польёт* /pa'l'jot/ — *полёт* /pa'l'ot/, *съёмка* /'sjomka/ или /'s'jomka/ — *Сёмка* /'somka/). «Графический слог», т. е. сочетание букв согласного и гласного, как бы разбивается (разделяется — отсюда термин «разделительный знак») твердым или мягким знаком, которые выступают в разделительной функции.

Р.О. Якобсон высказал предположение, что **ъ** и **ь** перед йотированными гласными не осуществляют разделительную функцию, а обозначают фонему /j/, причем сами йотированные гласные указывают на мягкость предшествующего йоту согласного⁶. В основе этой идеи лежит формальный буквенно-звуковой параллелизм, вырванный из общего контекста русского письма: ср. соотношение букв и фонем в парах слов *съест* /s'jes't' — *сест* /s'es't' и *семья* /s'im'ja/ — *семя* /s'em'a/.

⁵ Буква **и** в начале слова и после гласных в соответствии с современным литературным произношением обозначает /i/, а не /ji/: ср. /ix/ *их*, /ma'ix/ *моих*, /'lil'ii/ *лили*. Впрочем, еще встречается и произношение с йотом: /jix/ *их*, /ma'jix/ *моих*.

⁶ Jakobson R. Избыточные буквы в русском письме // Jakobson R. Selected writings. T. I. s'Gravenhage, Mouton, 1962. P. 559–562.

с	ъ	е	с	т	ь
/s/	/j/	/e/	/s'/	/t'/	

НО:

с		е	с	т	ь
/s'/		/e/	/s'/	/t'/	

И

с	е	м	ь	я
/s'/	/i/	/m'/	/j/	/a/

НО:

с	е	м		я
/s'/	/e/	/m'/		/a/

При всем ее остроумии и изяществе такая интерпретация слогового принципа русской графики не представляется убедительной, так как не учитывает некоторых других фактов русской фонографической системы. Во-первых, совершенно непонятно, зачем обозначать при помощи **ю** мягкость всегда твердых /š/ и /ž/, обозначенных буквами **ш** и **ж** в таких словах, как *шью*, *бездорожья* и т. п., а также всегда мягкого /č/, обозначаемого буквой **ч** в словах *чья*, *ручью*, тем более что в системе русского письма существует запрет на употребление **ю**, **я** после шипящих (ср. *чужая*, *шучу*, *чаща* и т. п. при исключениях *парашиют*, *жюри*). Во-вторых, трактовка Р. О. Якобсона требует очевидно более громоздкого и неестественного объяснения (если оно вообще возможно в системе русского письма), какими средствами обозначается фонема /j/ в первом члене следующих параллельных пар слов: *жития* /žyt'já/ — *житья* /žyt'ijá/, *терпению* /t'irpě'n'iju/ — *терпенью* /t'irpě'n'ju/ и т. п.⁷ Таким образом, традиционный подход объясняет эти факты предельно просто, ясно и, главное, единообразно: йотированные гласные буквы обозначают фонему /j/ в сочетании со следующим гласным после мягкого и твердого знаков, выполняющих разделительную функцию.

⁷ Подробнее см. в кн.: *Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография*. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. С. 83–86.

Выбор того или иного разделительного знака — **ъ** или **ь** — определяется уже правилами орфографии, а не графики. Важно подчеркнуть, что в современном русском письме выбор твердого или мягкого разделительного знака ни в коей мере не диктуется твердостью или мягкостью согласного (ср. *адъютант* /ad'ju'tant/ — *семья* /s'i'mja/ и /s'i'm'ja/, *вьюга* /'vjuɡa/ и /'v'juɡa/).

Говоря об обозначении фонемы /j/, нужно коснуться еще одного аспекта. В русской фонетике традиционно считается, что фонема /j/ реализуется как минимум двумя вариантами (аллофонами) в зависимости от позиции в словоформе (и частично от места ударения): 1) перед ударным гласным /j/ представлен вариантом, который считается фрикативным щелевым сонантом [j] ([stl'j-at] *стоят*, ([j'aml̃] *яма*); 2) в конце слова и слога так называемым неслоговым *i* — [i] ([daj] *дай*, [tlj'ga] *тайга*)⁸. Если присмотреться к приведенным словам и сопоставить их графический облик с фонетической транскрипцией, то можно заметить, что аллофон [j] передается йотированной буквой типа **я**, а [i] — буквой **й**. Однако делать из этого вывод, что в данном случае буквы обозначают аллофоны фонемы⁹, было бы неправильно. Во-первых, аллофоны в принципе не могут обозначаться на письме, так как не осознаются носителями языка. Во-вторых, фонема /j/ (как и любая другая) имеет значительно больше, чем два аллофона¹⁰, хотя в фонетической транскрипции из практических соображений используются только два-три символа — [i], [j], иногда лабиализованные [j°] и [i°] ([dɫ'j°ot] *даёт*, [znaj°u] *знаю*). В-третьих, в любом случае в речи произносится не фонема, а какой-то ее аллофон, но совершенно не имеет смысла соотносить букву с аллофоном. В-четвертых, то, что [i] всегда обозначается буквой **й**, и фактически неверно, так как перед безударным гласным фонема

⁸ О собственно фонетическом и фонологическом аспектах проблемы см. в кн.: Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. С. 44, 56.

⁹ Ср.: «Буквой **й** обозначается в русском языке один из вариантов фонемы йот, а именно тот ее вариант, который встречается в русских словах в конце слога: *май*, *май-ка*, *пой-дет*. Другой вариант фонемы йот встречается только в начале слога, но не обозначается в русских словах особой буквой; он обозначается вместе со следующим, за ним гласным одной буквой: вместо **йа** пишут **я** (*яма*), **йу** — **ю** и т. д.» (Иванова В. Ф. Указ. соч. С. 87–88).

¹⁰ Например, в конце слога и в начале слога перед безударным гласным /j/ реализуется разными аллофонами, хотя обычно для их обозначения используется один символ — [i] (ср. [krɫ'ja] *края́*, [ˈkrɫjə] *кра́я* и [kraj] *край*).

/j/ реализуется аллофоном, который в транскрипции обычно обозначается символом [j]: ср. ['znajə] *зная*, ['znaj°u] *знаю*, где [j] и [j°] обозначаются йотированными буквами **я**, **ю**. Таким образом, буквы обозначают фонемы (иногда весьма прихотливо, как видно на примере слогового принципа русской графики), а если одна фонема обозначается разными буквами, то их употребление регулируется правилами графики. В случае с обозначением фонемы /j/ правило формулируется чисто графически: на конце слова и перед согласным фонемы /j/ передается буквой **й**, перед гласным в начале и середине слова — йотированными буквами **е**, **ё**, **и**, **ю**, **я**, которые одновременно обозначают следующий за йотом гласный.

§ 5. Графика и звуковые значения букв

Если в алфавите буквы имеют условные звуковые значения, вытекающие из их названий, то в графике буквы русского алфавита (как гласные, так и согласные) получают звуковые значения, определяемые слоговым принципом. Значения букв, вытекающие из правил графики, считаются *главными*, или *основными*. Поскольку главные значения букв устанавливаются системой графики, их также называют *графическими*.

Буквы русского алфавита могут иметь одно или два графических значения и по этому признаку делятся на две группы — двузначные и однозначные.

Двузначными являются буквы, имеющие два значения, определяемых слоговым принципом графики, причем одно из них совпадает с алфавитным значением буквы. Так, двузначными являются гласные буквы **е**, **ё**, **и**, **ю**, **я**, которые в начале слова и после гласных букв, а также и после разделительных знаков **ъ** и **ь** обозначают сочетание /j/ с гласной фонемой (**е** = /je/, **ё** = /jo/, **ю** = /ju/, **я** = /ja/; и = /ji/ только после **ъ** и **ь**¹¹), а после согласных, обозначающих парные по твердости/мягкости фонемы, передают соответствующую гласную фонему и одновременно указывают на мягкость этих согласных (**е** = /e/, **ё** = /o/, **ю** = /u/, **я** = /a/; и = /i/). Также двузначными являются и согласные буквы **б**, **в**, **г**, **д** и т. д., которые обозначают парные по твердости/мягкости согласные (**б** — /b/ и /b'/, **в** — /v/ и /v'/, **г** — /g/ и /g'/, **д** —

¹¹ Эти графические значения совпадают с алфавитными значениями букв.

/d/ и /d'/ и т. д.¹²) в зависимости от следующей буквы (*быт* — *бить*, *вазы* — *вязи*, *соль* — *сёл* и т. п.). Двухзначной также является буква **ь**, так как она в соответствии со слоговым принципом используется в двух функциях: в качестве разделительного знака (*ружьё* /ružjó/) и для обозначения мягкости согласного (*кон* — *конь*, *полка* — *полька*).

Некоторые двухзначные буквы, например **е, ё, и, ю, я**, могут предавать сочетания двух фонем, а также обозначать одновременно и гласный, и мягкость предшествующего согласного, однако термин «двухзначные» не отражает эти их особенности и не используется для обозначения букв, передающих бифонемные сочетания или выполняющих одновременно две функции.

Однозначные буквы, в противоположность двухзначным, имеют только одно графическое значение. Так, однозначными являются гласные буквы **а, о, у, ы, э**, основная функция которых — передача на письме соответственно фонем /a/, /o/, /u/, /y/, /e/ с одновременным указанием на твердость предшествующего парного по твердости/мягкости согласного. Однозначными являются и буквы **ж, й, ц, ч, ш, щ**, так как они обозначают согласные, не имеющие пар по твердости/мягкости: /š/, /ž/ и /č/ — всегда твердые, а /č'/ и /š':/ — всегда мягкие. Буква **ъ** также однозначная, поскольку употребляется только в функции разделительного знака, не указывая на твердость предшествующего согласного (в отличие от мягкого знака — **ь**, являющегося двухзначной буквой).

Следует иметь в виду, что некоторые однозначные буквы, например **о, ж** и др., имеют еще и второстепенные (орфографические), обусловленные орфографией звуковые значения. Так, буква **о** в соответствии с морфологическим принципом орфографии может обозначать фонему /a/ (*голова* /galavá/), а буква **ж** — фонему /š/ (*нож* /noš/, *ложка* /lóška/), что, впрочем, не делает их двухзначными, если исходить из данного выше определения однозначных и двухзначных букв.

В области гласных букв деление на однозначные и двухзначные буквы пересекается с делением гласных на **нейотированные** (или «нейотованные») и **йотированные** (или «йотованные»). Йотированными гласными называются двухзначные буквы, которые могут обозначать гласные фонемы в сочетании с предшествующим йотом

¹² Первое из приведенных для каждой согласной буквы значений совпадает с алфавитным значением этой буквы.

(/j/). Обычно к йотированным относят буквы **е** (= /je/), **ё** (= /jo/), **ю** (= /ju/), **я** (= /ja/). Обозначение гласного с предшествующим йотом является алфавитным значением йотированных букв. К ним примыкает также и буква **и**, которая тоже может обозначать сочетание /ji/ (*семь* /s'ím'jǐ/, *ручь* /ruč'jǐ/), хотя это не является ее алфавитным звуковым значением, так как не отражается в названии буквы. Соответственно, буквы **э, о, у, а, ы** являются нейотированными.

Кроме передачи сочетания «йот + гласный», буквы **е, ё, ю, я** и примыкающая к ним **и** могут обозначать «гласный + мягкость предшествующего согласного» (*нет* /n'et/¹³, *нёс* /n'os/, *нюх* /n'ux/, *снял* /sn'al/;), в связи с чем йотированные гласные **е, ё, и, ю, я** называют также *смягчающими*, а коррелятивные им нейотированные **э, о, ы, у, а** — *несмягчающими*.

§ 6. Ограничения и нарушения слогового принципа русской графики

Слоговой принцип русской графики имеет одно существенное ограничение в своем употреблении: он распространяется лишь на обозначение твердости/мягкости *парных* по этому признаку согласных. Непарные согласные не нуждаются в специальном указании на их фонетическую твердость или мягкость. Написание йотированных или нейотированных гласных после букв, обозначающих непарные по твердости/мягкости согласные (твердые /ž/, /š/, /c/ и мягкие /č', /š':/), определяется правилами орфографии: после **ж, ц, ч, ш, щ** пишутся **а, е, у** (но не пишутся **я, э, ю**), после шипящих **ж, ч, ш, щ** — только **и** (но не **ы**), написания **и/ы** после **ц**, а также **ё/о** после всех непарных согласных регулируются особыми правилами. Действующий орфографический свод 2006 г. содержит несколько примечаний к основному правилу:

§ 13. После **ж, ш, ч, ш, ц** пишутся буквы **а, у** (и не пишутся **я, ю**), напр.: *жаль, Жанна, межа; шар, лапша; час, свеча, молчащий; площадка, плаща; цапля, отца; жуткий, скажу; шум, Шура, большущий; чувство, молчу; щука, прощу; цугом, отцу.*

¹³ Впрочем, в заимствованных словах е не обязательно указывает на мягкость согласного: ср. *постель* /past'él'/, но *пастель* /pastél'/ и т.п. (см. ниже об отступлении от слогового принципа русской графики, с. 115–117).

Примечание 1. В нескольких иноязычных нарицательных существительных после **ж, ш** пишется буква **ю**: *жюри, жульен, брошюра, парашют* и некоторые другие, более редкие.

Примечание 2. В некоторых иноязычных собственных именах, этнических названиях после **ж, ш, ц** пишутся буквы **я, ю**, напр.: *Жямайтская возвышенность, Жуль, Сен-Жюст, Жюрайтис, Шяуляй, Цюрих, Коцюбинский, Цюрупа, Цюй Юань, Цявловский, Цяньцзян, цян* (народность). В этих случаях звуки, передаваемые буквами **ж, ш, ц**, нередко произносятся мягко.

Буквы **ю** и **я** пишутся по традиции после **ч** в некоторых фамилиях (**ю** — преимущественно в литовских), напр.: *Чюрленис, Степонавичюс, Мкртчян, Чюмина*.

§ 14. После **ж, ш, ч, ц** пишется буква **и** (и не пишется **ы**), напр.: *жир, рыжик, межиздательский, скажи, шить, камыши, чистый, лучи, щит, ищи*.

Примечание. В некоторых иноязычных собственных именах после **ч** пишется буква **ы**, напр.: *Чьонг Тинь* (вьетнамское собственное имя)¹⁴.

Что касается правила, определяющего правописание *ци/цы*, то, по мнению авторов филологического интернет-ресурса «Глазарий языка», оно является главным претендентом на победу в конкурсе «Самые дурацкие правила русской орфографии»:

«Звуки [ж], [ш], [ц] были когда-то, давным-давно, мягкими, а потом отвердели. Историческую память об этой мягкости хранят не знающие исключений и не соответствующие произношению написания *жи, ши*, но не *жы, шы*. А вот *ци / цы* ведет себя более капризно. В корнях надо писать *ци* — при этом есть исключения: *цыган, цыкать, цыпленок* и т. д., которые невесть откуда взялись. В окончаниях надо, напротив, писать только *ы* — *огурцы, принцы, птицы, бледнолицый*. Зачем это нужно и почему бы и в этом случае не последовать примеру *жи, ши* и писать *огурци, принци, птици, бледнолиций* — совершенно непонятно. В суффиксах тоже надо писать *ы* — *царицын, сестрицын*, но поскольку в словах типа *апробация, русифицировать* *ци* трудно отнести к корню, то приходится уточнять: *ы* после *ц* пишется не во всех суффиксах, а только в суффиксах притяжательных прилагательных. Но, как говорят преуспевающие коммивояжеры, и это еще не всё. Собственные имена не подчиняются действующим правилам, и их написание надо просто запоминать: пишем *Ельцин*, но *Солженицын*, есть человек по фамилии *Цыбулько*, а есть

¹⁴ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.

по фамилии — *Цибулько*. В общем, написание *ци / цы* основано на принципе “Я сам себе и небо, и луна” — как поет группа “АукцЫон»»¹⁵.

Таким образом, все написания гласных после непарных по твердости/мягкости согласных, как бы противоречащие слоговому принципу русской графики (типа *лыжи, парашют, цирк, чудо, чаща* и т. п.), связаны с ограничением этого принципа только позицией после парных по твердости/мягкости согласных, т. е. на них слоговой принцип не распространяется, и, соответственно, они не являются его нарушением.

Однако в русском письме имеются и написания, не согласующиеся с функционированием слогового принципа графики даже с учетом указанного ограничения. Они относятся к обеим сферам действия слогового принципа — и к обозначению йота, и к обозначению твердости/мягкости согласных — и, как правило, отмечаются в некоторых заимствованиях и сложносокращенных словах. К нарушениям слогового принципа русской графики можно отнести следующие типовые случаи:

1. Написание **й** перед нейотированным гласным при обозначении /j/ в начале слова и после гласных в таких словах, как *майор* /ma'jor/, *йогурт* /'jogurt/, *йота* (греческая буква) /'jota/ (ср. *ни на йоту*), *Нью-Йорк* /n'ju'jork/, *Йошкар-Ола* /još'kara'la/, *фойе* /fa'je/, *Йемен* /'jem'in/ (вм. *маёр, *ёгурт, *Нью-Ёрк, *Ёшкар-Ола, *фое, *Емен) и т. п. В ряде случаев сосуществуют конкурирующие написания или произношение: ср. *ион* /i'on/ и /jon/ (хим. и эл.-тех. термин; ср. имя собственное *Йон* — нем. фамилия *John*, но рус. *Иона* /i'ona/ (*Ионыч* /i'onыč/) из греч. Ἰωνάς, от др.-евр. имени יְהוֹנָדָב (Йона) ‘голубь’), *Иокогама* и *Йокогама* /i,oka'gama/ и /,joka'gama/ (город и порт в Японии, 横浜市 [Ёкохама-си]), *«Иомиури симбун»* и *«Йомиури симбун»* / *«Ёмиури симбун»* /i,omi'uri/ и /,jomi'uri/ (название японской газеты, яп. 読売新聞 [Ёмиури симбун], англ. *Yomiuri Shimbun*); ср. также *Ио* (греч. Ἰώ, в древнегреческой мифологии жрица богини Геры) и названный в ее честь спутник планеты Юпитер *Йо*.

2. Написание **ьо** для обозначении /jo/ после согласных /l/ и /n/ в заимствованных словах типа *бульон* /bu'l'jon/ (← фр.

¹⁵ Конкурс «Самые дурацкие правила русской орфографии». URL: https://www.facebook.com/glazslov/posts/1861733510585740?__tn__=K-R (дата обращения: 26.08.2018).

bouillon [bujõ]), *почтальон* /раѣта 'Г'јон/ (← нем. *Postillion* ['pɔstɪljɔ:n] ← фр. *postillon* [pɔstijõ]), *карманьола* /карма 'н'јола/ ← фр. *carmanoie* [карманɔ], *миньон* /m'in'jon/ ← фр. *mignon* [miɲõ], *шиньон* /šin'jon/ ← фр. *chignon* [ʃiɲõ], *каньон* /ка 'н'јон/ (← исп. *cañón* [ka'ɲõn]), *сеньор* (исп. *señor* [se'ɲor]) вместо предполагаемых по слоговому принципу написаний *бульён, *каньён, *почтальён, *карманьёла, *миньён, шиньён, *сеньёр и т. п. В XVIII–XIX вв. были возможны написания типа *буліонъ*, *бульіонъ*, *булонъ*, *бульенъ*, *бульйонъ*, *бульонъ*. Главный эксперт в области русской орфографии второй половины XIX в. Я. К. Грот не одобрял написаний типа *бульонъ*, потому что они могут быть прочитаны так же, как *булёнъ*, т. е. без йота — /bu'lon/¹⁶. Кроме того, если *бульонъ* читать как /bu'jon/, тогда и вместо *льемъ*, *житьемъ* можно было бы писать *льомъ*, *житьомъ*. По мнению Грота, нелепость написаний с **ю** становится еще более очевидной, если такую же модель передачи сочетания «/j/ + гласный» распространить на /ja/, т. е. по аналогии с *бульон* писать *брильантъ, *сафьянъ*, *семья* вместо *брильянтъ*, *сафьянъ*, *семья*). Написания типа *бульёнъ*, *батальёнъ* ему тоже не нравились (несмотря на их экономность, соответствие слоговому принципу и даже существование правильных, с его точки зрения, написаний заимствованных слов *курьёзный*, *серьёзный*¹⁷). Сам Грот считал наиболее разумным для обозначения /jo/ в иностранных словах типа *батальонъ*, *бульонъ* использовать диграф *ю* и писать *баталіонъ*, *буліонъ*. Но учитывая возможное (и совершенно непреодолимое) возражение, что в этом случае возникает лишний слог, Грот соглашался вернуться к карамзинскому предложению писать *батальйонъ*, *бульйонъ*¹⁸. Однако если принять написание, предложенное Карамзиным, непонятно, зачем нужен мягкий знак. В разделительной функции **ь** необходим только перед йотированными гласными, и в данном случае он был бы оправдан перед *е/ё*, а в функции маркера мягкости /л'/и/п'/ь является излишним,

¹⁶ Интересно, что написание *ю* для передачи /o/ после мягких согласных активно пропагандировал в конце XVIII в. А. П. Сумароков, который предлагал писать *Альона*, *Семьонъ*, но *южъ*, *майоръ* (а не *Алідна*, *Семіонъ*, но *іюжъ*, *маіоръ*).

¹⁷ Они, с точки зрения Грота, были оправданы орфографией языка-источника, ср. фр. *curieux*, *sérieux*. Впрочем, более правильным для этих прилагательных он считал написание *куриозный*, *серіозный* (итал. *curioso*, *serioso*).

¹⁸ *Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологическое разыскание. СПб., 1873. С. 115–116.

так как перед йотом в русском языке невозможны твердые /l'/ и /n'/. Представляется, что написание типа *бульйонъ* было бы приемлемым компромиссом между одобренными Гротом написаниями *бульионъ* и *бульйонъ*. Единственным его недостатком стало бы возникновение нового непривычного графического сочетания — «согласная буква + й» (до этого в заимствованных словах буква **й** была возможна только после гласного, например *майоръ*¹⁹).

Оправдывая ныне принятые написания типа *батальон*, *шиньон*, некоторые орфографисты считают их более удобными, чем написания типа *батальён*, *шиньён*, так как буква **ё** в печати практически не употребляется, а если эти слова писать с **ье** (*булььен*, *почталъьен*, *навилььен*), то «при чтении можно легко сбиться на произношение [бул'эн]»²⁰. С этим мнением трудно согласиться. Произношение слов *батальон*, *бульон*, *навильон*, *почталъон* и им подобных прекрасно известно носителям русского языка, и эти лексемы совершенно не воспринимается как экзотические и даже иностранные, поэтому написание в них **е** вместо **ё** ничуть не более проблемно, чем в других словах русского языка, исконных и заимствованных, где возникает проблема с чтением в условиях необязательного употребления буквы **ё**.

3. Обозначение /j/ на стыке двух частей сложносокращенных слов, где /j/ обозначен так, как если бы это был стык самостоятельных слов: *минюст* /m'i'njust/, *иняз* /i'njas/, *детясли* /,dɛ'tjasli/, *стройуправление* /,strojupra'vlɛnija/ (вм.о *мингюст, *ингяз, *детгясли, **строгуправление*²¹) и т. п. Это отступление от слогового принципа графики является вполне естественным и вызвано тем, что части сложносокращенных слов воспринимаются, как отдельные, хотя иногда и усеченные, слова и пишутся так, как если бы между ними находилась межсловная граница (*Мин|юст*, *Связь|издат*, *строй|управление*). Таким образом, слоговой принцип графики по самой своей природе применим только внутри слов, а на стыках слов (даже в пределах сложносокращенных образований) он не действует.

¹⁹ Кстати, в XVIII в. представлена очень широкая вариативность в написании этого довольно частотного слова: ср. *майдръ*, *маиоръ*, *магоръ*, *мазоръ*, *майоръ*.

²⁰ Иванова В. Ф. Указ. соч. С. 107.

²¹ Словосочетание *строуправление* /'stroju pra'vlɛnija/ и сложное слово *стройуправление* /,strojupra'vlɛnija/ произносятся практически одинаково.

4. В таких же случаях при обозначении твердости/мягкости согласного: *госинспекция* /,gosy'nspɛksɨjə/, *контригра* /,kɒntrɨ'grə/, *партимущество* /,partɨ'muʂ'istva/, *пединститут* /,pɛdɨnst'i'tut/, *центризбирком* /,centrɨzbɨ'i'rkɒm/ (вм. *госынспекция, *контрыгра, *партымущество, *педынститут, *центризбирком). Несколько особняком стоит примыкающее к перечисленным написание *Связинвест* /,sv'az'i'nvɛst/²², в котором с точки зрения слогового принципа графики **ь** не оправдан (должно быть *Связинвест). Ср. также нестандартное для середины слова, хотя и совершенно естественное, обозначение мягкости на стыке составных частей аббревиатуры в многочисленных современных образованиях типа *Рязаньавтотор* /r'izan'afta'dɒr/, *Тверьоблгаз* /,tvɛr'ɒblgəs/, *Тверьуниверсалбанк* /,tvɛr'un'iv'irsə'lbank/ и т. п.

5. Написание **и** в начале корня после твердого согласного заимствованных приставок в таких словах, как *гиперинфляция*, *постимперский*, *постимпрессионизм*, *постидустриальный*, *постинфарктный*, *субинспектор*, *суперигра*, *суперинфекция* и т. п. вм. *гиперынфляция, *постимперский и т. п. в соответствии со слоговым принципом. Ср., написание **ы** с соблюдением слогового принципа на стыке исконной приставки и корня любого происхождения: *наындивидуальный*, *подыграть*, *подындекс*, *предынфарктный*, *Предыртышьё* (от *Иртыш*), *предыстория*, *предыюльский* и т. п. Таким образом, написание **и** или **ы** в этих случаях определяется орфографией.

6. Написание **и** в начале корня после приставки *сверх-*, а также в сложных словах с первой частью *двух-*, *трех-*: *сверхидея*, *сверхизысканный*, *двухигольный*, *двухизначочный*, *трёхимённый*, *трёхимпульсный* и т. п. В этих случаях написание **хи** при произношении /хы/ на стыке морфем внутри слова объясняется, видимо, тем, что такое сочетание фонем (**и**, соответственно, буквосочетание **хы**) внутри русских слов невозможно, и, наоборот, обычно на стыках слов, где /ы/ после /х/ передается буквой **и**: ср. *двух имен* /'dvuxɨ'mɛn/, *трех импульсов* /'trɒ'xɨmpul'saf/, (*это было*) *сверх их (ожиданий)* /'svɛ'gɨxɨ/ и т. п. Таким образом, в словах типа *сверхизысканный*, *двухигольный*, *трёхимпульсный* и подобных морфемный

²² Для этого слова также возможно произношение /sv'as'invɛst/ с /s/ на месте буквы **з** в соответствии с правилами оглушения на конце словоформы, как это и должно было бы происходить в абсолютном конце слова (ср. /sv'as'/). Однако это скорее проблема не графики, а орфографии.

стык трактуется как граница между словами, и сочетание фонем /хы/ записывается так, как будто оно находится на стыке слов (см. также п. 3).

7. Написание **е** после твердых согласных, парных по твердости/мягкости, в заимствованиях: *бесе* /b'i'ze/, *биде* /b'ide/ (ср. /b'ide/ беде дат. п. ед. ч. от беда), *тире* /t'i're/, *модель* /ma'del/, *настель* /pa'stel'/ (ср. *постель* /past'él'/) и др. вместо *безэ, *бидэ, *модэль, *настэль, *тирэ и др. Во многих словах за написанием с **е** стоят разные варианты произношения — с твердым и с мягким согласным, причем в одних случаях оба варианта признаются нормативными (ср. *темп* /temp/ и /t'emp/, *энергия* /i'nergija/ и /i'nergija/), в других — только один из вариантов соответствует норме литературного произношения (*тенор* /'tenar/ и /'tenar/, *музей* /mu'zej/ и /mu'zej/).

В течение длительного времени в русском языке перед фонемой /е/ были возможны только мягкие согласные. Это было связано с тем, что в древнерусский период произошло смягчение всех твердых согласных перед гласными переднего ряда, в том числе и перед /е/. Если в русский язык попадали слова с твердыми согласными из других языков, то на первом этапе их освоения было возможно, а в литературном произношении даже и культивировалось произношение с твердым согласным, как в языке-источнике. Постепенно эти слова подчинялись общей модели разговорного произношения с мягким согласным перед /е/ — так сказать, русифицировались. Например, такие слова, как *тема*, *техника* и т. п., которые сейчас произносятся только с твердым согласным перед /е/, в XIX в. произносились с твердым /т/. Однако в XX в. тенденция изменилась, и начался обратный процесс. Некоторые слова, которые уже утвердились с мягким согласным (такие как *бассейн*, *темп* и т. п.), опять стали произноситься с твердым согласным. Снятие запрета на твердый согласный перед /е/ и расширение круга слов с таким произношением связано с тем, что фонологическое изменение, вызвавшее когда-то этот запрет, завершилось несколько веков назад, а на стыках слов этот запрет уже давно не действует, например в предложных формах одного из наиболее частотных слов русского языка — местоимения *этот* (в *этом*, с *этим*, от *этого* и т. п.).

Проблема графики и орфографии оказывается связанной, таким образом, с проблемой орфоэпической. В 1930–1940-е гг. Л. В. Щерба всячески выступал за то, чтобы обозначать твердость

согласных перед /e/ при помощи буквы э: «Во всяком случае в современном русском литературном языке во многих заимствованных словах утвердилось твердое произношение согласных перед гласным э, и сказать *сер*, вм. *сэр*, *пенсне* вм. *пенснэ*, *тесты*, вм. *тэсты*, *Доде* вм. *Додэ*, *Тен* вм. *Тэн* и т. д. и т. д. прямо-таки смешно. И едва ли правильно маскировать литературное произношение многих слов, которые узнаются лишь из книг или газет, а не устным путем», — однако даже он признавал, что «единственным оправданием правописания **е** вместо **э** в нарицательных заимствованных словах является постоянно протекающий процесс русификации этих слов»²³. Таким образом, Щерба находил оправдание для написания **е** после твердых согласных у имен нарицательных в колебаниях произношения, в то время как Грот соглашался на написание **э** только в иностранных именах собственных (*Бэръ*, *Тэнь*, *Жервэ*, *Богарнэ*): «Для более точной передачи звуков можно допустить эту орфографию, но исключительно в собственных именах; в нарицательных же, которые в каждом языке видоизменяются по требованиям его фонетики, мы не обязаны применяться к тонкостям иностранного произношения, и потому в таких словах, как *тема*, *меръ* (т. е. совр. *мэр*. — С. Д.-Д., М. П.), *проблема* употребление **э** вместо **е** неуместно»²⁴. Если сравнить позиции Я. К. Грота (последняя четверть XIX в.) и Л. В. Щербы (вторая четверть XX в.), то можно констатировать, что приоритеты по отношению к написаниям **е/э** после твердых согласных изменились: увеличилась экспансия буквы **э**. Сдерживающим фактором было возможное скопление **э**: ср. у Щербы *Додэ*, *Тэн*, но *Бодуэн де Куртенэ*. В 1920–1930-е гг. позиция Щербы относительно подсказывающих произношение написаний вообще и разграничения **е** или **э** после согласных в частности была более чем определенной: «...мы имеем все данные в русском языке, чтобы не произносить *Доде*, т. е. “dodé”, *Мюссэ*, т. е. “m’us’э”, а говорить *Додэ*, *Мюссэ*. То обстоятельство, что до сих пор в таких случаях не писалось **э**, объясняется преимущественным бытованием подобных слов в языке образованной верхушки общества, которая, владея иностранными языками, выучивалась этим словам не из русской книги и скорее предпочитала видеть в них **е**, одинаковое с латинским **е**, а не **э**. Теперь, когда новый общественный строй в массе не обладает пока

²³ Щерба Л. В. Указ. соч. С. 70.

²⁴ Грот Я. К. Русское правописание. 11-е изд. СПб., 1894. С. 78.

этими ресурсами, по-моему, прямо преступно не пользоваться всеми возможными в русской графике средствами для указания правильного произношения. Поэтому, безусловно, необходимо писать в иностранных словах *тэ, дэ, нэ, сэ, зэ, р*»²⁵.

8. Написание **е** после гласных и в начале слова при отсутствии /j/: *проект* /pra'ekt/, *пациент* /расы'ent/, *еканье* при произношении /'ekan'ja/ (вм. *проэкт, *пациэнт, **эканье*²⁶). Ср. написания в соответствии с произношением — *поэт, статуэтка, пируэт, мэнүэт, Бедуэн де Куртенэ* и др. Отметим, что слово *проект* начиная с XVIII в., а также в XIX в. и позднее, писалось с *э*, вопреки авторитетному мнению Я. К. Грота, который считал правильным написание в соответствии с этимологией (через нем. *Projekt* < лат. *projektum*).

Написания, вызванные ограничением слогового принципа русской графики, а также приведенные в п. 1 нарушения этого принципа, вряд ли могут быть прочитаны неправильно, если ориентироваться на нормальную реализацию русских фонем. В пп. 3–8 нарушений перечислены словоформы, которые, если последовательно применять слоговой принцип, могут быть прочитаны неправильно с точки зрения состава фонем каждой из них (например, *иняз* */i' n'as/ вм. /i' njas/, *тире* */t'i' r'e/ вм. /t'i' re/, *проект* /pra'jekt/ вм. /pra'ekt/), поскольку написания этих словоформ имеют самую обычную для русского письма последовательность букв. В пп. 1–2 представлены примеры с необычными для исконной лексики буквенными сочетаниями.

Нарушения и ограничения слогового принципа связывают графику как аспект письма с орфографией, поскольку касаются написаний отдельных слов и предполагают возможность выбора пишущим той или иной буквы, особенно в тех случаях, когда это не влияет на правильность прочтения (ср. *постинсультный* — *постынсультный, *сверхидея* — *сверхыдея, *минюст* — *минъюст, *майор* — *маёр, *огурцы* — *огурци).

²⁵ Щерба Л. В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 158.

²⁶ Впрочем, написание *эканье* также встречается как равноправный вариант. Вариантному написанию *эканье* ~ *эканье* теперь может соответствовать и вариантное произношение /ekan'ja/ ~ /jekan'ja/.

В предложенном Орфографической комиссией РАН на рубеже XX–XXI вв. проекте новой редакции свода «Правил русской орфографии и пунктуации» планировалось устранить ряд нарушений слогового принципа графики. В нем, в частности, предлагалось «писать последовательно без буквы **й** перед **е** нарицательные имена существительные с компонентом *-ер*; принять измененные написания *конвеер, стаер, фальшфеер, феерверк*; утвердить для нового слова написание *плеер* (устранив колебание). В остальных словах (преимущественно редких и экзотических) сохранить написание буквы **й** перед **е**, **ю**, **я**: *вилайет, дуайен, фойе; кикуйю; аллилуйя, вайя, гуайява, майя, папайя, паранойя, секвойя, тупайя* и др.». Впрочем, ряд слов из списка «редких и экзотических» может быть оспорен. Так, если достаточно давние заимствования *гуайява, майя, папайя, паранойя, секвойя* еще могут считаться не окончательно освоенными русским языком, а старое написание одного из древнейших иноязычных вкраплений *аллилуйя* — как раз в силу многовековой традиции именно такого написания, подчеркивающего к тому же церковнославянское произношение, видимо, стоит действительно сохранить, то на каких основаниях попало в список «экзотизмов» всем и давно известное *фойе*, понять трудно.

Второе изменение предлагало подчинить слоговому принципу написание давно переставших быть редкостью заимствований: «...писать с буквой **у** (вместо **ю**) слова *брошура* и *парашут* (и производные от них), так как они последовательно произносятся с твердым */ш/*. Этим подводится под общее правило написание двух наиболее употребительных слов из числа исключений, не подчинявшихся правилу о написании буквы **у** после шипящих. Сохраняются написания с буквой **ю** после **ж** и **ш** в нарицательных существительных *жюльен, жури, монтежю, амбушюр, пиют, фишю, шютте, шюцкор*, в которых не исключается мягкое произношение **ж** и **ш**».

Третье изменение вновь раздвигало рамки действия слогового принципа, рекомендуя «расширить употребление разделительного **ъ** перед буквами **е**, **е**, **ю**, **я**:

- 1) распространить написания с **ъ** на все сложные слова без соединительных гласных; писать с **ъ** не только слова с первыми компонентами *двух-, трех-, четырех-* и слова *панъевропейский, фельдъегерь* (написания, предусмотренные действующими правилами), но писать также: *артъярмарка* (новое

слово с первой частью *арт-* в значении “художественный”, ср. *артсалон*, *артрынок* и др.), *гиперъядро* (где *гипер-* не приставка, а часть слова *гиперон*), *гитлеръюгенд*;

- 2) распространить написания с **ъ** на сложносокращенные слова; писать: *военъюрист*, *госъязык*, *детъясли*, *инъяз*, *метъявления*, *партъячейка*, *продъярмарка*, *спецъеда*, *спецъемкость*, *хозъединица*, *Инъюрколлегия*, *Минъюст*.

Существующие до сих пор написания типа *детясли*, *иняз*, *спецеда*, *хозединица*, *Минюст* противоречат слоговому принципу графики, в них не хватает “сигнала” прочтения **е, е, ю, я** как сочетаний “йота” с гласными. При этом они могут порождать затруднения в чтении и опознавании слов, вызываемые опирающимися на слоговой принцип навыками чтения, а иногда и переносами типа *Минюст*, *гося-зык*».

§ 7. Математическая формула построения алфавита Н. Ф. Яковлева

В своей работе «Об отношении русского письма к русскому языку» И. А. Бодуэн де Куртенэ, говоря о том, что центральным вопросом теории русской графики является обозначение мягких согласных фонем, для которых в русском алфавите отсутствуют специальные буквы, и о том, что этот недостаток компенсируется излишком букв для гласных, указывал на возможность выведения «математической формулы», определяющей «сложные ассоциации фонем согласных и следующих за ними фонем гласных с соответствующими тем и другим графемами»²⁷. Такую формулу он предполагал представить в другой работе, но так и не сделал этого. Примерно через 15 лет (уже после революции) «математическую формулу построения алфавита», опирающуюся на слоговой принцип русской графики, вывел Н. Ф. Яковлев²⁸, крупный лингвист — активный участник

²⁷ Бодуэн де Куртенэ И. А. Об отношении русского письма к русскому языку. С. 67.

²⁸ Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 123–148.

языкового строительства в СССР и один из отцов московской фонологической школы. Он много занимался проблемами создания письменностей для бесписьменных народов СССР, а также был одним из авторов проекта перевода русского письма на латиницу. Математическая формула, которую он назвал «формулой построения наиболее экономного (в отношении числа букв) алфавита», носила универсальный характер, т. е. была рассчитана на любой язык и была нацелена на создание алфавита с минимально возможным числом букв, которые, однако, позволяли бы отразить на письме все фонологические противопоставления конкретного языка. Предполагалось, что выведенная формула может быть применена при создании новых алфавитов для бесписьменных языков.

За точку отсчета Н. Ф. Яковлев взял, казалось бы, очевидный принцип: буквенный состав алфавита должен быть равен составу фонем языка, т. е. каждую фонему следует обозначать на письме одной буквой. В таком случае русский алфавит состоял бы из 38 букв — по числу фонем²⁹. Однако практически такой принцип построения алфавита оказывается, по его мнению, неэкономным, поскольку в фонологической системе фонемы противопоставлены друг другу не только попарно, но и целыми группами. Так, в русском языке имеется корреляция по твердости/мягкости, которая включает ряд противопоставленных друг другу только по этому признаку пар согласных, различающихся только признаком твердости/мягкости. Соответственно, экономия может быть достигнута, если не создавать отдельной буквы для каждого мягкого согласного, а обозначать мягкость каким-либо особым знаком (например, следующей гласной буквой или диакритиком). Даже если создать для обозначения мягкости согласного специальную букву, экономия будет достигнута. В сущности, моделью экономного алфавита послужил русский алфавит с его слоговым принципом графики, а также опыт выдающегося деятеля казахской культуры А. Байтурсынова по реформированию арабского алфавита для казахского языка (1912 г.), в частности его предложение использовать специальный знак (◌◌ — «даякши») перед словоформой для указания на то, что в ней все гласные — переднего ряда (в соответствии с присущим тюркским языкам принципом сингармонизма — гармонии гласных по тембру в пределах словоформы). Введение Байтурсыновым знака даякши

²⁹ Н. Ф. Яковлев не включал в число фонем русского языка /k'/, /g'/, /x'/ и /ы/.

для маркирования переднего сингармонизма целой словоформы приводило к значительной экономии при введении новых букв для гласных в арабский алфавит, позволяя сократить число гласных букв с девяти до пяти (сама необходимость реформы была обусловлена тем, что арабское письмо без обозначения гласных применительно к тюркским языкам создавало определенные трудности)³⁰.

Формула, выведенная Яковлевым, имеет следующий вид:

$$A = (C + \Gamma) - (\pm C' \mp \Gamma')^{31} + 1,$$

где A — общее число букв алфавита;

C — количество согласных фонем;

Γ — количество гласных фонем;

C' — количество парно-различаемых согласных звуков (фонем или вариантов), находящихся в данном языке в сочетаниях с соответствующими парно-различаемыми гласными;

Γ' — количество парно-различаемых гласных (вариантов или фонем) в сочетаниях с вышеуказанными парно-различаемыми согласными языке.

По этой формуле оптимальный русский алфавит должен состоять из 31 буквы, если, как считал Яковлев, число фонем русского языка составляет 38 фонем:

$$A = (33 + 5) - (12 - 4^{32}) + 1 = 38 - 7 = 31.$$

Результат не изменится, если включить в число фонем $/k'/$, $/g'/$, $/x'/$, которые Яковлев не учитывал, так как сумма в первых и вторых скобках увеличится одинаково — на три единицы:

$$A = (36 + 5) - (15 - 4) + 1 = 31.$$

По сравнению с алфавитом, в котором каждая фонема обозначается «своей» буквой, а значит, должно быть 38 букв (или 41, если

³⁰ Впрочем, проект А. Байтурсынова так и не был осуществлен прежде всего потому, что после революции в СССР происходила сначала латинизация, а потом переход на кириллицу. Теперь уже в независимом Казахстане снова происходит латинизация казахского письма.

³¹ Находящаяся во вторых скобках величина должна быть положительной, чтобы применение формулы могло дать сокращение числа букв.

³² Яковлев не учитывает «парно-различаемые» варианты фонемы $/e/$ в зависимости от твердости/мягкости предшествующего согласного.

считать /k'/, /g'/, /x'/, и даже 42, если учесть /ы/), экономия выходит весьма значительная. Однако даже по сравнению с 31 буквой, которые вытекают из формулы Яковлева, в современном русском алфавите имеются две лишние буквы. Какие же? Н.Ф.Яковлев считал, что лишними являются буквы **ъ** и **э**³³. Также он предлагал убрать из алфавита и букву **ѣ**, сократив алфавит до 30 знаков.

Кроме того, Яковлев считал необходимыми еще некоторые усовершенствования уже в области собственно графики, а не алфавита. В частности, он предложил оставить за мягким знаком только функцию указания на мягкость предшествующего согласного, а вместо **ъ** и **ь** в разделительной функции ввести букву **і** (заменяв ею **й**) для обозначения /j/ после согласных и, соответственно, писать *іа* вм. *я*, *іехал* вм. *ехал*, *іуный* вм. *юный*, *етот* вм. *этот*, *діак* вм. *дьяк*, *іолка* вм. *елка*, *подіом* вм. *подъем*, *подіехал* вм. *подъехал*, *адіункт* вм. *адъюнкт*, *раі* вм. *рай*, *боі* вм. *бой* и т. д., оставив за «смягчающими» буквами **е**, **и**, **ю**, **я** только функцию обозначения гласных с указанием на смягчение предшествующего согласного (а для **е** и функцию обозначения фонемы /e/ в начале слова или после гласного). Чисто теоретически предложение ликвидировать разделительные знаки вполне приемлемо, однако никакой экономии ни в алфавите, ни в системе графики оно не дает, так как ликвидация буквы **э**, вытекающая из этого предложения, не решает вопроса об обозначении твердого согласного перед /e/ в таких словах, как *сер* /s'et/ — *сэр* /ser/, *мер* /m'et/ — *мэр* /mer/, *метр* /m'et'r/ — *мэтр* /metr/, *те* /t'e/ — *тэ* /te/ (название буквы), а также в постоянно появляющихся словах, которые часто возникают на основе аббревиатур: *зэк*, *нэп*, *ченэ*, *пэтэушник*, *эфэсбэшник*, *пээм* (пистолет Макарова), *пэдээфка* (файл в формате PDF) и т. п.

Если мы к числу гласных фонем добавим /ы/ (которую Яковлев не считал самостоятельной фонемой), что увеличит количество гласных фонем (Г) с 5 до 6, а также учтем наличие в современном русском литературном языке противопоставления твердых и мягких согласных перед /e/ (Яковлев считал, что перед /e/ все «парно-различаемые» согласные — мягкие, и, соответственно, твердые и мягкие перед /e/ не противопоставлены), что увеличит количе-

³³ Из двух букв **е** и **э**, из которых только одна должна остаться в алфавите, Яковлев предлагает пожертвовать последней как более сложной по начертанию.

ство парно-различаемых гласных (Г') во вторых скобках с 4 до 5, т. е. приведем формулу Яковлева в соответствие с современной фонологической системой русского литературного языка в версии Петербургской (Щербовской) фонологической школы, то применительно к русскому языку формула Яковлева приобретет следующий вид:

$$A = (36 + 6) - (15 - 5) + 1 = 38 - 7 = 33.$$

Таким образом, если исходить из того, что фонологическая система русского языка состоит из 36 согласных и 6 гласных фонем, то, по формуле Яковлева, наиболее экономное число букв русского алфавита — 33. Оно поразительным образом точно совпадает с числом букв действующего русского алфавита. Однако одна буква русского алфавита с точки зрения формулы Яковлева все-таки изначально является лишней, так как она единственная в алфавите не имеет никакого звукового значения — это буква **ъ**, которая выполняет только разделительную функцию. Недаром начиная уже с XVII в. появляются предложения исключить эту букву из русского алфавита. Как разделительный знак буква **ъ** легко может быть заменена буквой **ь**, которая в этой роли ничем не отличается от **ъ**, но имеет в отличие от последнего еще и фонетическую значимость, так как выполняет функцию указателя мягкости предшествующего согласного. Мягкий знак — это та самая буква, которая в русском письме реализует символ «+1» формулы Яковлева и которая абсолютно необходима для осуществления экономии в составе букв алфавита, так как именно **ь** поддерживает отражение на письме корреляции по твердости/мягкости в позиции конца слова и перед согласными, что позволяет обходиться без создания специальных букв для обозначения парных мягких согласных.

Итак, русский алфавит и русская графика сами по себе могли бы обеспечить отражение на письме всех фонологических различий, однако на практике эти возможности ограничены консервативностью русской орфографии, в которой ведущим является морфологический принцип. Действие морфологического и традиционного принципов приводит к тому, что в русском письме нарушается однозначная передача фонологических различий. Так, буква **о** может в одних случаях обозначать фонему /o/ (*стол*), в других — фонему /a/ (*столы*), буква **г** в одних случаях обозначает фонему /g/ (*zigzag*), в других — /k/ (*zigzag*), в некоторых даже /v/ (*старого*)

и т. п. Теоретически русская графика позволяет привести такие написания в более однозначное соответствие с фонемным составом данных словоформ. Так, можно было бы, не нарушая принципов русской графики, писать *сталы вм. *столы*, *зизгак вм. *зизгаг*, *старава вм. *старого* и т. п., однако этому противодействует письменная традиция с ее сложившейся на протяжении столетий системой традиционных написаний русских словоформ, которая и определила действие морфологического и традиционного принципов русской орфографии.

Поскольку слоговой принцип позволяет передать все фонологические противопоставления при помощи букв русского алфавита, русское письмо в части, касающейся обозначения фонем, теоретически может обойтись без орфографии, используя только правила графики (ср. *вода* → *вада, *вод* → *вот, *без пяти* → *бис пшти, *его* → *йиво, *уж восемь часов* → *уш восимь часоф и т. п.). Для того чтобы реализовать эту теоретическую возможность на практике, нужно «всего лишь» провести реформу письма: ликвидировать правила орфографии, регулирующие правила обозначения фонем в конкретных морфемах и слова, оставив в силе действующие правила графики.

Рекомендуемая литература

- Богородицкий В. А.* О русском правописании // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. С. 75–83.
- Еськова Н. А.* О букве ё и знаке ударения // Учительская газета. 2008. № 44.
- Еськова Н. А.* О коварной букве ё // Русская речь. 2010. № 2. С. 43–44.
- Зиндер Л. Р.* Графика // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 75–88.
- Иванова В. Ф.* Соотношение между буквами (графемами) и звуками (фонемами) // Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. С. 74–131.
- Маслов Ю. С.* Заметки по теории графики // Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 771–778.
- Моисеев А. И.* Слоговой принцип графики // Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1974. С. 68–83.

Щерба Л. В. Правила изображения фонем русского языка буквами русского алфавита // Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 64–85.

Яковлев Н. Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 123–148.

Глава III

ОРФОГРАФИЯ

§ 1. Орфография и ее части

В современный русский язык слово *орфография* попало из латинского языка (через западноевропейское посредство европейских языков), причем современное ударение русского слова также соответствует латинскому. Само же латинское *orthographia* восходит к греческому *ὀρθογραφία* ‘правописание’ (от греч. *ὀρθός* ‘правильный’ и *γράφω* ‘пишу’), которое встречается с III в. н.э.¹ В XVIII в. этот термин часто пишется с **т** в соответствии с лат. **th** — *ортография* (греческая **θ** в древнерусской традиции обычно транслитерировалась буквой **ф**).

Термин «орфография» используется в теории русского письма в нескольких тесно связанных друг с другом значениях.

Во-первых, это исторически сложившаяся **система единообразных написаний словоформ**, принятая и используемая грамотными носителями языка.

Во-вторых, это **аспект письма** (наряду с такими его аспектами, как тип письма, алфавит и графика), в рамках которого определяют общие принципы и правила, в комплексе обеспечивающие единообразие написания слов и морфем в тех случаях, где у пишущего существует выбор в рамках возможностей, предоставляемых графикой и орфографией (в первом значении).

В-третьих, орфография — это **раздел лингвистики**, занимающийся изучением и нормированием исторически сложившейся системы написаний, а также разрабатывающий принципы и правила, которые должны обеспечить (в научном и методическом аспектах) единообразие написаний, т.е. раздел грамматики, изучающий орфографию в первом и втором значениях.

---

¹ Подробнее см. в кн.: *Черных П. А. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999. С. 606.*

Подчеркнем еще раз, что орфография как аспект письма занимается написаниями конкретных морфем, словоформ и словосочетаний, в то время как графика устанавливает соотношение букв алфавита с системой фонем в целом, вне связи с конкретными морфемами, словоформами и словосочетаниями. Таким образом, орфография начинается там, где заканчивается графика. Например, в словоформах *дом*, *тюль*, *муку* и многих других написание всех букв однозначно определяется графикой. (С чтением написанного дело обстоит сложнее, поскольку необозначение ударения в слове *мука* оставляет читающего в неизвестности, как произнести написанное слова — *му́ку* или *муку́*, хотя состав фонем в обоих словах один и тот же — /muku/) В словах *дом*, *тюль*, *муку* невозможно сделать орфографическую ошибку, но графическую — можно: например, если вместо *тюль* написать *тюл*, *тьюл*, *тьюль* или *туль*.

Обычно в русской орфографии выделяют пять самостоятельных разделов:

- 1) обозначение средствами алфавита фонем в составе конкретных слов и морфем;
- 2) регулирование слитных, дефисных (полуслитных) и раздельных написаний;
- 3) употребление прописных и строчных букв;
- 4) перенос слов с одной строки на другую;
- 5) графическое сокращение слов.

К особому разделу орфографии относят принципы передачи средствами русского алфавита заимствованных слов (главным образом слабо освоенных слов, в частности недавних заимствований с неустановившимися написаниями). Рассматривая слоговой принцип графики, мы уже видели, что заимствования часто образуют в русском письме особую подсистему, в которой правила графики, по большей части последовательно действующие в исконных словах, подвергаются различным ограничениям и нарушениям.

Поскольку русское письмо является буквенно-звуковым, наиболее обширную часть орфографии составляют правила выбора буквы для обозначения той или иной фонемы. Письменная передача фонем не всегда вызывает затруднения у пишущего, если он знает буквы русского алфавита и правила русской графики. Например, едва ли кто-либо будет сомневаться в том, как записать реально существующие и хорошо известные любому носителю русского языка

слова /kran/ *кран*, /m'al/ *мел* и /srázu/ *сразу*. Не возникнет проблем и при написании слова с неясным значением, план выражения которого представляет собой цепочку фонем /br'ul'/ → *брюль* (допустим, это слово по модели обратного словообразования воспринято слушающим как соотнесенное с жаргонным существительным *брюлик* 'бриллиант'). В обоих случаях правила орфографии не нужны — здесь руководствуются правилами графики². С другой стороны, встречаются такие слова, как, например, коротенькое наречие *еще/ещё*, звуковая оболочка которого представляет собой последовательность всего лишь четырех фонем (/jɪʂ':o/) и которое может быть теоретически записано с учетом потенциальных возможностей русского письма множеством разных способов, причем каждое из написаний в контексте русского письма будет однозначно передавать его фонемный состав и находить поддержку в других реально существующих орфографически правильных обозначениях соответствующих фонем³: *ещо, есче, есчо, естче, естчо, яще, ящо, яшче, яшчо, исче, истче, йище, ищо, исчо* и др. (разумеется, большинство из таких вариантов возможны сугубо теоретически и реально не встречаются при ошибочном написании этого слова). Выбор правильного, соответствующего нормам литературного языка варианта написания определяется орфографическими правилами.

§ 2. Понятие орфограммы и орфографической ошибки

Важнейшим понятием орфографии является **орфограмма** (от греч. ὀρθός 'правильный' и γράμμα 'буква'). С учетом того, что правила орфографии обеспечивают единообразие написаний в тех случаях, где графика и вообще исторически сложившаяся система письма предоставляют выбор того или иного написания, орфограмму можно

² Правила орфографии потенциально всегда нужно иметь в виду, так как может выясниться, что услышанное /br'ul'/ — имя собственное (фамилия *Брюль* или название немецкого г. *Брюль* < нем. *Brühl*), и тогда, по правилам орфографии, придется написать слово с прописной буквы.

³ Например, сочетание фонем /ji/ в русских словах обозначается буквами **е** (*еда*), **я** (*язык*), и (*оладыи*), возможно **йе** (*йеллоустонский*), **йи** (*йиглавский*, от Йиглава [< чеш. *Jihlava*], город в Чехии) и др.; фонема /š':/ обозначается посредством **щ** (*щука*), **сч** (*брусчатка*), **стч** (*хлестче*), **зч** (*резчик*), **здч** (*боздчатый*), **шч** (*веснушчатый*), **жч** (*перебежчик*) и т. п.

определить следующим образом: орфограмма — это «правильное» (нормативное) написание, регламентированное правилами орфографии, в тех случаях, когда сложившаяся система написаний допускает вариантную передачу соответствующей последовательности фонем. Например, для системы современного русского письма типично, когда фонема /a/ в безударной позиции после твердых согласных обозначается буквами **а** и **о** (ср. *валы* и *волы*, *кампания* и *компания*, *карман* и *собака* и т. п.). Фонема /t/ может обозначаться на конце слова буквами **т** и **д** (ср. *вот* и *вод*, *идет* и *вперед* и т. п.). Фонема /o/ под ударением после шипящих согласных может обозначаться в русском письме буквами **о**, **е** и **ё** (ср. *жолудь*, *жесткий* и *жёсткий*; *шов*, *шел* и *шёл*). Возможны словоформы, в которых нет орфограмм (ср. *дом*, *конь*, *мука́* и т. п.), но встречаются и слова, в которых все буквы являются орфограммами. Таким, например, является слово *еще*. По подсчетам В. Ф. Ивановой, оно теоретически может быть написано 168 способами без ущерба для произношения (*еще*, *йеще*, *йище*, *ещё*, *йяще*, *ище*, *йясче*, *йэсчë*, *езче*, *езчë*, *еищо* и т. д.)⁴. Из них только два — *еще* и *ещё* — являются орфографически правильными. Эти 168 возможных написаний получаются, если учесть максимальное количество теоретически допустимых вариантов записи трех «частей» слова: /jɪ/ (**е**, **йе**, **йи**, **йа**, **йя**, **йэ**, **и**) + /ʂ:/ (**щ**, **шч**, **зч**, **сч**, **стч**, **сдч**, **здч**, **зтч**) + /o/ (**е**, **ё**, **о**), т. е. $7 \times 8 \times 3 = 168$. Их будет еще больше — 192, если добавить, видимо, случайно не посчитанное **я** в группе (/ji/).

Таким образом, орфограммой является буква или сочетание букв, которые могут быть заменены другой буквой или сочетанием букв, если это не затрагивает передачи фонологических различий (т. е. чтение остается тем же самым). При этом, однако, следует иметь в виду, что орфограммами являются также:

- **пробел**, **дефис** и **контакт** (слитность написания), в результате чего возникают слитные, полуслитные и отдельные написания, поскольку они тоже не отражают фонологических различий: ср. *нездоровый* и *не здоровый* [, а больной]; *нерешенные вопросы* и *не решенные* [мною] *вопросы*; *поддома* и *под дома*; *в четвертых* [классах] и *в-четвертых*;

⁴ См.: *Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 8.

- **прописная и строчная буквы:** ср. *Пески*, исторический район Петербурга, и *пески*, нарицательное существительное; *Ходынка*, Ходынское поле в Москве (имя собственное), и *ходынка*, катастрофическая давка в толпе (нарицательное существительное);
- **место переноса** слова с одной строки на другую (ср. *к-орова*, *ко-рова*, *коро-ва*, *кор-ова*, *коров-а*);
- модель графического **сокращения** слова (*10 р.*, *10 ру*, *10 руб.*).

Все эти орфограммы разных типов объединяет то, что: а) замена правильного написания на ошибочное не влияет на чтение, так как передача фонологически существенных различий не затронута; б) выбор орфографически правильного написания определяется конкретным правилом орфографии.

В методике обучения правописанию орфограмма рассматривается как «ошибкоопасное место», поэтому с понятием орфограммы тесно связано понятие **орфографической ошибки**. Под орфографической ошибкой понимается ненормативное написание слова, противоречащее установленному в настоящее время орфографическому правилу, напр.: **безшабаиный*, **дышет*, **ветрянная* (мельница), **нехочу*, **ей-Богу* вм. *бесшабаиный*, *дышит*, *ветряная* (мельница), *не хочу*, *ей-богу* и т. п.

Орфографическая ошибка — ненормативное написание, возникающее на месте орфограммы, представляющей собой написание нормативное.

Квалификация какого-либо написания как ошибочного, ненормативного нередко зависит от динамики орфографической нормы. Так, слово *идти* до 1956 г. писалось не с сочетанием букв *дт*, а с *тт* (*итти*)⁵; написание *разыскной* сохранялось как нормативное до выхода в 2005 г. «Русского орфографического словаря Российской академии наук», в котором был закреплен иной вариант — *разыскной* (для устранения не оговоренного в своде 1956 г. исключения из пра-

⁵ Написание *итти* не является этимологическим: в старославянском и древнерусском языках этот инфинитив закономерно писался с одним *т* — *ити* (< псл. **iti* < **eitei*). Второе */t/*, которое отразилось в фонетическом написании *итти*, появилось в инфинитиве этого глагола в результате аналогии со стороны форм настоящего времени (*иду*, *идешь* и т. п.) и оглушения */d/* > */t/*. Буква *т* была заменена на *д* в соответствии с морфологическим принципом орфографии.

вила написания приставки *роз-/раз-*). Разумеется, в старых текстах написания *идти* или *розыскной* не должны рассматриваться как ошибочные. Так называемые исключения из правил пишутся вопреки орфографическим правилам, однако они не противоречат орфографическим нормам и тем самым не рассматриваются как ошибки. Тем самым фактически в общем контексте орфографической нормы исключения трактуются как часть орфографического правила. Например, вопреки общему правилу, согласно которому в корне слова после **ц** следует писать **и**, в некоторых словах пишется буква **ы**: *цыган*, *цыплёнок*, *на цыпочках*, *цыкнуть*, *цыц*. Не являются орфографическими ошибками и написания, имеющие зафиксированные в современных орфографических словарях варианты: *фортепиано* и *фортепьяно*; *окей* и *о'кей*; *Интернет* и *интернет*.

От орфографических ошибок следует отличать, с одной стороны, намеренные отклонения от нормативного написания слова (ср. названия музыкальной группы «Аукц**Ы**он», газеты «Коммерсан**т**» и т. п.), а с другой — случайные **описки** и **опечатки**, которые иногда внешне могут быть очень похожи на орфографические ошибки (если появляются на месте орфограмм) и даже совпадать с ними: напр., *вятрянка*, где имеет место один из распространенных типов описок — антиципация (предвосхищение) буквы следующего слога.

Нарушение орфографической нормы может становиться одним из средств выразительности. Такие сознательные нарушения норм орфографии следует рассматривать не как банальные ошибки, а как стилистически значимые орфографические тропы, которые обнажают отношение пишущего к называемому: *Моя соседка учится играть на пианино по самоучителю, и на мою голову сыплются фальшивые звуки* (у “фальшивых” звуков — фальшивое написание); *графский-то титул и сделал из Толстого великого-писателя-земли-русской* — дефисным написанием В. Набоков превращает хрестоматийную оценку Л. Толстого (из письма И. Тургенева 1883 г.: «Друг мой, великий писатель земли русской, внимлите моей просьбе...») в единую номинацию с иронической оценкой.

Хотя обычно понятие орфографической ошибки толкуют расширительно, включая в него и графические ошибки, в теоретическом плане иногда разграничивают ошибки орфографические и графические. Графической ошибкой является написание, которое нарушает слоговой принцип графики и официально признается не соответствующим правописным (в широком смысле) нормам обо-

значения русских фонем. Так, написание *льук вместо *люк* нарушает правило графики, согласно которому мягкость парной согласной фонемы (в данном случае /л'/) перед гласной (в данном случае /у/) обозначается соответствующей йотированной гласной буквой (ю).

Графические ошибки внешне похожи на орфографические, так как и те и другие представляют собой ненормативное написание одной буквы вместо другой, однако по своей природе они различаются: если графические ошибки нарушают правила графики, то орфографические — правила орфографии. Так, отсутствие разделительного знака **ь** или **ъ** в написании *подезд вместо *подъезд* — графическая ошибка, нарушающая слоговой принцип графики в части, регулирующей обозначение фонемы /j/ после согласного. Написание же **ь** вместо **ъ** в том же слове *подъезд* (ср. *подъезд) будет уже орфографической ошибкой, так как выбор между **ъ** и **ь** в качестве разделительных знаков определяется орфографией, которая устанавливает правила их написания в конкретных морфемах и словах. Впрочем, правила графики иногда настолько плавно перетекают в правила орфографии, что граница между графическими и орфографическими ошибками не всегда очевидна. Так, в некоторых случаях написания, нарушающие слоговой принцип графики, являются нормативными: ср. написания в заимствованных словах типа *Майами*, *фойе*, *йод*, *Йусуф* (имя одного из пророков Аллаха), *бульон*, *термос* и т. п. вместо соответствующих слоговому принципу *Маями, *фое, *ёд, *Юсуф, *бульён, *тэрмос и т. п. Принятые в русском письме написания *йод*, *бульон*, *термос* и подобные, разумеется, нельзя считать ошибочными, хотя они нарушают основной принцип русской графики. С другой стороны, написания типа *ёд, *бульён, *тэрмос и т. п. следует рассматривать с точки зрения современных правил правописания как ошибки (несмотря на соответствие слоговому принципу графики), но ошибки орфографические, так как они отклоняются от регламентированного орфографией написания конкретного слова. Орфографической ошибкой будет и написание **ы** после **ш** в слове *фальшивый* (если это, конечно, не орфографический троп), поскольку написание йотированных и нейотированных гласных после шипящих не затрагивается слоговым принципом графики, ограничивающимся только парными по твердости/мягкости согласными, а регулируется правилами орфографии (типа «*жи*, *ши* пиши через **и**»).

Иногда орфографическая ошибка возникает в результате применения орфографического правила за пределами его компетен-

ции. Такие ошибки противопоставляют фонетическим, сделанным под влиянием произношения, и иногда называют **гиперическими**, а написания, возникшие в результате гиперических ошибок, называют **гиперкорректными** (англ. *hypercorrection* < греч. ὑπέρ — ‘сверх’ + лат. *correctus* ‘исправленный’). Так, ведущим принципом русской орфографии является морфологический, когда выбор буквы для обозначения, например, парного глухого согласного определяется по так называемой сильной позиции перед гласным или сонантом (ср. пишем *сдавать*, а не *здавать, потому что *сломать*). Но этот принцип не распространяется на все морфемы: в приставках на -з- в русском письме принят фонетический принцип орфографии (пишем *воздать*, *издать*, но *восходить*, *исписать*, хотя проверка возможна — *возложить*, *износить*, *возомнить*, *изорвать*, но она не проводится). Если пишущий распространит морфологический принцип на приставки на -з-, то это может привести к гиперкорректным написаниям типа *возходить, *изписать, причем они не будут соответствовать ни произношению, ни принятой орфографии. Гиперкорректными будут и написания типа *трова, *корман, где постановка **о** вызвана ориентацией на подчиняющиеся морфологическому принципу орфографии продуктивные модели с неадекватнофонемным обозначением /а/ буквой **о** (*вода* /vadá/ — *воды* /vóды/), хотя в первом случае возможна проверка (*травá* — *травы*).

В основе гиперкоррекции лежит механизм аналогии с продуктивными моделями. В широком смысле гиперкоррекция вызвана неуверенностью носителя языка и характерна не только для письменной, но и для устной речи, затрагивая все уровни языковой системы: ср. гиперкорректные просторечные формы в произношении *пл/а/чú* — *пл/ó/тишь* (по модели *х/а/жú* — *х/ó/дишь*), *гардеро/р/* — *гардеро/р/а* (по модели *телескоп* — *телескопа*). Гиперкорректные формы тоже могут быть адекватно отражены на письме (*плотишь*, *гардерона*).

§ 3. Возможность письма без орфографии

Хотя установление правил буквенного обозначения фонемного состава слов и морфем не исчерпывает задач орфографии, которая определяет также правила употребления прописных и строчных букв, правила переноса, правила слитных, отдельных и полуслитных

(дефисных) написаний, правила сокращения слов на письме, главной задачей орфографии, непосредственно связанной с графикой — как бы продолжающей ее, справедливо считается буквенное обозначение фонемного состава слов и морфем в той части, которая не определена правилами графики (ее слоговым принципом).

Вообще говоря, может существовать письмо «без орфографии». Это возможно тогда, когда все написания определяются правилами графики. Образец такого теоретически возможного письма «без орфографии» применительно к русскому литературному екающему произношению⁶ продемонстрировал Л. В. Щерба:

«В одной из аддалённых улиц Масквы, ф серам доме з белыми калоннами, антресолюю, и накривифишымся балконам жыла некагда барыня, вдава, акружонная мнагачисленнай дворней. Сынавья её служыли ф Петербурге, дочери вышли замуш; ана выежжала ретка и уединённа дажывала последнии годы сваей скупой и скуच्याущей (=скуच्याющей) старости. День её, нерадасный и ненасный, давно прашил, но и вечер её был чернее ночи» (начало рассказа И. Тургенева «Муму»)⁷.

Строго фонетическое (точнее — фонологическое) письмо в идеале может совпасть с фонематической транскрипцией (чего все-таки нет в приведенном Л. В. Щербой тексте). В таком случае можно было бы говорить о действии фонографического принципа графики, когда последовательно проводится соотношение «одна буква = одна фонема». Если все же сохранить слоговой принцип русской графики и при этом распространить его на непарные по твердости/мягкости согласные, сняв ограничения слогового принципа (как это сделал Л. В. Щерба в приведенном выше примере), то такое письмо будет в значительной степени приближаться к фонематической транскрипции. Некоторые проблемы будут возникать лишь при наличии вариантов в фонемном составе словоформы, что автоматически приводит к вариантам написания: ср. *ф Петербурге* — *ф Питирбургги*, *акружонная* — *акружоная*, *выежжяла* — *выежжала* и т. п. Письмо без орфографии естественным образом возникает при создании оригинального алфавита для бесписьменного языка.

⁶ Л. В. Щерба всегда ратовал за екающее произношение в качестве литературного, так как оно больше, чем икающее, соответствует русскому письму (см. об этом в кн.: *Щерба Л. В. Теория русского письма*. Л., 1983. С. 27–29).

⁷ *Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку*. М., 1957. С. 149.

Но, в принципе, письмо без орфографии может быть введено и для любого буквенно-звукового письма, уже имеющего развитую орфографию. Предложения именно таким образом реформировать современное русское письмо поступали в Орфографическую комиссию во время дискуссии 1964 г. Одно из них содержалось в письме, полученном Орфографической комиссией, причем сам текст письма был написан в предлагаемой орфографии. Вот его небольшой (слегка измененный) отрывок: «Вазможнали руская фанитичская письмо? Эта вапрос нисуразнийшыи иссамых нисуразных вапросаф, иба толька таким ано и далжно быть. Этат выват так ачивидин, што врятли стоит ыво абасновыватъ. Лучшая иво абаснавания — наглядный пакас рускава фанитичскава письма». Орфография этого письма очень похожа на ту, что использовал Л. В. Щерба в приведенном выше отрывке из рассказа И. Тургенева «Муму», но в своей «фонетичности» заходит еще дальше: в нем не только отражается икающее произношение, но и слитно пишутся фонетические слова (ср. *иссамых* «из самых», *вазможнали* «возможно ли» и др.). Пожалуй, единственное, что не отражено в орфографии данного письма, — это различие между начальным /ji/ и /i/ (ср. *иво*, т. е. *его* /ji'vo/, и *ибо* /'iba/). Впрочем, возможно, писавший ориентировался не на официальный стиль произношения, а на разговорный, в котором это различие отсутствует (ср. *иво* /i'vo/ и *ибо* /'iba/). Если снять правила графики, заменив их символами транскрипции на основе латиницы, и правила орфографии, определяющие употребление прописных букв и слитных, дефисных и отдельных написаний, а также пунктуацию, заменив знаки препинания символами синтагматического и фразового членения, то мы получим идеальную фонематическую транскрипцию данного текста⁸: ср. /vazmožnal'i ruskaja fan'it'ičeskaja piš'mo || eta vapros n'isurazn'ijšyj | issamых n'isurazных vaprosaf | iba tol'ka tak'im ano i dalžno byt' || etat vyvat tak ačiv'id'in | što vr'atli stoit ыvo abasnovыvat' || lučšaja ivo abasnavanija | nagl'adnyj pakas ruskava fan'it'ičiskava piš'ma||/.

⁸ Понятно, что степень «идеальности» транскрипции зависит от принятой теории фонемы и вообще от концепции той или иной фонологической школы. Данная транскрипция ориентирована на фонематическую транскрипцию Петербургской (Щербовской) фонологической школы.

§ 4. Чередования фонем

Письмо «без орфографии», образцы которого приведены в предыдущем параграфе, предполагает отражение всех чередований фонем и тем самым разительно отличается от современного русского письма, в котором одни чередования фонем отражаются (ср. /ž/||/d'/ *сижу* — *сидишь*, /č/||/t'/ *хочу* — *хотеть*, /o/||/a/ *оспорить* — *оспаривать*, /e/||/o/ *темень* — *тёмный* и др.), а другие — нет (/d/||/t/ *пруды* — *пруд*, /o/||/a/ *воду* — *вода*, /a/||/i/ *пяты* — *пяти*).

Под **чередованием** (альтернативой — от лат. *alternatio* ‘чередование, смена’) **фонем** понимают мену фонем в пределах одной и той же морфемы. Чередующиеся части морфемы называются альтернантами. Альтернантами могут быть как отдельные фонемы (ср. /b/||/p/: *дубы* — *дуб*, /s/||/š/: *склеить* — *сшить*), так и сочетания фонем (ср. /v'/||/v'/: *ловить* — *ловлю*), а также «нуль звука» (/o/||/#: *сон* — *сна*, *сорвать* — *срывать*; /t'/||/#: *весть* — *вестник*). Кроме того, в морфеме может чередоваться место ударения (ср. *ловлю́* — *лóвишь*, *лóвит...*, *стенá*, *стенý*, *стенé...* — *стéны*, *стéн*, *стéнам...*). Развита система разнообразных чередований является одной из ярких особенностей грамматической системы русского языка: напр., в паре словоформ *ловлю́* — *лóвишь* имеются три разных чередования — /v'/||/v'/:, /a/||/o/ и чередование ударения на основе и флексии. Разнообразные чередования буквально пронизывают систему склонения, спряжения и словообразования русского языка, охватывая наиболее частотный пласт лексики и являясь важным грамматическим средством. Чередования как грамматическое средство изучается в особом разделе лингвистики — **морфонологии**.

Богатая система чередований, которые отнюдь не всегда отражаются на письме, в значительной степени определяет специфику русской орфографии. Когда Кирилл и Мефодий создавали славянское письмо, они, разумеется, не вводили правил орфографии и каждую фонему по возможности обозначали отдельной буквой, поэтому в старославянском письме практически отражались все возникшие к тому времени чередования фонем. Все те чередования, которые были отражены на письме в кирилло-мефодиевское время, т. е. во второй половине IX в., передаются и в современном русском письме. После того как письмо на основе кирилло-мефодиевской традиции получило развитие на Руси, русский язык в результате фонетического развития, естественно, обогащался новыми чередо-

ваниями фонем. Они тоже стремились пробиться в средневековую письменность, но письменная традиция по мере своего укрепления в значительной степени успешно пресекала эти попытки: большинство чередований, которые появились позже, так и не нашли отражения на письме (ср. /d/||/t/ *пруды* — *пруд*, /d/||/d'/ *вода* — *воде*, /o/||/a/ *воду* — *вода*, /a/||/i/ *пять* — *пяти*). Отражение или неотражение чередования зависело, с одной стороны, от времени его появления в языке, с другой — от типа чередования. Важную роль в этом играли и возможности передачи того или иного чередования средствами русского алфавита и графики.

Чередования фонем обычно возникают в результате фонологических изменений, которые постоянно происходят в звуковом строе языка. Первая праславянская палатализация (VI в.), которая привела к изменению заднеязычных в шипящие перед гласными переднего ряда, уже завершилась ко времени деятельности создателей славянской письменности Кирилла и Мефодия (IX в.), поэтому соответствующие чередования и оказались отраженными на письме. Другие чередования возникли сравнительно поздно, уже в условиях развитой и устойчивой письменной традиции, поэтому на письме обычно не отражаются. Так обстоит дело с фиксацией оглушения звонких согласных на конце слов (/d/||/t/: *пруды* — *пруд*) или аканья (/o/||/a/: *воду* — *водá*), которое проникло в московский говор в XVI в. в условиях существования уже развитой письменной традиции, и тем более иканья (XIX–XX вв.). Впрочем, некоторые сравнительно поздние изменения могут и закрепляться на письме, например падение редуцированных (XII–XIII вв.), приведшее к появлению беглых гласных (/e/||# *день* — *дня*, /o/||# *сон* — *сна*). Примером трудностей, с которыми сталкивается отражение на письме звуковых изменений, произошедших в условиях развитой письменной традиции, может служить история буквы ё, созданной Н. М. Карамзиным в конце XVIII в. в том числе и для обслуживания чередования /o/||/e/ (*тёплый* — *теплится*, *сёстры* — *сестрин*), но так и не прижившейся на письме.

Некоторые чередования не связаны с фонетическими изменениями. Таково, например, чередование /n/||/š/ и /n'/||/š'/ (ср. *баран* — *барашек*, *камень* — *камешек* и т. п.). Относительно его происхождения существуют разные гипотезы, однако ни одна из них не связывает это чередование с изменением типа /n/ > /š'/: такого фонетического изменения в истории русского языка не было.

Одни чередования — такие как мена ударного гласного /o/ и безударного /a/ (*дѳм — дома, стѳл — столы*) или замена глухого согласного парным звонким перед звонким согласным (*косить — косьба*) и звонкого согласного парным глухим перед глухим согласным в позиции перед глухими (*клубок — клубка*) — распространяются на столь большое число морфем и слов, что это производит впечатление фонетической закономерности, не знающей исключений. Условия подобных явлений можно легко описать в фонетических терминах, поэтому их называют **живыми фонетическими чередованиями**. Их также называют **позиционными**, поскольку чередующиеся звуки находятся как бы в разных фонетических позициях: один — в **сильной** (для гласных это позиция под ударением, для звонких и глухих согласных — перед гласным или сонантом), а другой — в **слабой** (для гласных это безударная позиция, для звонких и глухих согласных — конец слова или положение перед другим шумным согласным).

Другие чередования, как правило, отражаются на письме и не поддаются или с трудом поддаются описанию в фонетических терминах. Такие чередования называются **историческими**. Однако разграничить живые и исторические чередования не всегда легко. Некоторые лингвисты рассматривают мену твердых и мягких согласных перед /e/ (*вода /vadá/ — воде /vadě/, стол /stol/ — в столе /fstalě/*) как живое фонетическое чередование, так как перед /e/ в русском языке, как правило, бывают только мягкие согласные; другие же считают его историческим, поскольку в современном литературном языке широко распространилось произношение твердых согласных перед /e/ (ср. *тест /test/, фонема /fanéma/* и т. п.), а значит, нет запрета на сочетание твердых согласных со следующим /e/ (ср. наличие минимальных пар, различающихся только твердым и коррелятивным ему мягким согласным, типа /pa'stel'/ *пастель* — /pastel'/ *постель*). В сущности, сложность подразделения чередований фонем на живые и исторические связана с тем, что с точки зрения фонологической системы различий между ними нет⁹.

Чередование — это прежде всего чередование фонем. Но иногда в качестве чередований рассматриваются модификации фонем,

⁹ Об этом подробнее см. в кн.: Попов М. Б. Чередования фонем в синхронии и диахронии (Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?): научный доклад. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

т. е. варьирование аллофонов одной фонемы в морфеме: например, модификацию (аллофонное варьирование) фонемы /t/ в зависимости от следующей за ней нелабиализованной или лабиализованной гласной фонемы рассматривают как чередование нелабиализованного и лабиализованного [t]||[t°]: ср. [кλ'ta]=/kata/ *кота* — [кλ't°u]=/katu/ *коту*); аллофонное варьирование фонемы /a/ в зависимости от позиции по отношению к ударению — как чередование [a]||[Λ]||[э]([ъ]): ср. [val]=/val/ *вал* — [vλ'li]=/valy/ *вал* — [vəλ'voi]=/valavo/ *валовой*). Строго говоря, чередование аллофонов внутри морфемы не следовало бы считать чередованием, так как аллофоны не являются самостоятельными языковыми единицами, отдельными от фонем. Аллофон — это научная абстракция, вытекающая из понятия фонемы, которая является реальной фонологической единицей языка. «Чередующиеся аллофоны» лучше трактовать не как альтернанты, а как модификации или реализации фонемы в разных фонетических позициях, так как они связаны не с морфемой, а с фонологическим контекстом, с фонологической позицией.

Таким образом, модификации фонем в зависимости от фонетической позиции следует четко отделять от чередований фонем в морфеме. Объединение чередований фонем и модификаций фонем под одной «крышей» не оправдывается даже в тех случаях, когда речь идет об аллофонном варьировании в пределах одной морфемы (как в приведенных выше примерах). Различение чередований и модификаций фонем особенно важно для теории письма, так как пишущий и читающий носитель языка не замечает их аллофонных различий, поэтому никогда не передает их на письме. При этом на фонемные различия он всегда реагирует, чем, кстати, часто и вызваны орфографические ошибки (напр., *вада* вм. *вода*, *трупка* вм. *трубка* и т. п.). В слове *валовой* буквой **а** пишущий обозначает не звук [э]([ъ]), а фонему /a/, в слове *трубку* ему приходится (по правилам орфографии) буквой **б** обозначать не нелабиализованный [p°] (ср. [t°r°up°k°u]), а фонему /p/. Для носителя языка в речевой деятельности существуют только фонемы.

§ 5. Адекватнофонемные и неадекватнофонемные написания

Буквы алфавита предназначены прежде всего для обозначения фонем, составляющих звуковую оболочку словоформ. Даже беглого взгляда на систему написаний современного русского письма достаточно, чтобы заметить, что одна фонема может быть передана разными буквами (*вода* /va'da/ — *трав*a /tra'va/, *лук* /luk/ — *лу*г /luk/) и разные фонемы могут обозначаться одной буквой (*воду* /'vodu/ — *вода* /tra'va/, *лу*г /luk/ — *лу*га /lu'ga/, *иде*я /i'deja/ — *сверх*-*иде*я /sv'ɛrɣx'i'deja/). В значительной степени это связано с тем, что в русском письме обозначаются не все чередования фонем.

По тому, насколько написание соответствует фонемному составу словоформы, их можно разделить на два типа: **адекватнофонемные** и **неадекватнофонемные** (термины В. Ф. Ивановой¹⁰). Поскольку за соотношение букв алфавита и фонем отвечает графика и именно в графике буквы получают свои главные (графические) фонемные значения, адекватнофонемными будем считать такие написания, в которых буква употреблена в своем графическом значении. Например, в слове *пять* /p'ať/ буква **я** употреблена в одном из своих двух графических значений — /a/ (с одновременным указанием на мягкость предшествующего согласного), соответственно, написание **я** в этой словоформе — адекватнофонемное. Адекватнофонемными будут и написания остальных букв в этой словоформе (**п** — /p'/, **ть** — /t'/). В словоформе *пяти* /p'i'ti/ написания всех букв, кроме **я**, являются адекватнофонемными, а написание **я** — неадекватнофонемное, так как у буквы **я** нет графического значения /i/. В словоформе *его* /jivo/ — написание буквы **о** является адекватнофонемным, а **е** — неадекватнофонемным, так как в графике у буквы **е** имеются фонемные значения /je/ и /e/, но нет фонемного значения /ji/. Однако если написание **е** с натяжкой, учитывая возможность экающего произношения (/je'vo/), еще можно было бы признать адекватнофонемным, то написание **г** в значении /v/ является в этом слове вопиюще неадекватнофонемным. Буквы **я** и **г** в русском алфавите и графике, конечно, совершенно не предназначены для обозначения соответ-

¹⁰ Подробнее см. в кн.: *Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии*. С. 92–101; *Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография*. С. 192–194.

ственно фонем /v/ и /i/, эти значения появляются у них только в орфографии. Их называют орфографическим, или второстепенными, в отличие от графических — главных.

Таким образом, адекватнофонемными могут быть написания букв в их графических (графические значения всегда адекватнофонемны) и в их орфографических значениях, причем орфографические значения могут быть адекватнофонемными и неадекватнофонемными. Так, в слове *валы* /va'ly/ написание буквы **а** адекватнофонемно, но **а** выступает в своем орфографическом значении, так в этом слове **а** пишется по правилам орфографии, а не графики, хотя это ее орфографическое значение совпадает с графическим значением **а**. В слове *волы* /va'ly/ написание буквы **о** адекватнофонемно и выступает в другом своем орфографическом значении.

В связи с некоторой громоздкостью терминов «адекватнофонемные» и «неадекватнофонемные написания» можно пользоваться более привычными — «фонетические» и «нефонетические написания», которые были введены в терминологию еще в дофонологическую эпоху лингвистики. Это совершенно нормальные термины, если исходить из того, что буквы обозначают фонемы, а не реализации фонем — аллофоны, или вариации, оттенки фонем. Единственная опасность применения термина «фонетические написания» заключается в том, что может создаться впечатление, будто бы буквы обозначают нечто фонетическое, а не фонологическое, т. е., например, что буква **о** в *волы* обозначает звук [л], а буква **а** в *валовой* обозначает [э]. В некоторых контекстах во избежание недоразумений действительно целесообразно использовать более громоздкий и менее привычный термин «адекватнофонемные написания».

Предваряя изложение, посвященное принципам орфографии, отметим, что фонетические написания не следует смешивать с **фонетическим принципом** орфографии, так как фонетическими могут быть как написания по фонетическому принципу (*раздать* — *растащить*), так и по морфологическому (*трава*, *рак*) и традиционному (*карман*, *зигзаг*) принципу. Кроме того, фонетическими являются и те написания, которые определяются графикой и по отношению к которым вообще не применяется какой-либо из принципов орфографии. Так, в словах *трава*, *рак*, *карман*, *раздать* написания всех без исключения букв — фонетические, т. е. адекватнофонемные, но некоторые из них пишутся в соответствии с морфологическим принципом орфографии, другие — с фонетическим, третьи — с тра-

диционным. С другой стороны, некоторые написания, считающиеся проявлением фонетического принципа орфографии, не являются в полном смысле слова фонетическими: например, в *расширить* буква *с* передает фонему /š/, т. е. написание является лишь частично фонетическим (в отношении глухости/звонкости), но не адекватнофонемным. Таким образом, фонетическим считается написание, при котором фонема (независимо от позиции — сильной, слабой или абсолютно слабой) передана буквой, предназначенной для этой фонемы в графике. Фонетические написания *соответствуют* произношению, написания по фонетическому принципу орфографии *определяются* произношением.

§ 6. Принципы русской орфографии

Русская орфография справедливо относится к наиболее разумно организованным, потому что представляет собой не хаотичный набор неизвестно на чем основанных написаний, а логичную систему правил, базирующуюся на определенных принципах.

Орфография со своими правилами буквенного обозначения морфем и слов в части, не определенной графикой, возникает тогда, когда общество желает сохранить сложившуюся систему написаний в ущерб однозначному соотношению «фонема — буква» (фонографический принцип, в русском письме реализующийся в виде слогового принципа графики), которое оказалось нарушенным вследствие произошедших фонологических изменений и не было (или не могло быть) урегулировано правилами графики. Например, после того как во второй половине XVI — первой половине XVII вв. аканье (т. е. произношение /gala'voju/ *головою* вм. /golo'voju/) утвердилось в говоре Москвы (московском просторечии), а старые написания с **о** на месте /a/ из /o/ сохранялись наряду с новыми (т. е. писали и *головою*, и *галавою*), возникла проблема урегулирования передачи безударных /a/ и /o/, поскольку в сложившейся после установления аканья системе написаний буква **о** могла обозначать и фонему /o/ (под ударением) и фонему /a/ (без ударения), а фонема /a/, в свою очередь, стала обозначаться и буквой **о** (без ударения) и буквой **а** (как под ударением, так и без ударения). В современном русском письме правописание безударных гласных регулируется правилами на основе двух принципов орфографии — морфологического и тради-

ционного. Однако ими не исчерпываются принципы современной русской орфографии, даже в той ее части, которая занимается буквенным обозначением фонем в морфемах и словоформах.

Принципы орфографии — это руководящие установки при выборе написания в тех случаях, когда оно может быть вариативным, т. е. в орфограммах. Эти установки лежат в основе отдельных блоков орфографических правил, которые организуются в целостную систему орфографии конкретного языка.

В орфографии любого языка, и даже в рамках отдельного крупного блока правил, могут сосуществовать разные орфографические принципы. Отдельный орфографический принцип представляет собой общее основание для группы правил, в которых проявляется действие этого принципа. Как правило, один из них становится основным, ведущим, охватывающим большую часть орфограмм, однако каждый большой раздел орфографии (обозначение фонем в составе конкретных слов и морфем; регулирование слитных, дефисных и раздельных написаний; употребление прописных и строчных букв; перенос слов с одной строки на другую; графическое сокращение слов) основан на собственных принципах. В этом разделе мы будем говорить о принципах орфографии, определяющих буквенное обозначение звукового состава словоформ, т. е. в той части орфографии, которая является прямым продолжением графики.

В качестве ведущего принципа этого раздела орфографии может быть выбран один из следующих:

- 1) *фонетический принцип*, при котором в качестве орфограммы выбирается адекватнофонемное (фонетическое) написание в соответствии с принятым литературным произношением;
- 2) *морфологический принцип*, когда в качестве орфограммы выбирается такое написание, которое (насколько позволяют правила графики) приводит к единообразной передаче на письме данной морфемы, что облегчает читающему возможность опознать однокоренные словоформы в тексте, их структурное членение на морфемы и тем самым быстрее понять его смысл;
- 3) *традиционный принцип*, при котором выбирается орфограмма, по возможности оправдываемая этимологией или письменной традицией, а часто лишь условными догово-

ренностями (например, если это недавние заимствования, не имеющие письменной традиции). Написания, соответствующие традиционному принципу, обычно приходится просто заучивать.

Как видно даже из краткой характеристики перечисленных принципов орфографии, каждый из них имеет достоинства и недостатки, которые могут варьировать от языка к языку в зависимости от его звукового и грамматического строя, длительности письменной традиции, связей с другими языками и разных других обстоятельств. Обычно в орфографии с более или менее длительной письменной традицией действуют все три принципа. Именно такова ситуация в русском письме. Например, в слове *разморозка* (орфограммы выделены полужирным шрифтом) написание букв **а** и **з** в приставке *раз-* определяется фонетическим принципом, написание первого **о** в корне *-мороз-* — традиционным, а **з** в корне и **а** в окончании пишутся в соответствии с морфологическим принципом орфографии. Написание остальных пяти букв определяется графикой.

Ведущим в русской орфографии является морфологический принцип, однако многие написания базируются на традиционном принципе, а отдельные группы правил — на фонетическом. При этом подавляющее число написаний — более 70 % — вообще не требует применения какого-либо принципа орфографии, так как они определяются правилами графики и не предоставляют пишущему выбора.

Обычно при своем возникновении любое буквенно-звуковое письмо последовательно отражает все фонологические противопоставления. В таком письме все написания являются адекватнофонемными (фонетическими), а это значит, что правил орфографии вообще не требуется. По мере развития языка, когда фонемный состав словоформ изменяется, а закрепленные письменными текстами написания в своей основе остаются прежними, написания перестают быть адекватнофонемными, вследствие чего возникает разрыв между фонологической структурой словоформы и ее письменной фиксацией. По мере увеличения этого разрыва перед пишущими все острее встает выбор — либо закрепить этот разрыв (т. е. избрать в качестве ведущего принципа орфографии традиционный или морфологический — в зависимости от особенностей языка), либо

попытаться его ликвидировать (иначе говоря, избрать принцип фонетический, т. е. опять сделать все написания адекватнофонемными, попытаться вернуться к письму «без орфографии», ограничившись только правилами графики). Таким образом, к письму «без орфографии» можно вернуться посредством последовательного проведения фонетического принципа в результате реформы орфографии, которая руководствуется морфологическим или традиционным принципами.

Принцип орфографии — понятие историческое. Одно и то же написание в разные эпохи может быть обусловлено действием разных принципов. Так, если в древнерусском письме XI — первой половины XII в. (до падения редуцированных, возникновения нового /о/ закрытого и аканья) при написании всех трех букв **о** в слове **молоко** пишущие руководствовались принципами графики, и все три написания были адекватнофонемными, то в современной орфографии первое **о** в слове *молоко* /mala'ko/ определяется традиционным принципом (первый гласный в морфеме нельзя проверить по сильной позиции — он во всех родственных словах — безударный), второе — морфологическим (ср. *молочный*), причем оба оказываются неадекватнофонемными, а третье пишется по правилам графики без обращения к принципам орфографии и остается адекватнофонемным. В древнерусскую эпоху не было научного обоснования принципов орфографии, отсутствовала и строгая кодификация правописных норм, что не означает, конечно, отсутствия руководящих идей, похожих на наши принципы орфографии, которыми руководствовались средневековые писцы в своей практике. Орфографическая норма в эпоху русского средневековья была признаком не письменного языка в целом, а отдельной рукописи, писца или писцовой школы¹¹.

¹¹ Сведения об основных этапах развития русской графики и орфографии в древнейший период истории русского письма см. в кн.: *Осипов Б. И. История русского письма: Графика. Орфография. Пунктуация: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. С. 27–94.*

§ 7. Морфологический принцип русской орфографии

Морфологический принцип орфографии диктует такой способ обозначения живых фонетических чередований, когда фонема, находящаяся в слабой позиции, передается не той буквой, которая соответствует ей в графике, а той, что обозначает чередующуюся с ней фонему в сильной позиции. Буква фонемы слабой позиции как бы проверяется по сильной позиции. Таким образом, обе чередующиеся фонемы, например /o/||/a/ или /d/||/t/ (*вол* /vol/ — *волы* /va'ly/, *пруды* /pru'dy/ — *пруд* /prut/), в целях графического единообразия обозначены буквой, которая в графике предназначается фонеме, находящейся в сильной позиции: *вол* /vol/ → *волы* /va'ly/, *пруды* /pru'dy/ → *пруд* /prut/. Этот принцип распространяется на все слабые позиции — не только на такие случаи, где имеется чередование разных фонем, но и на те случаи, в которых чередования фонем вообще нет (т. е. где в сильной и в слабой позиции представлена одна и та же фонема: *вал* /val/ — *валы* /va'ly/, *пруты* /pru'ty/ — *прут* /prut/). В словоформах *валы* и *прут* буквы **а** и **т** выбираются не потому, что они соответствуют произношению (адекватнофонемны), а потому, что пишутся в словоформах *вал* и *пруты*, т. е. в сильных позициях.

Таким образом, морфологический принцип — это фактически принцип проверки по сильной позиции независимо от того, адекватнофонемным или неадекватнофонемным получается написание. Важно, чтобы сохранялось единство написания данной морфемы. В случаях же, где чередования фонем невозможны даже теоретически и, соответственно, невозможна проверка по сильной позиции, морфологический принцип не применим: например, в слове *вокзал* /vagzál/ проверить вторую и третью фонемы по сильной позиции не удастся. В подобных случаях действует традиционный принцип орфографии: в качестве орфограммы из двух возможных написаний — **а** или **о** и **к** или **г** — выбирается один, который и становится нормативным. Таким образом, и морфологический, и традиционный принципы орфографии обеспечивают единообразие в написании морфем.

В отношении соблюдения графического единства морфемы оба принципа противостоят фонетическому принципу орфографии. Это дает основание некоторым орфографистам объединять и тот и другой принципы в рамках одного принципа орфографии — мор-

фологического. Таков, например, подход А.И.Моисеева, который считает морфологический и традиционный принципы двумя группами правил в рамках единого морфологического принципа, а фонетический принцип не выделяет вовсе, рассматривая орфограммы по фонетическому принципу в качестве нарушений единственного принципа русской орфографии — морфологического¹².

Обычно считается, что морфологический принцип орфографии очень хорошо подходит к грамматической системе русского языка с его чрезвычайно развитой системой чередований фонем, так как характерное для фонетического принципа орфографии отражение на письме всех чередований — не только исторических, но и живых — привело бы к графическому (зрительному) разрыву связей между алломорфами многих морфем и неприемлемой пестроте написаний. Поэтому основными принципами русской орфографии стали морфологический и традиционный (точнее — фонемно-традиционный).

Первоначально принцип, который в настоящее время чаще всего называется морфологическим, имел другие названия — «словопроизводственный» (термин восходит к пониманию специфики русской орфографии еще Ломоносовым) и «этимологический» (термин утвердился в трудах Я.К.Грота). Оба термина, как и некоторые другие, широко употреблялись еще в первой половине XX в. Вот что писал о разных терминах, обозначающих морфологический принцип орфографии, Л.В.Щерба: «Другой принцип правописания, ограничивающий действие фонетического, известен под названием этимологического, т.е. словопроизводственного. Суть его состоит в том, что части слов — морфемы, узнаваемые в разных словах как тождественные, пишутся одинаково несмотря на различия их произношения. Недаром его называют также морфологическим и, наконец, аналогическим. Это последнее название едва ли не самое разумное: в самом деле, каждая морфема всегда пишется по аналогии к ее основной форме. <...> В этом свете более понятен и термин “сло-

¹² См. в кн.: *Моисеев А. И.* Буквенное обозначение звукового состава слов (первая часть орфографии) // Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1974. С. 88–101. — Отметим, что его соавтор В. Ф. Иванова придерживается иной точки зрения, выделяя (в других работах) морфологический, фонетический и несколько разновидностей традиционного принципа (*Иванова В. Ф.* Принципы русской орфографии).

вопроизводственный”: мы пишем морфемы производных слов так, как эти морфемы произносятся в словах, от которых образованы данные слова. Но в связи с тем, что по этимологическому принципу пишутся не только корни, но и префиксы, суффиксы и окончания, то термин “словопроизводственный” в сущности узок и употребляется в расширенном значении»¹³. Ученик Щербы Л. Р. Зиндер вместо термина «морфологический принцип» использует термин «морфематический принцип» как более прозрачный по своей внутренней форме в выделяемой им триаде «мотивированных» принципов орфографии: фонематический — морфематический — грамматический¹⁴. Эта триада Зиндера соответствует триаде фонетический — морфологический — принцип графика-морфологических аналогий В. Ф. Ивановой¹⁵.

В связи с особым пониманием фонемы в Московской фонологической школе некоторые ее представители вместо термина «морфологический принцип» используют термин «фонематический принцип орфографии». Это связано с тем, что, например, в словоформах *вода* [vɫáda], *вод* [vót] они усматривают последовательность фонем <вода>, <вод>, и, соответственно, написания букв **о** и **д** рассматриваются как адекватнофонемные. Поэтому для того принципа, который другие лингвисты называют фонетическим (или фонематическим), остается название фонетический принцип орфографии¹⁶.

§ 8. Ограничения и нарушения морфологического принципа орфографии

Так же, как слоговой, принцип графики в русском письме при обозначении твердости и мягкости согласных ограничен в своем действии только парными по этому признаку согласными, не распространяясь на непарные /š/, /ž/, /šː/, /žː/ и /c/ (см. с. 109–111), морфологический принцип орфографии имеет свои ограничения.

¹³ Щерба Л. В. Теория русского письма [1943 г.]. Л.: Наука, 1983. С. 101.

¹⁴ См. в кн.: Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 96.

¹⁵ См. в кн.: Иванова В. Ф. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1991. С. 85–129.

¹⁶ Подробнее о различиях в понимании ведущего принципа русской орфографии см.: Там же. С. 145–159.

Одно из них связано с отражением на письме исторических чередований, что приводит к нарушению единообразия в написании одних и тех же морфем: ср. *вожу* — *возишь* и т. д., *пеку* — *печешь* и т. д., *писать* — *написан* — *пишу* — *пишущий* и т. д., *рука* — *рукав* — *поручать* — *ручка* — *ручной* и т. д., *оспорить* — *оспаривать*, *заходит* — *захаживает* и т. д. и т. п. Данное ограничение вызвано тем, что эти чередования в современном русском языке никак не обусловлены фонетической позицией. Например, альтернанты исторического чередования /k/||/č/ возможны в одной и той же позиции: ср. *рука* — *ручаться*, *ручка* — *Мекка*, *ручной* — *сукно* и т. п. Однако в отношении признака звонкости/глухости альтернанты тех же исторических чередований подвержены действию морфологического принципа: ср. *нога* /na'ga/ — *ног* /nok/ и *ножной* /na'žnoj/ — *ножка* /'noška/. Таким образом, обозначение на письме альтернантов большинства исторических чередований находится в ведении графики и не определяется правилами орфографии.

Другое ограничение на соблюдение единообразия в передаче русских морфем на письме прямо связано с действием правил графики, которые оказываются иерархически важнее правил орфографии и предшествуют последним. Так, флексии им. ед. -а существительных женского рода или дат. ед. -у существительных мужского рода в соответствии со слоговым принципом графики обозначаются по-разному в зависимости от твердости или мягкости конечных парных согласных основы: ср. *жен-а* — *земл-я* и *стол-у* — *кон-ю*. То же самое имеет место и в других морфемах (ср. *игр-а-ть* — *стрел-я-ть*, *поигр-ыва-ть* — *пострел-ива-ть* и т. п.).

Аналогичная ситуация наблюдается в корнях с начальным /i-/ , когда они оказываются после приставки на согласный: здесь тоже побеждает слоговой принцип графики (ср. *играть* — *сыграть*, *подыграть*, *разыграть* и др.). Однако морфологическому принципу удастся «отвоевать» некоторые орфограммы, в которых, наоборот, нарушается слоговой принцип графики (ср. *игра* — *суперигра*, *контригра*, *инспектор* — *субинспектор*, *идея* — *сверхидея* и др.).

Еще одним нарушением единообразия графического облика морфемы является написание в одних и тех же окончаниях и суффиксах после шипящих под ударением — **о**, без ударения — **е**: *ханжой* — *сáжей*, *парчой* — *дáчей*, *врачом* — *плáчем*, *большого* — *ры́жего*, *гребешо́к* — *гороши́ек*, *горячо́* — *колюче* и т. п. Однако решить, нарушают ли написания с **е** вместо **о** в этих случаях морфологический

принцип орфографии, не так просто, поскольку единообразие это уже нарушено в связи с действием слогового принципа графики: ср. *стенóй, пёной* — *землѣй, волей* и т. п. Таким образом, написания **е/о** после шипящих как бы подстраиваются к одной из возможностей написания после парных согласных: *ханжой* как *стенóй*, *дачей* как *волей*. Написания типа *душою, свечою, мечом, ножом* и т. п. являются сравнительно поздними, они были одобрены Я. К. Протом во второй половине XIX в. наряду со старыми формами *душею, свечею, мечемъ, ножемъ*, которые когда-то соответствовали церковному произношению¹⁷. В целом правописание **е** и **о** после шипящих регулируется в рамках сложных и противоречивых орфографических правил на основе морфологического принципа¹⁸.

§ 9. Фонетический принцип орфографии

В русском письме есть орфограммы, которые находятся в прямом противоречии с морфологическим принципом. Примером нарушения морфологического принципа русской орфографии может служить правописание так называемых приставок на **-з-**: *без-*, *вз-*, *из-*, *раз-*, *роз-*, *чрез-*, *низ-*. Здесь **/z/** и **/s/** чередуются, но, несмотря на то что возможна проверка по сильной позиции (например, перед сонантом и гласным, в том числе, перед беглым гласным самой приставки), **/z/** и **/s/**, находящиеся в слабой позиции (перед парными шумными), обозначаются «своими» буквами, т. е. адекватнофонемно. Принцип написания в этом случае прямо противоположен морфологическому принципу. Если в таких словах, как *косьба* и *резьба*, корневые **с** или **з** в соответствии с морфологическим принципом пишутся согласно результатам проверки по сильной позиции (перед гласным: ср. *косить*, *резать*), то в приставках на **-з-** фонема **/s/** или **/z/** в слабой позиции обозначается буквой, предназначенной в графике для передачи этой фонемы (*избить* — *испить*), несмотря на то что проверка по сильной позиции возможна (*излить*). Интересно, что даже в соответствующих предлогах (*без*, *из*) морфологиче-

¹⁷ У А. С. Пушкина в стихотворении «Пророк», несомненно, *мечемъ* и *огнемъ* следует читать с **/e/**: *И онъ мнѣ грудь разсыкъ мечемъ, И сердце трепетное вынулъ, И уголь, пылающій огнемъ, во грудь отверстую водвинулъ*).

¹⁸ См. в кн.: Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. С. 116–123; Иванова В. Ф. Современная русская орфография. С. 96–103.

ский принцип проверки не утрачивает своей силы: ср. из *подъезда* /ispa'djezda/, *бес света* /b'i'ssv'eta/, *без дома* /b'i'zdoma/, как из *окна* /iza'kna/, *без лифта* /b'i'zl'ifta/.

Еще одним примером орфограммы, где выбор написания осуществляется вопреки требованиям морфологического принципа, хотя проверка по сильной позиции легко может быть произведена, является правописание безударной гласной в приставках *раз-/роз-*: ср. *ро́здал, ро́спись*, но *раздача, расписка*.

Принцип адекватнофонемного обозначения чередующихся фонем в слабой позиции принято называть **фонетическим принципом** орфографии¹⁹. В русском письме этот принцип имеет очень ограниченную сферу действия, фактически распространяясь только на две приведенные выше орфограммы. Но даже в этих случаях он выдерживается не совсем последовательно и частично корректируется морфологическим. Так, при правописании приставок на -з- фонетическому принципу подчиняется только чередование по одному признаку фонемы — глухости/звонкости, а чередование /z/||/ž/ и /s/||/š/ уже не подчиняется: ср. обозначение фонем /ž/, /š/ буквами **з, с** в *расширить* /ra'ššyr'it'/, *бесчестный* /b'i'ščesnyj/, *изжарить* /i'žžar'it'/ и подобных. В некоторых отдельных словах с приставками на -з- в угоду морфологическому принципу фонемы /s/ передается буквой **з**: ср. *безвкусный* /b'i'skusnyj/ и фонемы /a/ буквой **о** в *розыскной*²⁰ /razys'knoj/ в соответствии с *розыск*. Приведенные примеры являются своего рода «исключениями из исключения». В 1970-е гг. В. Ф. Иванова отметила стремление писать в соответствии с морфологическим принципом приставки на -з- в неологизмах, не зафиксированных словарям, и привела пример из одного учебного пособия 1972 г.: «...не было одного, господствующего, всеподчиняющего стиля... Это *безстилье*, существование различных

¹⁹ Термины, обозначающие орфографические принципы, названные здесь *морфологическим* и *фонетическим*, зависят от общefonологической концепции, лежащей в основе той или иной теории письма. Концепция, излагаемая в настоящем пособии, опирается на теорию фонемы Щербовской (= Петербургской, Ленинградской) фонологической школы. В Московской фонологической школе *морфологический* принцип орфографии часто называют «фонологическим» или «фонематическим».

²⁰ В «Русском орфографическом словаре Российской академии наук» (2005) закреплена иная форма — *разыскной*. Тем самым это исключение из правила написания приставки *роз-/раз-* было ликвидировано.

художественных направлений...»²¹. Сейчас список таких примеров можно расширить: ср. *Говорят, стиль — это человек. Подразумевается, что **безстилье** — тоже вполне человеческое, социальное свойство* (Л. Овруцкий); ***Безстилье** оборачивается стилем* (В. Лазарис); *Если человек насильно этим занимается, как правило, получается **безстилье*** (П. Дашкова); *Ознакомление с основными понятиями по истории и архитектуре Казани изучаемого периода: «неомодерн», «**безстилье**», хай-тек, «элитное жилье» и т. п.* (из методической разработки Казанского университета).

В связи с очень ограниченным действием фонетического принципа в русской орфографии написания, соответствующие проявлению фонетического принципа, целесообразно интерпретировать как нарушение морфологического принципа русской орфографии.

Орфография, построенная исключительно на фонетическом принципе, бессмысленна, так как если все написания оказываются адекватнофонемными, можно считать, что это уже будет письмо «без орфографии», где действуют только правила графики. Морфологический и фонетический принципы антагонистичны, но не абсолютно равносильны. Фонетический принцип может заменить морфологический в любой орфограмме, в которой последний используется, а вот морфологический принцип не всегда может прийти на смену фонетическому, так как не приложим к адекватнофонемным написаниям в тех случаях, где невозможна проверка по сильной позиции. Однако, как мы видели, в русском письме нет таких орфограмм, которые писались бы по фонетическому принципу и которые могли бы быть проверены по сильной позиции. Поэтому в русском письме во всех орфограммах (весьма немногочисленных), которые пишутся по фонетическому принципу, последний может быть заменен на морфологический. Таким образом, конкретно в русском письме все написания, соответствующие фонетическому принципу, могут быть приведены в соответствие с морфологическим принципом, и наоборот.

²¹ Цит. по: Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. С. 155.

§ 10. Традиционный принцип русской орфографии и его разновидности

В предыдущем параграфе говорилось о том, что в русском письме есть орфограммы, в которых можно руководствоваться фонетическим принципом, но невозможно руководствоваться морфологическим. Такое положение наблюдается, когда фонема, находящаяся в слабой позиции, не чередуется с фонемой в сильной позиции, т. е. когда ее нельзя проверить по сильной позиции и обозначить в соответствии с морфологическим принципом (напр., таковы фонемы /a/ и /g/ в слове *вокзал* /vagzál/). Фонема здесь оказывается в морфологически изолированной, своего рода абсолютно слабой позиции.

В таких случаях фонема обозначается одной из тех букв, которыми она могла бы быть обозначена по морфологическому принципу, если бы проверка по сильной позиции в данной морфеме была возможна. В слове *вокзал* для /a/ это только буквы **а** или **о** (но не **у**, **ы** и др.), а для /g/ — только буквы **г** или **к** (но не **п**, **б**, **л** и др.). Написание в этом случае именно букв **о** и **к**, а не **а** и **г** объясняется исключительно традицией, принятым обычаем, договоренностью, а вот то, что не пишутся **у**, **ы** и **п**, **б**, **т**, **д**, объясняется принципами русской графики, которая регулирует соотношение алфавита и системы фонем. Поэтому такая разновидность традиционного принципа называется **фонемно-традиционным принципом** (а соответствующие написание — **фонемно-традиционными**). Определение «традиционный» отражает тот факт, что данные орфограммы проверке не поддаются и пишутся по традиции (этот принцип также называют **традиционно-историческим**). В большинстве случаев написание соответствует древнему или, по крайней мере, достаточно старому написанию (и произношению), хотя совсем не обязательно этимологии (ср. *здоров* < др.-рус. *сѣдоровъ*, *карман* < др.-рус. *корманъ* < *кърманъ* и др.).

В сущности, во всех приведенных орфограммах можно было бы руководствоваться фонетическим принципом и обозначать фонему в слабой позиции адекватнофонемно, т. е. писать *сабака/сабачий/сабачиться*, *карман/карманник*, *вагзал/привагзальный*, *здоба/здобный*, *здоров/здоровье*, *машиштаб/машиштабный* и т. п. При выборе адекватнофонемных написаний в таких случаях единство оформления морфемы никак не нарушается. В принципе, такое решение было бы приемлемо, по крайней мере для исконных слов или давно

освоенных заимствований типа *вокзал*. Однако для русского письма это было бы слишком радикальное изменение. Кроме того, внедрение фонетического принципа в сферу традиционного не очень удобно в силу значительных колебаний ударения в русских словах, что может привести к нежелательному разнобою в написании. Например, в слово *творóг* с орфоэпическим ударением на втором слоге основы первое **о** пишется по традиционному принципу. Если ввести орфограмму по фонетическому принципу и писать *тварóг*, то те, кто произносит *твóрог* /'tvorak/ с ударением на первом, должны будут писать *творог* (второе **о** тогда пишется по морфологическому принципу: ср. *творóжник*), в результате чего возникнут варианты в написании этого слова — *тварог* и *творог*, отражающие разное произношение. И подобных слов окажется немало. Таким образом, для русского письма это является одним из аргументов в пользу сохранения традиционного принципа орфографии.

Однако расширение действия фонетического принципа на непроверяемые орфограммы (*мороз, молоко, заяц, язык, вчера, голытьба* → *мароз, малоко, заиц, изык, фчера, голыдьба* и мн. др.), регулируемые в рамках традиционного принципа орфографии, встречает серьезные возражения и более общего характера. Главным из них является то, что фонетический принцип в этом случае вводится только для одной группы написаний, в то время как вся система орфографии строится на другом принципе — морфологическом. При этом, как отмечает В. Ф. Иванова, «границы, где должен применяться один принцип и где другой, не всегда отчетливы, поскольку есть категория написаний, поддающихся проверке, хотя проверка затруднительна: ср. *околица* — *около, кромешный* — *кроме, kloкoтaть* — *локот, патронат* — *патрон, канонический* — *канон, модальный* — *модус, корпорация* — *корпус, консерватор* — *консервы, протекторат* — *протектор*»²². Широкое применение в пересекающихся группах написаний двух таких антагонистических принципов, как фонетический и морфологический, приведет к росту числа гиперкорректных написаний.

Особым случаем применения фонемно-традиционного принципа является правописание безударных гласных в ряде корневых морфем *рост-/раст-, зор-/зар-, клон-/клан-, гор-/гар-, скоч-/скач-* и т. п. В этих орфограммах происходит своего рода пересечение сра-

²² Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. С. 173.

зу трех принципов — морфологического, фонетического и традиционного. Здесь, в отличие от фонемно-традиционного принципа, который применяется в случае невозможности проверки по сильной позиции, проверка возможна, но ее результаты оказываются двойственными: под ударением в соответствующих морфемах оказываются как /o/, так и /a/ (ср. *рост*, но *выращивать*; *зорька*, но *зарев*; *поклон*, но *кланяться*; *вскочит*, но *вскакивает*). Не ясно, на какую из сильных позиций ориентироваться, поэтому правописание безударного гласного в таких случаях регулируется довольно сложными правилами (ср. *ростóк*, *пóрoсль*, но *вóзрaст*, *óтрaсль*; *зaря́*, *oзaрéние*). В некоторых формах написание находится за пределами здравого смысла: ср. ед. *зaря́*, *зaри...*, но мн. *зoри*, *зoрь...* при том, что в массе других аналогичных слов ед. *вoдa*, *вoды...*, но мн. *вoды*, *вoд...*. Такие написания попадают в категорию **нарушений морфологического принципа** русской орфографии.

Еще одной разновидностью традиционного принципа часто считают так называемый **традиционно-иероглифический принцип**. Его спецификой является то, что он применяется при обозначении фонемы в сильной позиции. Наиболее показательным примером является обозначение фонемы /v/ буквой г в окончании род. ед. прилагательных и местоимений: *дoбрoгo*, *синeгo*, *тoгo*, *eгo* и т. п. (ср. *стрoгo*, *дoрoгo*). «Иероглифичность» этого принципа заключается в том, что фонемы /g/ и /v/ в русском языке не чередуются, поэтому никакого фонетического оправдания для такого обозначения фонемы /v/ нет, но есть основание историческое²³ и даже этимологическое. В сущности, эти написания следует интерпретировать не как особый принцип орфографии, а как группу написаний, нарушающих правила русской графики. К ним примыкают случаи обозначения фонемы /š/ буквами ч и щ в словах *кoнeчнo* /ka'něšna/, *булoчнaя* /'bulašnaja/, *чтo* /što/, *пoмoщник* /pa'mošnik/, *всeнoщнaя* /'fsənašnaja/ и др. (ср. /čn/, /čn' и /čt/ в *кoнeчный*, *пeчнoй*, *нoчник*,

²³ Во флексах род. ед. *-ogo* местоимений и прилагательных в некоторых диалектах русского языка и, в частности, в тех, которые легли в основу литературного языка, произошло морфологически обусловленное фонетическое изменение /-ogo/ > /-ovo/. В московских памятниках с XV в. новое произношение начинает отражаться на письме. Ср. примеры из памятников XVII в. — *eвo*, *зелeнoвo*, *мoскoвскoвa* и т. п., конкурировавшие с традиционными *тoгo*, *слoвeснoгo*, *нижeгoрoцкoгo* и т. п. (Котков С. И. *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*. М.: Наука, 1974).

почта и мн. др.). Здесь неадекватнофонемное обозначение чередующегося согласного в сильной позиции (ср. *було/š/ная* — *було/č/ка, lš/to* — */č/его, /č/ему...*, *помо/š/ник* — *помо/š':/ь, помо/š':/и...*) обусловлено не только силой традиции, но, в большинстве случаев, и стремлением сохранить единство морфемы, т. е. фактически перенесением морфологического принципа на фонемы сильной позиции, что приводит к неотражению на письме так называемых исторических чередований.

К традиционному принципу иногда относят написание **ь** в наречиях *вскачь, сплошь, настечь*, частицах *лишь, вишь, ишь, бишь*, глаголах *идешь* и т. п., где он не имеет ни фонетического, ни морфологического значения.

§ 11. Принцип морфолого-графических аналогий

Написание **ь** в формах существительных 3-го склонения *ночь, рожь*, в императиве *режь*, инфинитиве *беречь* можно подвести под особый орфографический принцип, который иногда обозначают громоздким термином **принцип морфолого-графических аналогий**. Написание **ь** после шипящих в наречиях типа *наотмашь, вскачь* и др., видимо, также тяготеет к принципу морфолого-графических аналогий, так как здесь возможно усматривать аналогию со стороны огромного количества наречий, оканчивающихся на парный, но мягкий согласный, закономерно обозначенный мягким знаком: ср. *впрямь, исподволь, набекрень, вглубь, вспячь* и др.

Согласно принципу морфолого-графических аналогий графически единообразно оформляются написания слов, принадлежащих к одной грамматической категории. Действие этого принципа проявляется в написании буквы **ь** после шипящих на конце существительных ж. р. 3-го скл., глаголов в форме инф. и повел. накл., а также наречий: напр., *рожь, вещь, ночь* — как *тень, дверь; режь, утешь, не плачь* — как *брось, приготовь; беречь* — как *тереть; наотмашь, вскачь* — как *впрямь, вглубь* и др.

Морфолого-графическая аналогия в этих случаях возможна потому, что буква **ь** после непарных по твердости/мягкости шипящих не имеет фонетического значения и не обозначает какую-либо морфему. Написание **ь** нельзя считать проявлением действия традиционного принципа орфографии, как это имеет место в случаях типа

идеишь, ходишь, где **ь** пишется исключительно в силу традиции, без какой-либо опоры на произношение или морфологическую аналогию, и его написание нужно просто заучивать (в этом смысле написание **ь** в омонимичных формах ед. повел. накл. *еишь* и в 2 л. ед. наст. *еишь* определяются разными принципами орфографии), хотя само по себе единообразие в написании **ь** в окончании 2 л. ед. глаголов наст., разумеется, вписывается в общую «морфологическую» стратегию русской орфографии. Кроме того, с **ь** пишутся и новые заимствованные слова ж. р., относящиеся к 3-му скл. (*бриошь, ретушь* и т. п.).

Единообразие в написании слов, принадлежащих к одной и той же грамматической категории, по выражению Л. В. Щербы, «имеет значение смысловое»²⁴ — написание буквы **ь** выполняет функцию грамматического сигнала: **ь** сигнализирует о принадлежности слова *тушь* к ж. р. (тогда как слово *туш* — сущ. м. р.); формы *плачь* к повелительному наклонению глагола (тогда как слово *плач* — сущ. м. р.); слов *наотмашь, вскачь* — к категории наречий и т. п.

Иногда принцип морфолого-графических аналогий именуют идеографическим (определение Л. В. Щербы: так как «знаки ассоциируются непосредственно со смыслом, минуя звук»)²⁵, иероглифическим, смысловым, грамматическим или граммеграмматическим.

Некоторые лингвисты считают написание в соответствии с принципом морфолого-графических аналогий проявлением особого принципа орфографии — принципа дифференциации, или дифференцировочного (дифференцирующего). Его в ряду орфографических принципов выделил уже В. А. Богородицкий: «Принцип дифференциации заключается в том, что слова, произносящиеся одинаково, но различающиеся по значению, изображают на письме неодинаково, пользуясь надстрочными значками или же различными буквами, обозначающими один и тот же звук; так, например, относительное местоимение *что́* иногда отличают знаком ударения от союза *что*, который пишется без всякого значка; в старой орфографии *мир* в значении “вселенная” писалось через так называемое *і* десятеричное, тогда как *мир* в значении “согласие” — через восьмеричное, но теперь, с устранением из письма буквы в обоих случаях при-

²⁴ Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 47.

²⁵ Там же. С. 46.

меняется одна и та же буква **и**»²⁶. Однако приведенные им примеры свидетельствуют о том, что он имел в виду не то, что покрывается принципом морфолого-графических аналогий. Позднее М. В. Панов рассматривал дифференцировочный принцип как разновидность традиционного: «Дифференцировочный принцип — частный случай традиционно-исторического. Он налицо там, где два слова или две формы, имеющие тождественное фонемное строение, условно разграничиваются с помощью орфографии; ср. *миръ* — *мирь*, *ъли* — *еле*, *ее* — *ея*; или *ожог* — *ожёг*, *Орёл* — *орёл*, *туш* — *тушь* и т. п. Но написания *выпишете* — *выпишите*, *воле* — *воли* не являются дифференцировочными, так как отражают разное фонемное строение слова (при полном тождестве произношения в каждой из этих пар)»²⁷.

Вряд ли можно согласиться с тем, что принцип дифференциации целесообразно выделять в качестве самостоятельного принципа русской орфографии. Стремление к дифференциации написаний само по себе не является сущностью и организующей идеей современной русской орфографии в целом и потому дифференцирующие написания для него не характерны (по подсчетам исследователей, при самом широком понимании дифференцирующие написания в русском письме составляют не более 4 %).

Таким образом, в отношении русского письма можно говорить не о дифференцирующем принципе орфографии, а о широком круге дифференцирующих написаний, которые являются следствием применения разных орфографических принципов. Так, например, дифференцирующие написания *волы* — *валы*, *пруд* — *прут* появляются в качестве побочного следствия действия морфологического принципа орфографии: *волы* — как *вол*; *валы* — как *вал*; *пруд* — как *прудъ*; *прут* — как *прута*; дифференцирующие написания *кампания* ('совокупность действий, производимых в определенный период для решения какой-л. общественно-политической, хозяйственной, военной и т. п. задачи') — *компания* ('группа лиц, проводящих вместе время' и 'форма организации крупного бизнеса') — следствием

²⁶ Богородицкий В. А. О русском правописании // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. С. 82.

²⁷ Панов М. В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии XVIII–XX вв. М.: Наука, 1965. С. 21.

действия приема **транслитерации** при передаче этимологически различных заимствованных слов: фр. *campagne* — фр. *compagnie*; дифференцирующие написания *тушь* (сущ. ж. р. им. ед.) — *туш* (сущ. м. р. им. ед.) — результат действия принципа морфолого-графических аналогий и т. п.

Дифференцирующие написания можно определить как написания слов, совпадающих по звучанию (фонемному составу), но различающихся лексическим или грамматическим значением, — омофонов, что отражается в их графическом облике: напр., *бал* (большой танцевальный вечер) — *балл* ('цифровая оценка результатов состязаний или успеваемости учащихся', а также 'единица, которой оценивается степень или интенсивность какого-л. явления'); *ожог руки́* (существительное) — *ожёг руку* (глагол); *рожь* — *рож* (существительное *рожа* в форме род. мн.); *Орёл* ('город') — *орёл* ('птица'); *эта книга неинтересная* ('скучная') — *эта книга не интересная* ('интересной ее назвать нельзя'); *по другому пути* (местоименное прилагательное) — *по-другому поступить* (наречие). Три последние примера показывают, что дифференцирующие написания выходят за пределы той части орфографии, которая занимается буквенным обозначением звукового состава слов.

Однако нельзя не признать, что дифференцирующие написания могут возникать и в результате сознательного стремления к разграничению омонимов, причем в некоторых орфографических системах дифференцирующие написания используются довольно широко, а в ряде случаев систематически, что позволяет говорить о дифференцирующем принципе орфографии. Таково, видимо, положение в современном церковнославянском языке: ср. *ѡзѣкъ* 'народ' — *ѡзѣкъ* 'язык'; *ѡггль* 'ангел Божий' (пишется под титлом) — *ѡггелъ* 'падший ангел' (гг читается как нг); *миръ* 'согласие, покой, тишина' и *миръ* 'вселенная, весь род человеческий'; *царь* (им. ед.) — *царь* (род. мн.); *царь* (род. ед.) — *царь* (им. или вин. дв.) и мн. др.

Суммируя сказанное о принципах русской орфографии, можно сделать следующие выводы. Главным, основополагающим принципом русской орфографии является морфологический принцип. В тех случаях, когда проверка по сильной позиции невозможна, он дополняется традиционным (фонемно-традиционным), причем последний в значительной степени базируется на морфологическом принципе. Таким образом, морфологический и фонемно-традиционный принципы русской орфографии не противоречат, а наоборот,

взаимно дополняют друг друга, совместно способствуя сохранению единообразия в написании. Третьим принципом русской орфографии можно признать принцип морфолого-графических аналогий, хотя он занимает периферийное положение в русской орфографии. Что касается фонетического принципа, то его в силу крайней ограниченности применения нельзя рассматривать как самостоятельный принцип русской орфографии, а соответствующие написания целесообразно рассматривать как нарушения морфологического принципа. Другие разновидности традиционного принципа (не относящиеся к фонемно-традиционному) также не представляют собой особых принципов русской орфографии, а являются нарушениями либо правил графики (традиционно-иероглифические написания типа *того*), либо морфологического принципа (правописание безударных гласных в корнях типа *зор-/зар-*). Итак, суть морфологического принципа орфографии заключается не в сохранении единообразия написания морфемы, а в «проверке по сильной позиции». Что же касается «единообразия», то оно является общей идеей письма как такового. Единообразие характерно и для традиционного, и в известной степени для фонетического принципа орфографии. В современном русском письме дифференцировочный принцип не выделяется в самостоятельный принцип русской орфографии, а имеющиеся дифференцирующие написания являются результатом действия других принципов.

§ 12. Типы написаний. Второстепенные (орфографические) значения букв

От принципов орфографии важно отличать типы написаний, хотя наблюдается некоторая корреляция между типами написаний и принципами орфографии. Фонетические (адекватнофонемные) написания не следует смешивать с фонетическим принципом орфографии, так как фонетическими могут быть написания не только по фонетическому (*раздать* — *растащить*), но и по морфологическому (*трава, рак*) и традиционному (*карман, зигзаг*) принципам. Кроме того, фонетическими считаются и все написания, определяемые графикой, по отношению к которым вообще не применяются принципы орфографии. Так, в словах *вёл, зал, сыр, тюлень* все написания фонетические и определяются графикой, в них нет ни одной

орфограммы. А в словах *рак*, *трав**а*, *разда**ть*, *карман* написания всех букв — фонетические (адекватнофонемные), но, например, выделенная жирным буква **а** в первом слове пишется по правилам графики, во втором — по морфологическому принципу, в третьем — по фонетическому, а в четвертом — по традиционному. С другой стороны, многие написания (например, первое **а** в слове *разда**ть* и в слове *трав**а*) являются вполне традиционными (ср. ст.-сл. и ц.-сл. **раздати**, **трав**а), но в слове *разда**ть* его написание определяется фонетическим принципом, а в слове *трав**а* — морфологическим. И наоборот, в слове *карман* фонетическое написание первого **а** не является традиционным (ср. др.-рус. **корманъ** < **кърманъ**), хотя в современном письме определяется традиционным принципом орфографии.

Применение орфографических правил в соответствии с действующими принципами орфографии, прежде всего морфологическим и традиционным, приводит к тому, что у многих букв русского алфавита появляются звуковые (фонемные) значения, которых не было в алфавите и графике. Таким образом, в дополнение к значениям, которые буквы имеют в алфавите (алфавитные значения букв) и в графике (графические, они же — главные значения букв), в орфографии добавляются новые значения, которые называются **орфографическими**, или **второстепенными**.

Так, у буквы **я** появляются три второстепенных значения, вытекающих из действия морфологического принципа орфографии: 1) /i/ (*вяжу* /v'j'zu/), 2) /ji/ (*якоря* /jika'r'a/, *пьянеть* /p'ji'net'/), 3) /a/ (*моется* /'moitca/, а также в старомосковском произношении *мылся* /'mysla/). При этом иногда разграничивают **системные** второстепенные значения букв, отражающие регулярные фонологические ограничения в дистрибуции фонем (как п. 1 и п. 2 в приведенных примерах), и **несистемные**, которые возникают в морфологических позициях (как в п. 3) или даже отдельных словах (напр., звуковое значение /ы/ буквы **а** в слове *жалеть* /žyl'et'/ или /š/ у буквы **ч** в словах *что*, *скучно* и некоторых других). Буква **б** имеет два главных значения — /b/ и /b'/ (ср. *груба* /grubá/ — *грубя* /grubá'/) и два второстепенных — /p/ и /p'/ (*гроб* /p/ и *гробь* /p'/), которые являются системными. К последним иногда добавляют еще одно второстепенное значение — несистемное — «нуль звука» (*суббота* /subóta/).

§ 13. Типы написаний с точки зрения их определимости произношением: опорные, проверяемые и беспроверочные написания

Кроме подразделения типов написаний с точки зрения их соответствия «произношению» на адекватнофонемные (фонетические) и неадекватнофонемные (нефонетические), с точки зрения принципов орфографии (прежде всего морфологического, фонетического и традиционного) очень важна классификация написаний по их определимости «произношением», т.е. возможности быть проверенными «произношением» в условиях господства в русской орфографии морфологического (в сущности, «проверочного») принципа. С этой точки зрения написания делятся на **опорные, проверяемые и беспроверочные** (они же **беспроверочные, или непроверяемые**).

Опорные прямо определяются произношением (еще в графике), проверяемые не определяются произношением прямо, но могут быть определяемы произношением косвенно — через опорные, а беспроверочные в принципе не проверяются произношением.

Опорными являются написания, которые определяются графикой (с учетом ограничений слогового принципа) и на которые можно опираться, применяя морфологический принцип орфографии. Например, в слове *вал* написания всех букв являются опорными, т.е. определяются графикой, причем на написание **а** можно опереться при проверке второй буквы в словоформе *валы*. Неадекватнофонемное написание также может быть опорным, например **и**, передающее фонему /ы/ в слове *жив*, на которое, однако, можно опереться при проверке безударной гласной в слове *проживать* (ср. *прожевать*).

По опорным написаниям в рамках действия морфологического принципа устанавливаются проверяемые написания. Например, в словоформах *вал*, *вол*, *вижу*, *увял* написания всех букв определяются графикой, и в них нет орфограмм. В этом смысле все они потенциально являются опорными, однако реально только написания **а, о, и, я** функционируют как опорные, так как по ним определяют написания букв **а, о** для обозначения фонемы /а/ в словоформах *валы́* /valý/ и *волы́* /valý/ и для обозначения фонемы /и/ в словоформах *увидал* /uv'ídál/ и *увядал* /uv'ídál/. Опорными обычно бывают адекватнофонемные (фонетические), т.е. соответствующие главным значениям букв, написания, как в приведенных примерах *вал* /val/,

вол /vol/, *вижу* /vʲiʒu/, *увял* /uvʲál/. Поэтому опорные иногда трактуются как написания, определяемые произношением. В принципе, неадекватнофонемное (нефонетическое) написание также может быть опорным, как и в словоформах *жил* /ʒyl/, *жив* /ʒyf/, которое является опорным при определении правильного написания в словоформах *жилá* /ʒylá/, *живóй* /ʒyvoj/. Если опорное написание не полностью определяется произношением, это связано с ограничением слогового принципа графики. Так, написание **и** для обозначения фонемы /ы/ в слове *жил* частично определяется произношением (именно поэтому здесь не могут быть написаны буквы **а**, **о**, **е/ё**, **у**), а частично устанавливается орфографическим правилом, согласно которому для передачи /ы/ после **ж** и **ш** следует писать **и**, но не **ы**. Но при обозначении безударного гласного, чередующегося после шипящего с ударным /ы/ (*жилá*, *в́ишил*, *в́ишел*), написания **и** и **е** в словоформах *жил*, *шил*, *шел* и т. п. выступают как опорные.

Проверяемым (его также называют **косвенно проверяемым**) является написание, которое в соответствии с морфологическим принципом русской орфографии можно проверить по сильной позиции при наличии живого фонетического чередования в соответствующей морфеме, т. е. фактически по опорному написанию. Проверяемые написания, как правило, подчиняются морфологическому принципу орфографии, за исключением тех орфограмм, которые определяются фонетическим принципом.

Возможность проверки написания обусловлена наличием чередования в соответствующей морфеме. Например, фонемы /s/ и /z/ в позиции перед шумным согласным могут быть обозначены и буквой **с**, и буквой **з** (ср. *рос*, *роз*, *стар*, *здоров*, *сдоба*), однако в словах *рос* и *роз* написание **с** или **з** проверяется по опорному написанию, которое представлено в этих морфемах перед гласными или сонантами (*росá*, если *рос* — род. мн., или *рослá*, если *рос* — прош., м. р., *роза*), а в словах *стар*, *сдоба* и *здоров* такая проверка невозможна в силу отсутствия чередования глухого и звонкого согласных и, соответственно, опорного написания. Написание **с** и **з** в этих словах определяется традиционным принципом орфографии, а практически просто заучивается, если написание не является адекватнофонемным.

Проверяемые написания представлены также и в других морфемах — приставках (*отдáть* — *óтдан* — *отодрáть*; аналогично в предлогах: *на стóл* — *нá нос*, *по столу́* — *пó носу*), суффиксах

(*пи́сарь, ле́карь — пса́рь, врата́рь*), окончаниях (*мы́ло — окно́, сту́ла — стола́, хо́дит — следíт*).

В некоторых случаях проверка возможна, но не осуществляется, так как соответствующие написания подчиняются фонетическому принципу орфографии. Это происходит при выборе написания *з* или *с* в приставках на *-з-*, а в приставке *раз-/роз-* и при выборе написания *а* или *о* (*распи́сать* при *ро́пись, разобрать, разнести́*).

Бесповерочные написания, называемые также **бесспорочными** и **непроверяемыми**, прямо противопоставлены проверяемым. Бесповерочными написаниями являются такие, которые в рамках действия морфологического принципа орфографии нельзя проверить по опорным. Обычно невозможность проверки связана с отсутствием чередования в соответствующей морфеме. Например, в системе русского письма фонема /а/ в безударной позиции часто обозначается и буквой **а**, и буквой **о** (ср. *трава, сапог, вода, вокзал*), однако в словах *трава* и *вода* написание **а** или **о** возможно проверить по опорному написанию, представленному в этих морфемах под ударением (*тра́вы, во́ды*), а в словах *сапо́г* и *вокза́л* такая проверка невозможна в силу отсутствия чередования безударного гласного с ударным **и**, соответственно, опорного написания. В словах *сапо́г* и *вокза́л* фонема /а/ в безударной позиции обозначается буквами **а** и **о** по традиции, т. е. в этом случае действует не морфологический, а традиционный принцип орфографии. Соответственно, написание **г** в *сапог* — проверяемое (ср. опорное написание в *сапога*), а **к** в *вокзал* — бесповерочное (как ни изменяй слово, последний согласный морфемы, обозначаемый буквой **к**, не окажется перед гласным). Бесповерочными, таким образом, могут быть как адекватнофонемные, или фонетические (*карман, здоровье, идёт*), так и неадекватнофонемные, или нефонетические (*вокзал, сдоба, лестница*), написания. Бесповерочные написания представлены не только в корнях, но и в суффиксах (*-тель: истреби́тель, слу́шатель* и т. д.; *-еск-: монашеский, фактический* и т. д. и т. п.), приставках (*пред-: предпослать, предрасположить* и т. д.), окончаниях (*-ов: домов, столов* и т. п. и т. д.); бесповерочным является и написание **е** и **о** в соединительных гласных: *теплоход, путешествие* и т. п. (опорным нельзя считать написание **о** в заимствованных словах типа *термо́метр, физио́лог, фило́лог* и т. п.).

Особый случай представляют собой такие орфограммы, где проверка по сильной позиции невозможна, но не потому, что в соответ-

ствующих морфемах нет альтернанта в сильной позиции, а потому, что таких альтернантов два. В связи с этим приходится произвольно выбирать написание, соответствующее только одному из реально существующих опорных написаний: ср. *лѣбедь* — *лебѣдка* и *лебѣжий* (не *лебядь), *поклонѣться* — *поклѣн* и *клѣнѣться* (не *покланѣться), *зарѣя* — *зѣрево* и *зѣри* (не *зоря) и т. п. Такие написания определяются в рамках особой разновидности традиционного принципа орфографии.

§ 14. Правила орфографии

Наряду с орфограммой и принципом орфографии важнейшим понятием орфографии является орфографическое правило. Принцип орфографии связан с орфограммой именно через орфографическое правило. Правило орфографии можно определить как обоснование выбора правильного написания (орфограммы) на основе одного из действующих принципов орфографии.

Правила орфографии — это теоретически и методически обоснованная система правил, предписывающих выбор одного из графически допустимых написаний во всех случаях, когда существует возможность вариантов написания. Иначе говоря, орфографические правила — это всегда правила выбора. Так, существует несколько возможностей графической записи слов *риелтор* (**риэлтор, **риелтэр, **риелтэр и т. п.), *диджей* (**ди-джей, **ди джэй и т. п.) и даже *корова* (**карова, **каррово), которые достаточно точно, в соответствии с основными правилами чтения, передают фонетический облик (произношение) слова, однако, как правило, лишь один из таких возможных вариантов признается верным — на основании орфографических правил и фиксации правильного варианта в орфографических словарях.

Поскольку русская орфография определяет не только выбор буквы для обозначения того или иного звука в составе слова (*капучино* или **каптучино?), но и выбор между контактом/дефисом/пробелом (***общественнополезный*, ***общественно-полезный* или *общественно полезный*?), между строчной или прописной буквой (**крайний север или *Крайний Север*?), выбор места словораздела при необходимости перенести часть слова на следующую строку (*раз-зыскивать*, *разы-скивать* или **раз-ыскивать?), а также выбор

варианта сокращения (*просторечное: прост. или **прос.?*), то и орфографические правила распадаются на пять разделов:

1. Правила передачи фонем буквами в составе слов и морфем.
2. Правила слитных, отдельных и дефисных написаний.
3. Правила употребления прописных и строчных букв.
4. Правила переноса слова.
5. Правила сокращения слов.

Иногда в качестве еще одного раздела орфографии выделяют правила передачи средствами русской графики заимствованных слов.

Наибольшее количество предписаний в русской орфографии — это правила, применяемые при обозначении звуков буквами в составе слов, и базируются они на орфографических принципах. Этой группе правил в Правилах русской орфографии и пунктуации, утвержденных АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г. (так называемый Орфографический свод 1956 г., или Свод-1956), посвящены 75 параграфов из 124.

Поскольку официально утвержденный свод правил орфографии не только не изменялся в течение более чем полувека, но и изначально, в соответствии с жанром, не мог восприниматься как учебное пособие для преподавания основ правописания («как объем правил, так и характер изложения их, вытекающие из специфических задач свода, не соответствуют ни тому количеству сведений, ни тому методу обучения, которые установлены для школы»²⁸, — говорится в предисловии к этому документу), с течением времени он «оброс» огромным количеством разнообразных справочников, в которых основные правила комментируются и уточняются. В качестве примера приведем формулировки одного и того же правила в Своде-1956²⁹ (I) и в популярном справочнике Н. С. Валгиной и В. Н. Светлышевой «Орфография и пунктуация»³⁰ (II):

²⁸ Правила русской орфографии и пунктуации: ут. АН СССР, Мин-вом высш. образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956. С. 4.

²⁹ Правила русской орфографии и пунктуации: ут. АН СССР, Мин-вом высш. образования СССР и Министерством просвещения РСФСР.

³⁰ Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: справочник. М.: Изд. Булатникова И. С., ООО «Большая Медведица», 2002.

I

§ 61. Двойное **н** пишется в суффиксах **-енн-**, **-онн-** прилагательных, образованных от существительных, напр.: *соломенный, болезненный, клюквенный, искусственный, внутренний, ведренный, свойственный, обеденный, революционный, позиционный*.

Примечание. В слове *ветренный* и в производных от него пишется одно **н**, но в приставочных образованиях пишется **-нн-** (*безветренный, подветренный*).

Прилагательные с суффиксом **-ян-** (**-ан-**), образованные от существительных, пишутся с одним **н**, напр.: *волосяной, дровяной, глиняный, кожаный*. Прилагательные *деревянный, оловянный, стеклянный* пишутся с двойным **н**.

С одним **н** пишется суффикс **-ин-** в прилагательных, напр.: *соловьиный, куриный, гостиный*, а также в существительном *гостиница*.

II

Суффиксы прилагательных, образованных от имен

1. **нн** пишется:

- 1) у прилагательных, образованных от существительных с помощью суффиксов **-енн-**, **-онн-**: *искусственный (искусство), клюквенный, соломенный, торжественный; дискуссионный, канализационный, операционный, сессионный;*
- 2) у прилагательных, образованных от прилагательных с помощью суффикса **-енн-**, указывающего на большую меру признака: *высоченный, здоровенный, широченный;*
- 3) у прилагательных, образованных от существительных с основой на **н** (вторая **н** — суффикс прилагательного): *длинный (длин-а), истинный (истин-а), миллионный (миллион), старинный (старин-а), холстинный (холстин-а), ценный (цен-а), фельетонный (фельетон);*
- 4) у прилагательных, образованных от существительных на **-мя** (*время, пламя, семя* и др.): *временный, пламенный, семенной, именной;* такие прилагательные произведены от основы косвенного падежа существительных, у которых при склонении появляется корневое наращение **ен**; ср.: *время — времени, о времени, пламя — пламени, о пламени* и т. д.

Примечания:

- 1) В производных существительных пишется столько **н**, сколько их имелось в исходном прилагательном; ср.: *торжественный — торжественность, длинный — длины, семенной — семенник* и т. п.
- 2) В прилагательном *ветренный* пишется одна **н**, т. к. оно образовано не от существительного *ветер*, а от глагола *ветритъ* (устар.) с помощью суффикса **-н-**, что не противоречит правилу написания **-н-** у отглагольных

прилагательных; ср.: *выветренный, обветренный, заветренный* — образованы от глаголов совершенного вида.

- 3) Прилагательные типа *бараний, сазаний, тюлений* пишутся с одной **н**, т. к. они образованы от существительных с основой на **н** путем прибавления суффикса *-j-* (так же, как *волчий, рыбачий*).
  - 4) Прилагательные *безымённый* и *безымянный* в современном языке имеют значения 'неизвестный по имени', 'не сохранивший имени творца, автора'. Однако чаще употребляется слово *безымянный*: *безымянная могила, речка, высота; безымянное произведение*, также *безымянный палец*.
  - 5) Слова *пряный, румяный, юный* пишутся с одной **н** (непроизводные прилагательные), в производных от них словах также одна **н**: *пряность, румянённый, румяна, юность* (но: *юннат*, т. к. это слово образовано на основе сочетания *юный натуралист*).
2. **Н** пишется у прилагательных, образованных от существительных с помощью суффиксов *-ин-, -ан-, -ян-*: *воробьиный* (воробей), *голубиный* (голубь), *журавлиный* (журавль), *соловьинный* (соловей), *кожаный* (кожа), *песчаный* (песок), *вощаной* (воск), *полотняный* (полотно), *серебряный* (серебро), *дровяной* (дрова), *глиняный* (глина).

Исключения: *стеклянный, оловянный, деревянный*.

Примечания:

1. Суффиксы *-ан-, -ян-* придают прилагательным значение 'сделанный из какого-либо вещества, материала' или 'предназначенный, служащий для чего-нибудь'; ср.: *глиняный, песчаный, серебряный* — 'сделанный из глины, песка, серебра'; *платьяной, дровяной* — 'предназначенный для платьев, дров'.
2. Необходимо различать прилагательные, орфография которых связана с их значением:
  - а) *ветренный* — 'с ветром' (*ветренная погода*); 'легкомысленный' — перен. (*ветренная девушка*); *ветряной* — 'приводимый в действие силой ветра' (*ветряной двигатель, насос, мельница*); в словосочетании *ветряная опса* у прилагательного пишется суффикс *-ян-* (ср.: *ветрянка* — разг.);
  - б) *масленный* — 'намазанный, пропитанный или запачканный маслом' (*масленный блин, каша, рука*); 'льстивый, заискивающий' — перен. (*масленные глаза, масленный голос*, также: *масленная неделя* — *Масленица*); *масляный* — 'разведенный на масле', 'действующий с помощью масла' (*масляное печенье, масляная краска, масляный двигатель*); ср.: *масленная бутылка* ('испачканная маслом') и *масляная бутылка* ('предназначенная для масла');

- в) *серебрёный* — ‘подвергшийся серебрению, покрытый серебром’ (*серебрёная ложка*); *серебряный* — ‘сделанный из серебра’ (*серебряная чаша*);
- г) *соленый* — ‘содержащий соль’ (*соленая рыба*); *соляной* — ‘состоящий из соли’ (*соляные копи, соляной столб*).

В словосочетании *соляная кислота* у прилагательного пишется суффикс **-ян-**.

Правила орфографии с неизбежностью периодически должны подвергаться корректировке — в тех случаях, когда обнаруживается их очевидное несоответствие практике письма или неполнота, противоречивость формулировок; однако подобные поправки не подразумевают коренного изменения, «реформы» орфографической системы. Ибо само существование правил обеспечивает решение двух разнонаправленных задач: задачу обучения (поскольку правило формулирует критерии, позволяющие выбрать единственно верный вариант написания из многих возможных) и задачу сохранения русской орфографии как логичной системы, базирующейся на определенных принципах (поскольку в отсутствие правил письмо становится традиционным).

§ 15. Правила слитных, отдельных и дефисных написаний

Включение в состав орфографии правил, объясняющих условия выбора контакта (т.е. слитного написания), дефиса (т.е. полуслитного написания) или пробела (т.е. отдельного написания) между значимыми элементами речи, достаточно условно, так как проблема подобного выбора входит в более широкий вопрос о членении письменного текста на смысловые отрезки и потому находится на стыке с пунктуацией. Как отмечал А. А. Реформатский, «теоретический вопрос о слитных, отдельных и дефисных написаниях — иного порядка, чем обычные орфографические нормы, т.е. правила употребления алфавитных знаков в практическом письме. Слитность или отдельность написания должна определяться исходя из учета лексико-грамматической стороны языка. Более, чем где-нибудь, в этом вопросе господствует неверное убеждение, что выбор того или иного способа написаний есть чистая условность, так как и все

письмо в целом есть только внешний “костюм” языка. <...> Отдельное графическое слово есть прежде всего показатель семантической и лексической самостоятельности того, что данным написанием выражено. Расчленение письма на отдельные слова есть естественное желание показать лексическую расчлененность речи»³¹.

До XVI в. древнерусским текстам не было свойственно последовательное раздельное написание (предложения не распадались на слова, образуя непрерывный ряд букв в одной строке), в рукописях же слитное письмо продолжало господствовать до XVII–XVIII вв.

В «беспробельном» письме выделению отдельного слова при чтении средневекового текста в какой-то степени способствовали лишь косвенные средства, к которым относились в разных рукописях: 1) диакритические знаки, ставившиеся над начальным гласным; 2) выносные буквы на конце слов; 3) дублетные буквы, одна из которых употреблялась только в начале слова (**Ѧ** и **Ѧ**, **Ѧ** и **Ѧ**, **Ѧ** и **Ѧ**) и др.

На Руси первой книгой с делением текста на слова при помощи пробелов стал «Апостол» 1564 г. Ивана Федорова — самая ранняя точно датированная русская печатная книга. Фактически в «Апостоле» пробелы делили текст на фонетические слова, т. е. проклитики (напр., предлоги, союзы и т. п.) и энклитики (частица **же** и т. п.) писались слитно со словом, к которому они примыкали: ср. **вѣже ѿмате креститисѧ дѡмъ стѣмъ; непомнозѣхъ сѣхъ днеѧ** и т. п.

Отсутствие пробелов в древних текстах объясняют, как правило, с сугубо «материалистической» точки зрения — необходимостью экономии дорогостоящих пергамента (т. е. специально выделанной кожи животных) и бумаги. Однако, на наш взгляд, причина в другом: вычленение в потоке речи отдельного слова — непростая задача, решение которой требует языковой рефлексии и достаточного развитого филологического сознания.

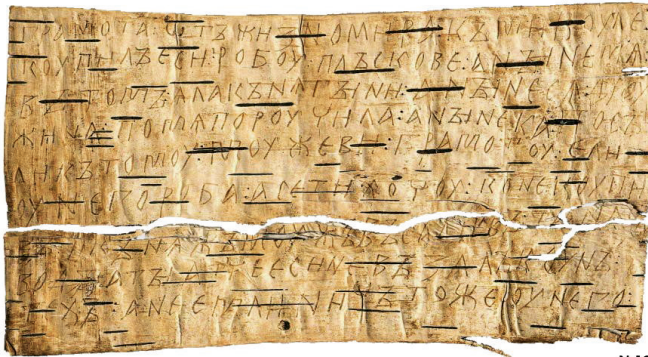
По наблюдениям академика А. А. Зализняка, в новгородских берестяных грамотах «словоделение начинается чрезвычайно рано, уже в XI веке. Таких грамот меньшинство, но некоторое их количество есть в каждом веке»³². Чаще в качестве знака словораздела используется двоеточие (в более ранних грамотах, напр. в грамоте

³¹ Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 77.

³² Доклад академика А. А. Зализняка о берестяных грамотах из раскопок 2017 г. URL: <https://www.pravmir.ru/novyie-otkryitiya-akademika-zaliznyaka-v-2017-godu-video-tekst-lektsii/> (дата обращения: 16.06.2018).

Фронтиспис и заглавная страница «Апостола», напечатанного в 1563/1564 гг. Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем в Москве

N 109

Берестяная грамота № 109 (кон. XI — сер. 10-х гг. XII в.)

№ 109) и точка посреди строки (в более поздних), а в редчайших случаях — вертикальная черта («иконически очень яркий прием: это некоторый “забор”, отделяющий слово от слова»³³).

³³ Доклад академика А.А.Зализняка о берестяных грамотах из раскопок 2017 г.

грамота : штъ жиѡномира : къ микоуле :
 коупилъ еси : робоу : пльскове : а нъине ма :
 въ томъ : ала кънагъини : а ныне са дру-
 жина : по ма пороучила : а нъине ка : пось-
 ли къ томоу : моужевн : грамотоу : ели
 оу него рова : а се ти хочоу : коне коупи-
 въ : и кънажъ моужъ въсадивъ : та на съ-
 воды : а ты атче еси не възалъ коупъ :
 техъ : а не емли : ничъто же оу него :

Так, летом 2017 г. в Новгороде была найдена датируемая XII веком берестяная грамота (№ 1091), которая представляет собой список имен, последовательно разделенных вертикальными черточками:

| анока | мацеха | акиме
 + оома | стш жена | м(и)[х]а | мати микула³⁴

С отсутствием словоразделов в древних текстах связано небольшое число трудностей, возникающих при интерпретации их содержания. Вот характерный пример. В «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи 1377 г., л. 7) под 859 г. имеется такой фрагмент:

³⁴ «В этот список входят не только имена, но и термины родства: *мацеха, жена, мати*. Нетривиален вопрос о том, какая строка первая, какая вторая: крест стоит в начале второй строки, однако обычно именно с креста (знака благословения) начинается текст. Не очень понятно, что такое *Стш*. Может быть, это Стеша — уменьшительное от Стефанида. Поврежденное имя далее читается как *М(и)[х]а*, оно неплохо известно в берестяных грамотах. Перед нами явно не список имен для поминания: это какой-то коллектив людей, собравшийся ради некоторой цели. Возможно, тут представлено несколько семей: Фома и его жена Стеша, Миха и его мать, Янка и ее мачеха и еще отдельно двое мужчин — Яким и Микула. Одна из возможных целей, для которой могло собраться это равное представительство мужчин из женщин (по 4 человека) — участие в обряде крещения. Но это лишь гипотеза» // Там же.

маху дань варязи изъ заморыа на чюднх наг
 а козари имаху на поланѣх · и на сѣверѣх · и на ватичѣх · имаху по
 бѣлѣ и въверицѣ ѿ дыма :

Представим его наборным текстом с некоторыми графическими упрощениями и с разделением на слова: [И]маху дань варязи изъ заморыа на чюди и на словѣнх · на мери и на всѣхъ кривичѣхъ · а козари имаху на поланѣх · и на сѣверѣх и на ватичѣх · имаху по бѣлѣ и въверицѣ ѿ дыма :

Интерпретация первой его части существенных разногласий не вызывает: «брали дань варяги из заморской страны с чюди и со словен, с мери и со всех кривичей, а хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей, брали...». Однако для завершающей части («побѣлѣ и въверицѣ ѿ дыма») предлагаются по крайней мере два варианта словоделения: по *бѣлѣ и въверицѣ от дыма* и по *бѣлѣ и въверицѣ от дыма*. Поскольку слово *въверица* известно по другим текстам в значении ‘белка, беличья шкурка’, а прилагательным *бѣлый* характеризовали в Древней Руси зимние меха как отдельную, наиболее ценную категорию пушнины, то сочетание *по бѣлѣ и въверицѣ* прочитывается как «по белой белке», т. е. по одной зимней беличьей шкурке (такое прочтение предлагает, например, Д. С. Лихачев). Второй же вариант (*по бѣлѣ и въверицѣ*) подразумевает наличие в тексте существительного *бѣла*, обозначавшего денежную единицу, монету. То есть дань, взимаемую варягами и хазарами со славян, в этом случае придется считать состоявшей из двух частей — денежной (в размере одной белы) и натуральной (в виде беличьей шкурки)³⁵.

³⁵ «...Если варяги и хазары брали дань со славян только мехами, то с высокой долей вероятности хозяйство у славян того времени было сугубо натуральным и строилось на прямом обмене товарами. Если же во взимаемых податях присутствовала и денежная компонента, то, значит, на Руси, причем еще до призвания Рюрика, существовало обращение монет. А это два совершенно разных типа развития экономики, причем первый из них — натуральный — считается характерным для “отсталых” обществ и вытесняется вторым — товарно-денежным — по мере «развития», что бы под этим словом ни понималось. Иначе говоря, от того, как мы расставим пробелы в летописном тексте, напрямую зависит наша оценка “прогрессивности” восточных славян середины IX века. Не случайно среди сторонников чтения “по бѣлѣ и въверицѣ” оказался Борис Греков — один из ведущих истори-

Необходимость применения специальных графических средств, способных разделять слова и тем самым служить сигналами правильного прочтения текста, осознается создателями уже самых ранних русских грамматик. Так, Мелетий Смотрицкий в труде «Грамматіки славѣнскія прѣвилное сѣнтагма» (Евье, 1619) предлагает знак «разъятная» (по форме напоминающий опрокинутую скобку — или запятую, внизу строки) — для написания между частями таких «раздельных речений», которые «в едино слитися могуте»: **не,сѣщимъ** (не + дат. мн. дейст. прич. наст. вр. глагола *быти*), в отличие от **несѣщимъ** (дат. мн. дейст. прич. наст. вр. глагола *нести*).

Ѧ мѣстѣ разъятныхъ :
Разъятная мѣсто заимлетъ в реченіи разъятномъ, в тожде и едино сантиса могоуше: *ѣсѣ скоръ, еше да нечѣса скоръ еше: не,сѣщимъ* вразличѣе, несѣщимъ.

Окончательно раздельное написание слов в русском письме утвердилось в XVIII в.

В начале XVIII в. в русских печатных текстах появляется дефис — как знак полуслитных написаний. Первые дефисные написания обнаружены в газете «Вѣдомости»: *отъ пристанища сантъ-гелены* (1704), *20-го числа* (1710), *отъ посла князь-Григорья Долгокурова* (1712) и др. Согласно исследованию О. И. Онацкой³⁶, уже в эпоху XVIII — первой половины XIX в. появляется дефисное оформление слов, состоящих из иноязычных элементов (*вице-президент, обер-фискал*); иноязычных имен собственных (*Абубекир-Эффенди, Цинь-Ван, Папиний-Стаций*); прилагательных, обозначающих равноправные понятия (*славено-христианский, славено-русский*); прилагательных, обозначающих оттенок цвета (*серо-синеватый*); названий промежуточных сторон света (*северо-восток*);

ков сталинского периода, в конце 1940 — начале 1950-х годов старавшийся из «патриотических» соображений предложить как можно более древнюю датировку возникновения государственности на Руси» (*Добровольский Д. Как читать летописи. URL: <https://arzasmas.academy/materials/463> (дата обращения: 16.06.2018).*

³⁶ См.: *Онацкая О. И. Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.*

наречий с приставкой *по-* (*по-русски, по-французски, по-твоему*); повторяющихся наречий и междометий (*едва-едва, чуть-чуть, ну-ну*); сочетаний, обозначающих количественные пределы (*два-три*); приложений (*братья-дворяне, судьи-закладчики*); предлогов (*из-за, из-под*); постфиксов (*такой-то, что-нибудь, что-либо*); частицы *-с* (*да-с, нет-с*); буквенных наращений (*20-го, 6-го*); сокращений (*г-н, г-жа*) и др.

Весьма последователен в употреблении дефисных написаний В. К. Третьяковский, объявлявший себя новатором в этой области: «Теперь намерился я вам предложить о некоторых орфографических обыкновениях, которые токмо один я употребляю»³⁷. «Глаголы отрицательные и некоторые другие слова, имеющие перед собой предлоги» он предлагал писать, проводя «между частицами и самим словом... горизонтально коротенькую палочку, во изъявление того, что эти слова, несложные, а выговариваются как сложные, с одним ударением. Например: *не-был, на-избу...*»³⁸. Иначе говоря, по мысли Третьяковского, дефис должен был стать знаком соединения двух слов в одно и в то же время знаком выделения двух компонентов в одном слове. Подобное орфографическое новаторство у некоторых вызывало протесты. Так, против него страстно выступал А. П. Сумароков: «Выдумали <...> невежи, почитающие невежество свое полезным умствованием, ставити новомодные или паче новоскаредные палочки: например, *во-рть, на-воду* и проч. Такая мерзость, таковые палочки отлично были угодны г. Третьяковскому»³⁹. Однако на протяжении XIX столетия число дефисных написаний неуклонно увеличивается: амбивалентность этого знака, способного указывать одновременно и на соединение (в противопоставление пробелу), и на разъединение (в противопоставление контакту), делает его чрезвычайно удобным для пишущего, который затрудняется с выбором орфографического варианта. Недаром педагог В. П. Шереметевский назвал дефис «душеспасительной» черточкой, которая пригодна «в случаях колебания руки пишущего, мало знакомого с орфографическими тонкостями», и предлагал использовать его для «среднего (ни слитного, ни раздельного)» написания —

³⁷ Третьяковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... СПб., 1748. С. 58.

³⁸ Там же.

³⁹ Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1782. Ч. X. С. 36.

«во всех не подходящих ни под то, ни под другое из обоих правил случаях»⁴⁰.

При этом проблема выбора между раздельным, слитным или полуслитным написанием по-прежнему остается чрезвычайно сложной для пишущего: кодификаторы полемизируют по поводу лингвистических оснований, которые должны быть положены в основу правил, регламентирующих написание той или иной группы слов, а практика письма нередко противоречит рекомендациям, сформулированным в правилах орфографии.

В целом правила орфографического оформления контакта/дефиса/пробела базируются на особом принципе — лексико-морфологическом, в основе которого лежит довольно простая, казалось бы, логика: раздельно должны писаться разные слова, а слитно — части одного слова, т. е. морфемы. По словам В. Ф. Ивановой, «выявление оснований для разделения отрезков текста на отделенные друг от друга пробелом части следует считать выявлением принципов, лежащих в основе слитных, раздельных и полуслитных (дефисных) написаний»⁴¹. См., например, как оформлено в тексте А. Бабченко авторское словообразование: *Я долго не мог понять, чем это пахнет — во всех жилищах одинаково; а потом понял. **Никому ненужность***. Слитное написание *никому ненужность* задано смысловым единством элементов в этом слове, что подчеркивается наличием в нем единого ударения (ср. *никому не нужный*) и единого окончания (ср. «*Я никому не нужен*» — *вот формула невостребованности, никому ненужности*). Ср. также мемы «ихтамнет» («ихтамнеты», «ихтамнетов»...), «вывсеврете», «авыдокажите» и т. п., иронически отражающие штампы современной пропаганды.

Полуслитные же (дефисные) написания отражают незаконченность превращения двух лексических единиц в одно целое и представляют своего рода компромисс: через дефис пишутся такие элементы языка, в которых можно усмотреть как лексическое (свойственное слову), так и грамматическое (свойственное морфеме) значение. Например, в наречиях *по-новому*, *по-хорошему* и т. п. у элемента *по-* еще обнаруживается значение предлога (отдельного слова) — так как он управляет дательным падежом бывших прила-

⁴⁰ Шереметьевский В. П. К вопросу о единообразии в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание» // Шереметьевский В. П. Сочинения. М.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. С. 290.

⁴¹ Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1982. С. 118.

гательных (что и зафиксировано в финалях *-ому*, *-ему*). Однако поскольку ныне такие предложно-падежные сочетания уже превратились в новую часть речи — наречие, которое обладает совершенно иным значением (признака действия) и особыми грамматическими свойствами (неизменяемостью), то можно сказать, что элемент *по-* превратился в часть такого нового слова, т. е. морфему.

Однако в действительности даже теоретически описать дифференциальные признаки слова, позволяющие отграничить его, с одной стороны, от морфем, а с другой — от словосочетаний, оказывается нелегко⁴². Еще труднее достичь полного соответствия между реальными языковыми фактами и условными орфографическими правилами раздельного, дефисного и слитного написания элементов языка.

Язык изменяется, процесс образования слов идет в нем постоянно, и при этом лексические единицы могут терять самостоятельность и становиться элементами единого слова, но такой процесс идет медленно, постепенно — вот почему чрезвычайно трудно добиться полного соответствия между правилами раздельного, дефисного и слитного написания слов и языковой реальностью. Справедливости ради следует сказать, что применительно к этой области орфографические правила могут лишь отражать основные закономерности, намечать крепнущие языковые тенденции, а словари — лишь фиксировать те или иные этапы в жизни отдельного слова. Неудивительно, что в разнообразных справочниках и пособиях по орфографии порой предлагаются противоречащие написания: специалисты-филологи пытаются разработать максимально простую для применения на практике теорию выделения слова как отдельной лексической единицы и построить на основе этой теории логичную систему правил.

Вплоть до середины XVIII в. основанием для выбора написания служил, главным образом, фонетический критерий: раздельно писались лишь фонетически самостоятельные слова, а не имеющие самостоятельного ударения служебные слова не отделялись пробелами от знаменательных, к которым они фонетически примыкали. При разработке теории слитных/раздельных написаний в основание отдельных правил орфографии легли иные критерии:

⁴² Анализ различных точек зрения см. в кн.: *Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. С. 189–201.*

- лексико-синтаксический — разграничивающий написание частей слова (слитное) и частей словосочетания (раздельное): например, *нижеподписавшийся*, *палата легкораненных*, но *ниже расположенный*; **легко раненный** в руку;
- словообразовательно-грамматический — устанавливающий зависимость написания (слитное или дефисное) сложных прилагательных и сложных существительных от способа их образования: например, *железобетонный* (от *железобетон* + суффикс *-н-*), *железнодорожный* (от *железн(ая) дорог(а)* (т. е. основ слов, отношение между которыми носит подчинительный характер) + суффикс *-н-*), *лесопарк* (от *лес* + *парк* при помощи соединительной гласной), но *научно-технический* (от *научн(ый)* + *технический*, т. е. основ слов, отношение между которыми носит сочинительный характер), *жюль-верновский* (от *Жюль Верн*, т. е. от раздельно пишущихся сочетаний имени и фамилии), *диван-кровать* (от *диван* + *кровать* без соединительной гласной);
- морфологический — разграничивающий написание различных частей речи или их разрядов: *смотреть* (куда?) **вдаль** (наречие) — *всматриваться* (во что?) в **даль** (существительное с предлогом); **непросохшая** (прилагательное) *одежда* — **не просохшая** за ночь (причастие) *одежда*; **нигде никогда** (отрицательные наречия) *не был* — *я не знаю*, **ни где он был**, **ни когда** (частица *ни* + вопросительное наречие) *он вернулся*; *делать по-иному* (наречие) — **по иному** (прилагательное с предлогом, относящимся к главному слову словосочетания) *принципу*;
- семантический — определяющий дефисное написание некоторых групп слов, образуемых с соединительными гласными: сложных прилагательных, обозначающих оттенки качества, преимущественно цвета или вкуса (*тускло-розовый*, *терпко-сладкий*); сложных единиц измерения (*койко-место*, *человеко-день*); русских названий промежуточных сторон света (*северо-восток*, *юго-юго-запад*).

Написания, основанные на перечисленных критериях, можно отнести к дифференцирующим. Ср., например: *Жизнь здесь не-веселая* ($\approx$ печальная, трудная) — *Жизнь здесь отнюдь не веселая* ($\approx$ веселой ее назвать нельзя; отрицание логически подчеркнуто);

Вследствие дождя дороги размыло (предлог) — **В следствие** вмешался прокурор области (существительное с предлогом); **безупречно порядочное** поведение ($\approx$ порядочное до безупречности) — **безупречно-порядочное** поведение ($\approx$ безупречное и порядочное). Дифференцирующая природа слитных/раздельных написаний делает их благодатной почвой для языковой игры — каламбуров, которые могут существовать лишь в устной форме, например: *Ему пришлось выстрелить (в)слепую. Слепая упала (на)взничь. Взничь испугалась и побежала (с)качками, но качки быстро отстали; Бутылку судили за пьянство, а она оказалась (не)винной; Когда сторож бывает (не) (за)будкой?; (По)чему Ленин ходил в ботинках, а Сталин в сапогах?*

Множественность критериев, которыми следует руководствоваться пишущему, определяет и сложность выбора между контактом, дефисом или пробелом, поэтому слитные/раздельные/дефисные написания остаются областью наибольшего орфографического варьирования. Нередко оказываются противоречивыми и рекомендации орфографических словарей (табл. 3.1⁴³).

Таблица 3.1. Орфографическое оформление сложных прилагательных в различных словарях

Сложное прилагательное или словосочетание	Слитно или раздельно? 1985	Русский орфографический словарь, 2005	Новый орфографический словарь-справочник, 2007	Большой орфографический словарь, 2007
бессрочно()отпускной	бессрочноот- пускной	бессрочноот- пускной	бессрочно- отпускной	бессрочно- отпускной
диффузно() рассеянный	диффузно рассеянный	диффузно- рассеянный	диффузно рассеянный	диффузно рассеянный
непрерывно() действующий	непрерывно- действующий	непрерывно действующий	непрерывно действующий и непрерывно- действующий	непрерывно действующий
остро()пряный	остропряный	остро-пряный	остро-пряный	остропряный

⁴³ Примеры из ст.: *Беиенкова Е. В., Иванова О. Е.* Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на -о, -е с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (*активно действующее вещество и сильнодействующее вещество*) // Труды Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. Вып. I. М., 2014. С. 329–357.

Значительная часть слитных, раздельных и дефисных написаний базируется и вовсе не на каких бы то ни было принципах, а лишь на традиции, и является отражением традиционного принципа орфографии⁴⁴. Главным образом это касается правописания наречий и наречных сочетаний (*до зарезу*, но *позарез*; *в обмен*, но *вдобавок* и т. п.), а также сочетаний с *пол-* (*полмандарина*, но *пол-апельсина*, *пол-лимона*). Можно сказать, что в современной орфографии система правил, регламентирующих слитное/раздельное написание наречий, и вообще отсутствует — вместо логичной системы имеется лишь попытка объяснить закрепленные традицией написания. Согласно этим правилам, при выборе слитного или раздельного написания наречия или наречного сочетания пишущий обязан учитывать целый ряд разнообразных факторов — от фонетических, морфологических и синтаксических до семантических, как то:

- какая часть речи участвует в образовании наречного сочетания (например, слитно пишутся наречия типа *влево* и *зачастую*, образованные соединением кратких или полных прилагательных с предлогами-приставками, а раздельно — наречные сочетания, состоящие из двух одинаковых существительных с предлогом между ними, например *бок о бок*);
- какой предлог-приставка участвует в образовании наречного сочетания (слитно пишутся наречия на *-о*, имеющие в своем составе приставку *по-*, например *поминутно*, но раздельно — наречия с предлогом-приставкой *без-*, например *без ведома*);
- с какой буквы (гласной или согласной) начинается «бывшее существительное» или «бывшее прилагательное» в составе наречного сочетания (если исходное имя прилагательное начинается с гласной, наречие пишется раздельно, например *в открытую*, но *впустую*);

⁴⁴ Традиция провозглашена главным критерием слитности/раздельности написания в рекомендациях Я. К. Грота: «...Вошло в обычай слитно писать слова, образующие вместе как бы одну часть речи. Определить такие случаи точными правилами невозможно. Главным тут руководителем должен служить установившийся обычай, и чем он давнее, тем более имеет права на то, чтобы с ним соотносились. <...> Слитно писать два слова следует тогда, когда соединение их беспрекословно утверждено общим сознанием; когда же встречается сомнение, писать ли их слитно или врознь, то лучше избирать последнее» (*Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. СПб., 1873. С. 128).

- одна или несколько падежных форм существительного участвует в составе наречных сочетаний (так, *под мышкой* пишется раздельно благодаря существованию наречных сочетаний *под мышку, из-под мышки* и т. п.);
- прямое или переносное значение имеет существительное в составе наречного сочетания (так, раздельно пишется сочетание *в верхах* = *в высших, руководящих кругах общества, организации* и т. п., но слитно — наречие *вверху*);
- возможно ли между приставкой и бывшим существительным без изменения смысла вставить какое-либо определение или поставить к такому существительному падежный вопрос (*потянуться вбок* = *в сторону*, но *толкнуть в бок* = *в правый бок*);
- сочетания вышеперечисленных факторов (например, наречие *наизнанку* пишется слитно благодаря тому, что отвечает на наречный вопрос *как?*, но вопреки тому, что: а) имеет в своем составе существительное, а не полное или краткое прилагательное; б) существует наречное сочетание *с изнанки*; в) исходное существительное начинается с гласной; г) в образовании наречия участвует предлог *на-*).

Таким образом, область слитных, дефисных и раздельных написаний можно отнести к «горячим точкам» современной русской орфографии. Поэтому на рубеже XX–XXI вв. Орфографическая комиссия РАН попыталась разработать иную концепцию правил, положив в их основание формально-грамматический критерий, рекомендуемый при выборе написания сложных прилагательных учитывать прежде всего фактор наличия/отсутствия суффикса в основе первого компонента сложного слова. Это предложение опиралось на отражаемую нормативными словарями тенденцию писать через дефис сложные прилагательные типа *народно-хозяйственный, валютно-обменный* (хотя они производны от сочетаний *народное хозяйство* и *валютный обмен*, в которых слова связаны подчинительными отношениями) и писать слитно прилагательные типа *глухонемой, нефтегазовый* (несмотря на равноправное соотношение основ). Действительно, в сознании пишущего первая часть сложного слова, обремененная суффиксами, более самостоятельна, так как суффикс придает ей явно выраженную морфологическую подчеркнутость. Сокращенный вариант структуры легче связывается

со второй частью, легче вливается в него, растворяясь в нем, — на письме это передается через слитное написание. Такие написания частично фиксируются современными словарями и справочниками, рекомендующими писать *плодово-ягодный* — но *плодоягодный*, *плодово-овощной* — но *плодоовощной*. Именно формально-грамматический принцип лег и в основу рекомендаций, на которых построен справочник Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой «Слитно или раздельно? Опыт словаря справочника» (1-е изд. — 1972; 3-е изд., исправленное и дополненное — 2004) и которые во многом противоречат рекомендациям действующего орфографического свода. Однако полностью подчинить написание хотя бы сложных прилагательных формально-грамматическому критерию все равно не удастся: так, и в словаре «Слитно или раздельно?», и в проекте нового свода правил, предложенном Орфографической комиссией в начале 2000-х, предлагается сохранить традиционно слитные написания прилагательных *железнодорожный*, *сельскохозяйственный* и некоторых других. Кроме того, отказ от семантико-синтаксического критерия как регулятора правописания сложных прилагательных может привести к утрате дифференцирующих написаний типа *индоевропейский* (*индоевропейские языки*) и *индо-европейский* (относящийся к связям между Индией и Европой: *индо-европейские отношения*)⁴⁵.

§ 16. Правила употребления прописных и строчных букв

Как уже отмечалось, любая буква современного русского алфавита выступает в двух начертательных вариантах (разновидностях), которые называются **строчная** (от др.-рус. **строчьныи** ‘относящийся к строке, ряду букв в тексте’) буква (она же **маленькая**) и **прописная**

⁴⁵ «Всякая дифференциация в языке, его способность различать, — драгоценна, она есть сила и талант языка», — замечал А. И. Солженицын. В статье «Некоторые грамматические соображения» писатель иллюстрирует эту мысль следующим примером: «...Я столкнулся с фразой: *вызванные в кабинет в одиночку*. В раздельном написании (и при общей тюремной теме) может быть понято, что кабинет послужил какое-то время одиночкой (правдоподобный случай), тогда как разумелось, что вызывались не все сразу, а по очереди, — и слитное написание *водиночку* было бы ясней» (Солженицын А. И. Некоторые грамматические соображения // Русская речь. 1993. № 2. С. 40–41).

(от др.-рус. **прописьнын** ‘вписываемый или наводимый золотом или киноварью (о буквах)’, ср. **прописное слово, большое слово** ‘прописная буква’ (XVII в.)) буква (она же **большая, заглавная**). Строчной и прописной варианты буквы, имеющей в алфавите один и тот же порядковый номер, одно и то же название и звуковое значение, отличаются друг от друга прежде всего размером — обычно прописная почти в два раза выше (ср. **В** и **в**, **Г** и **г** и т. п.), но иногда по высоте и по рисунку (ср. **А** и **а**) или только по рисунку (ср. **Б** и **б**), причем характер различий между одноименными строчной и прописной буквами может варьироваться в зависимости от печатного или рукописного шрифта (ср., печатные **Г** и **г**, **Д** и **д**, **Т** и **т**⁴⁶, различающиеся только высотой, и рукописные **Ѣ** и **з**, **Ѥ** и **г**, **Ѯ** и **т** и др., различающиеся еще и рисунком буквы). Строчной и прописной варианты буквы выполняют в тексте функции, не связанные с обозначением фонем.

При некоторых подходах, различающих понятия *буквы* и *графемы*, прописной и строчной варианты одноименной буквы считают разными графемами одной буквы, так как они противопоставлены друг другу функционально. Если же термины «буква» и «графема» рассматриваются как синонимичные и буква трактуется как графема — единица «эмического» уровня в графической системе (по аналогии с фонемой, морфемой, лексемой — единицами фонологической, морфологической и лексической систем), то строчной и прописной варианты выступают как разные аллографы («аллобуквы») одной графемы (буквы). При последнем подходе функциональные различия между аллографами не рассматриваются как существенные для графической системы, так как графемы (буквы) служат для обозначения фонем, а в этом отношении строчные и прописные варианты буквы не противопоставлены (соответственно, как бы «не дотягивают» до эмического уровня). Выбор строчного или прописного варианта определяется орфографией.

⁴⁶ Строчная буква **т** в гражданском шрифте первоначально (до 1830-х гг.) выглядела иначе: она отличалась от прописной **Т** не только высотой, но и рисунком — **т**, напоминая перевернутое вверх ногами **ш**. По свидетельству Я. К. Грота, **т** было впервые «придуманно и употреблено в печати» акад. П. И. Кёппеном в 1827 г. (*Прот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. С. 55–56). Следует только иметь в виду, что оба варианта — и **т**, и **т** — не зачеркнуты Петром I на листах с изображением гражданской азбуки.

В системе письма строчные буквы функционируют как немаркированные, а прописные — как маркированные. Последние используются для указания на начало определенного отрезка текста (предложения, стихотворной строки и т. п.) и для выделения отдельных слов в тексте, а строчные (маленькие) противопоставлены прописным своей неспособностью играть роль такого выделителя. Варьирование прописных и строчных букв — один из способов графического выделения слов в тексте. Так, Я. К. Грот отмечал: «Большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, отмечают ему отыскание нужного»⁴⁷. Прописная оказывается особой, «сильной» буквой, поскольку выделяет слово из ряда других.

Наличие прописных и строчных букв является в русской графике элементом идеографического письма: отличающиеся по размеру, а иногда и по начертанию (вплоть до полного несходства) строчные и прописные буквы маркируют различие не в фонемном составе слова, а в его значении (ср.: *играть с шариком* ('маленький шар', т. е. имя нарицательное) и *играть с Шариком* ('кличка собаки', т. е. имя собственное); *обращаюсь к вам* (форма множественного числа местоимения) и *обращаюсь к Вам* (форма единственного числа местоимения); *боже мой* (междометие) и *Боже мой* (обращение к Богу)).

Систематическое различие между строчными и прописными буквами, сходное с современным, появилось в русском письме фактически только в Новое время. Оно пришло в русскую письменность вместе с гражданским шрифтом, введенным в процессе Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг., в значительной степени под влиянием западноевропейской письменной традиции, которая с XIII в. знала употребление прописных начертаний в начале предложения и в начале некоторых разрядах слов.

В средневековой русской письменности заглавных букв в современном понимании не было, все буквы были строчными. Однако в заголовках, в начале книги, главы, а позднее — абзаца, нередко выделяли начальную букву цветом, превращали начертание буквы в причудливую живописную миниатюру, элемент орнамента. Так, буква **В** может превратиться в фантастического зверя под столь же фантастическим деревом, а **Р** — в человеческую руку с веткой и т. д. (см. инициалы из Остромирова и Юрьевского Евангелий на с. 185).

⁴⁷ Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 306.

Инициал **В** из Остромирова Евангелия 1056-1057 гг.
(л. 66 об.)

Инициалы **В**, **К** (в верхнем ряду) и **Р** (оба в нижнем)
из Юрьевского Евангелия 1119-1128 гг.

Такие укрупненные начальные буквы в тексте рукописной или печатной книги называют инициалами (от лат. *initialis* ‘начальный’). Обычно высота инициалов не превышала пять строк. В условиях древнерусского письма, в котором отсутствовало систематическое и последовательное членение текста на смысловые отрезки, инициалы превращались в одно из косвенных средств такого членения наряду со знаками препинания (главным образом точками), выносными буквами и другими.

Поскольку древнее письмо было беспробельным, то в скорописи на протяжении XVI–XVII вв. в качестве сигнала границы предложений и некоторых категорий слов стали употребляться строчные буквы несколько увеличенного размера, которые и были прототипом современных прописных букв. Постепенно, параллельно с появлением пробелов между словами и становлением пунктуационной системы, закрепились на письме и прописные буквы в начале предложения после точки, а потом и в именах собственных.

Первые рекомендации по употреблению прописной буквы появились в XVII столетии. В грамматике церковнославянского языка Мелетия Смотрицкого (1619) выделены группы слов, которые следует маркировать прописной буквой: имена собственные (*Богъ, Адамъ* и т. п.), «достоинства» (*Царь, Патриархъ, Воевода* и т. п.) и «художества» (*Грамматика, Логика, Философия* и т. п.). Современное начертательное различие между прописными и строчными буквами было установлено в ходе Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг., а правила употребления прописной буквы были упорядочены лишь в руководстве Я. К. Грота «Русское правописание» (1885), где в 12 правилах указаны условия выбора прописной или строчной буквы и ранжированы разряды слов, пишущихся с прописной. Впрочем, последующая история разработки этой группы орфографических правил вполне доказала справедливость замечания Грота о том, что «относительно употребления больших букв установить совершенно точные правила невозможно» и потому «за правилами все-таки еще многое останется решать такту и здравому смыслу»⁴⁸.

В традициях русского правописания закрепились несколько основных функций прописной буквы. Так, синтаксическая функция проявляется при написании заглавной буквы в начале предложения, и эти правила с бóльшим основанием могли бы быть от-

⁴⁸ Грот Я. К. Филологические разыскания. Т. 2. СПб., 1876. С. 359.

несены к пунктуации, нежели к орфографии. В орфографических дискуссиях 1900-х, 1930-х и 1960-х гг. высказывались предложения полностью отказаться от прописной буквы как дополнительного (по отношению к предшествующему знаку препинания) сигнала о начале нового отрезка речи. Заметим, что случаи сознательного отказа от прописных букв в начале предложения нередки и в современной интернет-коммуникации (переписке, блогах и т. п.). Подобную функцию можно было назвать позиционной, «поскольку она заключается в том, чтобы маркировать определенные позиции в тексте»⁴⁹ (начало каждого самостоятельного предложения и стихотворной строки, а также заглавие, которое иногда набирается одними прописными).

Вторая функция заключается в том, чтобы выделять внутри текста определенные слова, поэтому ее можно назвать выделительной. Употребление прописных букв в выделительной функции реализуется в случаях, когда необходимо подчеркнуть:

1. Морфологический статус называемого, что проявляется в различении имен собственных и нарицательных (*Любовь* — женское имя и *любовь* — чувство; *Орёл* — город и *орёл* — птица). Прописная буква играет при этом не только выделительную, но и десемантизирующую роль: так, в неоднословных собственных именах типа *Лодейное Поле*, *Кузнецкий Мост*, *Золотой Рог* и т. п. прописная подчеркивает, что слова *Поле*, *Мост* и *Рог* выступают не в своем прямом значении (*Лодейное Поле* — название города, *Кузнецкий Мост* — название улицы, *Золотой Рог* — название бухты). Поэтому такую функцию прописной графемы часто обозначают как семантическую.
2. Символический (ранговый) статус, что проявляется при написании с заглавной нарицательных имен существительных в «патетическом стиле» (*Человек*, *Учитель*, *Родина*), а также местоимений (*Вы*, *Ваши* — прописная буква в этом случае используется при употреблении только по отношению к одному лицу). Подобную функцию иногда подразделяют на: а) аксиологическую (оценочную), которая определяет способность прописной буквы подчеркивать высокую оценку или повышенный статус обозначаемого явления; б) стилистическую, в рамках которой прописная маркиру-

⁴⁹ Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. 2017. № 7–8. С. 699.

ет слова с высокой стилистической окраской; в) этикетную, к которой относится прежде всего употребление *Вы* вежливого⁵⁰.

Иногда при использовании прописной буквы реализуются одновременно несколько функций: например, в классических текстах русской поэзии прописная буква не только маркирует начало каждой строки как нового речевого отрезка, но и подчеркивает, что этот текст принадлежит высокому жанру. Не случайно в современной поэзии нередко встречается полный отказ от использования прописных букв: тем самым их авторы манифестируют и отсутствие резких границ между синтаксическими конструкциями, и перевод поэтического высказывания в регистр обыденности.

Как средство графической выразительности набор прописными буквами какой-либо части текста, т. е. *капитализация* (наряду с другими типами шрифтового выделения — курсивом, разрядкой и т. п.), используется для кодирования акцентного выделения как компонента фразовой интонации. Некоторые ученые называют такое выделение части текста «интонационным курсивом»⁵¹. Ср. *Я знаю, что драться кирпичом — нехорошо. Что это не по-джентльменски. С точки зрения БУКВЫ Лурье достоин осуждения. Но В СУЩНОСТИ Лурье был прав* (С. Довлатов). В этом примере «интонационный курсив обозначает дополнительное сильное ударение на слове, которое без курсива имело бы более слабую степень фразовой ударности. Организующее ФУ (фразовое ударение. — С. Д.-Д., М. П.) сохраняется за тем же словом, на которое оно падало бы без курсива»⁵² (в данном случае это словоформы *осуждения* и *прав*).

В интернет-пространстве «иногда целые тексты пишутся прописными буквами, с помощью которых пишущий пытается как бы “перекричать” собеседника»⁵³, и такая практика осуждается правилами

⁵⁰ Подробнее об этом см.: *Нечаева И. В.* Прописная графема и ее функции в современном письме // *Русский язык в научном освещении.* 2017. № 1 (33). С. 143–161.

⁵¹ *Светозарова Н. Д.* Просодическая структура высказывания как целое и ее отражение в авторских обозначениях интонации // *Revue des études slaves.* LXII, 1/2, Paris, 1990. С. 421.

⁵² *Павлова А. В., Светозарова Н. Д.* Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. С. 87.

⁵³ *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель; CORPUS, 2012. С. 409.

сетевого этикета⁵⁴. В газетных заголовках, коммерческих и рекламных текстах прописные буквы используются как средство выделения или членения слова на части (ср. названия магазинов — *миниСАМ*, *текСТИЛЬ*; кафе — *ПроКофий*, *НямБург*). В намеренных ненормативных написаниях могут выделяться не только первые (инициальные) буквы слов, но и другие в разных сочетаниях (первая и последняя; в середине слова; несколько букв). Графическое выделение части слова, совпадающей с другим словом, в рекламе указывает на скрытый смысл, вызывает у потенциального покупателя направленные ассоциации: *Скидки на перФОРАторы до 30%*! — в рекламе магазина инструментов актуальным является слово *фора*, выделенное внутри термина *перфоратор*; использование прописных букв в рекламе чая — «*ЧайОК*»⁵⁵ — призвано вызвать у покупателя положительные ассоциации (что подтверждается стихотворным рекламным слоганом на пачке: «Дело спорится быстрее, пьешь “ЧайОК” и все ОКей!»).

«Употребление прописных букв — наименее регламентированный участок орфографической практики, где не только школа расходилась и расходится с печатью, но где буквально каждый может вводить свои правила или отменять обычай»⁵⁶, — замечал А. А. Реформатский. Со времени написания цитируемой статьи русская орфография претерпела несколько попыток кодификации этой группы правил, однако, как кажется, затруднения, которые во многих случаях возникают при употреблении прописной буквы, ничуть не стали меньшими.

В академических «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) изложены в 18 параграфах, в пришедшем им на смену пособии «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (2006) подобных параграфов уже 57. Еще более подробны рекомендации, приведенные в справочниках, которые предназначены для работников печати⁵⁷. Филологи-кодификато-

⁵⁴ Сетевой этикет, или *сетикет*, определяет нормы общения в сети и лингвистические правила коммуникации.

⁵⁵ Для усиления эффекта нарушен и слоговой принцип русской графики (*ЧайОК* вм. *Чаёк*).

⁵⁶ *Реформатский А. А.* Упорядочение русского правописания. Лингвистические принципы написания прописной и строчной букв // Русский язык в школе. 1938. № 1. С. 93.

⁵⁷ См., например: *Мильчин А. Э., Чельцова Л. К.* Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2009. С. 59–106.

ры идут по пути все большей детализации правил (напомним, что у Я. К. Грота их было всего лишь 12), стараясь с максимальной подробностью описать, как следует употреблять прописную букву в различных типах собственных имен: географических и административно-территориальных названиях; названиях исторических эпох и событий, календарных периодов, праздников, общественных мероприятий, органов власти, организаций, обществ, партий, документов, памятников, произведений искусства, должностей, званий, титулов, товарных знаков; названиях, связанных с религией и т. п. И при этом тысячи вопросов, которые размещены в архивах справочных служб профессиональных филологических сайтов «Грамота.ру» и «Грамм.ру», затрагивают именно эту область орфографии. Например:

«Вопрос. Прошу помочь разобраться в противоречивых вопросах употребления прописной буквы... В частности, меня интересует оформление в деловых документах следующих наименований... Наименования структурных подразделений университета следует писать с прописной или строчной: Научно-исследовательский институт, Отдел качества образования, Сектор информационного обеспечения, Учебно-методическое управление и т. п.?

Ответ. По правилам названия отделов, не являющихся собственными именами, пишутся со строчной буквы. Ср.: *отдел кадров, сектор учета, ученый совет, художественный совет, факультет журналистики, кафедра иностранных языков, сектор диалектологии, группа по контролю электронной системы.* Сочетание *научно-исследовательский институт* в составе индивидуального названия института принято писать с заглавной буквы, например: *Институт лингвистики.* Отметим, что в официально-деловой речи названия крупных отделов различных учреждений часто пишут с прописной буквы, однако пока эта тенденция в правилах не отражена»⁵⁸.

«Слишком пестрить письмо большими буквами, конечно, не годится», — писал академик Я. К. Грот, отчасти соглашаясь с мнением О. Сенковского (1835): «Смешно было бы привязывать (sic) важность грамматической правильности в употреблении малых или больших букв в известных словах: никто, кроме общего обыкновения и ясности смысла, не имеет права предписывать в этом случае законов, под карою взыскания за педанство... Ничто так не пестрит, не обезображивает, не марает печати, как множество прописных

⁵⁸ Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=297461> (дата обращения: 10.07.2018).

букв»⁵⁹. Н. А. Добролюбов, отмечая тенденцию употреблять прописные буквы в «особенно важных словах», полагал, что это «имеет свою разумную сторону; легче отыскать слово, отмеченное большой буквою», однако «вот беда: если таковых слов слишком много, то между ними так же легко потеряться, как если бы они и все сплошь были написаны буквами маленькими», поэтому «идея отличия, единственное разумное основание для прописных букв, нисколько не достигается именно оттого, что слишком многое отличаем»⁶⁰.

Пожалуй, все специалисты по нормированию современной русской орфографии согласны с тем, что главная проблема с выбором между прописной и строчной буквой возникает в тех случаях, когда нужно определить, является ли данная номинация именем собственным, — иначе говоря, с употреблением прописной в морфологической (семантической) функции, которая «задействована при обозначении с помощью прописной особого характера значения слова, присущего собственным именам»⁶¹.

Так, нормативные словари фиксируют написание слова *перестройка* со строчной буквы — на том основании, что этим термином обозначают процесс коренных преобразований в экономике, политике и идеологии. Однако в узусе весьма часто встречается написание с прописной (*Раньше все спрашивала у меня про Перестройку; по расчету моему, автор, когда началась вдруг Перестройка, только-только закончил вуз и т. п.*⁶²) — поскольку пишущие не без оснований считают это слово названием вполне определенного периода нашей истории (вторая половина 1980-х — начало 1990-х гг.), эпохи, в течение которой и происходили подобные перемены, и ориентируются при этом на параграф орфографических правил, объясняющий, что «в названиях исторических эпох и событий... с прописной пишется первое слово (которое может быть единственным)»⁶³. Как отмечает И. В. Нечаева, «аналогичные процессы происходят с номи-

⁵⁹ Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне. СПб., 1884. С. 402–403.

⁶⁰ Цит. по: Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XIX вв.). М.: Наука, 1965. С. 381.

⁶¹ Нечаева И. В. Прописная графема и ее функции в современном письме.

⁶² Примеры из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorgpora.ru/> (дата обращения: 10.07.2018).

⁶³ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2006. С. 176.

нациями *х/Холодная война*, *м/Мировая система социализма* и даже *ж/Железный занавес*. Эти названия обозначают разные понятия, но их объединяет клишированность, преобладание номинативного аспекта без отсылки к их нарицательным языковым значениям, что приближает их к собственным именам»⁶⁴.

К стихийным тенденциям в современном письме можно отнести и все большую частотность употребления прописной графемы в аксиологической (оценочной) функции — противоречащие норме написания типа *Губернатор*, *Мэр* (в текстах СМИ и официальных документах⁶⁵) и даже *Генеральный д/Директор* или *Главный б/Бухгалтер* (в текстах официально-делового стиля) обнаруживают стремление пишущих подчеркнуть высокий статус называемых лиц и продемонстрировать «уважительное» к ним отношение. «Мы сталкиваемся здесь с отражением очень давнего наивного представления, что прописная буква помогает выразить уважение к тому или иному лицу или идее. Оно давно высмеяно, в числе других — Белинским и Добролюбовым. Последний писал: “Всякому мыслящему человеку ясна, конечно, вся нелепость и фантастичность подобного способа выражать свое почтение, и этого, конечно, никто не станет приводить в защиту прописных букв, тем более, что уничижительные Ваньки и Петрушки все-таки остаются с В и П большими и, следовательно, обличают почтительных грамотеев в непоследовательности”»⁶⁶.

Наблюдения лингвистов за практикой письма, весьма часто противоречащей рекомендациям словарей и справочников именно в случаях употребления прописных/строчных графем, при том что речь идет об образованных носителях языка, позволяют заключить, что едва ли имеет смысл излишне детализировать и жестко регламентировать эту область орфографических правил.

По мнению председателя Орфографической комиссии РАН А. Д. Шмелева, правила использования прописных и строчных букв должны быть более гибкими: во-первых, общеобязательные правила употребления прописных графем в выделительной функции сле-

⁶⁴ *Нечаева И. В.* Прописная графема и ее функции в современном письме.

⁶⁵ См., например: Постановление «О Совете по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга» URL: <http://docs.cntd.ru/document/891838947> (дата обращения: 10.07.2018).

⁶⁶ *Еськова Н. А.* Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М.: Наука, 1965. С. 151.

довало бы сформулировать «по-гротовски» кратко, в большинстве же случаев ограничиться «мягкими рекомендациями, избегая жестких правил, отклонение от которых считается ошибкой»; во-вторых же, «во многих случаях можно допустить двоякое написание в зависимости от понимания, которое пишущий вкладывает в соответствующее слово или словосочетание»⁶⁷.

§ 17. Правила переноса слова с одной строки на другую

Правила переноса слов с одной строки на другую традиционно относят к особому разделу орфографии, хотя скорее их следовало бы рассматривать как часть графики (совокупности средств, используемых для письменной фиксации речи) и уже — топографемике, или геометрии текста.

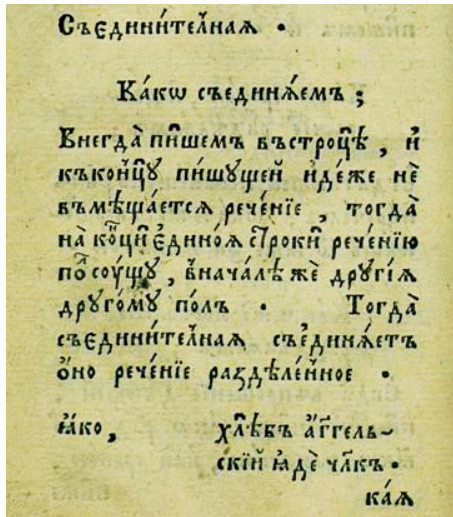
Основная функция переноса — эстетическая, так как он обеспечивает равномерную плотность знаков в строке. С утилитарной точки зрения перенос удобен для пишущего тем, что он помогает сэкономить пространство листа в случае несовпадения конца строки с завершением слова. Однако читающему труднее воспринимать слова, разорванные переносом, поэтому пособия по типографике рекомендуют не допускать слишком большого количества переносов на странице, в том числе более четырех переносов подряд.

В первой грамматике русского языка (1738–1740) В. Е. Адогуров отмечал, что «ранее в русском языке не употреблялся особый разделительный знак», т. е. знак переноса, но указывает на самое, по его мнению, раннее из графических средств, служивших обозначением переноса: «...но когда слово должно было переноситься на другую строку, то акценты или слоговые тоны показывали, хотя и не так отчетливо, ту часть, которая взята из слова и перенесена на другую строку. Эти акценты ставились над всеми словами, как односложными, так и многосложными; поэтому если над некоей частью слова не было никакого акцента, то это показывало, что эта часть не обозначает какого-либо отдельного слова, но составляет с той частью, которая стоит на другой строке непосредственно ниже или выше и имеет над собой акцент, целое и совершенное слово. Так, например, если надо было перенести слово *память*, то оставлялся на од-

⁶⁷ Шмелев А. Д. Прописные буквы в светской и церковной печати. С. 698–738.

ной строке слог *па* с поставленным над ним акутом (*ná*), а слог *мять* переносился на другую строку; и поскольку над последним слогом не ставился акцент, это означало, что он относился к слогу *ná* на предыдущей строке и составляет вместе с ним слово»⁶⁸.

Однако подобное средство обозначения переноса оказывалось, по словам Адодурова, «недостаточно отчетливым», с развитием же книгопечатания и в целом появилась необходимость в специфических знаках, которые облегчают восприятие письменной речи. В «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания (1596) впервые упоминается знак «соединительная», служащий указателем переноса части слова на следующую строку. Согласно определению грамматиста, этот графический символ (прямую черту в середине строки, немного загибающуюся вверх в правой части и напоминающую опрокинутую круглую скобку) призван объединить две части слова, разнесенные на две строки вследствие того, что к концу первой из них «не вмещается речение»: например *а́ггелъ |скій*.

Страница с параграфом о «соединительной» из «Грамматики» Лаврентия Зизания (1596)

⁶⁸ Обратный перевод на русский изданного Гренингом в Стокгольме шведского перевода «Грамматики» Ададурова (1750) цит. по кн.: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносковский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. С. 160. — Соответствующий параграф на русском языке не сохранился.

В «Грамматике» Мелетия Смотрицкого описан другой по начертанию знак переноса — «единитная» (ЄДИНИТНАА), который следует употреблять «в речении (слове)... нераздельном, из строки в строку переходящем»: например *приидѣ//тѣ, скор//баше*. «Единитная» похожа на двойную *оксію* (т. е. знак *акута*, ударение), спущенную в строку, а кроме того напоминает современный двойной *слеш*.

ЄДИНИТНАА
ЄДИНИТНАА ЯКОЖЕ РАДІАТНАА ВРЧІНІИ МѢ
СТО НМА / ПОКРАДѢНОМЪ ЗЪСТРОКИ В
СТРОКѢ ПРХОДАЩЕ: ЯСШЪ ПРИИДѢ
ТѢ ПОКЛОНИМСА: И ПРО

Прорись отрывка о знаке переноса — «единитной» —
из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (1619)

Уже в грамматике В. Е. Адодурова отмечено, что в качестве «разделительного знака» (т. е. знака переноса) обычно употребляется «маленькая прямая черта» (термин «дефис» появился лишь во второй половине XIX в.): «Когда слову не хватает места в конце строки, и его часть, состоящая из одного или нескольких слогов, переносится на другую строку, то при этом употребляется маленькая прямая черта, которая идет вдоль строки (-) и обозначается только при первой части слова в конце строки, что показывает, что данное слово не оканчивается на этой строке, но еще некоторая часть [его] или несколько слогов приходится на следующую [строку]. Если, например, в слове *принимаю* лишь первые два слога помещаются в конце строки, то должно в таком случае после обоих слогов поставить указанную черту или разделительный знак и перенести последние два слога на следующую строку. И так следует поступать во всех остальных случаях подобного рода. Некоторые используют в качестве разделительного знака две черты, идущие наискось (/ /), и кладут их иногда только после первой части слова в конце строки, а иногда как после первой, так и в начале другой части, которая переносится на другую строку; однако тех, кто следует такому употреблению, совсем немного, и оно не может быть подтверждено какой-либо до сего времени напечатанной книгой»⁶⁹.

Первые примеры употребления «маленькой прямой черты, которая идет вдоль строки» в качестве знака переноса были обнаруже-

⁶⁹ Цит. по: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. С. 159.

ны в печатном Синаксарии⁷⁰ (1677): *благопло-діемь, правосла-вныхъ, изба-вление, супроти-вныхъ, немо-щнымъ*⁷¹.

Согласно современным орфографическим правилам подобная черточка как знак переноса ставится в конце строки при разрыве слова и не ставится в начале строки перед его второй частью. Однако для переноса слов, пишущихся через дефис, существует правило, применяемое факультативно: можно повторить знак в начале перенесенной части, чтобы обозначить различие между словами, пишущимися слитно и через дефис, например: *военно-/обязанный*, но *военно- /-медицинская*.

Перенос помогает пишущему, но не должен мешать читающему. Правила переноса — обеспечить целостность и быстроту восприятия разделенного слова при чтении.

Уже в «Российской грамматике» (1755) М. В. Ломоносова сформулирован запрет на использование переносов, не соответствующих слогоделению: «Не разлучать буки, до одного склада надлежащие; напр. *пре-дстою* весьма неправильно»⁷². Впрочем, приведенный Ломоносовым пример обнаруживает, что в действительности его рекомендация соотносится вовсе не со слогоделением, а с морфемным членением слова. И в последующие эпохи создатели орфографических сводов (от Я. К. Грота до наших дней) неизменно провозглашали, что в основе правил переноса слов с одной строки на другую лежит фонетический критерий. Так, Я. К. Грот предпослал правилам переноса, которые изложил в труде «Русское правописание» (СПб., 1885) в 18 параграфах, следующее примечание: «Основанием для переноса в новую строку частей слова, не умещающегося целиком в конце предыдущей, служит правильное разделение слов на слоги». См. также: «Слово переносится по слогам: *сто-лик, Ва-си-ли-са*»⁷³; «В основу правил переноса положен слоговой принцип»⁷⁴.

⁷⁰ Синаксарий — то же, что пролог, т. е. сборник сокращенных житий святых и поучительных слов Василия Великого, Иоанна Златоуста и проч., где эти тексты расположены по дням года.

⁷¹ См. в кн.: *Онацкая О. И.* Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века.

⁷² *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 437.

⁷³ *Былинский К. И., Никольский Н. Н.* Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 2-е изд., перераб. М.: Искусство, 1952. С. 75–76.

⁷⁴ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: ЭКСМО, 2006. С. 195.

Однако в действительности современные правила переноса основываются на нескольких критериях, совместить которые на практике не всегда просто. Так, фонетический аспект речи предполагает переносить слово с учетом его деления на слоги (слогоделение: *со/ба/ка* — перенос: *со-/бака* или *соба-/ка*). Морфемный принцип предписывает при переносе учитывать членение слов на значимые части (деление на морфемы: *при/нес/ти* — перенос: *при-/нести* или *принес-/ти*). Согласно графическому принципу запрещаются переносы, которые затрудняют зрительное восприятие слова или фразы как графического целого.

В некоторых случаях эти принципы вступают в противоречие, и пишущему приходится следовать одному из них, пренебрегая другими.

В частности:

- *фонетический* критерий не разрешает: а) оставлять на строке или переносить в следующую строку буквенную цепочку, не содержащую гласной буквы (например, нельзя переносить: **ст-вол*, **вс-лед*, **цен-тр*, **тре-ст*); б) отделять гласную букву от предшествующей согласной буквы (правильные переносы: *чу-дак*, *ка-мин*, *до-мой*; не допускаются переносы: **чуд-ак*, **кам-ин*, **дом-ой* и т. п.);
- *морфемный* критерий входит в противоречие с *фонетическим* в следующих случаях: а) если согласной заканчивается приставка, а за ней следует гласная буква, то перенос, который соответствует членению слова на значимые части, не только возможен, но и желателен (например, допускаются переносы *бе-заварийный* и *беза-варийный*, *ра-зоружить* и *разо-ружить*, *по-дучить* и *поду-чить*, однако более предпочтительны варианты *без-аварийный*, *раз-оружить*, *под-учить*); б) на стыке частей сложного или сложносокращенного слова возможны только такие переносы, которые соответствуют членению слова на значимые части (например, *двух-атомный*, *спец-одежда*, *сан-узел*, *гос-имущество*, *дет-ясли*); в) нельзя оставлять с приставкой начальную согласную корня (*при-слать*, *от-странять*, не **прис-лать*, **отс-транять*);
- *графический* критерий диктует запреты: а) переносить часть слова, начинающуюся с **ы**, которая стоит после приставки (*ра-зыграть* или *разы-грать*, не **раз-ыграть*); б) отрывать **ъ**

и **ь** от предшествующей согласной (*подъезд, коль-цо*, не **подъезд, *кол-ьцо*); в) оставлять на строке или переносить в следующую строку одну букву (*ака-ция*, не **а-кация, *акаци-я*); г) отделять переносом букву **й** от предшествующей гласной буквы (*рай-он, стой-кий*, не **ра-йон, *сто-йкий*); д) оставлять на одной строке удвоенные согласные, входящие в корень или образующие стык корня и суффикса (*жуж-жать, мас-са, рус-ский*, не **жу-жжать, *ма-сса, *ру-сский* или **русский*); однако если удвоенные согласные следуют за приставкой, то они могут не разбиваться (*со-жжённый* и *сож-жённый, по-ссориться* и *пос-сориться*); е) переносить аббревиатуры, пишущиеся (полностью или частично) прописными буквами (*ДОСААФ, ЮНЕСКО, КамАЗ*) или прописными с цифрами (*ТУ-104*); переносить графические сокращения (*б-ка, ж.-д., р/сч*); переносить написания, представляющие собой сочетания цифр и окончаний слов (*20-й, 365-й*); отрывать обозначения мер (особенно сокращенные) от цифр, обозначающих число измеряемых единиц (*1993 г.; 20 сек*); переносить пунктуационные знаки (кроме тире, стоящего после точки или после двоеточия перед второй частью прерванной прямой речи); оставлять в конце строки открывающую скобку и открывающие кавычки.

Неудивительно, что правила переноса вызывают у пишущих регулярные затруднения. Так, в архиве справочной службы портала «Грамота.ру» представлены более 700 вопросов о выборе варианта переноса. Например: «У меня дочка, 2 класс. Перенесла слово так: *четырёх-угольник*. Учительница исправила на *четыреху-гольник*. Кто прав?»; «Как же все-таки лучше переносить слово *предотвращение* в самом его начале? По мне, лучше *пре-дотвращение*, т. к. при переносе *пред-отвращение* в глаза бросается *отвращение*, что может отвлек от смысла, а это уже не есть удобочитаемость».

Последний вопрос затрагивает существенную проблему, вовсе не отраженную в действующих правилах орфографии. «Нередко при переносе, даже правильном грамматически, получается новое слово, искажающее смысл фразы. Газетному корректору особенно придется следить за такими переносами... Не всякий читатель умеет достаточно сосредоточить внимание на читаемом тексте. Из-за неудачного переноса текст может быть воспринят неправильно. Примеры

искажающих смысл переносов: *бри-гада, высту-пал, де-нежный, избранный, зани-маются, на-зад, неот-ложный, но-вой, отды-хают, по-беды, по-длинный, потс-дамский, разго-вор*. Нельзя отрывать переносом приставки *анти-, контр-*, когда они подчеркивают противопоставление... Недопустимы переносы: *анти-фашистский, контр-революционный*. Не следует отделять отрицание не от остальной части слова: *не-желательный, не-постоянный*»⁷⁵.

В последнее время в практике печати, особенно в связи с использованием компьютерного набора, правила переноса все чаще нарушаются. Представляется, что эта часть орфографического свода требует тщательного пересмотра. Систему частных случаев переноса можно, как кажется, свести к нескольким запретам и рекомендациям в следующих формулировках.

Перенос слова производится по слогам (*до-/ро-/га, зо-/ло-/той*). При стечении нескольких согласных между гласными допускается вариативность переноса: *се-/стра, сес-/тра* и *сест-/ра*. Предпочтительны переносы, учитывающие морфемную структуру слова, поэтому рекомендуется выбирать варианты, в которых членение производится на стыке значимых частей (*дерз-/кий* при возможных *дер-/зкий, де-/рзкий; раз-/оружить* при возможных *ра-/зоружить* и *разо-/ружить*).

Запрещается:

- а) оставлять на строке или переносить одну букву, даже если она гласная и составляет слог (неправильно: *а-/мбиция* или *амбици-/я*);
- б) отделять буквенную цепочку, не содержащую гласной буквы (неправильно: *веще-/ств, вст-/реча*);
- в) оставлять при приставке начальную часть корня, не составляющую слога (неправильно: *пои-/нтересоваться; бесп-/лезный*);
- г) отделять часть сложного или сложносокращенного слова, не составляющую слога (неправильно: *новов-/ведение, спор-/тинвентарь*); предпочтительны переносы, которые соответствуют членению слова на значимые части (*пяти-/дневный, гос-/заказ*);

⁷⁵ Вяземский Б. А., Заморзаева Е. Н. Практика газетной корректуры. Л.: Лениздат, 1953. С. 80.

- д) отделять от предшествующей буквы **й, ъ и ь** (*вой-/на, подъ-/езд, буль-/он*, неправильно: *во-/йна, под-/ъезд, бул-/ьон*);
- е) отделять букву **ы** от предшествующей согласной приставки (*ра-/зыграть* или *разы-/грать*, неправильно: *раз-/ыграть*);
- ж) переносить или оставлять на строке две одинаковые согласные буквы, входящие в корень или составляющие стык корня и суффикса (*длин-/ный*; неправильно: *длинн-/ый* или *дли-/нный*); однако после приставок удвоенные согласные не разбиваются (*по-/ссориться*) (см. п. «в»));
- з) переносить аббревиатуры, в которых используются прописные буквы (*ЮНЕСКО, ФИФА, РосНИИ*); графические сокращения (*ин-т, чл.-корр., об/мин*); слова, сочетающие в написании буквы и цифры (*37-й, 56-летие, ТУ-134*); разбивать переносом инициалы и фамилию (неправильно: *А. / Пушкин* или *А. С. / Пушкин*);
- и) переносить на другую строку пунктуационные знаки (кроме тире, стоящего после точки или двоеточия перед второй частью прерванной прямой речи);
- к) оставлять в конце строки открывающую скобку или кавычки.

Не рекомендуется оставлять или переносить на следующую строку часть написания, которая может быть воспринята читающим как самостоятельное слово: *не-/справедливо, контр-/меры, него-/дующий, Сер-/гей Собянин* (кроме частей сложного или сложносокращенного слова (см. п. «г»)).

Нарушение запретов и рекомендаций, на которых основываются правила переноса, усложняет восприятие слова и текста в целом.

§ 18. Правила графических сокращений

Один из разделов правил орфографии составляют правила сокращения слов. Эти правила представляют собой руководство, объясняющее, рекомендуемое условия и запреты при написании части слова, слова или словосочетания в усеченном виде. Напр.: *километр — км; проспект — пр-т; улица — ул.; бывший в употреблении — б/у; железная дорога — ж/д или ж. д.; железнодорожный — ж.-д.; так далее — т. д.; тому подобное — т. п.* Как видим, правила графических

сокращений включают в себя и регламентацию употребления знаков препинания, прежде всего точки и слеша: ср. *км* (не **км.*), *ул.* (не *ул), *ж/д* или *ж.-д.* (не **ж./д.* или *ж-д). Графические сокращения применяются, чтобы сэкономить время записи и пространство листа. Однако приемлемы лишь такие сокращения, которые понятны читающему (в текстах, предназначенных для широкого читателя, — без расшифровки, а в научных изданиях — с расшифровкой в списке сокращений). Нежелательны и сокращения-омонимы: *г.* — *город* и *г.* — *год*; *п.* — *пункт* и *п.* — *поселок* и т. п. Орфографические словари часто включают общепринятые графические сокращения или имеют приложения, в которых дается их список.

Поскольку графические сокращения употребляются только в письменной речи, следует отличать их от аббревиатур как лексических единиц языка. Аббревиатура (из итал. *abbreviatura* ‘сокращение’ от лат. *abbreviō* ‘сокращаю’) — это сложносокращенное слово (существительное), образованное из усеченных слов (напр.: *бионика* < *биология* + *электроника*) или часто повторяющихся их сочетаний (напр.: *эсминец* < *эскадренный миноносец*, *ЕГЭ* /jegé/ или /jigé/ < *Единый государственный экзамен*; *ГорСЭС* /gorsés/ < *городская санитарно-эпидемиологическая станция*; *АиФ* /aif/ < «*Аргументы и факты*»), которые представляют собой единое наименование, а также из усеченных составляющих исходного сложного слова (напр.: *БТР* /betéér/ или /бытыéér/ < *бронетранспортер* и т. д.). Последний компонент аббревиатуры может быть представлен неусеченным словом: *завкафедрой* < *заведующий кафедрой*, *госэкзамен* < *государственный экзамен*) и т. п.

В отличие от аббревиатур (= сложносокращенных слов) графические сокращения не являются самостоятельными словами, так как не имеют собственного фонемного состава: при чтении они произносятся как слова и словосочетания, сокращением которых выступают. Так, графическое сокращение *см.* при чтении расшифровывается как *смотри* (но не [sm]), *г-жа* — как *госпожа* (но не [gʒa]), *с.-в.* — *северо-восточный* (но не [esvé], ср. *СВ* [esvé] — спальный вагон), *к/т* — *кинотеатр* (но не [katé], ср. *КТ* [katé] — компьютерная томография), *etc.* (лат.) — *et cetera*, что может произноситься по-русски и *прочее*, и *так далее*, а также по-латыни [et-sé-te-ra] или с ударением на последнем слоге на французский манер [et-se-te-rá]) и т. п.

В разговорной речи встречаются некоторые исключения из этого правила: *и. о.* (исполняющий обязанности) [ió]; *кг* [kegé]; *б/у*

(бывший в употреблении) [beú]; и *т. д.* и *т. п.* [i-te-dé i-te-ré] и некоторые другие. Оказионально возможно чтение таких графических сокращений, как инициалы имен. Например, в «Грантовом браслете» А. Куприна: *И все ее мысли были прикованы к тому неведомому человеку, которого она никогда не видела и вряд ли когда-нибудь увидит, к этому смешному Пе Пе Же.* Такое ненормативное чтение графических сокращений может использоваться для создания иронического контекста вследствие возникновения неконтролируемых ассоциаций (напр., также *ВВП* /ve-ve-ré/ — *В. В. Путин* (произносится так же, как *ВВП* — валовой внутренний продукт (страны), *ЕБН* /je-be-én/ — *Б. Н. Ельцин*; ср. также известную аббревиатуру *е. б. ж.* (*е б ж*) ‘если буду жив’ из «Дневников» Л. Толстого, которую обычно произносят /je-be-žé/)76.

При закреплении собственного произношения устойчивые графические сокращения способны становиться аббревиатурами и превращаться в самостоятельные слова, в особенности в разговорной речи и жаргоне. См., например, бывшие графические сокращения *НЗ* (*неприкосновенный запас*) или *ЦУ* (*ценное указание*). Именованное *бомж* первоначально употреблялось в официальных документах как графическое сокращение составного наименования *без определенного места жительства*, но в результате проникновения в устную речь приобрело признаки самостоятельного слова: значение ‘бездомный, бродяга’, негативную оценку и способность к словопроизводству (ср. *бомжиха*, *бомжевать* и т. п.). Слово *зэк* (< *заклученный каналоармеец*77) числит своим предком графическое косолинейное сокращение *з/к*, возникшее в тюремно-лагерном делопроизводстве. Привычные школьные сокращения иногда переходят в жаргон школьников: *физ-ра* — *физра* ‘урок физкультуры’; *лит-ра* — *литра́* ‘урок литературы’.

Основные общепринятые графические сокращения приводятся в орфографических словарях, однако существуют и специальные словари сокращений. В наиболее полном из изданных к настоящему времени печатных словарей (*Фаградяни И. В., Коваленко Е. Г., Фагра-*

⁷⁶ См., например, в поэтических текстах: *Невзрачной рыбки запах огуречный / весною петербургской скоротечной / впитает в серебристом кураже / и память задыхается счастливо / прохладным ветром с Финского залива, куда приду — конечно, е. б. ж./* (В. Каган); *О как ты сечёшь и в любви и в надежде, / И в зыбкости их, и в нарядной одежде. / О как же мне жаль, что уходишь уже. / Я жду тебя здесь через год, е. б. ж.* (Л. Миллер).

⁷⁷ Имелись в виду заключенные, работавшие на строительстве Беломорканала (Беломорско-Балтийского канала).

дьянц И. И. Новый словарь сокращений. М.: ЭТС; Доцент, 2008) дана расшифровка более 35 000 аббревиатур и других сокращений русского языка. Сокращения, которые употребляются в русском языке на основе и русской, и латинской графики, представлены в «Словаре аббревиатур иноязычного происхождения» Л. А. Барановой (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009), включающем около 1000 словарных статей. Онлайн-ресурс <http://www.sokr.ru>, созданный Студией Артемия Лебедева, представляет более 157 000 единиц (причем его авторы сознательно не включают в словарь аббревиатуры, содержащие латинские буквы), и их состав постоянно пополняется.

В § 116 «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. приведен краткий перечень общепринятых сокращений, однако общие принципы, которыми следует руководствоваться при оформлении графических сокращений, в этом своде не сформулированы. Лишь позднее, в работах В. З. Санникова⁷⁸ и Д. А. Алексеева⁷⁹, на основе анализа большого фактического материала были выделены различные типы графических сокращений и сформулированы правила их оформления на письме.

В соответствии с правилами одно и то же слово можно сократить разными способами, поэтому графические сокращения принято разделять на имеющие устойчивую форму (*Ф. И. О.*) и имеющие свободные и вариативные формы сокращения (*потолочный* — *потол.* и *потолочн.*).

В зависимости от приемов образования и оформления на письме выделяется пять типов графических сокращений:

1. Точечные сокращения, образованные путем опущения правой (конечной) части слова и постановки точки после оставшейся части (*г.* — *год*, *воскр.* — *воскресенье*, *вт.* — *вторник*, *напр.* — *например*).
2. Дефисные сокращения, образованные путем опущения средней части слова, вместо которой ставится тире (*ин-т* — *институт*, *гр-н* — *гражданин*); такие сокращения удобны тем, что помогают сохранить грамматическую информацию о слове (*ср. об-во* — *общество*, *об-ву*, *об-вом*);

⁷⁸ Санников В. З. О русских графических сокращениях // О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964.

⁷⁹ Алексеев Д. И. Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во СГУ, 1979.

3. Косолинейные сокращения, у которых вместо опущенной части словосочетания или сложного слова ставится косая черта (*в/с — высший сорт, Ростов н/Д — Ростов-на-Дону, х/б — хлопчатобумажный*).
4. Нулевые сокращения, которые не завершаются точкой (*км — километр; м — метр*).
5. Комбинированные сокращения, возникающие в результате применения нескольких приемов сокращения (*ж.-д. — железнодорожный, п/п-к — подполковник, пн. — понедельник, чт. — четверг, вс. — воскресенье*).

Особую группу составляют сокращения слов, обозначающих единицы измерения (*А — ампер, В — вольт, Вт — ватт, Дж — джоуль, мкА — микроампер, мкВ — вольт, мкВт — микроватт* и т. п.). В этих сокращениях пишется прописная в начале той части, которая восходит к фамилии ученого (Алессандро Вольты, Андре-Мари Ампер, Джеймс Уатт (Ватт), Джеймс Джоуль и т. п.), хотя в самом слове, обозначающем единицу измерения, все буквы строчные.

Нормы сокращений во многом определяются стихийно сложившейся традицией и потому с трудом поддаются систематизации. Тем не менее существует свод правил графического сокращения слов, учитывающий характер самого сокращения:

- а) в точечных после сокращения ставится точка (*в. — век; им. — имени*);
- б) сокращенные названия единиц измерения пишутся без точек (*кг — килограмм; тс — тонна-сила; Мкс — максвелл*);
- в) не ставится точка в сокращениях названий величин, образованных путем опущения гласных (*млн — миллион; млрд — миллиард; трлн — триллион; ср. тыс. — тысяча*);
- г) сокращение имен существительных в форме множественного числа может передаваться удвоением первой согласной буквы с точкой (*вв. — века, сс. — страницы*);
- д) сокращение должно оканчиваться на согласный, следующий в полном (несокращенном слове) перед гласной (*прост. — простой, неправильно: *прос.*);
- е) двойные согласные перед точкой сохраняются (*терр. — территория; асс. — ассистент*), однако если удвоение происходит на стыке морфем, то сохраняется только одна согласная, (*рус. — русский; стен. — стенной; листовен. — листовенный*);

- ж) сокращение может быть произведено путем исключения гласных, поскольку именно согласные являются носителями смысла слова (*млн* — миллион; *млрд* — миллиард; *стлб.* — столбец);
- з) если в сокращении опускается середина слова, то ставится дефис (*гр-н* — гражданин; *изд-во* — издательство);
- и) слова, пишущиеся через дефис, сохраняют его и при сокращении (*с.-д.* — социал-демократ); в этом случае после каждой из частей сокращения ставится точка;
- к) сложные слова и словосочетания, в том числе сочетания с предлогом, как правило, сокращаются до начальных букв, разделенных косой чертой (*к/т* — кинотеатр; *б/п* — беспартийный и без переплета, *б/у* — бывший в употреблении; *п/у* — под управлением);
- л) слова сокращаются, как правило, после согласной буквы, однако встречаются и устойчивые сокращения после гласной (*а. л.* — авторский лист, *о.* — озеро);
- м) особый тип представляет сокращение предложного сочетания без указания чего-либо в печатных изданиях (*б. г.* — без указания года, *б. и.* — без указания издательства, *б. м.* — без указания места, *б. ц.* — без указания цены).

Правила сокращения включают и ряд запретов. Так, запрещается:

- а) опускать начальную часть слова, хотя подобные сокращения изредка встречаются, например в псевдонимах: *ср. -онъ -инскій* (Виссаріонъ Бѣлинскій); *-бовъ* (Н. Добролюбовъ); **.....лъ *.....въ* (Михаилъ Яковлевъ); **-кіѳ* (Аполлонъ Коринфскій); **цѳ* (Станиславъ Окрейць); *—»—въ* (Петръ Шаликовъ); в подобных случаях сокращаемую часть рекомендуется заменять знаком тире, которое не отбивают пробелом от финали⁸⁰;
- б) сокращать менее двух букв (исключение: *ю.* — юг, что объясняется аналогией: *с.* — север, *в.* — восток, *з.* — запад);

⁸⁰ Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2009. С. 112.

- в) завершать сокращение буквами **й, ъ, ъ**; ср., впрочем, **Ъ** — сокращение названия газеты «Коммерсантъ», в котором нарушены сразу два из трех запретов: пп. «а» и «в».

Рекомендуемая литература

- Богородицкий В. А.* Изучение малограмотных написаний // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. С. 83–90.
- Богородицкий В. А.* О русском правописании // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. С. 75–83.
- Винокур Г. О.* Орфографическая теория Третьяковского [1948 г.] // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / сост. и ред. С. Г. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1959. С. 468–489.
- Винокур Г. О.* Орфография как проблема истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / сост. и ред. С. Г. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1959. С. 463–467.
- Гвоздев А. Н.* Основы русской орфографии [1947 г.] // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Просвещение, 1963. С. 27–86.
- Голев Н. Д.* Некоторые проблемы «объективистского» изучения русской орфографии в функционально-прагматическом аспекте // Актуальные направления функциональной лингвистики: материалы всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 г.). Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. С. 158–167.
- Зиндер Л. Р.* Орфография // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 89–103.
- Иванова В. Ф.* Употребление букв Е (Ё) и О после шипящих для обозначения ударного [о] // Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1982. С. 40–49.
- Ильинская И. С., Сидоров В. Н.* Современное русское правописание // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 22, вып. 2. М., 1953. С. 3–40.
- Кузьмина С. М.* Заколдованное место русской орфографии (О трудностях кодификации слитного/дефисного написания сложных прилагательных) // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. М., 2004. С. 250–253.
- Лопатин В. В.* Беглость гласных как орфографическая проблема // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика. М.: Азбуковник, 2009. С. 35–44.

- Лопатин В. В.* Буква *ъ* в современной русской орфографии // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти В. Н. Сидорова. М., 2004. С. 245–249.
- Моисеев А. И.* Морфологический принцип орфографии // Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1974. С. 89–104.
- Нечаева И. В.* Прописная графема и ее функции в современном письме // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 143–161.
- Осипов Б. И.* К типологии орфограмм в русском письме // Осипов Б. И. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Т. 2. История письма и культуры. Омск: ЛИТЕРА, 2015. С. 159–172 (впервые опубликовано в: *Осипов Б. И.* К типологии орфограмм в русском письме // Фонетические и орфографические исследования. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1988. С. 91–102).
- Поливанов Е. Д.* О трех принципах построения орфографии // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 254–262.
- Суперанская А. В.* Морфологический аспект практической транскрипции // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 377–383.
- Цейтлин С. Н.* Спонтанное усвоение орфографических правил // Кириллица — латиница — гражданица: Коллективная монография / отв. ред. Т. В. Шмелева / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 264–273.
- Щерба Л. В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение [1926 г.] // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 45–56.
- Щерба Л. В.* Русское правописание и его принципы // Щерба Л. В. Теория русского письма [1943 г.]. Л.: Наука, 1983. С. 86–122.
- Щерба Л. В.* Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий [1931 г.] // Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 153–161.
- Щерба Л. В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий [1940 г.] // Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 153–161.
- Эпштейн М.* Отрицание как утверждение. Интегральная модель написания «не» с глаголами и другими частями речи. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=1.90> (дата обращения: 10.07.2018).

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПИСЬМА И ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

§ 1. Важнейшие события в истории русского алфавита

Ныне русский алфавит составляют 33 буквы, однако первоначально в кириллице буквенных символов было гораздо больше: взятый за основу греческий алфавит, который состоял из 24 символов, был дополнен буквами, призванными передавать специфические звуки славянской речи. При этом некоторые из букв славянской азбуки оказались дублетными: перенесенные из греческого алфавита **ο** и **ω** служили обозначением разных фонем греческого языка, /o/ кратко-го и /o:/ долгого, но в славянских языках эти звуки не различались; буквы **Ϡ** (кси) и **Ϸ** (пси) были дублетами буквосочетаний **кс** и **пс**, поскольку предназначались для передачи частотных в греческом, но редких в славянском языке сочетаний /ks/ и /ps/ и т. д.

Избавление от лишних букв в истории русского письма происходило стихийно. Первыми за ненадобностью перестали употребляться два больших юса (**ѣ** и **ѥ**), а также йотированный юс малый (**ѣ̇**). Они сразу оказались дублетными, поскольку утрата носовых гласных, для обозначения которых юсы были введены в старославянскую азбуку, произошла в древнерусском языке в первой половине X в., т. е. еще до проникновения старославянской письменности на Русь в конце X в. К концу XII в. **ѣ** и **ѥ** были вытеснены буквами **ю̇** и **ю**, а **ѣ̇** — буквами **ѣ** и **ѧ**, которые стали полными дублетами несколько позже и просуществовали в русском письме до Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг. Писцы с неохотой избавлялись от дублетов и пытались использовать их в разных графических функциях. Так, во многих древних рукописях **ѣ** и **ѧ** были распределены дополнительно: **ѣ** — после согласных, а **ѧ** — в начале слова и после гласных (например, **ѧВЛАѧА Сѧ** ‘являющийся’, ср. ст.-сл. **ѧВЛАѧѧ Сѧ**). В некоторых рукописях распределение было более сложным: **ѣ** —

после непалатальных согласных, а **ѧ** — после палатальных (например, **пѧсати**, но **зѧмѧ**).

Однако в истории русского письма встречаются и более редкие случаи, когда изначально дублетные буквы начинали применяться для обозначения новых фонологических различий, возникших в результате произошедших фонетических изменений. Так случилось после появления в системе гласных древнерусского языка новой фонемы /ô/ — «о закрытого» (или «о напряженного»), которая была противопоставлена /o/ открытому. Противопоставлялись они только под ударением (в безударной позиции было только /o/ открытое). Фонема /ô/ закрытое возникла из *ó под восходящим ударением в процессе утраты интонационных различий, а /o/ открытое восходила к *o под нисходящим ударением и к сильному редуцированному *ǫ. Таким образом, например, в словах **носъ**, **воду**, **лобъ**, **дубокъ** было /o/, а в словах **столъ**, **волю**, **попъ**, **высокъ** — /ô/. Поскольку древняя кириллица не имела специальной буквы для фонемы /ô/, то по традиции обе фонемы обозначались буквой **о** (он). Тем не менее некоторые древнерусские писцы пытались найти средство для передачи на письме новой фонемы, или, точнее, для передачи нового фонологического различия, когда в этом появилась необходимость. И тут им на помощь пришла, казалось бы, лишняя **ѡ** (омега). Стали писать **стѡлъ**, **вѡлю**, **попѡ**, **высокъѡ**, но **носъ**, **воду**, **лобъ**, **дубокъ**. Такую графическую систему различения /o/ и /ô/ называют «омеговой». Другие писцы для обозначения /ô/ использовали **ѡ̄**, т. е. **о** с надстрочным знаком — *камѡрой* (**стѡлъ̄**, **вѡлю̄**, **попѡ̄**, **высокъѡ̄**, но **носъ**, **воду**, **лобъ**, **дубокъ**). Кроме «омеговой» и «каморной», в рукописях встречаются и другие графические системы передачи различия /o/ и /ô/. Обозначение /ô/ на письме не было обязательным, хотя в некоторых рукописях процент обозначения доходил до 80–95%. В связи с тем, что позднее в большинстве говоров, в частности в тех, которые легли в основу русского литературного языка, /o/ и /ô/ совпали, графемы **о** и **ѡ** опять стали дублетными.

Осознанная борьба с «лишними» буквами началась в связи с формированием русского письменного языка нового типа, который должен был прийти на смену церковнославянскому языку в качестве литературного. Часть из них была исключена из алфавита в результате Петровской реформы азбуки 1708–1710 гг.; кроме того, по его замыслу, русская азбука должна была измениться в своих на-

чертаниях. В результате обновления внешнего облика букв кириллица была приближена к латинице.

Одновременно был введен так называемый **гражданский шрифт**, предназначенный для печати светских изданий. Его называют также «гражданской азбукой», «гражданицей» или «гражданкой». Гражданский шрифт не был новой системой письма (если не считать некоторого сокращения в составе букв), а представлял собой главным образом изменение формы кириллических букв. Моделью для новых начертаний послужили, с одной стороны, образцы рукописного гражданского письма конца XVII — начала XVIII в., а с другой — рисунок латинского типографского наборного шрифта *антиква*. Кроме изменения формы букв, в гражданском шрифте впервые устанавливалось различие строчных и прописных вариантов графем, исключались знаки ударения и титла, а также вводились арабские цифры вместо буквенных обозначений. В том, что касается начертания букв, гражданский шрифт, созданный в эпоху Петровских реформ, в целом сохраняется и в современном русском письме. Также он с некоторыми вариациями, касающимися состава букв, естественным образом унаследован украинским и белорусским письмом. Кроме того, русский гражданский шрифт был принят другими славянскими литературными языками, использующими разновидности кириллического алфавита (болгарским, сербским, македонским). Это было своего рода возвращение долга южным славянам, от которых Русь в X в. получила старославянскую письменность.

А Б В Г Д Е Ж З І І К Л М Н О П Р С Т У Ф Ф Х Ц
Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Э Ю Я Ә

а б в г д е ж з і і к л м н о п р с т у ф ф х ц
ч ш щ ъ ы ь ъ э ю я ә

А Б В Г Д Е Ж З І І К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч
Ш Щ Ъ Ы Ь Ъ Э Ю Я Ә

а б в г д е ж з і і к л м н о п р с т у ф ф х ц ч ш щ ъ ы ь ъ
э ю я ә

Гражданский шрифт среднего и мелкого кеглей. 1707 г.

а б в г д е ж з і к л м
 н о п р с т у х ц ч ш
 щ ъ ы ь ѳ е ю я ѿ

А В Г Д Е Ж З І К Л М Н О П Р С Т Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь г Е Ю Я Ѳ

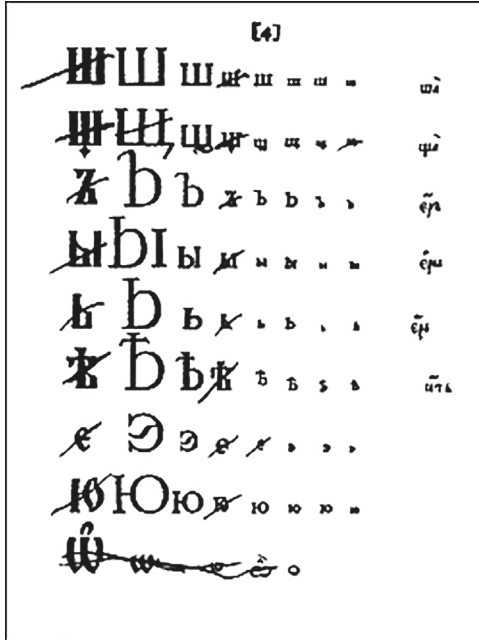
абвгдежзijklmnoprstухцчшщъыьѳеюяѡ

Шрифт работы Василия Ефремова. М., 1707—1708 гг.

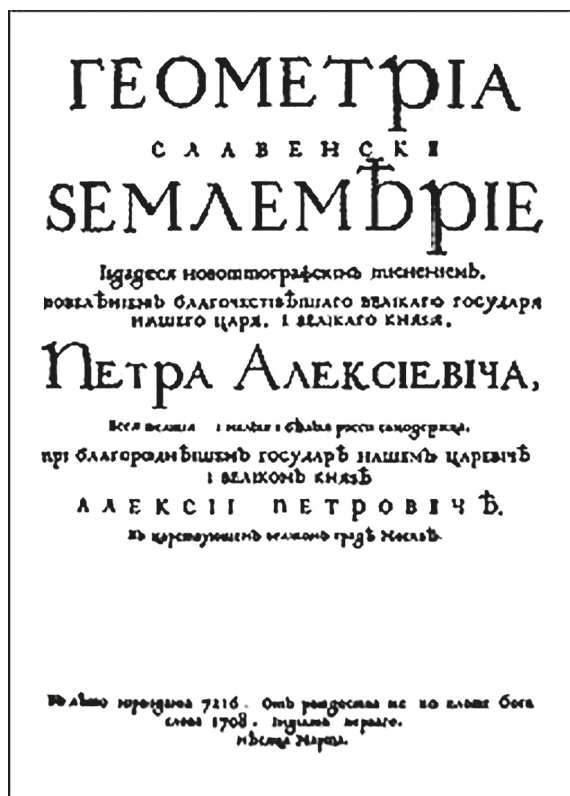
По свидетельству историков, Петр сам участвовал в создании эскизов нового алфавита (художником был чертежник Куленбах, работавший в штабе А. Д. Меншикова). Ниже представлены страницы гражданского шрифта, азбука с исправлениями, сделанными рукой Петра I (Гражданская азбука с исправлениями Петра I. М., 1710).

Первой книгой, напечатанной гражданским шрифтом, стала «Геометрия славенски землемерие» (1708).

Титульный лист «Геометрии»

Ученые умы реформу поддерживали. Так, М. В. Ломоносов отмечал, что при Петре «не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Петровская реформа решительно изменила образ кириллических букв — т. е. ту компоненту алфавита, которая была связана с передачей фасцинации¹.

¹ Термин Ю. В. Кнорозова. *Фасцинация* (от лат. *fascinatio* 'околдовывание, зачаровывание') — такое воздействие сигнала, которое само по себе приковывает внимание и вызывает определенные ассоциации. Подробнее об этом см. в главе VI «Графическая стилистика».

Петр предлагал изъять из прежней азбуки уже ненужные для передачи русской речи буквы греческого алфавита ξ (кси — $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\xi\acute{\alpha}\nu\delta\rho\tilde{\nu}$ → Александръ), ψ (пси — $\psi\alpha\lambda\acute{o}\mu\tilde{\nu}$ → псаломъ) и ω (омега — $\iota\omega\acute{\alpha}\nu\eta\tilde{\nu}$ → Иоаннь), буквы ζ (ук — $\sigma\zeta\gamma\grave{\alpha}$ = слуга), ν (ижица — $\mu\acute{\iota}\rho\omicron$ = миро), лигатуру $\overline{\omega}$ (от), κ (йотированное ϵ), а вместо дублетных букв $\tau\alpha$ (йотированное α) и α (юс малый²) ввести букву **я**, которая представляла собой развитие юса малого. Были исключены знаки ударений (*силы*), придыхания (*спиритусы*) и сокращений (*титлы*).

В результате противостояния ревнителей старины и реформаторов было принято компромиссное решение: часть букв вернулась к использованию, действительно исключенными оказались всего три: лигатура $\overline{\omega}$ (от), $\tau\alpha$ (вместо нее было введена буква **я**) и ψ пси.

Новая азбука была окончательно утверждена указом Петра 29 января 1710 г. С этого времени светские издания набирались реформированной азбукой, а церковные книги — традиционной кириллицей. Петровская реформа была продолжена распоряжениями Российской академии наук, в 1735 г. все-таки исключившей буквы ξ кси и ζ зело, а также букву ν ижица (которую, впрочем, та же Академия в 1758 г. почему-то в алфавите восстановила), а в 1738 г. унифицировавшей написание буквы **і** (ранее ее писали то с одной точкой (**і**), то с двумя (**ї**)). Однако Петровская реформа, поддержанная позднее Академией наук, не ограничилась изменениями в составе и начертаниях букв. Кроме устранения избыточных букв и введения гражданского шрифта, были окончательно узаконены арабские цифры (заменившие буквенные обозначения), установлены два начертания букв — прописное и строчное, утвердилась буква **я**, появившаяся много раньше, на основе модификации начертаний юса малого в скорописи XVII в.; узаконены буквы **э** (Петром I) и **й** (Академией наук в 1735 г.).

Буква **э** (прежнее ее название — «**э** оборотное»), сходная по своему начертанию с глаголической **э**, которая соответствовала **ε** кириллицы, встречалась в южнославянских рукописях XIII–XIV вв., а русских — с XIV–XV вв., но узаконена только в гражданском шрифте. В своей «Грамматике» (1738–1740) В. Е. Адодуров констатировал, что **э** писали преимущественно в заимствованных словах и в местоимении *этотъ*: «...**э** употребляется в природных русских речениях <...>

² Буква **ж** («юс большой») к этому времени уже давно вышла из употребления.

э употребляется только в чужестранных речениях, а выговаривается во всех случаях так, как наше *e* после писмени согласного положенное как например в словах *Этімологія Эвропа Экліптика* и прочая. Сею литерою э пишется также и слово *этотъ*, со всеми своими производными, которое есть природное русское...»³. Ее официальному введению в алфавит при Петре способствовал тот факт, что в это время в русский язык хлынул большой поток слов из других европейских языков, где звуки, которые могли бы быть обозначены буквой э, широко распространены.

Однако появление э в русском письме было встречено весьма прохладно. Уже в XVII в. хорватский богослов и ученый Юрий Крижанич, автор трактатов «Объяснение выводно о писмѣ словѣнскомъ» (1661) и «Грамматично изказаніе об рускомъ језику, попа Јурка Крижаница» (1665), живший и работавший в России, презрительно назвал ее «безделкой». Пожалуй, приведенная выше констатация Адодурова, который не имел ничего против буквы э, была наиболее нейтральным высказыванием в отношении использования этой буквы в русском письме вплоть до трудов Я. К. Грота.

М. В. Ломоносов писал в «Российской грамматике» (1755): «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое *e*, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно, ибо 1) буква *e*, имея несколько разных произношений, может служить и в местоимении *этотъ*, и в междуметии *ей*; 2) для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною понимаемся...; 3) ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую; 4) и таково же смешно, по правде, покажется, если бы для подлинного выговору наших речений, в которых стоит буква *ы*, оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо ее новую вымыслили»⁴. Когда в феврале 1746 г. Ломоносову был поручен Академией наук просмотр календаря на 1747 г., то ученый настоял, «чтобы в русском календаре на 1747 год имена святых, раньше писавшиеся через э, были написаны через *e*, как это соблю-

³ Цит. по кн.: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. С. 105.

⁴ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. 1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 422.

дается в Русском месяцеслове, напечатанном тщанием Св. Синода»⁵.

Против нее выступали В. К. Третьяковский (который считал, что эта буква «красоты не имеет», и относил ее к «повреждению кириллицы»), А. П. Сумароков («противнейшая и мне, и г. Ломоносову литера э недостойна, чтоб о ней и говорить... ввели эдакого мы в нашу азбуку урода»), Г. Р. Державин, И. А. Крылов и др.

Я. К. Грот признавал необходимость э в позиции начала слова и после гласных (*этотъ, проэктъ* и т. п.), но считал ненужным писать э после согласных, например в таких словах, как *пенснэ*. Грот полагал, что написание е вместо э после гласных приводит к культивации неправильного произношения [je] вместо [e]: ср. /jevr'ipît/ *Еврипид* вм. /evr'ipît/ *Эврипид*, /projekt/ *проект* вм. /proekt/ *проэктъ*. Результатом подобных написаний является современное нормативное произношение таких слов, как *Европа* /jivrópa/, *Ева* /jéva/ вместо старых /evrópa/ и /éva/ и др. Буква э занимает в нашей азбуке 31-е место. Никакого аналога себе в латинизированных алфавитах она не имеет.

Последовательным сторонником использования буквы э в современном русском письме был Л. В. Щерба, который считал, что «не может быть сомнений в том, что буква “э” абсолютно необходима в русском алфавите, но не менее очевидно и то, что она характеризует те слова, в которых пишется, как иностранные»⁶. Он посвятил этому вопросу специальный параграф в «Теории русского письма» (1942–1943):

«§ 63. Буква э после согласных употребляется довольно редко, так как в исконно русских словах перед гласным “э” вовсе не встречается твердых согласных во всех тех случаях, когда имеются твердые и мягкие параллели. После ж, ш, ц, которые нормально не бывают мягкими, в современном русском литературном языке было бы естественно писать *иэ, жэ, цэ*, например *иэст, жэсть, цэпы*. Однако на практике в этих случаях сохраняется историческое правописание через е, что возможно, поскольку русскому языку не свойственны противоположения *иэ* и *ие, жэ* и *же, цэ* и *це* <...>.

В связи с таким положением вещей многим всегда казалось, а некоторым кажется и сейчас, что буква э как знак твердости согласных перед гласным “э” не нужна для русского языка. Даже академик Грот стал на такую позицию в своем исследовании “Спорные вопросы русского право-

⁵ Там же.

⁶ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 78.

писания от Петра Великого доныне”, считая, что твердое произношение согласных перед гласным “э” абсолютно чуждо русской фонетике. Однако наличие твердых слогов *жэ, шэ, цэ* опровергает мнение Грота, с одной стороны, а с другой, — облегчает для русского человека произнесение любых и других твердых слогов — *сэ, зэ, тэ, дэ* и т. д. Во всяком случае в современном русском литературном языке во многих заимствованных словах утвердилось твердое произношение согласных перед гласным “э”, и сказать *сер* вм. *сэр*, *пенсне* вм. *пенснэ*, *тесты* вм. *тэсты*, *Доде* вм. *Додэ*, *Тен* вм. *Тэн* и т. д. и т. д. прямо-таки смешно. И едва ли правильно маскировать литературное произношение многих слов, которые узнаются лишь из книг или газет, а не устным путем. Единственным оправданием правописания *е* вместо *э* в нарицательных заимствованных словах является постоянно протекающий процесс русификации этих слов. По мере их словарного освоения происходит и русификация их произношения, что, конечно, происходит чаще <...>. Во всяком случае как ни решать вопросы правописания заимствованных слов, нет никаких оснований обеднять средства русского алфавита и мешать его возможности в случае надобности выразить твердость согласного перед гласным “э”. Здесь уместно вспомнить, что в украинском алфавите, где буква *є* в противоположность русскому обозначает твердость согласных перед гласным, сочли нужным ввести новую букву *є* для обозначения мягкости согласных в том же положении»⁷.

Необходимость введения в русское письмо буквы **й** сомнений не вызывала. По начертанию она представляла собой букву **и**, к которой добавлялся особый надстрочный знак — *краткая*, или *кратка*. Диакритик указывал на неслоговой («краткий») характер звука, обозначенного буквой **и**, т. е. фактически буква **й** обозначала согласный /j/, а не гласный /i/. В соответствии с особенностями начертания буква **й** получила наименование «и с краткой», которое позднее преобразовалось в «и краткое». В рукописях эта буква используется с XV в., а уже с середины XVII в. в церковнославянских текстах использование кратки над и для передачи фонемы /j/ становится обязательным. Однако в гражданском шрифте ее не оказалось. Официально Академией наук буква **й** была введена в гражданский шрифт в 1735 г., но в состав алфавита не включалась, так как ее рассматривали как вариант буквы **и**.

Таким образом, следует различать два аспекта отношения к букве **й**: с одной стороны, никто из филологов XVIII в., начиная

⁷ Щерба Л. В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. С. 69–70.

с В. Е. Адодурова и В. К. Третьяковского⁸, не сомневался в необходимости использования диакритического знака (кратки) над **и**, с другой — **й** не считалось отдельной буквой, которая была бы достойна включения в состав официального алфавита. Этот статус буква **й** сохраняла вплоть до реформы 1917–1918 гг., хотя такой авторитетный ученый, как Я. К. Грот, считал это неправильным. Так, в словаре В. Даля **й** объединено с **и**: «**И**, буква иже, в русской азбуке девятая, в церковной десятая <...>. Перед гласною заменяется буквою **И**, а после гласной, сливаясь с нею, принимает *кратку*: **Й**»⁹. Однако в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1934) **й** уже включено в алфавит.

Еще в XVII в. Ю. Крижанич заметил, что буквы **ь** и **й** по отношению к соседним буквам распределены дополнительно (**ь** возможна только после согласных, а **й** только после гласных), из чего следует, что в русском письме они не противопоставлены и потому одну из них — **й** — он предложил ликвидировать, а использовать только **ь** и писать *краь, пьете, вьна* и т. п. Это потребовало бы изменения правил чтения: после согласного **ь** обозначает мягкость согласного (*зверь, спорь*), после гласного — фонему /j/ (*знь, стовь*). В XX в. остроумная и новаторская идея Ю. Крижанича, которая выглядит весьма экстравагантно даже в наше время, была поддержана Романом Якобсоном, так как ее проведение в жизнь позволило бы сократить количество букв алфавита, избавив его от чужеродной буквы с несистемным диакритиком¹⁰.

Новая гражданская азбука, включавшая 37 знаков, была узаконена Российским собранием при Академии наук в 1758 г. и передана в руководство типографии для набора и издания светских (не церковных) книг. И с тех пор в русском алфавите появилась лишь одна новая буква — **ё**.

Возникновение **ё** естественным образом завершило петровскую реформу. Эта графема пришла на смену лингвистически очень точ-

⁸ В. К. Третьяковский писал, что «снакъ сокращенія (й) введенъ въ нескасанную исправность выговору» (Разговор об орфографии, 1748 г.). С. 360, примеч.

⁹ В словаре Даля имеется только одно слово, которое могло быть написано с начальным **й** — *ионь, йонь* 'ладь, толкъ, смыслъ, пригодность' (ср. *Окно не к йону было прорублено, я его и задьялалъ*).

¹⁰ Jakobson R. Избыточные буквы в русском письме // Jakobson R. Selected writings. T. I. s'Gravenhage, Mouton, 1962. P. 559–562.

ному и логичному с точки зрения системы кириллического алфавита диграфу **іѡ**. Пока литературным было церковное (книжное) произношение, на письме не было нужды в специальном обозначении фонемы /o/ одновременно с предшествующим ей мягким согласным, так как в церковное произношение переход **е** в **о**, характерный для московского просторечия, не проникал, а согласные перед /e/ произносились твердо (на «малороссийский», т.е. украинский манер). Однако развитие светского книжного произношения привело к необходимости использовать графему для передачи ударного гласного в таких словах, как *медь* /m'ot/, *идеть* /id'ot/, *береза* /b'er'õza/ и т.п. Появление диграфа **іѡ** свидетельствовало, что использованный еще в древней кириллице прием обозначения мягкости согласных диграфами (йотированные гласные: ср. **ѣ** < **і** + **ѣ**; **ѧ** < **і** + **ѧ**; **ю** < **юѣ** < **і** + **ѡѣ**) не был забыт окончательно. Интересно, что возникновение в древней кириллице для обозначения /ju/ буквы **ю**, развившейся, видимо, в результате «редукции» из **юѣ**, оказалось возможным именно вследствие того, что в древних славянских языках отсутствовало сочетание палатальных согласных с /o/, а поэтому **ю** не могло обозначать /jo/.

О функционировании буквы **іѡ** в русском письме известно с 1730-х гг. Впервые ее употребление описал в своей грамматике В.Е. Аодуров, который включил литеру **іѡ** в число «двогласных», т.е. обозначающих в начале слога одновременно йот и гласный, букв (вместе с **ѧѧ**, **ѣѣ**, **юѣ**), и указал, что она регулярно употребляется в иностранных словах (ср. *Маѡрка*) и иногда в русских (ср. *біѡтъ*, *всѡѡ*). Таким образом, если в первой половине XVIII в. буква **іѡ** в первую очередь предназначалась не для русских слов, а для заимствованных, и только во вторую — для русских, то пришедшая ей на замену буква **ѣ** была создана Карамзиным для употребления именно в русских словах (ср. *слѣзы*).

В русском письме диграф **іѡ**, у которого были весьма влиятельные недоброжелатели, так и не был утвержден каким-либо официальным постановлением Академии наук. В 1783 г. Е.Р. Дашкова, президент Российской академии наук, предложила собранию Академии утвердить букву **іѡ** (и одновременно букву **ѣ** для взрывного [g], так как в литературном произношении буква **г** читалась как фрикативное [ɣ]), но это так и не было сделано.

Вскоре, однако, у этого почтенного диграфа появился молодой конкурент — буква **ѣ**, введенная в русскую типографскую практику Н.М. Карамзиным в 1797 г. Он употребил этот знак лишь единожды,

в издании второй «книжки» «Аонид» — в стихотворении «Опытная Соломонова мудрость», в слове *слёзы*, рифмуемся со словом *розы* (*Там бедный проливает слёзы, / В суде невинный осужден, / Глупец уважен и почтен; / Злодей находит в жизни розы...*), сопроводив это новшество примечанием: «Буква *е* с двумя точками наверху заменяет *йó*». Иначе говоря, здесь постановка двух точек над буквой вызвана желанием поэта предупредить неверное чтение слова — указать на то, что для рифмы необходимо прочесть слово *слёзы* с [o], а не [e] (*слезы*), как произносились все слова с *е* под ударением в книжно-славянском стиле (ср., напр., рифму *небес* — *слез* в другом стихотворении этого сборника).

У диакритического знака (¨) нет устоявшегося терминологического наименования: чаще всего надстрочное двоеточие называют двумя точками над *ë*, но иногда переносят на русскую почву заимствованные термины диерезис (греч. Διαίρεσις ‘разъятие, разделение’), тремá (от греч. *trēma* ‘отверстие’), используемый во французской лингвистике, где он указывает на то, что соответствующий этой букве звук следует произносить отдельно от предыдущего гласного (например, фр. *naïf* ‘наивный’) и особенно умлаут (нем. *Umlaut* ‘перегласовка’). Надстрочный знак в виде двух точек над русским *ë* обычно считается аналогом именно немецкого умлаута. В немецкой графике умлаутом называют диакритик, указывающий на то, что фонема, обозначенная буквой с умлаутом, отличается от фонемы, обозначенной буквой без умлаута. Так, в немецком языке буква *a* обозначает фонемы переднего ряда /a/ или /a:/, а *ä* — фонемы переднего ряда /ɛ/ и /ɛ:/ того же подъема (ср. нем. *Gans* ‘гусь (ед. ч.)’ — *Gänse* ‘гуси (мн. ч.)’). Термин «умлаут» используется для обозначения не только надстрочного знака, но и самого фонетического изменения — перехода гласного заднего ряда в передний, который и привел к появлению новых гласных фонем переднего ряда в результате ассимилятивного воздействия переднего гласного следующего слога, а затем и к возникновению исторического чередования, обслуживаемого в немецкой графике парами *a/ä*, *o/ö* и *u/ü*. Для передачи на письме новых фонем и понадобились новые графемы с умлаутом. В русском письме две точки над *е* тоже понадобились для обозначения результатов фонетического изменения — перехода /e/ в /o/ перед твердыми согласными. Различие заключается в том, что, в отличие от немецкого, в результате древнерусского перехода новой фонемы не появилось, но после этого перехода фонема /o/ оказалась возможной в позиции

после мягкого согласного, чего раньше не было, а поэтому не было и буквы для передачи /o/ в этой позиции.

Обычно две точки над **е** рассматривают в контексте немецкого влияния. Однако некоторые исследователи высказывают предположение, что этот диакритик может быть связан не с западноевропейской, а с церковно-славянской рукописной традицией, в которой нередко такие «просодии» (диакритические знаки), как две точки (или две косые черты, или две запятые) над буквой **ї** (вариант «и десятиричного») и другими гласными. В некоторых средневековых грамматических сочинениях две косые черточки над буквой (**ˆ**) назывались термином «оковавы», восходящим к слову *око*. Можно предположить, что знающий об этой традиции Карамзин, ставя две точки над **е** именно в слове *слёзы*, графически ассоциировал этот знак со слезами, текущими из обеих очей¹¹.

Против такого нововведения резко выступал уже современник Карамзина и его антагонист — А. С. Шишков, который усматривал в начертании буквы **ё** «перенос двух точек с иностранных букв на нашу», а сам звук, изображаемый этой буквой, полагал «простонародным» и «безобразным»¹².

Тем не менее самая молодая буква русского алфавита довольно быстро получила официальное признание в примечании, которое составил А. Х. Востоков для учебника русского языка и литературы «Краткое руководство к Российской словесности» (СПб., 1808), написанного поэтом и педагогом И. М. Борном. Однако в алфавит буква **ё** не входила вплоть до середины XX в., считаясь вариантом буквы **е**.

Впрочем, с той поры **ё** и по сей день используется непоследовательно. Иногда это приводит к недоразумениям. Так, Л. Толстому, например, из-за нежелания типографии возиться с изготовлением литеры **ё** не удалось сохранить правильное написание (и, как следствие, произношение) фамилии одного из главных героев романа «Анна Каренина». Толстой нарек его Лёвиным, а типография вместо

¹¹ Подробнее об этом см.: Власов С. В. К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф. 19–21 ноября 2008 г. / под ред. Б. И. Осипова. Омск, 2008. С. 25–30.

¹² Ср. ироническое обыгрывание в современной литературе такой «патриотической» точки зрения: Подлец Карамзин — придумал же такую букву «Ё». Ведь у Кирилла и Мефодия были уже и Б, и Х, и Ж... Так нет же. Эстету Карамзину этого показалось мало... (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги Командора).

этого набрала совсем другую фамилию — Левин. Да и имя самого автора следовало бы писать с буквой ё — Лёв, как, собственно, его и звали близкие люди.

Графъ Лёвъ Николаевичъ Толстой

род. 1828.

ИЗЪ РОМАНА АННА КАРЕНИНА
томъ II, часть III, главы XI и XII.

XI.

Въ половинѣ іюля къ Лёвину явился староста сестриной деревни, находившейся за-двадцать вёрстъ отъ Порховскаго, съ отчётомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ имѣнія сестры получался за задвинные луга. Въ прѣжніе годѣ покосы разбирались мужиками по двадцати рублѣй за десятину. Когда Лёвинъ взялъ имѣнье въ управленіе, онъ, осмотрѣвъ покосы нашёлъ, что онѣ стоятъ дороже, и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублѣй.

Отрывок из «Анны Карениной» Л. Толстого
(страница из хрестоматии¹³ с ё и расстановкой ударений)

До сих пор эта буква занимает в русской азбуке положение «сиротки-приёмша». Объясняется это тем, что, во-первых, буква ё относительно новая и традиция ее обязательного употребления ко времени кодификации не успела сложиться; во-вторых, долгое время (на протяжении XVIII — первой половины XIX вв.) в книжном произношении существовала вариативность одних и тех же форм с переходом и «непереходом» /e/ в /o/ (*сестры* — *сѣстры*, *идет* — *идѣт*, *рев* — *рѣв* и т. п.), а также вариативность в произношении однокоренных слов (*свёрла* — *сверлит*, *сѣстры* — *сестрин*, *бѣдра* — *набедренник*) — вариативность, не очень уместная в орфографии, ведущим принципом которой является морфологический. Впрочем, сама эта вариативность подпитывается необязательностью употребления ё.

Уже в принятом 11 мая 1917 г. «Постановлении совещания Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания»,

¹³ Русская хрестоматия: С русско-чешско-сербским словоуказателем 1894 г. / ред.-сост. П. А. Лавров, В. Н. Щепкин. Прага: Эдуард Валечка [Тип. д-ра Эд. Грегга], 1894. С. 161–168.

которое легло в основу орфографической реформы 1917–1918 гг., предлагалось признать употребление буквы *ё* необязательным, хотя и желательным (в случаях *нёс, вёл, всё* и т. п.).

Согласно изданным в 1956 г. «Правилам русской орфографии и пунктуации» *ё* обязательна для употребления лишь в следующих случаях: 1. Когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова, напр.: *узнаём* в отличие от *узнáем, всё* в отличие от *все; совершённый* (причастие) в отличие от *совершенный* (прилагательное) и т. д. 2. Когда надо указать произношение малоизвестного слова, напр.: *река Олёкма*. 3. В специальных текстах: букварях, школьных учебниках русского языка, учебниках орфоэпии и т. п., а также в словарях для указания места ударения и правильного произношения.

Непоследовательность при использовании этой буквы может служить источником орфоэпических ошибок: нередко можно услышать *скабрёзный* вместо правильного *скабрэзный, афёра* вместо правильного *афёра, бытиё* вместо нормативного *бытие* и т. п. Такая ошибка содержалась, например, в первоначальном варианте песни Булата Окуджавы «Прощание с новогодней елкой», где звучали такие строки: *И утонченные, как соловьи, / Гордые, как grenадеры, / Что же надежные руки свои / Прячут твои ухажеры?* И лишь расстановка точек над *ё* в этом тексте заставила автора изменить последнее слово строфы на *кавалеры*, ибо существительное *grenадер*, которое следует произносить с /e/, а не /o/ после /d'/ в последнем слоге, не может рифмоваться с *ухажёром*. В связи с тем, что буква *ё* обозначает только ударный гласный и тем самым является средством обозначения словоформы, произносительная вариативность затрагивает и место ударения (ср. широкое распространение неправильного произношения *свекла́* вм. *свёкла* и т. п.).

Многие считают, что игнорирование буквы *ё* даже привело к изменениям в нормативном произношении некоторых слов. Так, современные орфоэпические словари указывают на произношение *планёр* (< фр. *planeur*) как устарелое на фоне ныне нормативного *плáнер* (< англ. *planer*), на допустимость произношения *берестá* наряду с исконным *берёста, желчь, жёлчный и жёлчность* (при исконных *жёлчь, жёлчный и жёлчность*). Впрочем, неупотребительность буквы *ё* не помешала закрепиться в русском языке произношению *партнё́р, доктринё́р*, несмотря на то что это заимствования из фр. *partnaire, doctrinaire*, — видимо, по аналогии с *актёр, губернёр*

(< фр. *acteur, gouverneur*). Таким образом, вопрос о том, насколько изменение произношения вызвано неупотреблением буквы ё, требует дальнейших исследований.

Возникающие в связи с употреблением буквы ё сложности привели к тому, что в новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации»¹⁴ к формулировкам орфографического свода 1956 г. было добавлено, что рекомендуется употреблять букву ё для указания правильного произношения слова — либо редкого, недостаточно хорошо известного, либо имеющего распространенное неправильное произношение, напр.: *сёрфинг, флёр, щёлочка*, в том числе и для указания правильного ударения, напр.: *побасёнка, осуждённый, новорождённый*; а также в собственных именах — фамилиях, географических названиях, напр.: *Конёнков, Неёлова, Катрин Денёв, Дежнёв*. При этом по желанию автора или редактора любая книга может быть напечатана последовательно с буквой ё.

К началу XIX в. в гражданскую азбуку входило 37 знаков, но среди них все еще оставались дублетные буквы (і и десятеричное, ѵ ижица, ѣ ять, ѳ фита), которые были исключены из алфавита только реформой орфографии 1917–1918 гг.

Вопрос о реформировании русского письма занимал многих ученых и литераторов. Уже В.Е. Адогуров, В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.А. Барсов указывали на бесполезность ѣ, а Н.Г. Курганов высказывался против буквы ѣ¹⁵.

М.В. Ломоносов написал юмористический «Суд российских письмен...», в котором Грамматика выносит на суд Разума и Обычая «великие распри о получении разных важных мест и достоинств»¹⁶, творящиеся между русскими буквами: *Аз жалуется на Он, Ять возмущается поведением Е (который, по его словам, «выгоняет меня из мѣста, владѣнія и наслѣдія, однако я не уступлю. Е недоволен своим селением и веселием, меня гонит из утѣшения: Е, пускай будет довольствоваться женою, а до дѣвиц дела нет»)*, все буквы осуждают *Ер*, который «место занял, подобие как пятое колесо» и т.д. При этом каждая «представляет свое преимущество. Иные хвалятся

¹⁴ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.

¹⁵ Подробнее о «стараниях изгнать лишние буквы, и особенно Ё» см.: *Грот Я. К. Труды*: в 5 т. Т. II. Филологические разыскания. СПб., 1899. С. 652–687.

¹⁶ *Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.*: в 11 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 383.

своим пригожим видом, некоторые приятным голосом, иные своими патронами, а почти все старинною своею фамилиею»¹⁷.

Писатели иронизировали над «грамотеями», которые весьма вольно обращаются с правилами орфографии: «Никто не мудрствует так лукаво, как вывесочные грамотеи. По темному понятию, неясному слуху, они знают, что где-то ставится **ѣ** и где-то **е**, в одном месте вставляется **ѣ**, а в другом не вставляется, одна речь отделяется запятою, а другая точкою. Посмотрите же... где они ставят точки, запятые, **ь**, **е** и **ѣ**? **Въхоть.втрахтьіръ**. Скажите, не лучше было бы, чтоб они не знали ничего о **ѣ** и **е**, о **ѣ** и **ь**?»¹⁸.

Поэтому многие, находя русское правописание «отменно затруднительным», предлагали исключить из состава алфавита лишние буквы: не только дублетные **і**, **ѵ**, **ѳ**, но и **ѣ** (ибо на конце слов после твердых согласных эта буква не нужна, а в качестве разделительного твердого знака можно использовать «па́ерок», т. е. апостроф), и **ь** (предлагая обозначать мягкость согласной двоеточием над ней), и **щ** (поскольку передаваемый им звук можно обозначать буквосочетанием **шч**). Советовали сократить число букв для обозначения гласных (используя надстрочные знаки ^ъ или ^ѣ над **а**, **э**, **и**, **о**, **у**, **ы** в тех случаях, когда эти буквы передают йотированные звуки). Сокращение числа букв, по мнению авторов подобных проектов, служило бы педагогическим целям, ибо «к чему затруднять доступ к благодетельному источнику изъяснять свои мысли посредством знаков?». Так, в 1809 г. журнал «Цветник» опубликовал подробную статью Д. Языкова «Замечания о некоторых русских буквах», где автор, излагая историю создания славянского алфавита, замечает: «Отдавая полную справедливость отцу наших письмен <...>, должно, однако же признаться, что из греческой азбуки перенес он в нашу и такие [буквы], которые там сами по себе или в составлении с другими имели различные выговоры, а у нас получили одинакие /и, і, ѵ, ф, ѳ, о, ѡ/, и еще такие, которые могли составляться /ѣ, ѣ/. Это самое сделало славенское наше правописание отменно затруднительным. <...> Затруднение славенского правописания давно уже заставило выбросить из нашей гражданской азбуки многие буквы, которые, не принося ни малейшей пользы, составляли одно только школьное умничанье; ибо звук их находился или в других знаках,

¹⁷ Там же. С. 388.

¹⁸ *Погодин М. Н.* Прогулка по Москве // Современник. 1836. Т. 3. С. 264.

или мы его потеряли. Несмотря, однако же, на это, все еще в нашей азбуке остается несколько одинаковых букв, из коих некоторые служат загадкою и преткновением»¹⁹. Далее следует подробное доказательство нецелесообразности употребления Ъ и ъ: «Буква Ъ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания. <...> Для меня непонятно, зачем предки наши сделали Ъ сторожем всех согласных конечных букв. Звук, издаваемый им, то есть тупой, находится во всех языках; но кроме нашего ни в котором нет особенного для него знака...»²⁰

Подобных доморощенных реформаторов русской азбуки едко высмеял М. Н. Загоскин. В одном из его сатирических очерков выведен некий литератор, сочиняющий новую русскую азбуку. «А что вы хотите переменить в азбуке?» — спрашивают его. «Говорите тише! — отвечает он. — Я хочу... Но нет, я не смею вам поверить этой тайны. Почем знать, вы не остережетесь, откроете ее другим, и тогда, чего доброго, прежде, нежели моя книга выйдет в свет, какой-нибудь любитель ижицы убьет меня из-за угла камнем»²¹.

Бурный всплеск интереса к различным филологическим и педагогическим проблемам, связанным с русской азбукой, возникает в 20–30-е годы XIX в., после выхода в свет «Пространной русской грамматики» (1827) Н. И. Греча, когда в периодической печати появляются многочисленные отклики на предлагаемые Гречем изменения в составе русского алфавита. Реформаторский проект Греча был, впрочем, весьма умеренным: «излишними» ученый назвал буквы **і, ѵ, ѿ** и **щ**, но при этом настаивал на сохранении **Ѣ**, ибо полагал, что в некоторых случаях его произношение отличается от **е**. Предлагал он также сохранить и букву **э** «для выражения точного произношения некоторых слов, в коих гласная **Е** выговаривается чисто, без присоединения **Й**». «Неосновательным» считал Н. И. Греч требование некоторых писателей изгнать из русского алфавита букву **ѣ** или заменить ее другими знаками.

¹⁹ Языков Д. И. Замечания о некоторых русских буквах // Цветник. 1809. Ч. 2. С. 55.

²⁰ Там же. С. 69.

²¹ Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 1. № 7. С. 71–72.

Тем не менее и этот проект приобрел как сторонников и продолжателей, так и противников. Прежде всего, как и предугадал семью годами ранее М. Н. Загоскин, появились защитники у буквы ижица, которую Греч вовсе «изгонял из алфавитного Эдема». Н. Н. Надеждин опубликовал в «Вестнике Европы» обширное юмористическое стихотворение, в котором от лица гонимой всеми Ижицы обращался с просьбой о заступничестве:

Державный первенец письмен,
Вождь алфавитов неизменной,
Старейший брат среди племен
Великой азбучной вселенной;
Глава согласных и гласных,
О Аз!.. одна из сестр твоих,
Гонимая повсюду злобно,
К тебе подьмет взоры скорбно
И от неистовства врагов
Под твой спешит укрыться кров.
Не откажи в своей деснице
Последней спице в колеснице!..²²

Ижица подробно излагает свою родословную, а также историю алфавита у греков, римлян и славян, где она находила «прием не менее радушный».

Но, о беда!.. трикраты горе!
Четырехкратно ах! увы! —
И в тихой, тихой, скромной доле
Я не сносила головы!
Враги нашли меня — наперли,
Наддали... стиснули, шумят...
Анафемствуют, кричат
И в азбуке мой лик затерли...
За что?.. сама не знаю я!

.....
Не те, конечно, времена:
Сошла с учености цена, —

горестно заключает Ижица свою исповедь.

---

²² Надеждин Н. Н. Уполномоченный от Ижицы. Ижица к Азу // Вестник Европы. 1828. Ч. 162. № 23. С. 187.

Другая юмористическая дискуссия, с подобной же персонификацией буквенных наименований, возникла по поводу буквы **ѣ**. Находившийся в то время в Петербурге Александр Гумбольдт высказал свое мнение о бесполезности буквы **ер** в русском алфавите, на что один из русских литераторов (по-видимому, П. А. Вяземский или А. А. Перовский-Погорельский) ответил статьей в форме челобитной к ученому от обиженной им буквы; эта статья, как и заключительное письмо А. Гумбольдта, была помещена в «Литературной газете»²³. В своем пространном послании буква **ѣ** обращала внимание читателей на свое древнее происхождение и многочисленные заслуги перед отечественной грамматикой, излагая причины, которые служат препятствием к ее исключению из русского букваря: «Никто не осмеливался отвергать действительность мою и оспаривать те заслуги, кои оказала я и донныне оказываю российскому языку. Только в исходе минувшего столетия некоторые безвестные вводители новизны, искавшие славы Эростратов, замышляли лишить меня прав моих; но общее мнение скоро изрекло им правый суд, и нападения их были заглушены окриком наших отличнейших и учнейших литераторов. Что до меня касается, то я с жалостию смотрела на моих ненавистников, и никогда, ни на миг не поселили они во мне страха о моем существовании. <...> Удостоив меня вашим покровительством, вы наложите на них молчание, а меня навсегда оградите от всякого нового нападения». «Мир заключен между нами навсегда!» — восклицал Гумбольдт в ответном послании, соглашаясь с доводами в пользу буквы **ѣ**.

Однако и столь высокое покровительство не спасло **ѣ**, как и остальные «гонимые» буквы, от дальнейших нападков. В 1828 г. П. Л. Яковлев, брат лицейского товарища Пушкина, анонимно издал в Москве свое сочинение, озаглавленное «Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писанную, с присовокуплением портрета и съемка с почерка сего знаменитого мужа». От лица издателя некто кочующий книгопродавец Евгений Третьяцкий рассказывает в ней о своем знакомстве с типографским наборщиком К. А. Хабаровым и обещании издать через двадцать пять лет после смерти последнего труд всей его жизни: «Усовершенствованную русскую азбуку или средства облегчить изучение оной и способ сократить

---

²³ Литературная газета. 1830. 16 апр. С. 172–177.

число русских букв, поясненные примерами». Автор рукописи предлагает «из экономических видов» сократить число букв алфавита, среди которых ему кажутся «бесполезными»: **і** (десятеричное), **щ, ъ, ь, ѣ, э, ѳ, ѵ** и недостающими **іѳ** и **й**. Впрочем, относительно последних Хабаров заявляет следующее: «В моей азбуке они не нужны: Е с двумя точками наверху заменит **іѳ**, а знак $\checkmark$ над **а, е, и, о, у, ы, ю, я** заменит **й**». Такое сокращение числа букв преследует, по мнению автора рукописи, педагогические цели, ибо «к чему затруднять доступ к благодетельному источнику изъяснять свои мысли посредством знаков?»

Сочинение это подробно обсуждалось в нескольких русских журналах. В общем не полемизируя с идеями Хабарова, рецензенты книги единодушно высказывались за то, что «цель, с которою она написана, есть уже, по русской поговорке, старая шутка. Все попытки изменить нынешнюю азбуку, кажется, не достигают своей цели. “Употребление есть тиран”, — говорили древние римляне. И если употребление сие не мешает успехам просвещения, то оставим его в покое и не станем биться из пустяков»²⁴. «Замечания, отчасти справедливые, но — *usus tyrannus*. Нам еще грех пожаловаться на свою азбуку: какова французская, английская?» — вторил рецензент «Московского вестника»²⁵. «Думаем, что предположения г-на Хабарова останутся мечтою <...>. Грустно думать, что он 22 года посвятил изысканиям без пользы, но людей не переучишь. Русский народ привык к **ѣ, э, ѵ, ѣ, ь, щ** и скорее согласится спорить без конца о том, где которую из сих букв ставить должно, но не захочет выкинуть их из азбуки», — замечал Н. А. Полевой²⁶.

Равнодушный прием, встретивший сочинение К. А. Хабарова, не охладил тем не менее пыла ревнителей реформирования русской азбуки. В 1831 г. появился новый проект русской грамматики, предложенный неким А. Буковым (очевидно, это не подлинная фамилия автора, а псевдоним, «рифмующийся» с содержанием сочинения) «не для нынешнего, а для будущего поколения, которое будет идти самую мерною, тихою походкою»²⁷. Здесь автор вновь задавался вопросом, стоит ли излагать русскую азбуку «в полном комплекте

²⁴ Сын Отечества. 1828. Ч. 120. № 8. Отд. 5. С. 81–84.

²⁵ Московский вестник. 1828. Ч. 2. № 17. С. 69–73.

²⁶ Московский телеграф. 1828. Ч. 21. № 11. С. 503–506.

²⁷ Буков А. Введение в новейшую русскую грамматику // Молва. 1831. № 19. С. 1–9.

тридцати пяти букв». Вспоминая о ставших уже историей русского алфавита «зело», «пси» и «кси», он замечал, что «они погибли от своей праздности». Но в составе букваря и до сих пор, по мнению Букова, существуют буквы, которые «нахально поселились в черную сотню и незаслуженно получили право гражданства». Излишними он считает буквы **Э**, **Ъ**, **Ь**, а также и «крючковатое **Щ**, с которым соединено воспоминание о щепетильных подьячих старого века, столь искусно щупавших щедродательных челобитчиков словами *аще, аще бы...*». Рассуждая об употреблении **е** и **ѣ**, он замечает, что «многие подадут голос к искоренению последней — не по бесполезности ее, а по чувству мщения <...>. Сколько раз от ошибочного ее потребления пропускали апелляционные сроки, теряли проценты и целые имения?» Что же касается **ѳ** и **ѵ**, то «разве буквы сии не совершенная амальгама для нашего слуха? <...> Глас народа, глас Божий! А народ редко пишет **ѳ**, так как и букву **ѵ** ставит или невзначай или поневоле».

Предложения расширить употребление букв-дублетов в целях более точной передачи заимствованных слов появлялись, напротив, весьма редко. Например, издатель журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовский регулярно использовал буквы **і**, **ѳ**, **ѵ** в греческих по происхождению словах строго в соответствии с языком-источником, что и было осмеяно Е. А. Боратынским в «Всторической Епіграмме» (1829), ставшей примером орфографической пародии:

Хвала, мастытый нашъ Зоиль!
 Когда-то Дмітрієвъ бѣсилъ
 Тебя счастливыми струнами;
 Бѣсилъ Жуковскій вслѣдъ за нимъ;
 Вотъ бѣситъ Пушкинъ: какъ любимъ
 Ты дальновидными Судьбами!
 Трі поколѣнія пѣвцовъ
 Тебя красой своихъ вѣнцовъ
 Въ негодованье приводилі;
 Пекись о здравіи своемъ,
 Чтобы, подобно первымъ тремъ,
 Другіе трі тебя бѣсилі²⁸.

²⁸ Боратынский Е. А. Всторическая Епіграмма («Хвала, маститый наш Зоил...») // Полное собрание сочинений / ред. и примеч. М. Л. Гофмана. СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1914–1915. Т. 1. 1914. С. 109.

Поэтический итог подобным дискуссиям подвел Д. Минаев в стихотворении «Педагогический приговор (Орфографическая легенда)» (1862):

Посреди огромной залы,
Где скользит вечерний свет,
Грамотеи-радикалы
Собралися на совет.
Бродит мысль по лицам важным,
Хмуры брови, строгий вид, —
И лежал пред мужем каждым
Букв российских алфавит.
Час настал, звонок раздался,
И суровый, как закон,
Перед обществом поднялся
Председатель Паульсон.
Двери настежь, и квартальный
Вводит связанную рать —
Букв российских ряд печальный
Счетом ровно тридцать пять.
Для позора, для допросов
Привели на стыд и срам
Буквы те, что Ломоносов
Завещал когда-то нам.
Не скрывайте ж тайных мук вы,
Не сжимайте бледных губ;
Не одной прекрасной буквы
Мы увидим хладный труп.
Первый враг ваш есть Кадинский²⁹.
Он, о ужас! (*смех и крик*)
Думал шрифт ввести латинский
В благородный наш язык;
И, отвергнутый советом,
Чуть не пролил горьких слез...
Но постойте: в зале этом
Начинается допрос.
«Буква *Ять!*»

И мерным шагом,
Глаз не смея вверх поднять,

---

²⁹ К. М. Кадинский, автор брошюры «Упрощение русской грамматики» (СПб, 1842) и «Преобразование и упрощение русского правописания» (СПб., 1857), ратовал за замену кириллического шрифта латинским.

Перед всем ареопагом
Появилась буква *ять*.
Как преступница, поникла
И, предвидя свой позор,
От новейшего Перикла
Слышит смертный приговор:
«Буква жалкая! Бродягой
Ты явилась в наш язык,
Сам подъячий за бумагой
Проклинать тебя привык,
За тебя лишь называли
Нас безграмотными всех;
Там, где люди *ять* писали,
Е поставить было грех.
Даже избранную братью
Педагогов (*крики: вон!*)
Допекали буквой *ятью*
С незапамятных времен.
Так в тебе гермафродита
Мы признали, — и теперь
Выдти вон из алфавита
Приглашаем в эту дверь!»
Ниц склоняясь, как хилый колос,
Ять уходит.

«На места!»

Раздается новый голос:
«Шаг вперед, мадам *Фита*!
Так как с русским человеком
Кровной связи нет у вас,
То ступайте к вашим грекам...»
Но *Фита* вдруг уперлась:
«Мир ко мне неблагодарен!»
Дама рвется, вся в поту:
«Даже сам Фаддей Булгарин
Век писался чрез *фиту*.
Вашу верную служанку
Не гоните ж...» (*резкий звон*).
И несчастную гречанку
На руках выносят вон.
Та же участь ожидала
Букву *Э* и *Ер* и *Ерь*:
Стража вывела из зала

Их в распахнутую дверь.
 Потеряв красу и силу,
 Всем им в гроб пришлось лечь,
 И теперь на их могилу
 Ходит тайно плакать Греч³⁰.

Поводом к написанию стихотворения послужил ряд совещаний петербургских педагогов-словесников по вопросам об упрощении русской орфографии, которые состоялись в марте 1862 г. В фельетоне К. К. Сунгурова «Орфографическая распря» («Время», 1862, № 3) они также изображались в виде суда: автор называет эти совещания «заседаниями по делу о преступлениях, учиненных нашей орфографией». Значился в повестке дня и вопрос об употреблении отдельных букв. Вот как излагает ход обсуждения присутствовавший на заседании журнальный корректор Капитон Сунгуров: «...Собрание приступило к обсуждению правил употребления отдельных букв. Начали с звука ё. “Следует ли ввести ё в русский алфавит как отдельную букву?” — в такой форме был поставлен президентом вопрос об этом звуке. Как и следовало ожидать, мнения разделились надвое. Мы со своей стороны полагаем, что введение ё как отдельной буквы совершенно излишне. И без нее наш алфавит богат сравнительно с европейскими языками: там в одном языке алфавит состоит из 24 букв, в другом из 25–26, а у нас всех букв 35–36. Мы и с ятем не знаем, как управиться, а тут приходится еще *сочинять* правила об употреблении ё. Пощадите!.. К тому же теперь вообще хлопочут о сокращении штатов... Нет, уж пускай ё остается сверхштатною, как до сих пор была. Пускай она довольствуется той ролью, какую играют, например, в немецком языке **ъ**, или во французском **eu**, **oeu**. Затем предложено было из двух букв, **и** и **і**, одну уволить по третьему пункту и довольствоваться другой, именно буквой **и**. В опровержение приведены были слова: *миръ*, *миръ* и *муро* и еще что-то такое. Приговорили: оставить пока обе буквы в покое и употреблять их там, где они до сих пор употреблялись... Третья буква, рассуждением о которой и окончилось заседание, была э. Предложено было ограничиться одним **е**. При этом кто-то назвал звук э отвесным... Отвесный звук! Это и ново, и мило. Эпитет меткий. Значит, **ъ** — звук горизонтальный?»

³⁰ Поэты «Искры». Библиотека поэта, большая серия. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1987. С. 46–48.

§ 2. Избыточные и недостаточные буквы в русском письме

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. исключила из состава русского алфавита буквы **ѣ, ѓ, ѵ**. Рассмотрим кратко историю этих букв в русском письме.

Буква **і** (и десятеричное) восходит к букве кириллицы **ѣ**, у которой были также варианты с одной и с двумя точками **і**, **ї**. В глаголице ей соответствовала созданная Кириллом буква **ѡ** (и ее вариант **Ѣ**). По своему происхождению древнее кириллическое **ѣ** восходит к букве греческого алфавита **Ι, ι** (йота). В древний период **ι** носила название «ижеи», а позднее также называлась «и с точкой». Название «и десятеричное» буква получила потому, что в древней цифири имела числовое значение 10. Числовым значением она и отличалась от буквы и (иже), которая передавала число 8 и неофициально назвалась «и восьмеричное». Она тоже пришла из греческого алфавита и восходит к букве **Η, η** (эта), от которой ничем по форме не отличалась и имела такую же горизонтальную переключину, как у греческой уставной **Η**. В течение нескольких веков переключина постепенно сместилась, и кириллическая **ѣ** превратилась в **и**. Видимо, уже в древней кириллице **ѣ** и **и** были дублетными буквами, обозначая фонему /i/. С XV в. начали складываться правила графики, регламентирующие употребление этих букв. Для гражданского письма они были узаконены Академией наук в 1758 г.: **и** следовало писать перед согласными и на конце слова (*и́гла, си́ла, нести́*), а **і** — перед гласными и перед **ѣ** (*репети́ціѣ, іере́й, русскі́й*). Исключениями были сложные слова, в которых первая часть оканчивалась на **и** (*пятиуго́льникѣ*). Кроме того, **і** писалось в слове *ми́ръ* в значении 'Вселенная' в отличие от *миръ* в значении 'согласие, отсутствие войны'. В этом случае **і**, наряду с буквой **ѵ** (ижица), помогало различению на письме омофо́нов *ми́ра* (род. ед. от *ми́ръ*) — *ми́ра* (род. ед. от *ми́ръ*) — *му́ра* (род. ед. от *му́ро* — совр. *ми́ро* 'масло с ароматическими веществами, употребляемое в некоторых христианских обрядах'). Так, название романа Л. Н. Толстого «Война и мир» представляет собой антонимическую пару, и распространенное заблуждение, будто бы автор имел в виду мир как вселенную, основано всего лишь на опечатке: при очередном переиздании романа в 1913 г. на первой странице первого тома в заглавии произведения было

ошибочно напечатано *миръ*³¹. Тогда как название поэмы В. Маяковского «Война и миръ» было задумано поэтом как орфографическая антитеза заглавию толстовского романа, что ныне приходится разъяснять в комментариях.

Следует иметь в виду, что до орфографической реформы 1917–1918 гг. у буквы *і*, кроме /i/, было еще одно звуковое значение: в начале слова и между гласными буква *і* передавала фонему /j/ (*іодъ*, *маіоръ* и т. д.). Поскольку *и* и *і* были дублетами, начиная с XVIII в. предпринимались попытки убрать из алфавита одну из них (как правило, *и*), но только орфографическая реформа 1917–1918 гг. исключила букву *і* из русского алфавита, а на ее месте в зависимости от обозначаемой фонемы стали писать *и* (*исторія* > *история*, *миръ* > *мир*) или *й* (*маіоръ* > *майор*).

Еще одной буквой, которая могла обозначать фонему /i/, была ижица — *ѵ*, занимавшая до Орфографической реформы 1917–1918 гг. последнее место в русском алфавите³². Ижица восходит к кириллической *ѵ*, которой в глаголице соответствовала *ѡ*. Видимо, первоначально она предназначалась для передачи греческой буквы *υ* (ипсилон) в заимствованиях. Буква *ѵ*, которая в архаическом греческом произношении эпохи создания глаголицы, видимо, читалась как лабиализованный гласный переднего ряда [ü]. На такое книжное произношение, вероятно, и ориентировались составители первой славянской азбуки. В разговорном же греческом на месте [ü] произносилось [i]. Поэтому славяне в то время обычно заменяли греческий [ü] (*ѵ*) славянскими звуками [i] (и *и*), [ü] (*ю*) или [u] (*ѡѵ*), что отражается написаниями древних памятников: греч. *ύλόστασις*

³¹ «В наше время с его стремлением пересматривать все и вся эта версия стала даже модной. Нет-нет да и встретишь в периодической печати высказывания в пользу “более глубокого” понимания романа Толстого. <...> В статье, посвященной новой постановке в Мариинке оперы Прокофьева “Война и мир”, автор между прочим, в скобках, замечает: “...вспомним, что мир в названии романа вовсе на антоним войне, а общество и, шире, Вселенная” («Литературная газета», 2000, № 12). Так и сказано: “вспомним”!» (Еськова Н. А. Популярная и занимательная филология. М.: Флинта; Наука, 2004).

³² Вопреки распространенному заблуждению, в декрете Совнаркома о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г., как и в прочих документах, связанных с орфографической реформой 1917–1918 гг., об ижице не упоминается, однако именно с этого времени буква полностью вышла из употребления.

‘сущность’ > ст.-сл. *ѹпостась* ~ *оѹпостась* ~ *ипостась*, греч. *μύρον* > ст.-сл. *мѹро* ~ *миро* ‘благовонное масло’. Таким образом сложились условия для дублетности букв *ѹ* и *и/і*.

Вследствие того что древней кириллице ижица использовалась как элемент диграфа *оѹ* (глагол. *ѡв* > *ѡ*), обозначавшего фонему /u/, с последующим изменением *оѹ* → *ѹ* (в гражданском шрифте *у*), начертание отдельно используемой ижицы изменилось: *ѹ* → *ѵ* (в гражданском шрифте *в*).

Вводя гражданский шрифт, Петр I первоначально, видимо, не собирался включать в него ижицу: предполагалось, что в зависимости от произношения вместо *ѵ* можно было писать в или *і*. Однако в окончательном варианте шрифта 1710 г. Петр ее оставил. В 1735 г. ижица была снова отменена, а в 1758 г. в очередной раз восстановлена, но в дальнейшем употреблялась все реже и почти не использовалась для передачи /v/.

Еще одной жертвой орфографической реформы 1917–1918 гг. была фита — *ѳ*, занимавшая предпоследнее место в составе дореформенного русского алфавита. Как начертание, так и само название фиты восходят к греческой букве *θ* (др.-греч. и визант. название *θῆτα*, в рус. традиции *тѣта*). В древнегреческом *θ* имела звуковое значение [t^h] (придыхательное), но в греческом языке византийского периода *θ* читалась как межзубный щелевой глухой согласный [θ] (примерно соответствующий произношению первого английского согласного в слове *think* ‘думать’).

В первоначальной глаголице фиты, видимо, не было, а глаголическая *ѳ* представляет собой более позднее заимствование буквы *ѳ* уже из ранней кириллицы, где она была предназначена для передачи греческого /θ/ в словах, заимствованных из греческого. В произношении двуязычных славянских книжников такой согласный, видимо, существовал, однако славяне, в языке которых подобного звука не было, обычно заменяли его своим звуком /t/ (ср. греч. *Μάρθα* > ст.-сл. *марѣта* / *марѣѳа* / *марѣта*). Иногда славянские книжники в процессе заимствования заменяли /θ/ фонемой /f/, которой также не было в то время в славянской фонетической системе, но, возможно, такое произношение было более приемлемо для славянских книжников, контактировавших с греками. Для передачи греческого [f] служила буква *Ѵ* (ферт) (ср. греч. *φάρισαῖος* > ст.-сл. *фарисей*). Отсутствие в древних славянских языках звуков [f] и [θ] в конце концов способствовало смешению букв *Ѵ* и *ѳ* в текстах славянских,

а потом и русских книжников, которые не владели греческим произношением, что привело к дублетности букв.

В дореформенном русском письме буква **ѳ** получила то же звуковое значение, что и **ф** — /f/: ср. *ѳиміамъ* (совр. *фимиам*, но *тиміанъ* — совр. *тимьян*), *ѳома* (*Фома*, но *Томъ*), *Марѳа* (совр. *Марфа*) — хотя изредка (в словах с корнем *ѳео-* из греч. *θεός* ‘бог’) в ряде случаев передавала и фонему /t/: *ѳеологія* (*теология*), *ѳеогонія* (*теогония*), *ѳеократія* (*теократия*). Буква **ѳ** оценивалась как избыточная для русского алфавита уже в филологических сочинениях XVIII в. Орфографическая реформа 1917–1918 гг. исключила фиту из алфавита, а вместо нее стали писать букву **ф**. С утратой буквы **ѳ** стали выходить из употребления и устойчивые выражения, связанные с ее названием (напр., *У нее ротик фитою*), а также шуточные пословицы на тему учебы (ср. *От фиты подвело животы* или *Фита да ижица, к ленивому плеть движется*).

Буква **ѣ** (ять) первоначально служила для обозначения особой фонемы /ě/, которая реализовывалась закрытым передним гласным средневерхнего подъема типа [ê] или дифтонгоидом [ie]), и отличалась от более открытой фонемы /e/, обозначавшейся другой буквой — **е**. Однако к XVIII в. фонема /ě/ в московском городском койне (московском просторечии) окончательно совпала с /e/, в результате чего буквы **ѣ** и **е** стали обозначать одну фонему /e/. Это послужило основой для смешения букв **ѣ** и **е**, особенно в нецерковных текстах. Впрочем, в XVIII в. различие между **е** и **ѣ** еще могло находить поддержку в произношении, но не в разговорном, а в книжном (церковном), которое, однако, воспринималось грамотными носителями языка как литературное. В искусственном книжном произношении парные согласные перед **ѣ** произносились мягко, а перед **е** — твердо. Так, в словах *мѣдъ* и *медъ* первые слоги в книжном произношении различались, но, с фонологической точки зрения, различались они не гласными, а согласными: [m'ě] ↔ [me].

Фактически в письме, ориентирующемся на книжное, а не на разговорное произношение, пара **е** — **ѣ** функционировала так же, как **а** — **я**, **у** — **ю**, в которых второй член пары указывал на мягкость предшествующего согласного. Поскольку церковное произношение к началу XIX в. практически сошло на нет, то и различие **ѣ** и **е** потеряло последнюю поддержку в каком бы то ни было произношении. С последней четверти XVIII в. написание **ѣ** сохранялось лишь в силу традиции, законсервированной в церковном письме, которое

послужило основой для кодификации орфографии нового русского литературного языка, пришедшего на смену церковнославянскому: ср. *льчу* (от *льчить*) и *лечу* (от *лететь*), *ѣсть* (принимать пищу) и *есть* (3 л. ед. ч. от *быть*).

Видимо, именно обозначение твердости/мягкости имели в виду грамматические руководства XVII в., когда указывали на недопустимость смешения **Ѣ** и **е**: «А и самим бы вам знати же естество словес... паче же ять с естем разнити, еже бы не рещи вмѣсто ПѢНІЯ ПЕНІЕ, и вмѣсто ПѢТИ ПЕТИ, и вмѣсто СѢСТИ СЕСТИ, и вмѣсто НѢСТЬ НЕСТЬ, и вмѣсто ЛѢТО ЛЕТО, и вмѣсто РѢЧИ РЕЧЬ, и прочая таковая. Сие бо вельми зазорно и укорно, еже ять вмѣсто ести глаголати, тако же и есть вмѣсто яти. От сего бывает велие несмысльство учению»³³. Однако уже в «Лиродидактическом послании княгине Е. Р. Дашковой» (1791) Н. П. Николева содержится прямое указание на то, что в литературном языке этой эпохи произношение **Ѣ** совпадает с произношением **е**:

Меж тем, где «Ѣ» писать и «е»,
На то закон, примета есть;
Труда не зрит писатель в этом.
Привыкши Росс вещати *свѣтъ*,
Не скажет вечно он *свѣтъ*.
За что ж за ѣ браниться с светом?

Лишившись фонетической основы, написание **Ѣ** стало вызывать немало трудностей в процессе обучения правописанию, а поскольку правила употребления буквы были достаточно сложны, ученикам приходилось просто зазубривать множество слов, в которых следовало писать **Ѣ**. Этому помогали подобного рода мнемонические стишки:

Бѣдный, блѣдный, бѣлый бѣсъ
Убѣжалъ бѣзь дѣла въ лѣсъ.
Цѣлый дѣнь по лѣсу бѣгалъ,
Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдалъ,
И, отвѣдавъ тотъ обѣдъ,
Далъ обѣтъ надѣлать бѣдъ...
Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,

³³ Следованная Псалтырь 1645 г. Цит. по: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. С. 235.

Вѣжа и желѣзо съ ять —
 Такъ и надобно писать...
 Вѣтеръ вѣтки поломалъ,
 Нѣмецъ вѣники связалъ,
 Свѣсилъ вѣрно при промѣнѣ,
 За двѣ гривны продалъ въ Вѣнѣ...

С буквой **Ѣ** писались около 120 корней и некоторые грамматические формы:

- окончание дательного и предложного падежей ед. ч. существительных: *къ школь, въ моръ*;
- регулярные окончания сравнительной и превосходной степени: *быстрѣе* (и *быстрѣй*), *быстрѣйший* (но *тише, глубже, дешевле* — старая нерегулярная форма сравнительной степени писалась с **е**);
- формы местоимений: *мнѣ, тебѣ* (но *меня, тебя*), *чѣмъ* (но *о чемъ*), *съ кѣмъ, тѣ, всѣ* (но *вотъ это все*), *всѣмъ, всѣхъ* (но *обо всемъ*)³⁴; *онѣ* (форма ж. р. в отличие от *они* — формы м. и с. р.), напр.: *Они и онѣ* — название раздела статьи И. Анненского «О современном лиризме», посвященного поэтам и поэтессам;
- формы ж. р. числительных *двѣ* (и производные от нее *двѣнадцатый, двѣсти*), *обѣ, обѣихъ, обѣимъ, обѣими; однѣ, однѣхъ, однѣмъ, однѣми* (в отличие от *одни* — формы м. и с. р.), напр.: *Навстрѣчу мнѣ / Только версты полосаты / Попадаютъ однѣ* (А. Пушкин);
- большинство предлогов и наречий: *вездѣ, вмѣстѣ, внѣ, возлѣ, гдѣ, здѣсь, кромѣ, нынѣ, послѣ* и др. (но *вовсе, во-*

³⁴ «У А. С. Грибоедова в комедии “Горе от ума” есть такая строчка: *Всѣ / Все врутъ календари!* И то, и другое по смыслу возможно, более того, значит примерно одно и то же: либо “нет такого календаря, который правдив”, либо “всѣ, что сказано в любом календаре, — неправда”. Но тем не менее, что имел в виду Грибоедов? Наверное, нужно найти дореволюционное издание и посмотреть? Нашли, посмотрели и обнаружили, что встречается и тот, и другой вариант, то есть с полной достоверностью судить о том, что имел в виду Грибоедов, нельзя. Так что даже старая орфография здесь не помогает» (Плунгян В. А. Русская дореформенная орфография: Как? Почему? Зачем? // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Новосибирск, 2017. Вып. 2. С. 18).

обще, вотще, всуе, нынче, прежде, теперь и др.), а также производные от них слова: *внѣшній, здѣшній, кромѣшный, нынѣшній* и др.;

- приставка *нѣ-* со значением неопределенности: *нѣкто, нѣчто, нѣкій, нѣсколько, нѣкогда* ‘когда-то’ и слово *нѣтъ* (хотя в отрицательных приставке и частице *не* следовало писать *ѣ*: *ненавидитѣ, негдѣ, не за что, не съ кѣмѣ, не знаетѣ, некогда* ‘нет времени’); а также приставка *внѣ-*: *внѣочередной, внѣплановый*;
- все формы глаголов на *-ѣть* (кроме *умерѣть, теперь, перѣть*) и образованные от них существительные: *имѣть, имѣеть, имѣль, имѣніе*; согласно этому правилу следовало писать *потемнѣніе* (от *потемнѣть*) и *обрусѣніе* (от *обрусѣть* ‘стать русским по культуре, языку, обычаям и т. п.’), но *затемненіе* (от *затемнить*) и *обрусеніе* (от *обрусить* ‘привить кому-л. русскую культуру, язык, обычай’).

Что же касается внушительного списка корней, которые следовало писать через **Ѣ**, то можно сформулировать некоторые общие принципы употребления этой буквы.

Во-первых, эти корни должны иметь исконно славянское происхождение (кроме названия австрийской столицы *Вѣна*, а также некоторых весьма древних заимствований: *хлѣбѣ, Днѣпрѣ, Днѣстрѣ*).

Во-вторых, **Ѣ** пишется в таких корнях, в которых звук /e/, находящийся под ударением и стоящий перед твердым согласным, не переходит в /o/: *дѣва, но жена* (ср. *жѣны*), *мѣловой* (ср. *мел*), но *медовый* (ср. *мѣд*) и т. п. Впрочем, из этого правила есть немало исключений. Напр., *гнѣздо, звѣзда, издѣваться, приобрѣсти, сѣдло, цвѣтъ* (хотя в этих корнях наблюдается чередование /e/: /o/: *гнѣзда, звѣзды, издѣвка, приобрѣл, сѣдла, цвѣл*). С другой стороны, в церковнославянизмах (*небо, чудеса, учредить* и многих других) **Ѣ** не пишется несмотря на отсутствие чередования /e/: /o/.

В-третьих, **Ѣ** не пишется в таких корнях, в которых /e/ чередуется с нулем звука, т. е. является беглым гласным *день* (ср. *дня*), *левѣ* (ср. *льва*; но *лѣвый* и краткая форма этого прилагательного *лѣвъ*), *лей* (ср. *лью*), *конецѣ* (ср. *конца*) и т. д.

В четвертых, **Ѣ** никогда не пишется после шипящих: *шерсть, шесть, черта* и т. д.

В пятых, **Ѣ** никогда не пишется в полногласных и неполногласных сочетаниях: *береза, середина, среда, время, время, берегъ, брегъ, млечный* (за исключением слова *плинь*).

«Таким образом, наиболее сложный случай написания **е** и **Ѣ** — те контексты, где после современного **е** следует мягкий согласный (или группа согласных), как в словах *лень* или *медь*: в них древние **е** и **Ѣ** совпали, и написание остается только запоминать (особенно если не действуют и остальные общие принципы). Иногда можно опираться на другие славянские языки, но тоже далеко не всегда, все равно остается очень большая зона неопределенности. Вот некоторые ряды внешне очень похожих, но пишущихся по-разному слов:

Ѣ	Е
вѣтеръ, вѣтвь, вѣдать, вѣщать	вечеръ, ветхій, ведрó, вещь
мѣдь, клѣть, снѣдь, сѣть	камедь, лебедь, сельдь, плеть
дѣва, дѣдъ, дѣти, человѣкъ	деверь, девять, десять
лѣпить, лелѣять	лепетать, лепестокъ
звѣрь	вепрь, дверь
лѣнь, тѣнь, сѣнь, мѣль	олень, осень, мель, мельница
желѣзо	железа
апрѣль, свирѣль, цѣль	ель, капель, купель, форель
рѣдка, рѣпа, рѣшето	редиска, репей, решка
нынѣ, возлѣ, гдѣ, вездѣ	нынче, прежде, теперь
вѣсть, совѣсть	лесть, мечь, течь, честь, шесть
колѣно, полѣно, телѣга, сѣно	колесо, звено, пшено, веретено
сѣмя	семь, семья; племя, стремя, темя ²⁹

До недавнего времени начертания букв, исключенных орфографической реформой 1917–1918 г., можно было увидеть разве что на страницах книг, изданных до 1918 г., или на дореволюционных памятниках, которые уцелели после революционных потрясений, а их названия встретить во фразеологизмах и произведениях русской литературы. Например, в пушкинской эпиграмме на поэта Федора Глинку: *Наш друг Фита Кутейкин в эполетах, / Бормочет нам растянутый псалом: / Поэт Фита, не становись Фертом! / Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!* Здесь обыгрываются названия букв: 1. «фита», так как именно литерой **ѳ**, с которой в соответствии с правилами старой орфографии начиналось его греческое по происхождению имя **Ѳедоръ**, подписывал Глинка свои стихотворения;

³⁵ Из статьи: *Плунгян В. А.* Русская дореформенная орфография: Как? Почему? Зачем? С. 16.

2. «ферт» (Ф), обозначавшей, как и фита, фонему /f/ и благодаря своему начертанию вошедшей в фразеологизм *фертом стоять* (*становиться, смотреть*) ‘самодовольно (первонач. — подбоченившись, так, что похоже на букву Ф)’; 3. «ижица» (ѵ), которая занимала последнее место в алфавите.

В последнее время, однако, изгнанные буквы дореформенного алфавита постепенно возвращаются — на городские вывески, в названия фирм и товаров, имена которых принято ныне изображать в их исконном орфографическом облике: монпансье «Ландринъ», фильм «Импери́я подъ ударомъ», телепередачи «Вѣди», «Русский ми́ръ» и др.

Итак, на протяжении своей истории русский алфавит как терял отдельные буквы (і, ѵ, ѿ, ѣ), так и обогащался новыми (й, э, ё). Некоторые отечественные филологи XVIII в., занимавшиеся проблемами русского письма, полагали, что в нем еще не достаёт букв для обозначения некоторых звуков русского языка.

Например, актуальным для литературного языка XVIII в. был вопрос о необходимости создания буквенной пары для обозначения фрикативного согласного [ɣ] и [g] взрывного (*бла[ɣ]о, а[ɣ]нец*, но [g] *ород, я[g]ненок*). Современная орфоэпическая норма диктует употребление фрикативного варианта только в междометиях *ага, ого, угу, господи*, существительном *бухгалтер* и (факультативно) в формах словах *бог*. Однако в XVIII — первой половине XIX в. фрикативное произношение было признаком высокого стиля (например, согласно «Грамматике» (1794) А. Д. Байбакова, г в слове *гром* в фразе «Господи, глас грома Твоего грядет» следовало неукоснительно произносить как [ɣ], то же слово в фразе «гром гремит» произносится со взрывным звуком). Вопрос этот был поставлен уже В. Е. Адодуровым (в § 5 его «Грамматики» 1738–1740 гг.), который считал полезным вслед за «малороссиянами»³⁶ ввести в русскую азбуку «литеру г, которая произношением сходна с латинским или с польским g», для передачи характерного для разговорного московского произношения взрывного [g], поскольку «литера г» уже была занята и обозначала фрикативное [ɣ] (или [h]), свойственное книжному произношению³⁷.

³⁶ В юго-западных (малорусских) памятниках письменности буква г отмечает с XVI в. и называется «гамма».

³⁷ Различие между русской и украинской ситуациями состояло в том, что в украинском письме буква г должна была передавать [g] в заимствованиях

Вслед за Адодуровым проблему новой буквы для [g] подробно затронул В. К. Тредиаковский в «Разговоре об орфографии» (1748)³⁸. Он предлагал оставить за кириллическим «глаголем» (г) функцию обозначения звука [γ], для [g] же ввести в русский алфавит букву ġ (восходящую к курсивному или декоративному начертанию греческой гаммы — γ), у которой, по описанию Тредиаковского, «верхний кончик молоточком сделан». Он упоминает и другие предложения по поводу рисунка этой литеры: «Некто из искусных людей, которых я к себе благосклонность почитаю, вымышляет сей букве две фигуры, а именно сию Ĩ и сию L, но мне сие не нравится, ибо они обе странны и дики очам российским».

Любопытны рассуждения Тредиаковского и о том, как можно было бы назвать новую букву: «Но какое ж бы вы имя наложили новой вашей букве, ибо Кирилл, почитай, всем своим дал имена знаменательные? — Можно б ее назвать *голью*, для того что сия камка так у нас выговаривается; чего ради и поставлена теперь на сей бумажке, в имени ее латинская буква (g), с которой она сходствует. — ...Лучше б ее назвать *газом*. Имя *голь* бедности есть прознаменование. — ...Я об имени новой букве не весьма забочусь: пускай господин Употребление, буде за благо рассудит ее принять, сам наложит ей имя и прозоветь хоть *голью*, хоть *газом*, хоть *гаммою*, как ему угодно будет».

Активным противником этого нововведения был М. В. Ломоносов, в ходе полемики написавший стихотворение «О сомнительном произношении буквы Г в российском языке» (1748–1754):

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят.
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят.
Драгие ангелы, пригожие богини,
Бегущие всегда от гадкия гордыни,
Пугливы голуби из мягкого гнезда,

из других языков, а в русском — свой собственный звук [g] в обиходных русских словах.

³⁸ «Можно сказать... что подлинник сей буквы находится у нас без копии», — сетовал Тредиаковский. «Нужда в букве необходимая, а трудность в введении, почитай, непреодолимая. <...> Во-первых, сие весьма трудно, ежели ученых переучивать, а с другой стороны, толь сие смешным покажется всем, что подлинно сумасбродным заводчика называть в глаза будут» (Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... С. 380–386).

Угодность с негою, огромные чертоги,
 Недуги наглые и гнусные остроги,
 Богатство, нагота, слуги и господа.
 Угрюмы взглядами, игрени, пеги, смуглы,
 Багровые глаза, продолговаты, круглы,
 И кто горазд гадать и лгать, да не мигать,
 Играть, гулять, рыгать и ногти огрызать,
 Ногаи, болгары, гуроны, геты, гунны,
 Тугие головы, о иготи чугуны,
 Пневливые враги и гладкословный друг,
 Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг.
 От вас совета жду, я вам даю на волю:
 Скажите, где быть *га*³⁹ и где стоять *глаголю*?⁴⁰

Ломоносов этим стихотворением, изобилующим словами с буквой г, желал, очевидно, показывать, что при наличии вариативности в произношении звука, обозначаемого буквой г (одни слова произносились с [γ] (*бла[γ]о*), другие — с [g] (*[g]усь*), а многие и с [γ], и с [g] в зависимости от стиля — *[γ]ромъ* и *[g]ромъ*), нецелесообразно вводить, как предлагал Тредиаковский, отдельную букву г для [g]. Ломоносов считал, что в книжном (ораторском) произношении следует читать г как [γ], а в иностранных словах г — как [γ], где пишется **h**, и как [g], где пишется **g** в языке-источнике. Однако в своей «Российской грамматике» он предусмотрительно отказался давать четкие рекомендации относительно того, в каких словах нужно следует произносить [γ] (по-книжному), а в каких — [g] (как в «простых разговорах»). Кроме того, принимая во внимание, что буква г может обозначать не только [γ] и [g], но также [v] («моего, *сильнаго* говорят *моево, сильнаво*»), [к] и [х] («выговаривают *нохти, друкъ, Бохъ*»), он указывал, что «для чужестранных выговоров (т.е. для иностранного [g]. — С.Д.-Д., М.П.) вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною понимаемся» (Российская грамматика, § 88, 102). Надо признать, что стратегически Ломоносов оказался прав, так как произносительная норма быстро менялась: круг слов, где произносится [γ], неуклонно сокращался.

³⁹ Видимо, сокращенное название буквы г (гамма), используемой в юго-западных (малорусских) памятниках для передачи [g] в заимствованных словах.

⁴⁰ Ломоносов М. В. О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке // Полное собрание сочинений. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 580–583.

Впоследствии не раз звучали предложения ввести, напротив, специальное обозначение для звука [ү], для чего к букве глаголь следовало добавить тот или иной диакритический знак: **ґ**, **ґ̣**, **ґ̣̣** и т. п.⁴¹

В конце XIX — начале XX в. предпринималась попытка ввести в русскую письменность букву с надстрочным диакритиком — **Э̣**, для передачи не смягчающего предыдущий согласный лабиализованного гласного переднего ряда типа [œ], который встречается преимущественно в заимствованных собственных именах (*Гэте*, *Шлэцер*, *Сент-Бэв*, *Бэрнс*).

Уже в начале XX столетия учитель А. Г. Герасимов предложил дополнить русский алфавит буквой **Ж̣** (по аналогии с **Щ**) для обозначения долгого мягкого [ž:] в словах типа *ежсу*, *вожси*, *пожсе* и т. п.⁴²

§ 3. Некоторые неосуществленные предложения по реформированию русского алфавита

Некоторые исследователи — энтузиасты системности считали недостатком русского алфавита беспорядочное расположение букв (что, впрочем, присутствует и в других алфавитах), и полагали, что «первою задачей должно быть приведение букв азбуки в правильный порядок, основанный на свойстве изображаемых ими звуков»⁴³. В одном из таких проектов «первыми в азбучном порядке» предлагалось поставить гласные буквы, согласные же расположить «по порядку клавишей произношения, то есть: губные сжатые, отверстые, зубные, поднебные и гортанные»: **а, е, и, о, у — б, п, м — в, ф — з, с, ц, л — н, ж, ш, ч, р — д, т — г, к, х**⁴⁴.

Другие же ученые, напротив, настаивали на том, что последовательность букв в русской азбуке, как и в любой другой, имеет символический смысл, а сами имена букв составляют связный текст. Так, символическое значение видит в азбучном именнике А. Буков: «В их звуках — моя философия: я нахожу в них первое впечатление младен-

⁴¹ Подробнее см.: *Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1884. С. 261.

⁴² *Герасимов А. Г.* Подарок неизгнанного неба «рожок-сам-гудок», или Новые песни, новые речи, новая грамота. М., 1901.

⁴³ *Грот Я. К.* Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я. К. Гротом [1885]. 22-е изд. СПб., 1916. С. 2–3.

⁴⁴ *Анастасевич В. Г.* Нечто о Российской абевеги // Улей. 1811. № 2. С. 95–103.

чества, знание, способность говорить — драгоценное преимущество человека <...>. Я усматриваю постепенность, достойную подражания: развитую мысль первоначального существования. Аз — человек родится; Буки — страшится всего в младенчестве; Веди — начинает познавать; получает Глагол (слово) и уверяется, что Добро Есть, Живет на Земле»⁴⁵. О. Евецкий, полагая, что каждая азбука «в первообразе» имеет некий символический, «мистический смысл», поскольку сами названия букв соответствуют «именам предметов либо физических, либо метафизических на том языке, которого азбуку составляют», приходит к заключению о том, что первоначально славянский алфавит состоял только из 19 букв, «имена которых составляют следующий связный текст: “Я, Бог Всеведущий, заповедываю: хорошо есть жить произрастениями земли и, подобно людям, мыслить. В том наш покой. Произноси наставление (сие) с чувством”»⁴⁶. В одном из следующих номеров «Телескопа» Евецкому возражал рецензент, скрывшийся за литерой К.: «Не проще ли отпирается ларчик?.. Аз Буквы Ведый. Глагол Добро Есть Зело! Земля И Иже (на ней) Люди! Мыслите: Наш Он Покой! Рцы Слово Твердо. <...> Далее идут по дошедшей до нас азбуке слова без смысла: Ук, Ферт, Хер, которые, может быть, вставлены и после, без долгого умничанья <...> но потом опять проглядывает смысл: От Цы Червь Ша Ща. Не окончание ли это какого глагола при воспоминании об отцах?.. Б, Ж, К и другие некоторые буквы прибавлены после. <...> Червь, или Чер — Ша Ща — может быть, это окончание от дошедшего до нас в виде Ук, Ферт, Хер, а в самом деле первоначально выговаривавшегося иначе?»⁴⁷

Наконец, неоднократно предпринимались попытки создания нового алфавита, в котором кириллические символы соседствовали бы с буквами латиницы, а также высказывались предложения о полном переводе русской письменности на латиницу⁴⁸. Так, в 1833 г. в Москве был издан труд неизвестного автора «Новые усовершенствованные литеры для русского алфавита» (по другому заглавию: «ОПЫТ WEDENIЯ NOVЫН RUSSKIH LITER»). Создатель этого по-

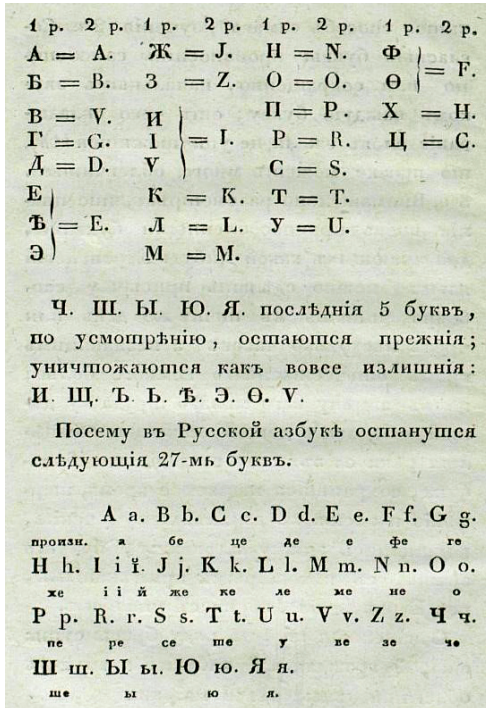
⁴⁵ Буков А. Введение в новейшую русскую грамматику // Молва, 1831. № 19. С. 7.

⁴⁶ Евецкий О. Гипотетический ход человеческого ума, изобретающего графику // Телескоп. 1832. Ч. 8. № 7. С. 325.

⁴⁷ К. О русской азбуке. Отрывок из письма // Телескоп. 1832. Ч. 7. № 23. С. 430–432.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: *Narloch A.* О латинизации русского письма в XVIII–XIX вв. // *Studia Rossica Gedanensia*. 2014. № 1. С. 38–50; *Алпатов В. М.* Русская латиница Н. Ф. Яковлева // *Научный диалог*. 2015. № 3 (39). С. 8–28.

собия намеревался «улучшить ныне употребляемую азбуку: переменить в оной некоторые буквы... к заимствованным прежде из латинской принять или приспособить еще несколько букв, а излишние вовсе уничтожить», что «послужило бы великим удобством не только к скорому и правильному познанию русского чтения и письма, но и приуготовило бы к начальному изучению европейских языков»⁴⁹. Буквы **ѣ** и **ѡ** автор «Орыта» предлагал уничтожить вовсе, заменив первый дефисом, а второй — апострофом, в результате чего русская азбука выглядела бы следующим образом (см. рис.).

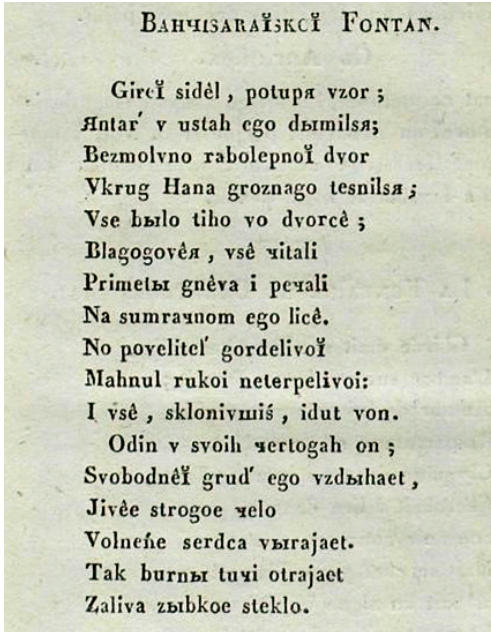

Опытъ введения новыхъ русскихъ литеръ
(ОПЫТЪ ВЕДЕНІЯ НОВЫХЪ РУССКИХЪ ЛИТЕР)

⁴⁹ Опытъ введения новыхъ русскихъ литеръ (ОПЫТЪ ВЕДЕНІЯ НОВЫХЪ РУССКИХЪ ЛИТЕР): Новые усовершенствованныя литеры для русскаго алфавита, или Удобнѣйшее средство учиться чтенію и письму Русскому даже и иностранцамъ, приспособленное вмѣстѣ къ изученію всѣхъ Европейскихъ алфавитовъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ Историческихъ замѣчаній о употребленіи буквъ у Древнихъ и Новыхъ народовъ. М.: Тип. Августа Семена, 1833. С. 6.

Вот фрагмент поэмы А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в новой записи:

Универсальный алфавит, объединивший кириллические и латинские буквы, предложил теоретик и практик бухгалтерского дела Ф. В. Езерский. Его орфографические опыты были опубликованы в виде отдельной брошюры «Международная азбука. Одинаковые буквы на все языки» (СПб., 1885). Выглядел этот новый алфавит следующим образом:

А а,	вместо русского А а,	и латинского А а,
Е е,	”	Е е, ”
І і,	”	І і, ”
О о,	”	О о, ”
У у,	”	У у, ”
Б б,	”	В в, ”
П п,	”	Р р, ”
Д д,	”	Д д, ”
Т т,	”	Т т, ”
Ж ж,	”	” J j и G g,

З з,	вместо	русского	З з,	и	латинского	Z z,
К к,	„	„	К к,	„	„	К к,
Л л,	„	„	Л л,	„	„	Л л,
М м,	„	„	М м,	„	„	М m,
Н н,	„	„	Н н,	„	„	Н n,
Р р,	„	„	Р р,	„	„	Р r,
С с,	„	„	С с,	„	„	С s,
W w,	„	„	В в,	„	„	W w. V v.
F f,	„	„	Ф ф,	„	„	F f,
Ш ш,	„	„	Ш ш,	„	„	ch sch,
Ц ц,	„	„	Ц ц,	„	„	Z z,
Ч ч,	„	„	Ч ч,	„	„	cz cz,
Г г,	„	„	Г г,			G g,
Х х,	„	„	Х х,	„	„	ch h,

В издание вошла также небольшая хрестоматия, содержащая ряд классических стихотворений, набранных реформированной азбукой:

Бура· мгlou· небо кроет,
 Vixri snejni·e kruta
 То как zve·r· ona zavoet,
 То zaplachet, как dita·
 То по krovle obvetshaloi·
 Vdrug solomoi· zashumit,
 То, как putnik zapozdalii·,
 K nam v окошко zastuchit

Послереволюционная эпоха, которая совпала с периодом усвоения результатов орфографической реформы, привела к интенсификации языкового строительства в СССР, в частности выразившегося в работе по созданию новых алфавитов для бесписьменных языков народов страны. В этой атмосфере появляются многочисленные работы по теории письма, а также новые проекты реформирования русского алфавита. 1920-е гг. — это время становления и фонологии, которая сильно повлияла на развитие теории письма и на практику языкового строительства. Существующие и создающиеся алфавиты стали оцениваться с точки зрения того, насколько удачно они отражают фонологическую систему языка. Так, А. А. Реформатский, один из будущих основоположников Московской фонологической

школы, в 20–30-е гг. XX в. активно занимавшийся проблемами грамматики и полиграфии, в работе с красноречивым названием «Лингвистика и полиграфия» писал: «Для того чтобы определить, каким требованиям должен удовлетворять шрифт, как реальный носитель фонографического принципа письма, мы должны проанализировать эту графическую сторону шрифта и алфавита. <...> С алфавитной стороны шрифт должен представлять собой систему, графически отражающую фонематическую систематику; например, соответствующие непалатальные и палатальные в основном контуре должны совпадать, что указывает на их общий тип, различаться же они должны по добавочным признакам»⁵⁰. С этих позиций он оценивает пару **ш** и **щ** как очень удачную⁵¹ и, наоборот, считает, что гласные буквы в графическом отношении не обладают ни индивидуальной, ни групповой дифференциальностью, которыми должен обладать рациональный алфавит: буква **я** никак не соотносится с **а**, **ю** — с **у**, а соотношение **е** — **ё** — **о** даже вводит в заблуждение, так как **ё** графически соотносится с **е**, хотя фонологически должно быть парой к **о**⁵².

В контексте теоретических рассуждений большой интерес представляет проект реформирования русского алфавита, предложенный И. Ф. Толмачевым, служащим Северо-Кавказской железной дороги, о котором известно из его сохранившегося письма от 14 августа 1929 г., направленного А. В. Луначарскому⁵³. И. Ф. Толмачев пытается привести графическую сторону русских букв в соответствие с системой звуков, как он эту систему понимает. Сразу следует сказать, что он не включает в алфавит буквы **ё**, **й** и **ъ**, никак, впрочем, не обосновывая этого⁵⁴. Остальные буквы он делит на две группы: «со-

⁵⁰ *Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. I. М.; Л.: Изд. ВЦК НА, 1933. С. 49.*

⁵¹ Реформатский особо подчеркивает: «Долготу щ вовсе не надо отмечать, так как ш мягкое в русском литературном языке всегда долгое, ш твердого долгого, как фонемы, нет; точное соответствие графических признаков фоническим нужно в фонетической транскрипции, а не в алфавите орфографического письма» (Там же).

⁵² Там же.

⁵³ Публикация письма и подробный анализ проекта Толмачева см.: *Андронов А. В. Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий // Studi Slavistici. 2017. XIV. P. 253–274.*

⁵⁴ Скорее всего, он следует традиции, согласно которой графемы с диакритикой **Ё** и **Й** не включались в счет букв алфавита, а отсутствие **Ъ**, видимо, опре-

звучные» (сходные между собой в произношении, парные) и такие, которые не «имеют созвучия» (непарные).

А	созвучно с	Я	К	- не имеет созвучья,
Б	"	П	Л	созвучно с Р.
В	"	Ф	М	- не имеет созвучья
Г	"	Х	Н	" "
Д	"	Т	О	" "
Е	"	Э	У	созвучно с Ю.
Ж	не имеет	—	Ц	" Ч
З	созвучно с	С	Ш	" Щ
И	"	Ы	Б	- не имеет. —

Фрагмент письма И. Ф. Толмачева А. В. Луначарскому

Деление букв на парные и непарные интересно с точки зрения того, как автор проекта представляет себе фонографическую систему русского языка. Парными оказываются следующие графемы:

- 1) нейотированные и йотированные гласные А — Я, Е — Э, И — Ы, У — Ю, которые наряду с оставшимся без пары Ъ обеспечивают обозначение твердых и мягких согласных по слововому принципу графики;
- 2) пары глухих и звонких согласных: П — Б, Ф — В, Х — Г⁵⁵, Т — Д, С — З;
- 3) пары по твердости/мягкости, которые различаются еще одним дополнительным признаком: по графической форме: Ц — Ч, Ш — Щ;
- 4) особняком стоит пара плавных сонантов: Л — Р.

Вне парных сопоставлений у Толмачева оказываются графемы Ж, К, М, Н, О и Ъ.

Несмотря на попытку систематизировать графемы на базе звуковых отношений проект Толмачева носит исключительно практическую направленность: это попытка унификации начертания парных графем для облегчения типографского набора при сокращении количества букв в шрифтовой кассе с 30 до 18. По словам автора проекта, «достигается это следующим образом: выбираем одну из созвучных букв, которая по начертанию проще, например:

делялось особенностями проведения орфографической реформы в послереволюционные годы.

⁵⁵ Наличие пары Х — Г, а не К — Г объясняется, видимо, тем, что Толмачев ориентировался на свое собственное произношение, характеризовавшееся южнорусским фрикативным [χ].

Б и П — проще будет П, и считаем ее за основную, а созвучную с ней Б изобразим как перевернутое П, т. е. П»⁵⁶. Применение этого метода переворачивания на 180% начертаний «основных» графем приводит к следующему результату (Толмачев иллюстрирует свой проект только прописными буквами, но то же самое, видимо, можно проделать и со строчными, ср. а → в, е → э, с → э и т. д.):

А	основная	буква,	созвучная	ей	буква	И	изобразится	как	У
П	"	"	"	"	"	Б	"	"	П
В	"	"	"	"	"	Ф	"	"	В
Г	"	"	"	"	"	Х	"	"	Г
Т	"	"	"	"	"	Д	"	"	Т
Е	"	"	"	"	"	Э	"	"	Е
С	"	"	"	"	"	З	"	"	С
Р	"	"	"	"	"	Л	"	"	Р
У	"	"	"	"	"	Ю	"	"	У
Ц	"	"	"	"	"	Ц	"	"	Ц

Фрагмент письма И. Ф. Толмачева А. В. Луначарскому

«Переворачивание» некоторых графем не дает результата, поэтому, например, для пар И — Ы и Ш — Щ придумываются новые начертания V — Λ и Λ — Ψ, что несколько уменьшает экономический эффект проекта. Все «основные» парные (кроме И и Ш) и непарные графемы сохраняют свое традиционное начертание.

Учитывая, что в его алфавите отсутствует ъ, не совсем понятно, какой знак будет выполнять разделительную функцию (ь или ’). Можно пожалеть, конечно, о том, что Толмачев проигнорировал букву ё, но самым большим недостатком является отсутствие совершенно необходимой буквы й (или ѥ «v краткое» в соответствии с заменой и → v). Впрочем, все эти вопросы, видимо, можно было решить в процессе доработки, но получил ли Толмачев какой-либо ответ на свое письмо Луначарскому, неизвестно. Проект Толмачева не затрагивает ни состава алфавита, ни слогового принципа русской графики. Его проект фактически направлен только на изменение начертаний букв.

Если описанные предложения носили на себе явный налет дилетантизма, то проект перехода русского кириллического письма на латинский алфавит, затеянный в 1920-е гг., продвигали и осуществляли профессионалы, среди которых были видные лингвисты. Разные проекты латинизации кириллического алфавита (или «армени-

⁵⁶ Цит. по: Андронов А. В. Указ. соч. С. 265.

зиции», «деванагризации», «арабизации», если бы такие проекты существовали), как и проект Толмачева, представляют собой попытки изменения графической (в узком смысле) реализации уже «установленного фонографического ассортимента» (термин Реформатского). В принципе, решение этой задачи не представляет большого труда для профессиональных лингвистов, хотя, разумеется, конкретные решения могут быть более или менее удачными. Главная проблема, которая возникает при этом, не лингвистическая, а социальная: общество обычно с трудом принимает подобные новшества. Даже в условиях послереволюционной эйфории и при поддержке новых властей, которые рассматривали латинизацию русского письма в контексте борьбы за мировую революцию, советские проекты латинизации не смогли преодолеть сопротивления общества.

Наибольшую известность получил проект латинизации русского алфавита, который был в 1929 г. разработан специальной группой, созданной при Орфографической комиссии Академии наук по инициативе Главнауки (Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями) Народного комиссариата просвещения РСФСР. В состав этой подкомиссии входили специалисты в области полиграфии, преподаватели русского языка, ученые-лингвисты (например, А. М. Пешковский, Н. М. Каринский и Н. Ф. Яковлев), «представители национальностей» и даже один инженер-изобретатель. Как заявлял ее председатель Н. Ф. Яковлев, «всякая графика не только техника письма, но и его идеология — алфавит отражает в себе идеологию создавшего его общества и класса (греческий и латинский алфавит эпохи восточной и западной империи, кириллица, петровский гражданский шрифт)», поэтому «на смену унаследованной национально-буржуазной графике должен прийти алфавит социалистического общества» — речь идет «о едином международном латинизированном алфавите социализма, разработанном на основе последних достижений материалистической лингвистики, современной техники полиграфии и марксистской педагогики»⁵⁷. В итоговом документе (под которым нет подписи А. М. Пешковского) были предложены три альтернативных вари-

⁵⁷ Тезисы проф. Н. Ф. Яковлева «О необходимости латинизации русского алфавита», принятые в начале работ подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке (приложение к статье: *Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита // *Культура и письменность Востока*. Кн. VI. Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1930. С. 42–43).

анта русской латиницы⁵⁸, однако 25 января 1930 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) разработка этого вопроса была прекращена. Между тем сторонники латинизации русского письма и по сей день не прекращают своих штудий: так, новые варианты русского алфавита на латинской основе регулярно публикуются на сайте Клуба любителей русской латиницы⁵⁹.

Внучка Н. Ф. Яковлева, писатель Людмила Петрушевская, придумала систему письма, названную ею в честь деда «Николаицей», представляющую собой способ передачи букв кириллицы при помощи похожих по начертанию знаков латинского алфавита, а при невозможности такой замены — цифрами и другими небуквенными знаками, которые имеются на клавиатуре компьютера: «А3бука, смаjlo 6blmb, Bblkrucмаjllju3oBaJlacb maka&: A 6 B r q e # 3 u ` k J l M H o n p c m y <l> x u, (или ll,) 4 ll ll ll, 'b bl b -) l0 &». Например:

MOu` q&q& CAMblX 4ECTHblX ИIPABuJl
 Kor qa HE B lllyTKY 3aHeMOp
 OH yBA#ATb CE6& 3ACTABuJl —
 u Jly4llle BblqyMATb HE Mor⁶⁰.

(А. С. llyllllkuH)

§ 4. Из истории нормализации и реформирования русской орфографии

Как старославянское, так и древнерусское письмо не базировалось на каких-либо осознанных теоретических установках и изначально было по преимуществу фонологическим (фонографическим), т. е. на письме передавались все позиционные чередования фонем: писали ст.-сл. *ищрьпати* 'исчерпать', а не *изщрьпати* (ср. *излити* 'вылить' и *чрьпати* 'черпать'), как это было бы написано в соответствии с морфологическим принципом, принятым в современном русском письме; *ицѣлити* 'излечить', а не *изцѣлити* (ср. *цѣлити* 'лечить, исцелять'), *вести* 'везти', а не *везти* (ср. *везж* 'везу'), *издѣсти* 'вылезти', а не *издѣзти* (ср. *издѣзж* 'вылезу') и т. п.

⁵⁸ Подробнее см.: Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Там же. С. 208–219.

⁵⁹ Клуб любителей русской латиницы. URL: <https://ru-latinica.livejournal.com/> (дата обращения: 28.08.2018).

⁶⁰ *Петрушевская Л.* Маленькая девочка из «Метрополя». СПб.: Амфора, 2006. 455 с.

Когда происходят какие-нибудь фонологические изменения, они так или иначе отражаются на письме в соответствии со стихийно действующим фонографическим принципом, вступая в конкуренцию со старыми написаниями, уже не соответствующими произношению, и постепенно вытесняя их. Вместе с тем с развитием письменности все больше укрепляется литературно-письменная традиция (с ее идеей писать так, как писали раньше), ее авторитет, а происходящие изменения в произношении постепенно приводят к своеобразному компромиссу между стихийным фонографическим принципом письма и переставшими ему соответствовать традиционными написаниями. По мере укрепления письменной традиции и накопления звуковых изменений разрыв между написанием и произношением увеличивается, создавая предпосылки для возникновения собственно орфографии, для которой свойственно неоднозначное соотношение фонем и графем (букв) и которая первоначально не предусматривалась создателями славянской письменности. Конкуренция между фонографическим принципом письма, характерным для деловых и бытовых текстов, и консервативной тенденцией к сохранению системы традиционных написаний, ориентированных на церковные тексты, и привела к утверждению в русской орфографии морфологического принципа в качестве ведущего.

В русском языке фонологическая система, в значительной степени переставшая соответствовать традиционным написаниям, в основных чертах сложилась к XVII в. К этому времени в разговорном языке уже завершились основные изменения в звуковом строе, приведшие к чередованиям ударных и безударных гласных фонем (уже возникло аканье/яканье, эканье, а может быть, и иканье), ударных /e/ и /o/ (вследствие перехода /e/ > /o/ перед твердыми согласными), глухих и звонких согласных фонем (результат озвончения и оглушения шумных согласных), а также утратилась фонема ять (в московском говоре совпав с /e/). Церковнославянские тексты в основном ориентировались на традиционные написания, а для деловой и бытовой письменности в высшей степени были характерны орфографические «разброд и шатание», чему особенно способствовало увеличение диалектных различий. Так, в одном небольшом тексте — «Сказке⁶¹ об изъятии икон из церквей» (1657) — встречаются

⁶¹ «Сказка» здесь, конечно, не фольклорный жанр, а название официального документа делопроизводства, содержавшего донесение, свидетельские показания о каких-либо событиях, происшествиях и т. п.

написания *вмѣсто* ~ *вмѣста* ~ *вместо* ~ *вмѣста*, *дѣячкѣ* ~ *дѣячек* ~ *дѣечокѣ*, *рядовых* ~ *редовых*, *пятидесятникѣ* ~ *пятидесятника* ~ *пятидѣсятниковѣ* ~ *на десет*⁶², *к сеи сказкѣ* ~ *к сеи скаске*, *всѣмилостиваго* ~ *великого* ~ *у Каменнова мосту*⁶³. Орфографическая вариативность и отклонения в правописании (особенно имен собственных) приводили к росту числа исков, связанных с обвинениями в бесчестии. Царь Алексей Михайлович в 1675 г. выпустил указ, в котором, в частности, говорилось: «Будет кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописания, вместо **о** — **а** или вместо **а** — **о**, или вместо **ь** — **ѣ**, или вместо **ѣ** — **е**, или вместо **и** — **і**, или вместо **о** — **у**, или вместо **у** — **о**, по природе тех городов, где кто родился и по обыкноствам своим говорить и писать извык; в бесчестье не ставить»⁶⁴. Этот указ направлен не на унификацию орфографии, а, наоборот, на дозволение вариативности, однако еще важнее, что он может служить одним из первых примеров своего рода официальной кодификации орфографической нормы, причем кодификации весьма либеральной.

Теория русской орфографии начинает складываться в XVIII в. — в эпоху формирования русского литературно-письменного языка нового типа, который с 30-х гг. XVIII в. уже отграничивается от церковнославянского и все больше сокращает сферу своего функционирования. Важной вехой в процессе оформления русского литературного языка нового типа (отличного от церковнославянского) стала грамматика В. Е. Адогурова (1738–1740). Это была первая грамматика русского (а не церковнославянского⁶⁵) языка, написанная на русском языке и для русских⁶⁶, а не для иностранцев, изучающих русский язык. Грамматика Адогурова не была опубликована и осталась

⁶² То есть *на десеть*, с ударением на предлоге, что, впрочем, в данном случае не важно, так как второе **е** и в им. ед. будет безударным.

⁶³ См. в кн.: *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. С. 294–295.

⁶⁴ Цит. по кн.: *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. Ч. I. 4-е изд. М.: А. Д. Ступин, 1918. С. 323.

⁶⁵ Каковой была, например, «Грамматика словенская» Федора Максимова (СПб., 1723), которая представляла собой сокращение и приспособление церковнославянской грамматики М. Смотрицкого для целей школьного обучения.

⁶⁶ В 1731 г. вышла краткая грамматика В. Е. Адогурова (как приложение к лексикону Вейсмана и без указания автора), но она была написана на немецком языке.

неизвестна широкой общественности⁶⁷, однако оказала влияние развитие лингвистической мысли, так как в академической среде с нею были знакомы (в частности, она оказала большое влияние на В. К. Третьяковского, который хорошо знал Адогурова). Появление грамматики Адогурова, который во время ее написания был адъюнктом академического университета при Санкт-Петербургской Академии наук, знаменовало высокий социальный статус русского языка и свидетельствовало о том, что общество осознает потребность в его нормировании.

Грамматика Адогурова, которая ориентируется на «общее употребление» языка, которое противопоставляется, с одной стороны, церковнославянскому, а с другой — «простонародному» (т. е. просторечию), несомненно представляет собой точку отсчета в теоретическом осмыслении русского письма и нормализации орфографии.

Во-первых, Адогуров не только четко различает буквы («литеры») и звуки («гласы»), но и отмечает их различную природу: «...литеры... сами по себе никакова сходства с теми звонами или гласами не имеют, но сие знаменование придано им от одного токмо согласия, или произволения людей и для того нет в том никакой силы каким бы знаком который голос или звон сперва изображен ни был» (§ 3), из чего вытекает сама принципиальная возможность реформ в области орфографии. Во-вторых, он выдвигает принцип соответствия репертуара букв и репертуара звуков данного языка: «Для правильного изображения слов и речей надлежало бы иметь то, что столько особливых знаков, сколько есть в котором языке особливых голосов или звонов, слова того языка составляющих» (§ 4); этот принцип определяет и конкретные решения по составу букв русского алфавита. В-третьих, Адогуров считает полезным, вслед за «малороссиянами», ввести в русскую азбуку «литеру г, которая произношением сходна с латинским или с польским г» (§ 5), для передачи характерного для разговорного московского произношения взрывного [g], поскольку «литера г» уже была занята и обозначала фрикативное [ɣ] (или [h]), свойственное книжному (орфоэпическому) произноше-

⁶⁷ Ее текст был переведен на шведский язык и в 1750 г. издан М. Грёнингом в Стокгольме без указания авторства Адогурова. Сохранившаяся на русском языке часть грамматики и обратный перевод на русский недостающих параграфов шведского издания впервые были опубликованы лишь во второй половине XX в. (в кн.: *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. С. 92–127).

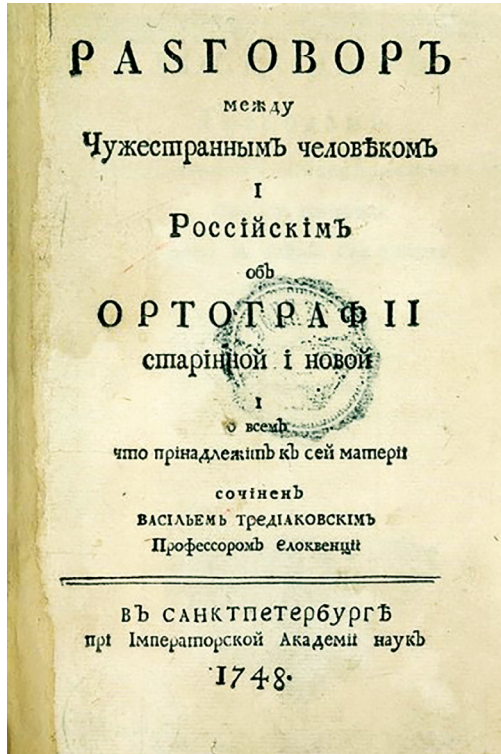
нию⁶⁸. В-четвертых, Адодуров был одним из первых, кто предложил исключить из азбуки букву **ѣ** (возможно, после В. Н. Татищева, который заодно предлагал упразднить и **ѡ**). В-пятых, Адодуров первым описывает и включает в число «двогласных» букв **я** (**ѡ**), **ѣ**, **ю**, обозначающих в начале слога два звука, литеру **іѡ**, которая регулярно употребляется в иностранных словах (ср. *Маіѡрка*) и иногда в русских (ср. *біѡтъ*, *всіѡ*). И наконец, он впервые формулирует приоритет фонетического письма (§ 61: «...должны мы... во-первых, самое произношение почитать за наше главное правило и оному в письме сколько можно точно последовать») и иллюстрирует фонетический принцип орфографии на примере чередований **с/ш**, **з/ж** («Что до произношения касается, то надлежит примечать, что **з** пред литерою **ж** так как **ж**; а **с** пред литерою **ш** так как **ш** выговаривается, от сего следует, что **з** пред литерою **ж** и в письме надлежало бы переменять в **ж**; а **с** пред литерою **ш** переменять в **ш** однакож общее употребление того во всех случаях еще не подтверждает», § 23), а также глухих и звонких согласных (§ 24).

С этого времени орфографические нормы уже не стихийно складываются и затем закрепляются в грамматиках, но сознательно создаются — начинаются теоретические поиски наиболее рациональных принципов правописания.

Петровская реформа азбуки 1708–1710 гг., в ходе которой был введен гражданский шрифт для светской печати и осуществлен ряд изменений в составе и рисунке (начертаниях) букв алфавита, не затрагивала собственно орфографических проблем. Это была именно реформа азбуки в широком смысле, однако, упорядочив алфавит и графику, она создала предпосылки для унификации сосуществующих вариантных написаний на основе некоторых теоретических принципов. Первыми трудами, в которых предпринимается попытка найти принципы, позволяющие теоретически обосновать упорядочение системы написаний слов, стали уже упомянутая грамматика В. Е. Адодурова и трактат В. К. Тредиаковского «Разговор об орфографии» (1748), концептуально близкие по основным выдвинутым ими положениям⁶⁹.

⁶⁸ Это предложение тем более интересно, что в украинском письме буква **г** должна была передавать чужой звук [g] в заимствованиях из других языков, а в русском — свой собственный звук [g] в обиходных русских словах.

⁶⁹ Справедливости ради следует сказать, что ряд идей относительно русской орфографии высказал старший современник Адодурова и Тредиаковского

Титульный лист трактата В. К. Тредиаковского
«Разговор об орфографии» (1748)

Как Адодуров («должны мы... во-первых самое произношение почитать за наше главное правило и оному в письме сколько можно точно последовать»), так и Тредиаковский (последний более последовательно и обстоятельно: «Та орфография совершенно правильная, которая одни только наблюдает звоны [т.е. учитывает звуки (фонемы)]»⁷⁰) отстаивают принцип соответствия «буква ↔ звук» (сейчас сказали бы «графема ↔ фонема»), т.е. фонетическое («фо-

известный ученый и государственный деятель первой половины XVIII в. В. Н. Татищев, однако его идеи не были оформлены в целостную концепцию, хотя и Адодурову, и Тредиаковскому они были, несомненно, знакомы, на что имеются глухие ссылки в их работах.

⁷⁰ Тредиаковский В. К. Разговор об орфографии (цит. по: Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2. Вып. 2. М.: Учпедгиз, 1948. С. 188.

нографическое») письмо. Доводы Третьяковского основаны на анализе уже укрепившихся написаний: например, сопоставляя слова *упадокъ* — *упадка* и *возмогу* — *возможность*, он приходит к выводу о том, что если в целях сохранения неизменного облика корня в слове *упадка* вместо *т* пишется *д*, то следовало бы и в существительном *возможность* вместо *ж* писать *г*. И коль скоро орфограмма *возможность* невероятна, то следует и вовсе отказаться от морфологического принципа и писать *упатка* — *упадокъ*. Пожалуй, единственную уступку Третьяковский готов был сделать для таких случаев, когда фонетическая орфография приводит к неразличению на письме омонимов (напр., *плодъ* и *плотъ*), но и такие слова, по его мнению, в принципе, могли бы писаться «по звону» (*плотъ* ‘плод (fructus)’ и *плотъ* ‘плот (ratis)’)⁷¹. С большой долей вероятности можно предположить, что если бы Кирилл создавал новое оригинальное письмо для бесписьменного московского говора XVIII в., то наверняка писал бы *упатка* — *упадак* и *плот* — *плады* и т. п.⁷²

На аргументы против фонетического принципа Третьяковский резонно отвечал: «Что мне нужды, что произведения корень виден не будет? Стараются ли о корнях все общество пишущих?»⁷³. Примерно через 150 лет после Третьяковского известный адепт фонетической орфографии Р. Ф. Брандт, обращаясь к тем, кто видит в «этимологическом письме» (т. е. в том, что мы теперь называем морфологическим принципом орфографии) «то преимущество, что оно нам указывает на связь между родственными словами», возражал: «Какая надобность подчеркивать родство слов *лавка* и *лавочник*, ставя в обоих букву *в*? Ведь и самый безграмотный лавочник, способный написать слово *лавка* через *ф* или *в*, отлично сознает тесную связь, существующую между ним и его лавкой»⁷⁴. Действительно, если носители языка в устной речи обходятся системой чередований фонем для указания на связь между алломорфами одной морфемы, то по-

⁷¹ Третьяковский В. К. Разговор об орфографии. С. 187.

⁷² Приемлемость фонетической орфографии для славянских языков подтверждается ее вполне успешным применением в сербском (применительно к согласным: ср. серб. *вѣбац* ‘воробей’ — *вѣпци* ‘воробыи’, *сѣдѣчан* ‘сердечный’ — *сѣце* ‘сердце’, *тежак* ‘тяжелый’ — *тешка* ‘тяжелая’) и белорусском (применительно к гласным: ср. бел. *стол* ‘стол’ — *стальы* ‘столы’, *вѣлас* ‘волос’ — *вѣласы* ‘волосы’, *нѣс* — *нѣсу*, *зѣмлі* — *зѣмля*) письме.

⁷³ Третьяковский В. К. Разговор об орфографии. С. 186–187.

⁷⁴ Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания: (Публ. лекция). Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1901. С. 9.

чему этого не достаточно на письме? С собственно научной точки зрения попытаться опровергнуть возражение Третьяковского можно было бы при помощи теории, разграничивающей позиционные и непозиционные чередования фонем, которая появилась гораздо позднее, после появления фонологии. Однако сторонники морфологического начала в орфографии не только констатировали сложившееся положение вещей, но и обосновывали разумность его применения в русском письме.

Наиболее серьезные аргументы в пользу морфологического принципа выдвинул М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755)⁷⁵: «В правописании наблюдать надлежит, 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрывались совсем следы произвождения и сложения речений» (§ 112). Любопытно при этом, что аргумент, против которого Третьяковский возражал с помощью приведенных выше риторических вопросов, у Ломоносова стоит на последнем месте, после указания на необходимость сильно не удаляться от произношения («чистого выговору»), и сформулирован весьма сдержанно («чтобы не закрывались совсем следы...»). На первое место Ломоносов поставил удобство для читающего. Тогда становится понятно, почему надо, чтобы на письме «не закрывались совсем следы произвождения и сложения речений»: они помогают глазу узнавать морфемы на письме. На второе место он поставил удобство для носителей всех диалектов русского языка, пользующихся русским письмом. Так, морфологический принцип, который проявляется в сохранении традиционных написаний, для говорящих на северновеликорусском или малорусском наречии (с их оканьем и с /i/ или /ê/ на месте ятя) удобен в силу того, что традиционные написания не сильно расходятся с произношением, а для говорящих по-московски (с аканьем, /e/ на месте ятя и переходом /e/ в /o/) они подчеркивают единство морфем, что облегчает восприятие и понимание написанного текста при чтении.

М. В. Ломоносов, признавая, что не следует удаляться «от чистого выговора» (например, он предлагал писать *расстьять, ево, сльпова*,

⁷⁵ Хотя на титульном листе первого издания обозначен 1755 г., фактически она вышла из печати в начале 1757 г.

*добро*й и т. п.), все же призывал писать так, чтобы «не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений [т. е. слов]»⁷⁶. Тем самым он фактически провозглашал морфологический (по Ломоносову — «словопроизводственный») принцип орфографии как магистральную линию в нормализации русской орфографии: «При выключении самогласныя из какого речения стоящая перед нею мягкая произношением ожесточается, однако для § 101 должна быть мягкая оставлена, например, *легок*, *легка*, а не *лехка*; *сладок*, *сладка*, а не *слатка*»⁷⁷ (т. е. «при выпадении гласной из какого-нибудь слова стоящая перед ней звонкая (согласная) согласная оглушается, однако в соответствии с § 101 должна быть написана звонкая, например, *легок*, *легка*, а не *лехка*; *сладок*, *сладка*, а не *слатка*»). При этом Ломоносов учитывал важность сохранения и прямо не опирающихся на морфологический принцип традиционных написаний, по крайней мере в тех случаях, когда это оправдано необходимостью разграничения омонимов («речений разного знаменования, а сходного произношения»), как то: ср. *льчу* (1 л. ед. от *льчить*), *пъню* (1 л. ед. от *пънить*), но — *лечу* (1 л. ед. от *летить*), *пеню* (вин. ед. от *пеня*) и т. п.

В лингвистических трудах XVIII в. вопросы орфографии, ее системной организации и практического применения занимали одно из первых мест. В дальнейшем орфографическая мысль развивалась по пути, намеченному Ломоносовым, и несомненным завоеванием этой эпохи можно считать утверждение морфологического принципа орфографии как ведущего и регламентацию основных правил правописания. Отметим при этом, что в орфографических трудах XVIII в. понятия принципа орфографии и типа написаний не разграничивались. Морфологический и традиционный принципы при этом четко не противопоставлялись друг другу и рассматривались скорее как нечто единое, что вполне естественно, так как понятие морфологического принципа выкристаллизовывалось на базе кодификации традиционных написаний.

Официально морфологический принцип орфографии был закреплен академической грамматикой 1802 г. («Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею в Санктпетербурге», 3-е изд. СПб., 1819). После окончательного закрепления в светском письме традиционных написаний они могут рассма-

⁷⁶ Ломоносов М. В. Российская грамматика. С. 430.

⁷⁷ Там же. С. 435.

триваться как результат действия некоторых стабильных принципов орфографии, которые теперь подлежали выявлению, описанию и оценке с теоретической, практической и методической точек зрения. Так эпоха «бури и натиска» в русской орфографии завершилась, и наступила эпоха стабилизации, продолжавшаяся до конца XIX в.

Девятнадцатое столетие в языкознании ознаменовалось, во-первых, возникновением сравнительно-исторического метода изучения языков и научного славяноведения и, во-вторых, новым отношением к орфографической норме: в эту эпоху нормы правописания не только излагаются в грамматиках, но и закрепляются в орфографических словарях. Задача традиционного принципа, который фактически не противопоставлялся морфологическому (объединяясь с ним общим названием этимологического), по мнению многих орфографистов того времени, состоит в том, чтобы обнажить наиболее достоверный с точки зрения этимологии письменный облик слова.

В руководстве «Русское правописание» Я. К. Грота отмечается, что «правописание бывает: 1) *фонетическое* (звуковое), когда слова пишутся сходно с произношением <...>, и 2) *этимологическое* или *историческое*, когда в письме, с одной стороны, соблюдается производство слов, а с другой — отражается древнее, уже изменившееся произношение, или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живою речью»⁷⁸. По мнению Грота, русское письмо по преимуществу имеет характер этимологический, соответственно, в нем «согласно с непрерывно развивающеюся историческою жизнью языка в начертаниях ясны... следы происхождения и состава слов». Однако среди филологов — современников Грота были сторонники и фонетических, и морфологических, и традиционных написаний. Рекомендации различных орфографических руководств и словарей были зачастую непоследовательны и субъективны.

Так, весьма популярные работы Н. И. Греча, посвященные практической орфографии, опирались, по авторитетному мнению Я. К. Грота, «не на исследование законов языка, для чего необходимо справляться и с историею его, и с народною, вообще с живою речью, а установление *правил* по избранным литературным образцам. Когда же образцы не давали ответа, или когда между ними замечалось разногласие, — придумывались правила чисто условные, осно-

⁷⁸ Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, сост. по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я. К. Гротом. 11-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1894. С. 20–21.

ванные на механической правильности построения фразы, или на внешних соображениях»⁷⁹.

В условиях отсутствия общепринятой теории письма в XIX в. и единых норм, опирающихся на строго обоснованные научные принципы, разноречивым в целом ряде написаний оказывался значительным. «Трудно найти что-нибудь неопределеннее русского правописания: это какой-то хаос, в который никто еще надлежащим образом не потрудился внести порядок и стройность системы. Начиная от правописания целых слов, где иногда одно слово пишется на несколько манер <...>, до писания букв», — говорилось на страницах журнала «Отечественные записки» (1839)⁸⁰. «Не только всякий журнал, но и каждый писатель придерживается *своего* правописания», — вторила газета «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» (1852)⁸¹.

К концу столетия накопилось множество предложений по реформированию русской орфографии, которые поступали не только от ученых, но и от преподавателей словесности, замечавших, что усвоение многих орфограмм требует от учащихся траты огромного времени не на понимание принципов правописания, а на бессмысленную зубрежку, ибо школьное обучение не дает возможности для объяснения традиционных написаний. К началу XX в. призывы упростить русскую орфографию вылились в широкое общественное движение, которое и привело к тому, что в 1901–1902 гг. Московское и Казанское педагогические общества выступили с проектами реформы русского правописания.

Следует отметить, что эпоха конца XIX — начала XX в. была временем зарождения теории фонемы (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба). Возникновение фонологии наложило отпечаток на развитие теории письма в XX в. — именно фонология, в частности, позволила последовательно различать для каждой эпохи живые и исторические чередования и оказала сильное влияние на развитие теории русской орфографии. Но это происходило позже, а в начале XX в. фонология сама еще отстаивала право на существование и не

⁷⁹ Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого до ныне: Филологическое разыскание. С. 446–447.

⁸⁰ Современная библиографическая хроника // Отечественные записки. 1839. Т. 5, № 9. С. 155.

⁸¹ Фурманн. Простые беседы // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1852. № 213. С. 2.

была влиятельным направлением лингвистической мысли. Вместе с тем по неслучайному стечению обстоятельств в 1912 г. в Санкт-Петербурге вышли две этапные работы — одна по фонологии (Л. В. Щерба «Русские гласные в качественном и количественном отношении»), другая по теории русского письма (И. А. Бодуэн де Куртенэ «Об отношении русского письма к русскому языку»⁸²), оказавшие колоссальное влияние на отечественную лингвистику.

Не будет большим преувеличением предположить, что именно потребность в разработке теории письма и в осмыслении его истории стали важнейшими стимулами в развитии некоторых фонологических направлений. Уже на дофонологическом этапе развития теории письма филологи и в своей практической деятельности (как когда-то Константин Философ при создании глаголицы), и в теоретических рассуждениях (как основоположники сравнительно-исторического языкознания) были стихийными фонологами. Так, Н. П. Гиляров-Платонов, обсуждая фонетический принцип орфографии, довольно тонко замечал в 1883 г.: «Если вы хотите иметь дело с произношением, то можете иметь дело только с абстрактом, с каким-то общим произношением, которое есть ни мое, ни ваше, ни вчерашнее, ни сегодняшнее, а произношение вообще, а это, стало быть, уже не произношение, не живой вылетающий звук, который позволяет себя повторять в полной точности... Это будет не самый звук, а звук как понятие, как нечто общее всем действительно произносимым звукам — умственное начертание звука. Другими словами: прибегая за руководством к звуку, вы получите не звук, а букву, если не захотите остановиться на чем-нибудь случайном и преходящем. Буква и есть мысленный звук, разнообразящийся в живом воспроизведении, сообразно с физиологическими и социальными особенностями произносящего лица... Если в правописании и держаться звука, то возможно держаться только звука идеального, не моего и не вашего, не вчерашнего и не сегодняшнего; а такой мыслимый звук, звук в отвлечении, равнодушный к особенностям своего вы-

⁸² Эта работа Бодуэна де Куртенэ, как и некоторые другие его книги, вышедшие в том же году, была издана с некоторыми системно проведенными отклонениями от гротовской орфографии: без **ъ** в конце слов и без **ь** после шипящих (*ръч*, *туш*), но в разделительной функции **ъ** и **ь** сохраняется (*ръчью*); с **о** после шипящих **ж**, **ш**, **ч**, **щ** при обозначении фонемы /o/ (*сопряжон*, *чорная*, *шопотом*); без удвоения согласных в заимствованных словах (*асимильяція*, *колектив*, *процес*).

полнения в живой речи, есть уже не звук, а буква...»⁸³. Это, конечно, не случайно, так как в буквенно-звуковом письме именно фонема обозначается буквой алфавита.

§ 5. Подготовка и проведение орфографической реформы 1917–1918 гг.

Для решения задач, поставленных на протяжении второй половины XIX в. в процессе общественного обсуждения проблем усовершенствования и нормализации русской орфографии, при Императорской Российской академии наук в 1904 г. была создана Орфографическая комиссия в составе 55 человек (под председательством президента Академии великого князя Константина Константиновича). Основными направлениями ее работы стали избавление русского письма от лишних букв и тех написаний, которые не оправдываются современным состоянием языка, а также построение орфографии на основе единого принципа, что практически вылилось в подготовку реформы, которая и была осуществлена в разгар революции 1917 г. и известна как орфографическая реформа 1917–1918 гг.

Межведомственный экспертный орган, занимающийся вопросами упорядочения правописания и кодификации орфографических и пунктуационных норм, практически под тем же названием существует и сегодня. Сейчас в задачи комиссии входит обсуждение актуальных вопросов русского правописания; оценка орфографических новаций и принятие решений по конкретным вопросам, связанным с орфографической кодификацией и упорядочением письма; обсуждение и утверждение к печати очередных изданий правил орфографии и пунктуации и академического орфографического словаря; экспертная оценка словарей, справочных пособий и других нормативных источников по русскому языку с точки зрения их соответствия установленным нормам правописания. В состав комиссии входят известные ученые-русисты, авторы фундаментальных работ по теории и истории русского письма, специалисты по проблемам кодификации норм русского языка, представляющие наиболее авторитетные научные и образовательные учреждения России, а также учителя-словесники.

---

⁸³ *Гиляров-Платонов Н. П.* Экскурсии в русскую грамматику. М.: Изд-во К. П. Победоносцева.

Однако вернемся в начало XX в. и в качестве образца орфографии, которую российское образованное общество собиралось реформировать, приведем текст в дореформенной орфографии («по Гроту»)⁸⁴:

Осеннія впечатльнія въ деревнѣ

Солнышко съ каждымъ днемъ грѣетъ слабѣе, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. Въ обнаженныхъ лѣсахъ не услышишь уже веселаго птичьяго пѣнія; въ помертвѣлыхъ лугахъ не полюбуешься пестрымъ разнообразіемъ цвѣтущихъ растений; съ полей уже давно убрали рожь и даже яровые хлѣба, и повсюду, куда ни взглянешь, торчитъ сплошь одна соломенная щетина. Изъ свинцовыхъ тучъ безпрестанно льется мелкій дождь и превращаетъ улицы въ лужи, полныя черной жидкой грязью. Рѣзкій вѣтеръ пронзительно свищетъ въ вѣтвяхъ оголенныхъ деревьевъ и заставлятъ легкія деревянныя ворота съ визгомъ раскачиваться изъ стороны въ сторону. Сквозь густой туманъ, разливающійся по деревнѣ и ея окрестностямъ, едва виднѣются ветвія избушки.

Възъѣаемъ в деревню. На улицѣ полннѣе безлюдье. Всѣ располагаются кто гдѣ можетъ, лишь бы укрыться отъ этаго осенняго ненастья. Продрогшія куры пріютились подѣ навѣсомъ сараевъ, завернувъ головы подѣ тепленькія крылышки. Воробьи забились въ свои мягкія гнѣздышки. Угрюмыя исхудалыя дворняжки также свернулись комкомъ и не выходятъ изъ-подѣ сиротливо стоящихъ у плетня телѣгъ.

На первом же своем заседании 12 апреля 1904 г. Орфографическая комиссия приняла решение о необходимости устранения из алфавита избыточных букв и разработки правил орфографии.

Симптоматично, что эта работа с самого начала проходила в атмосфере общественного неприятия предполагаемых реформ. Так, Н. М. Соколов, поэт и публицист неославянофильского толка, в стихотворении «Двухсторонняя атака (Японцы с моря, язычники с Васильевского острова)»⁸⁵, ставшем реакцией на опубликованное в мае 1904 г. «Предварительное сообщение Орфографической под-

⁸⁴ Искусственный текст, в котором намеренно сконцентрированы орфограммы, позволяющие сопоставить дореформенную и пореформенную орфографию, заимствован из кн.: Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. М.: Наука, 1966. С. 128. — Этот «экспериментальный» текст используется авторами книги для демонстрации и сравнения между собой различных орфографических проектов XX в.

⁸⁵ Соколов Н. М. Двухсторонняя атака // Русский вестник. 1904. № 5 (Т. 291). С. 444–448.

комиссии», приравнивал наступление на русскую орфографию к нападению Японии на Российское государство, а замысливших орфографическую реформу «инородцев-изменников» — к вероломным японским военачальникам:

Кульман, Брандт и Корш Феодор,
Бодуэн де Куртенэ, —
Как японцы отличились
С русской грамотой в войне.

Словно Того в Порт-Артуре,
Без огней в потемках прут:
И войны не объявляли,
А в полон уже берут.

Как японцы, забывают,
Свой ли флаг или чужой, —
И ведут под русским флагом
С русской грамотою бой.

Как японцы, русской дани
Спозаранку счет ведут:
Много букв они в добычу
С русской азбуки берут.

В язвительной рецензии на сборник стихотворений Соколова «Русско-японская война. Пародии и рифмы» (СПб., 1904), куда вошла и «Двухсторонняя атака»⁸⁶, В. Я. Брюсов замечал: «Г. Соколов не без ехидства “продергивает” “Орфографическую подкомиссию”, наметившую к уничтожению в русской азбуке буквы **ѳ** и **ѣ**. <...> К сожалению, сам г. Соколов оказывается не очень сильным в русской орфографии и в заглавии своей книги победоносно пишет “рифмы”⁸⁷».

Автор «Двухсторонней атаки» приписывает Р. Ф. Брандту стремление исключить из русской азбуки букву фита, Н. К. Кульману — букву ять, И. А. Бодуэну де Куртенэ — букву э обратное, Ф. Е. Коршу — букву мягкий знак. Однако в «Предварительном сообщении» речь идет об исключении букв **ѣ**, **ѳ** и **і**, а также **ъ** как показателя твердости конечных согласных (при сохранении этой

⁸⁶ Пентауръ [Брюсов В. Я.] [Рец. на: Соколов Н. М. Русско-японская война. Пародии и рифмы. СПб., 1904] // Весы. 1904. № 9. С. 61.

⁸⁷ Это слово следовало писать с буквой фита: *рифмы*.

буквы как разделительного знака) и **ь** после шипящих **ж, ш, ч и щ**, а вопрос о букве **э** вообще не дискутировался. Соответствующее решение было принято на первом заседании Орфографической комиссии, причем, как свидетельствует Н. К. Кульман, «голосование было по каждой из указанных букв отдельное и притом закрытое, что в свое время дало обильную пищу для насмешливых острот. <...> После этого заседания и враги, и защитники старой орфографии обнаружили много страстности, что дало повод академику Коршу во время одной из схваток по какому-то орфографическому вопросу сочинить следующий экспромт:

Старинъ я буду вѣрнень:
Съ дѣтства чтить ее привыкъ,
Обезоичень, обезъерень,
Обезъяченъ нашъ языкъ!»⁸⁸.

Заседание также постановило учредить подкомиссию «для разработки тех вопросов по упрощению русского правописания, которые не связаны с исключением из алфавита каких-либо букв»⁸⁹. Членами подкомиссии стали А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, Ф. Е. Корш, П. Н. Сакулин, И. А. Бодуэн де Куртенэ и Р. Ф. Брандт, кандидатами — С. К. Булич, Н. М. Каринский и Н. К. Кульман. Главой подкомиссии, призванной разрабатывать новые правила, стал академик Ф. Ф. Фортунатов (после его смерти — академик А. А. Шахматов).

По мнению Н. К. Кульмана, «чтобы ясно представить обстановку, в которой происходили первые обсуждения вопроса об упрощении правописания, нужно вспомнить, что это было в 1904 году. Опозиционные и революционные настроения нарастали, воздух был пропитан протестами всякого рода и по всякому поводу. В старой орфографии многие стали видеть один из способов, которым правительство держало народ в темноте. Эта мысль находила особенно много приверженцев среди сельских учителей, которые действи-

⁸⁸ *Кульман Н.* О русском правописании // *Русская мысль*. 1923. Кн. VI–VIII. С. 10.

⁸⁹ Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося под председательством Августейшего Президента Императорской Академии Наук, 12 апреля 1904 г. СПб., 1905. Цит. по: *Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Эллис, 2004. С. 280.

тельно страдали от слишком строгих для начальной школы требований по орфографии. И психологически совершенно естественно, что мысль о пересмотре гrotовского правописания превратилась мало-помалу в мысль о решительном разрушении всей системы русского правописания, во имя якобы блага и просвещения народа. Этим настроениям, подкладка которых была, в сущности, только революционно-политическая, поддались и некоторые ученые»⁹⁰.

В течение 1904 г. Орфографическая подкомиссия провела 10 заседаний, на которых обсуждались предполагаемые изменения в системе правописания, однако в результате наступившей после событий 1905 г. политической реакции «дело упрощения было забыто в тех кругах, от которых зависело ее⁹¹ законодательное воплощение»⁹² и работа подкомиссии была возобновлена лишь в декабре 1910 г. Итоговый доклад, заключающий в себе руководство к проведению реформы, был опубликован еще через два года как «Постановления Орфографической подкомиссии». Принятые в 1912 г. предложения по упрощению орфографии в основном совпадали с теми, которые вошли в «Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии» 1904 г., однако оказались несколько менее радикальными. Впрочем, внедрению и этих предложений в практику помешала боязнь «орфографической смуты»⁹³, хотя с этого времени уже появились единичные издания, напечатанные по новой орфографии.

Дискуссии по поводу усовершенствования письма породили в эту эпоху большую и весьма ценную научную литературу, которая характеризовала русскую орфографию с разных сторон и давала ей детальное освещение. Среди деятелей реформы были сторонники разных точек зрения на принципы организации русской орфографии. Одни отстаивали построение орфографии на фонетической основе, другие — на морфологических или традиционно-исторических началах, однако в результате острых дискуссий возобладал принцип именно морфологической орфографии, при которой письмо оказывается способным передавать, по формулировке члена ко-

⁹⁰ *Кульман Н.* О русском правописании. С. 8–9.

⁹¹ Так в тексте.

⁹² *Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). С. 96.

⁹³ «Громадное большинство русского культурного общества подобной реформе не сочувствовало», — замечал Н. К. Кульман (*Кульман Н.* О русском правописании. С. 11).

миссии профессора Р. Ф. Брандта, «составные части слов в их наиболее чистом, независимом виде».

Рекомендации Орфографической комиссии, пройдя трудный путь обсуждений и сокращений, воплотились в закон лишь на волне тех крутых перемен, которые принесли революционные события 1917 г., — подобно тому, как и Петровская реформа русской графики была тесно связана с общим духом социальных преобразований. По свидетельству Н. К. Кульмана, орфографическая реформа 1917 г. «была принята в атмосфере революционного кипения и при помощи революционных методов»⁹⁴.

«Постановления... по вопросу об упрощении русского правописания», включающие в себя 13 пунктов с комментарием и краткой исторической справкой к каждому из них, были приняты 11 (24) мая 1917 г., в день памяти святых Кирилла и Мефодия, и уже 17 мая вошли в циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве, который предписывал введение нового письма «безотлагательно с начала будущего учебного года»⁹⁵. Так из алфавита были удалены буквы **Ѣ, ѐ, ѝ** — вместо них теперь следовало употреблять **е, ф, и**. (О букве **ѵ** (ижица) новые правила не упоминали, однако она полностью вышла из употребления именно в результате этой реформы). Написание **ѣ** сохранено в середине слов в качестве разделительного знака, но отменено на конце слов и частей сложных слов после твердых согласных (зная об этом, нетрудно «расшифровать» строку стихотворения М. Цветаевой *Имя твоё — пять букв*, посвященного А. Блоку: в дореформенной орфографии фамилия адресата текста писалась с **ѣ** на конце — *Блокѣ*).

Церковнославянские окончания прилагательных, причастий и местоимений род. ед. *-аго, -яго* заменены русскими *-ого, -его* (именно устаревшая форма прилагательного легла в основу фамилии *Жива́го*, заглавного героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго»⁹⁶). Устранены разграничения некоторых форм мужского

⁹⁴ Кульман Н. О русском правописании. С. 12.

⁹⁵ Циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве о введении нового правописания от 17 мая 1917 г. № 5456. Цит. по: Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). С. 290–291.

⁹⁶ Ср. фамилии *Дурно́во, Недобро́во*, которые этимологически восходят к тем же формам род. ед. прилагательных *дурно́го, до́брого*, но только, наоборот, в народной огласовке, которая отражена в написании **в**, соответствующем произношению /v/.

и среднего рода, с одной стороны, и женского рода — с другой: формы местоимений женского рода *однѣ* и *онѣ* теперь уравнены с формами мужского и среднего рода *одни* и *они*, а формы именительного и винительного падежа прилагательных, причастий и местоимений женского рода *-ия*, *-ья* — с формами мужского и среднего рода на *-ие*, *-ье*. Форма притяжательного местоимения *ея* заменена на *еѣ*. Впрочем, воспоминания о них хранят поэтические тексты, например пушкинские: *Не пой, красавица, при мне / Ты песен Грузии печальной: / Напоминают мне оне / Другую жизнь и берег дальний*, а также *И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой и На крик испуганный ея / Ребят дворовая семья / Сбежалась шумно...*

Унифицировано написание *-с-* вместо *-з-* на конце приставок *без-*(*небез-*), *воз-*(*вз-*), *из-*(*сыз-*), *низ-*, *раз-* (*роз-*), *через-*(*чрез-*) перед следующим глухим согласным. (Ранее написание этих приставок тоже зависело от глухости/звонкости последующего согласного, однако правило было гораздо более сложным: приставки *без-* и *чрез-/через-* следовало перед глухими согласными всегда писать с конечным *з* [*безполезный*, *черезчуръ*], а в остальных приставках буква *з* употреблялась только перед следующей *с* (и, разумеется, перед звонкими согласными): *воздать*, *возстать*, но *воскреснуть*; *раздвинуть*, *разсказать*, но *расписать*, *излить*, *изсякнуть*, но *испустить* и т. д.) Пореформенное введение варианта приставки *бес-* и по сей день вызывает неприятие у некоторых православных, ибо они уверены, что написания *бесценный*, *бесполезный*, *бесчеловечный* и т. д. якобы прославляют «беса» и приписывают ему те качества, которых он иметь не может. Приставка *бес-* и существительное *бес* стали омографами именно после реформы: в результате выведения буквы **ѣ** из алфавита и отмены написания **ѣ** на конце слов (по правилам дореформенной орфографии и в соответствии с этимологией написание существительного выглядело так: *бѣсъ*, а приставки — *без-*: *безѣнный*, *безполезный*, *бесчеловѣчный* и т. д.).

Указано на желательность, хотя и необязательность употребления буквы **ѣ**. Если раньше об отсутствии перехода **е** в **о** сигнализировала буква **ѣ** (ср. *мѣдь* — *медѣ*), то после отмены **я** для этого различия могла использоваться только буква **ѣ** (ср. *медь* — *мѣд*).

Признаны допустимыми как слитное, так и раздельное правописание наречий (*сверху* и с *верху*, *вдвое* и в *двое* и т. п.). И наконец, утверждены правила переноса.

Уже от имени советской власти, для которой упрощение правописания стало одной из первостепенных задач, были созданы три руководства к проведению реформы. 23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет, согласно которому предписывалось «в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию»: по-новому с 1 января 1918 г. должны печататься все периодические (журналы, газеты) и непериодические (книги, труды, сборники и т. п.) издания, писаться все документы и бумаги, а в школах новые правила предполагалось вводить постепенно. Однако, по воспоминаниям А. В. Луначарского, «на декрет, можно сказать, никто даже и ухом не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту...»⁹⁷. Поэтому устами одного из большевистских главарей — комиссара печати, пропаганды и агитации В. Володарского было заявлено: «Появление каких бы то ни было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы»⁹⁸. 10 октября 1918 г. Совет народных комиссаров утвердил второй декрет, несколько уточнявший вводимые правила: здесь уже нет упоминания о букве ё, а также о слитных и отдельных написаниях. Но самое главное — новые нормы правописания были представлены в этом декрете как разработанные Народным комиссариатом просвещения, и тем самым орфографические изменения становились важной акцией именно советского правительства. 14 ноября 1918 г. Высший совет народного хозяйства принял постановление «Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии». Этот документ требовал прекратить отливку исключенных из русского алфавита букв, изъять их матрицы из касс наборных машин, печатать все издания по новой орфографии, а за нарушение постановления установить штраф.

Новая орфография несмотря на всю умеренность произведенных изменений и их серьезную научную обоснованность, как и все новое, приживалась трудно. Л. Успенский в книге «Слово о словах» писал: «...Газеты и брошюры упорно выходили с твердыми знаками на конце слов, несмотря на все запреты. Пришлось пойти на

⁹⁷ Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Красная газета. 1930. 6 и 7 января (веч. вып.). Перепечатано в: Луначарский А. В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку, 1930. С. 20–26.

⁹⁸ Там же.

крайние меры. <...> Матросские патрули обходили столичные петроградские печатни и именем революционного закона очищали их от “ера”... Стало нечем означать и “разделительный ер” в середине слов. Понадобилось спешно придумать ему замену — вместо него стали ставить в этих местах апостроф или кавычки после предшествующей буквы... Это помогло: теперь на всей территории, находившейся под властью Советов, царство твердого знака окончилось. <...> По окончании Гражданской войны все пришло в порядок. Мир наступил и в грамматике»⁹⁹.

Удивительно, что еру нашли замену в виде апострофа и, что уж совсем нелепо, одной из кавычек («»). Ведь ъ (ерь) не был отменен: он сохранялся в типографской кассе и мог естественным образом заменить ъ в разделительной функции, которая только и осталась за последним. Предложение изъять ъ из алфавита, заменив его в разделительной функции ерем, и, соответственно, писать *свезд*, *объём*, *адъютант*, *трехъярусный* и т.п. обсуждалось в последние десятилетия XIX в., предлагалось проектами Московского (1901) и Казанского (1902) педагогических обществ, а также, конечно, обсуждалось Орфографической комиссией 1904 г. и было признано слишком радикальным. Таким образом, в условиях «революционной» борьбы с ером было бы логично в единственной оставшейся у ера функции заменить его ерем, сделав реформу чуть более радикальной за счет проведения одного из отвергнутых Орфографической комиссией предложений. Интересно, что после «наступления мира в грамматике» в 20–30-е гг. пришлось вести уже борьбу за возвращение «старорежимного» твердого знака¹⁰⁰, причем успело вырасти уже поколение новых «консерваторов» — сторонников апострофа. См. обращение к твердому знаку писателя-сатирика Эмиля Кроткого (1928):

Я позабыл уж смысл твой куцый
(И без тебя довольно дел),
Но ты — под вихрем революций.

⁹⁹ Успенский Л. В. Слово о словах. Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974. С. 195.

¹⁰⁰ Так, в правилах набора и корректуры, разработанных Технико-орфографической комиссией при Госиздате, отмечалось: «Считать употребление ’ (апострофа) несвойственным русскому языку и ставить вместо него в значении отделительного знака ъ в конце приставок, а также в середине сложных слов перед е, я, ю, напр.: *въявь*, *свездить*, *сьюлить*, *фельдъегерь*, *трехъярусный*, *конъюнктура*, *адъютант*» (Технико-орфографические правила. М.; Л., 1927).

Ты, оказалось, уцелел.
Пусть на меня посмотрят косо,
Пусть, наконец, пошлют в ликбез
По предписанию Наркомпроса, —
Мой лозунг: «Твердых знаков без!»
Я слишком стар для новых правил,
В середине слов, для пользы строф,
Я буду ставить, как и ставил,
Столь элегантный апостроф.

ОБЪЯВЛЕНИЕ № 2 Команданта гор. Одессы и Порта,

27-го апреля 1919 г., город Одесса.

Предлагаю гражданам города Одессы в случаях нахождения на квартирах бандитов немедленно звонить по телефонам №№ 8-11, 67-81 и 8-21, куда немедленно мною будут высланы лица являющиеся в моем распоряжении вооруженные силы для ликвидации грабителей, также обращаться в случаях обысков в восточной части для установления виновности таковых.

Командант гор. Одессы и Порты: **Домбровский.**

Использование апострофа вместо буквы ер в газете 1919 г.

Использование апострофа вместо буквы ер в современном тексте

Борьба с ером, в условиях революции вышедшая за пределы, предусмотренные реформой, в каком-то смысле соответствовала настроениям большевистских идеологов, которые смотрели на орфографическую реформу 1917–1918 гг. с подозрением — именно

вследствие ее умеренности. По признанию наркома просвещения Луначарского, «[с]оветское правительство прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, “февральское”, а не октябрьское»¹⁰¹. И дело не ограничивалось только борьбой с ятем, ером и иже с ними. Замыслы были более масштабными: руки прямо-таки чесались перевести русское письмо с кириллического на «латинский алфавит Октябрьской революции». Идея создания единого «нового алфавита — алфавита социализма» (разумеется, на основе наиболее распространенного в мире латинского алфавита) была созвучна идее мировой революции, и хотя эти значительно более далеко идущие планы пришлось на некоторое время отложить, уже в 1925 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА, просуществовавший до 1937 г.), который занимался созданием новых и латинизацией существующих алфавитов для народов СССР¹⁰².

Как было сказано выше, даже умеренная реформа приживалась не без трудностей. Отдельные советские издательства допускали в текстах дореформенные написания вплоть до 1923 г., а эмигрантские издания сохраняли верность дореформенному письму, ставшему ностальгическим символом прежней России, до последнего номера (например, парижская газета «Возрождение» — до 1940 г.). У большинства носителей языка новый облик печатного слова вызывал раздражение. Однако через некоторое время пишущий «свыкся

¹⁰¹ Луначарский А. В. Латинизация русской письменности. С. 20–26.

¹⁰² Вот что писал в 1930 г. не какой-нибудь замшелый пропагандист, а выдающийся лингвист Н. Ф. Яковлев, который был активным сторонником латинизации русской письменности: «...На этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм, — род графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада... На смену алфавиту, который в эпоху царизма служил орудием эксплуататорской политики помещичье-феодалного и буржуазного классов и который по традиции до сих пор несет в себе наследие этой идеологии, на смену алфавиту, который, как форма, уже изжил самого себя, который не соответствует пролетарскому содержанию современной печати в период строительства социализма, сейчас должен быть создан новый алфавит — алфавит социализма, должна быть создана международная графическая форма, вполне соответствующая содержанию социалистической культуры» (Яковлев Н. Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. С. 35–36).

с большинством повелительных декретных указаний» и «перестал испытывать болезненное чувство толчка на ухабе, когда безжалостным толчком выбивал Ъ и заменял ее грубым е»¹⁰³.

Тем не менее орфографическая реформа 1917–1918 гг. весьма способствовала устранению неоправданного орфографического разнобоя, хотя нововведения не коснулись целого ряда спорных написаний, по-прежнему остававшихся вариантными: **о** и **ё** после шипящих (*чёрный* и *чорный*), удвоенных согласных (*ветренный* и *ветренный*), непроверяемых гласных (*калач* и *колач*) и др.

§ 6. Упорядочение русской орфографии в советский и постсоветский периоды

Дальнейшее развитие орфографического строительства было связано с очевидной для многих лингвистов недостаточностью реформы 1917–1918 гг., которая не решила многих проблем упорядочения русского правописания. И хотя, по мнению Л. В. Щербы, неизбежным следствием всяких орфографических изменений становится снижение грамотности, так как самим фактом реформы подрывается авторитет орфографии как стабильной и неизменной системы написаний и определяющих их правил, в ноябре 1929 г. при Главнауке была вновь сформирована Орфографическая комиссия (под председательством ученого секретаря управления Г. К. Костенко). Результатом деятельности этой комиссии стал Проект Главнауки о новом правописании (опубликован в 1930 г.), включавший 20 пунктов и ориентированный на упрощение правил в целях «сокращения времени, затрачиваемого на овладение техникой грамотного письма». Проект предлагал решительные и далеко идущие изменения: использовать в качестве разделительного знака только **ъ**; никогда не писать **ь** после шипящих; после **ж, ч, ш, щ** под ударением писать всегда **о** (*пчолка, щоки, жоны, шол*); сохранять удвоенные согласные лишь при встрече одинаковых букв в корнях (*жужжать*), в корнях и приставках (*поддержка*) и в глаголах на *-ся* (*спасся*), но писать *деревянный, русский*; все сложные прилагательные писать в одно слово без дефиса (*бледнорозовый, Московскоказанская*) и т. п. Этот проект

¹⁰³ Кривенко В. С. Точки над «И» (Еще о новой орфографии) // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 9.

одобрен не был: прежде всего критики отмечали, что у его создателей отсутствовала четкая позиция относительно того, какими орфографическими принципами следует руководствоваться при реформировании правописания, вследствие чего все предложения были направлены не столько на урегулирование орфографии, сколько на ее прямолинейное упрощение.

Если бы Проект Главнауки 1930 г. утвердили, тот текст, который в предыдущем параграфе был приведен в дореформенной орфографии, принял бы следующий орфографический облик:

Осени впечатления в деревне

Солнушко с каждым днем греит слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуишься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровыи хлеба, и повсюду, куда ни взглянешь, торчит сплош одна соломенная щетина. Из свиныховых туч беспрестано льется мелкий дождь и превращаишт улицы в лужи, полныи черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищит в ветвях оголенных деревьев и заставляишт легкии деревянныи ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхии избушки.

Въезжаим в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагаются кто где можыт, лиш бы укрыться от этово осеневго ненастья. Продрогшыи куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькии крылушки. Воробыи забились в свои мяжкии гнездушки. Угрюмыи исхудалыи дворянжыи также свернулись комком и не выхают из под сиротливо стоящих у плетня телег¹⁰⁴.

С середины 1930-х упорядочением правописания стали заниматься две комиссии: одна — в Москве при Ученом комитете Наркомпроса, другая — в Ленинграде при кабинете славянских языков Института языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН). Обе комиссии работали над унификацией тех написаний, в которых наблюдались колебания. Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 10 июля 1939 г. эти органы были объединены в Комиссию по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка (во гла-

¹⁰⁴ Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. М.: Наука, 1966. С. 132.

ве с акад. С. П. Обнорским), задачей которой была провозглашена уже не реформа правописания, а упорядочение, уточнение правил, устранение неоправданных исключений, орфографических вариантов. С 1940 по 1954 г. Орфографическая комиссия не собиралась, однако ученые продолжали вести работу над созданием единого свода правил русской орфографии и пунктуации (было предложено 11 проектов подобного рода). Эта деятельность завершилась созданием «Правил русской орфографии и пунктуации», которые были утверждены Президиумом Академии наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г.

Обратим внимание на юридический казус: к моменту появления этих Правил в стране продолжал действовать декрет «О введении новой орфографии», утвержденный Совнаркомом 10 октября 1918 г. И поскольку ни одна из институций, утверждавших Правила 1956 г., не была вправе отменять это законодательное распоряжение, новый правописный свод можно рассматривать как внутриведомственный документ АН СССР, Минвуза СССР и Минпроса РСФСР. Разумеется, общепринятая интерпретация Правил-1956 была иной: они считались обязательными даже для тех письменных практик, которые не были включены в сферу действия декрета Совнаркома.

Правила свода (203 параграфа, из которых 124 посвящены орфографии и 79 — пунктуации) не только во многих случаях «исключили исключения», ликвидировали разноречивую ряд написанией, но и выдвинули ряд совершенно новых положений:

1. После русскоязычных приставок на согласный, кроме приставок *меж-* и *сверх-*, всегда писать букву **ы** вместо **и**: *разыграть, подытожить* и т. п.
2. Писать по единому правилу (через дефис) все наречия, образованные от прилагательных и местоимений, начинающиеся с *по-* и оканчивающиеся на *-ки, -ьи, -ому, -ему*: *по-русски, по-птичьи, по-соловьиному, по-моему, по-пустому*.
3. Писать по единому правилу (через дефис) все прилагательные, образованные из двух основ и обозначающие: а) качество с дополнительным оттенком: *раскатысто-громкий, горько-солёный*; б) оттенки цветов, например: *ярко-синий, темно-русый, изжелта-красный*.

Введение для большинства написаний единой безвариантной нормы привело к утверждению так называемого орфографического режима, который имел и некоторые довольно печальные последствия, породив своего рода орфографический фанатизм: владение навыками правописания оказалось возведенным чуть ли не в ранг нравственной категории. Однако и этот свод правил, который считается действующим и поныне, не разрешил всех вопросов, связанных с упорядочением норм правописания: так, например, в нем сохранялась труднообъяснимая зависимость слитного или дефисного правописания элемента *пол-* от следующей буквы; слитность или раздельность написания отдельных наречий хотя и регламентировалась правилами, но зачастую объяснялась лишь устойчивостью традиций письма; оставалось не вполне упорядоченным написание сложных прилагательных и т. п.

Поэтому Постановлением Президиума АН СССР от 24 мая 1963 г. вновь была образована Орфографическая комиссия, названная Комиссией по усовершенствованию русской орфографии. Ее председателем был назначен акад. В. В. Виноградов, заместителем председателя — М. В. Панов. В состав этой комиссии входили не только выдающиеся языковеды (как А. А. Реформатский и С. И. Ожегов), но и учителя, психологи, писатели (например, К. И. Чуковский). Перед нею, как подчеркивалось в постановлении, ставилась цель в весьма сжатые сроки (к 1964 г.) «внести усовершенствования и упрощения в систему правописания», причем необходимость упрощения связывалась с «настойчивыми требованиями советской общественности» и объяснялась низким уровнем грамотности в стране. Предложения, выдвинутые этой комиссией, отчасти повторяли положения проекта Главнауки и носили достаточно радикальный характер: например, в разделительной функции употреблять только **ь**; после **ц** писать только *и* (*огурци, бледнолиций*); после шипящих не писать **ь** (*ноч, рож, читаеш*); отменить чередования в корнях *-зар-/зор-, -раст-/рост-* и др.; полностью устранить исключения и писать *брошура, жури, парашут; заец, заечий; деревянный, оловянный, стеклянный* и т. п.

В случае принятия Проекта 1964 г. экспериментальный текст «Осенние впечатления в деревне» имел бы такой орфографический вид:

Осенние впечатления в деревне

Солнышко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах по услышанным уже веселого птичьему

го пения; в помертвелых лугах не полюбуешься пестрым разнообразием цветущих растений; с полей уже давно убрали рож и даже яровые хлеба, и повсюду, куда ни взглянеш, торчит сплош одна соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестанно льется мелкий дождь и превращает улицы в лужи, полные черной жидкой грязи. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляет легкие деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, расстилающийся по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхие избушки.

Въезжаем в деревню. На улице полнейшее безлюдье. Все располагаются кто где может, лиш бы укрыться от этого осеннего ненастья. Продрогшие куры приютились под навесом сараев, завернув головы под тепленькие крылышки. Воробьи забились в свои мягкие гнездышки. Угрюмые исхудалые дворняжки также свернулись комком и не выходят из-под сиротливо стоящих у плетня телег¹⁰⁵.

Предложения комиссии, опубликованные в газете «Известия», вызвали бурный общественный протест. По мнению В. В. Лопатина, «при всей чисто научной, лингвистической обоснованности многих предложений авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок, вызванный реакцией на ломку ряда традиционно (исторически) сложившихся правил и принципов письма и основанных на них устоявшихся орфографических навыков»¹⁰⁶. Прекращение обсуждения совпало со снятием Н. С. Хрущева, и любопытно, что проект 1964 г. и по сей день, полвека спустя, рассматривается в общественном сознании как одно из проявлений хрущевского волюнтаризма и научной несостоятельности. Тем не менее несмотря на спорность в научном отношении многих предложений деятельность орфографических комиссий 1930-х и 1960-х годов породила целый ряд весьма ценных исследований, определяющих принципы построения русской орфографии. В частности, в 1965 г. вышла в свет созданная по заданию Комиссии фундаментальная работа «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)».

В 1973 г. распоряжением Отделения литературы и языка АН была организована новая Орфографическая комиссия (председа-

¹⁰⁵ Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. М.: Наука, 1966. С. 132.

¹⁰⁶ Лопатин В. В. Из истории реформирования русского правописания // Портал «ГРАМОТА.РУ» http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/orthografia/28_15 (дата обращения: 08.05.2018).

тель акад. В. И. Борковский) — при Институте русского языка АН СССР. Предложения этой комиссии, гораздо менее радикальные, были сформулированы в 1973 г. и переданы в Президиум АН СССР, однако не получили никакого отклика. Орфографическое строительство было законсервировано, приостановилось и обновление академического «Орфографического словаря русского языка» (последним дополненным стало 13-е издание 1974 г., и до 1991 г. этот словарь переиздавался только в стереотипном виде).

Работа по усовершенствованию правил правописания возобновилась лишь спустя 15 лет, в 1989 г., когда в Институте русского языка АН СССР была создана Орфографическая комиссия в новом составе (председатель акад. Д. Н. Шмелев, после него — чл.-корр. Ю. Н. Караулов, затем В. В. Лопатин). Основным результатом ее работы стал проект новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации», подготовленный к 2000 г. и призванный заменить «Правила» 1956 г. Целью проекта было, с одной стороны, привести правила в соответствие с современным уровнем развития лингвистики, сделать их более подробными, восполнив некоторые упущения свода 1956 г., с другой — учесть современное состояние самого языка, ввести новый материал и разработать принципы правописания новых слов. В 1991 г. под руководством В. В. Лопатина появилось 29-е, исправленное и дополненное, издание «Орфографического словаря русского языка». Но в это же время было решено подготовить *принципиально новый* орфографический словарь, который появился в 1999 г. под названием «Русский орфографический словарь». Словарь включил в себя 160 тысяч словарных единиц, превзойдя по объему прежний более чем в полтора раза, и впервые регламентировал написание множества новых слов, появившихся в русском языке в конце XX в.

Положения нового проекта Орфографической комиссии вызвали бурное обсуждение, которое сопровождалось накалом публицистических страстей: средства массовой информации буквально пестрели заголовками «Реформа орфографии... плюс варваризация всей страны», «Русскому языку грозит “зачистка”», «Школьников научат новому русскому», «Всех накроет парашут, или Остановите Лопатина!», «Реванш двоечников», «Новояз-2000» и т. п. Однако в действительности предлагаемые изменения не претендовали на статус реформы: они не покушались на главные устои нормы и не затрагивали основных принципов русской орфографии. Напротив, авторы проекта пытались привести в соответствие с существу-

ющей нормой и руководящими принципами те написания, которые, в силу различных исторических обстоятельств, либо вступают в противоречие с реально сложившейся практикой, либо не являются типичными, либо не согласуются с актуальными тенденциями языкового развития.

Прежде всего следует отметить, что авторы проекта совершенно справедливо отказывались именовать свои предложения «реформой», говоря лишь о «корректировке» некоторых устаревших орфографических норм. Первая группа нововведений касалась правописания лишь некоторых наиболее употребительных, относительно давно и прочно укоренившихся в нашем языке иноязычных слов, которые предлагалось передавать на письме в соответствии со слоговым принципом русской графики. Пункт четвертый касался унификации одного из самых одиозных исключений — написания прилагательного *розыскной*: «...писать *розыскной* вместо *розыскной*, устранив тем самым не оговоренное в своде 1956 г. исключение из правила написания приставки *роз-/раз-*. Написание этой приставки не подчиняется общему правилу употребления букв на месте безударных гласных: здесь в безударной позиции пишется буква *а*, хотя под ударением — только *о*, напр.: *раздать*, но *розданный*; *расписать* и *расписной*, но *роспись*; *рассыпной*, но *россыпь*; *распускать*, но *ропуск*; *разливать* и *разливной*, но *розлив*. Поэтому и для слова *розыскной* не действует проверка словом *розыск*. Следует писать: *разыскивать*, *разыскной*, *разыскник*, *оперативно-разыскной*, *следственно-разыскной*, *служебно-разыскной*. Слово *розыскной* активизировалось (в таком написании) с 30-х годов XX в., и, хотя правильное написание *разыскной* предлагалось в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1939 г.) и в первоначальном проекте академического “Орфографического словаря русского языка” под ред. С. И. Ожегова (1952 г., корректура), оно так и не прошло тогда в орфографические словари — полагаем, по внелингвистическим причинам».

Рекомендация пятая вызвана изменением узуса — именно на практику употребления предлагают ориентироваться в этом случае авторы реформы: писать с окончанием *-е* формы предложного падежа существительных на *-ий*, дательного и предложного падежей существительных на *-ия*, имеющих односложную основу, напр.: *кий* — *о кие*, *змей* — *о змие*, *Вий* — *о Вие*, в «*Вие*», *Пий* — *о Пие*, *Ия* — *к (об) Ие*, *Лия* — *к (о) Лие*, *Бия (река)* — *к (о, на) Бие*. Основанием для этого изменения является преобладание таких написаний в практике пе-

чати, несмотря на действующее правило (свод 1956 г., § 40), предлагающее писать с особым окончанием *-и* указанные формы всех существительных на *-ий*, *-ия*.

Предложение шестое — одно из немногих нововведений, которому, на наш взгляд, действительно следовало решительно воспротивиться: «...писать прилагательное *ветренный* с двумя *н* (вместо одного) — как пишутся все другие отыменные прилагательные с этим суффиксом, всегда безударным: ср. *буквенный*, *болезненный*, *вахтенный*, *маневренный*, *бессмысленный* и т. п., в том числе и другие образования от слова *ветер*: *безветренный*, *наветренный*, *подветренный* (но: *ветряной*, *ветряная оспа* — с другим суффиксом). Так же писать слова, производные от *ветренный*: *ветренность*, *ветренник*, *ветреница*, *ветренно* (предикатив: *сегодня на дворе ветренно*)». Сохранить суффикс *-ен-* с одним *н* у прилагательного *ветренный* необходимо с семантической точки зрения. То обстоятельство, что эта лексема в большинстве пособий и справочников вынесена в раздел исключений, связано лишь с громоздкостью объяснения данного написания, но не с отсутствием в нем глубокой внутренней логики. Дело в том, что суффикс *-ен-/-ён-* в немногих относительных прилагательных вступает в семантическую оппозицию с суффиксом *-ян-*. Если рассмотреть такие пары отыменных прилагательных, как *ветренный* — *ветряной*, *масленный* — *масляный*, *солёный* — *соляной*, *серебрёный* — *серебряный*, то можно заметить, что в каждом случае второй член пары называет такой признак, характеризующийся мотивирующим словом (*ветер*, *масло*, *соль*, *серебро*), который в самом общем виде можно назвать основным, тогда как первый член каждой пары обозначает лишь добавочный признак. Вот почему *масляным* может быть сосуд, предназначенный для хранения масла, а *масленным* — сосуд, лишь испачканный маслом; *соляным* — столб, состоящий из соли, а *солёным* — огурец, лишь содержащий соль; *серебряной* — ложка, сделанная из серебра, а *серебрёной* — ложка, лишь покрытая серебром; *ветряной* — мельница, действующая на основе силы ветра, а *ветреной* — погода лишь с участием ветра. Устранение суффикса *-ен-* в прилагательном *ветренный* разрушило бы эту значимую оппозицию.

Предложение седьмое также вызвало серьезные возражения:

«...изменяется правило о написании *нн* и *н* в полных формах страдательных причастий прошедшего времени и соотносительных с ними прила-

гательных. По действующему правилу (свод 1956 г., §§ 62–63) орфографически разграничиваются причастия и прилагательные (кроме заканчивающихся на *-ованный, -еванный*), не имеющие приставки: *читанные на заседании доклады* и *читаная книга*. Фактически указанное орфографическое разграничение касается только глаголов несовершенного вида, образования же от многочисленных беспривставочных глаголов совершенного вида пишутся только с двумя *нн* (*купленный вчера товар* и *купленный товар*). Новое правило основано на критерии видовой принадлежности глагола. Предлагаемое в нем изменение заключается в отказе от орфографического разграничения причастий и прилагательных (не на *-ованный, -еванный*), образованных от глаголов несовершенного вида; для тех и других принимаются написания с одним *н*: *жареная на масле картошка* и *жареная картошка*, *коротко стриженные волосы* и *стриженные волосы*, *груженные дровами повозки* и *груженные повозки*. Для образований от глаголов совершенного вида сохраняются единые написания с двумя *нн* (*брошенный, конченный, лишенный, решенный* и др.). Старое правило представляет собой исключение среди тех правил, которые относятся к передаче буквенного состава слов, так как его применение требует обращения к контексту, синтаксического анализа. Оно является исключением еще и потому, что требует орфографического разграничения лишь в пределах одного разряда соотносительных причастий и прилагательных, тогда как подавляющее большинство полных форм причастий и прилагательных на *-нный* (они образованы от глаголов совершенного вида) передается на письме одинаково (не говоря уже о формах на *-тый*). К тому же это трудное для практического применения правило на деле приводит к орфографическому разграничению не причастий и прилагательных (как сформулировано в правиле 1956 г.), а форм с зависимыми словами и без них: первые пишутся с *нн*, вторые — с *н*. Но наличие далеко не всякого зависимого слова означает, что перед нами причастие. Если в случаях типа *стриженные парикмахером волосы*, *много раз крашенные стены* (с зависимыми словами, обозначающими повторяемость действия или указывающими на его производителя) употреблены причастия, то при других зависимых словах (*стриженные ежиком волосы*, *крашенные светлой краской стены* и т. п.) подобные образования скорее относятся к прилагательным: глагольность этих форм явно ослаблена. Таким образом, преодолевая значительные орфографические трудности, пишущий не отражает на письме заявленных в правиле языковых различий. Существующее сейчас различие написаний с *нн* и *н* не поддерживается и произношением: в таких сочетаниях, как, например, *груженные дровами повозки* и *груженные повозки*, *плетенная из ивы корзина* и *плетеная корзина*, *тканная из шерсти материя* и *тканые изделия*, слова *гружен(н)ый*, *плетен(н)ый*, *ткан(н)ый* произносятся одинаково, с одним */н/*, независимо от того, причастия это или прилага-

тельные, или от того, имеются ли при них зависимые слова. Это хорошо видно при сравнении их с такими причастными формами глаголов совершенного вида, как *данный*, *решенный*, *проценный*, где произносится удвоенное, долгое *н*. Следовательно, предлагаемое устранение орфографического различия написаний с *нн* и *н* типа *груженный* и *груженный* не означает “вмешательства в язык”. В новом правиле может представляться трудностью необходимость определения глагольного вида. Но, с одной стороны, есть возможность ориентироваться и на наличие/отсутствие приставки: все образования от глаголов несовершенного вида — бесприставочные, в то время как бесприставочные глаголы совершенного вида представляют собой очень немногочисленную группу (образованные от них причастия перечислены в § 106, п. 1 данного проекта). С другой стороны, применение нового правила вовсе не требует постоянного обращения к видовой принадлежности глагола. Отмена основной трудности действующего правила (необходимости синтаксического анализа для установления написания слова) означает, что начинает действовать важный фактор — запоминание буквенных обликов слов. Под новое правило естественно подпадают образования *деланный* (*деланое равнодушие*), *считанный* (*считанные минуты*) и *доморощенный*, до сих пор писавшиеся с *нн*, а также *конченый* (*конченный человек*), писавшееся с одним *н*».

Нам представляется, что, во-первых, данное предложение лишь усложнило бы действующие правила, вменяя в обязанность пишущему учитывать еще и видовую принадлежность того глагола, от которого образуется причастие или прилагательное. Во-вторых, что гораздо важнее, при таком подходе стирается существенное семантическое различие между самими морфологическими категориями прилагательного и причастия. Ведь суффикс с двойным *н* является у причастий морфемным выразителем их грамматического значения, т. е. способности обозначать не просто признак, а признак именно действия, а приставки и зависимые слова играют роль лишь дополнительного указания на реализованность причастного значения в данном отглагольном определении. Можно поспорить с утверждением, что в сочетаниях типа *стриженные ежиком волосы* и *крашеные светлой краской стены* ослаблена «глагольность» образований *стриженный* и *крашенный*: ведь отношения между компонентами этих словосочетаний определяются на основании вопроса *каким образом?* (*стриженные каким образом? — ежиком; крашенные каким образом? — светлой краской?*), т. е. зависимое слово является не чем иным, как обстоятельством образа действия. Кроме того, если куль-

тивировать формально-грамматический подход к разграничению отглагольных прилагательных и причастий, то как тогда быть с написаниями типа *Раненная, она тем не менее добралась до отряда?* Здесь перед нами определение, образованное от двувидового глагола *ранить* и не имеющее ни приставок, ни зависимых слов. Однако из контекста очевидно, что эта форма может быть лишь причастием (и следовательно, писаться через двойное *нн*), так как в ней присутствует имплицитное указание на время действия, уже завершившегося к моменту речи (*хотя она уже и была ранена...*), в противном случае высказывание теряет всякий смысл.

Заметим, что в научной полемике по поводу правописания одного или двух *н* в отглагольных образованиях за последние полвека было сломано немало копий. Так, В. В. Лопатин, один из авторов нынешней реформы, еще в 1966 г. опубликовал статью с попыткой доказать, что прилагательными являются все определительные формы, образованные от глаголов несовершенного вида¹⁰⁷. Отвергнутый проект «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. рекомендовал писать такие формы в зависимости от приставочности/бесприставочности (*увидеННый*, но *видеНый в тетраде*). Н. А. Еськова еще в 1966 г. аргументировала необходимость дифференцировать написание *н* и *нн* именно по видовому признаку (в причастиях и прилагательных, образованных от глаголов совершенного вида, писать *нн*, а в причастиях и прилагательных, образованных от глаголов несовершенного вида, писать *н*)¹⁰⁸, полагая при этом, что такое вмешательство в орфографическую практику будет весьма незначительным, так как страдательные причастия несовершенного вида, образованные от глаголов несовершенного вида, «редки и малоупотребительны», а чаще «являются лишь теоретически восстанавливаемыми членами парадигмы». Однако позднейшие исследования показали, что в активном употреблении ныне находится не менее полутора тысяч таких образований¹⁰⁹, так что проект

¹⁰⁷ См.: Лопатин В. В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. 1966. № 5.

¹⁰⁸ См.: Еськова Н. А. О написании *нн* — *н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи. Вып. 7. 1966.

¹⁰⁹ См.: Осенчук Л. П. Причастия страдательного залога прошедшего времени с основами несовершенного вида в современном русском языке (морфология и орфография): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Н. А. Еськовой материалом не оправдывается. Многолетний опыт показал, что любые попытки унифицировать правописание одного или двух *н* в отглагольных определительных формах пока что проходили под девизом «Пусть безобразно, зато единообразно!» Возможно, что пути решения этой непростой проблемы стоит искать в ином направлении: не «реформировать» и «корректировать», а в максимально доступной форме показать ту вполне рациональную логику, каковая была положена в основание ныне действующих правил.

Уместность восьмого предложения несомненна: здесь, собственно говоря, ничто не «реформируется» и не «корректируется» — авторы всего лишь формулируют правило, которое и без того уже давным-давно действовало под стыдливым названием «нарушение морфологического принципа орфографии»: «...остается в силе основное правило о сохранении двойных согласных на конце производящих основ перед суффиксами; однако в это правило вносятся уточнения. Они касаются введения двух новых частных правил: писать одну согласную букву перед суффиксом *-к(а)* в уменьшительных и фамильярных формах личных имен типа *Алка* (от *Алла*), *Эмка* (от *Эмма*), *Кирилка*, *Филипка* (от *Кирилл*, *Филипп*) и одну букву *н* — в любых существительных с суффиксом *-к(а)*, напр.: *финка* (ср. *финн*), *пятитонка*, *колонка*, *антенка*. В обоих случаях предлагаемые написания определяются существующей практикой письма. Число исключений (написаний с одной согласной буквой перед суффиксом, не соответствующих сформулированным правилам) уменьшается до трех: *кристальный*, *финский*, *оперетка*».

Значительная группа предложений затрагивает общую проблему слитных, дефисных и раздельных написаний применительно к различным частям речи и отдельным словам. Эта сложная проблема с великолепной простотой сформулирована В. Ф. Ивановой в книге «Трудные вопросы орфографии»: «Принято писать отдельно отдельные слова. Раздельное написание самостоятельных слов, в свою очередь, тоже чем-то определяется (нужно решить: какой отрезок текста и на каких основаниях можно считать отдельным словом). Выявление оснований для разделения отрезков текста на отделенные друг от друга пробелом части следует считать выявлением принципов, лежащих в основе слитных, раздельных и полуслитных (дефисных) написаний»¹¹⁰. Общим принципом, которым руковод-

¹¹⁰ Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1982. С. 118.

ствуется пишущий при выборе одного из таких вариантов, является лексико-морфологический. Проще говоря, части одного слова (т.е. морфемы) следует писать слитно, а отдельные, самостоятельные слова — раздельно или через дефис (в зависимости от типа отношений между ними).

Поэтому более чем разумными кажутся нам предложения девятое и десятое, так как словообразовательная активность элементов *экс-*, *аудио-*, *видео-* и т.п. давно уже позволяет говорить об их переходе в разряд приставок (префиксов) или, по крайней мере, префиксоидов: «...писать слитно образования с приставкой *экс-* в значении “бывший”, которая соединяется с существительными и прилагательными, напр.: *экспрезидент*, *эксминистр*, *эксчемпион*, *экссоветский* — так же, как образования с той же приставкой в значении ‘вне’: *экстерриториальный*, *экспатриация*. Объединение в своде 1956 г. (§ 79, п. 13) более свободно функционирующего компонента *экс-* с пишущимися через дефис компонентами *обер-*, *унтер-*, *лейб-*, *штаб-*, *вице-*, встречающимися в узком кругу названий должностей и званий, не имеет убедительных оснований. Распространить правило свода 1956 г. о слитном написании слов с начальными компонентами типа *аэро-*, *авиа-* на образования с появившимися в последние десятилетия компонентами *аудио-*, *видео-*, *диско-*, *макси-*, *медиа-*, *миди-*, *мини-*, *ретро-* (среди них — такие, которые до сих пор обычно пишутся через дефис). Писать: *аудиоаппаратура*, *видеомагнитофон*, *дискоclub*, *максиюбка*, *медиахолдинг*, *мидимода*, *минитрактор*, *ретромузыка* и т.п.».

Одно из предложений призвано устранить труднообъяснимую зависимость правописания элемента *пол-* от следующей буквы: «писать соединения с компонентом *пол-* (‘половина’) всегда через дефис: не только *пол-листа*, *пол-апельсина*, *пол-одинадцатого*, *пол-Москвы*, но и *пол-дома*, *пол-комнаты*, *пол-метра*, *пол-двенадцатого*, *пол-первого* и т.п. Унификация написаний с *пол-* заменяет прежнее правило, по которому различались написания с *пол-* перед согласными, кроме *л* (слитные) и написания с *пол-* перед гласными, согласной *л* и перед прописной буквой (дефисные)».

Выбор в качестве унифицирующего именно дефисного написания связан, очевидно, с двумя обстоятельствами: во-первых, что это единственно возможный вариант написания *пол-* перед прописной буквой (*пол-Москвы*); во-вторых же, статус элемента *пол-* не вполне ясен: с одной стороны, слишком явно «просвечивающее» лекси-

ческое значение (*половина*) приближает этот элемент к корню, но, с другой стороны, словообразовательная активность этого элемента позволяет отнести его к приставкам.

Следующий пункт проекта предлагал «заменить слитным раздельное написание следующих наречий: *всердцах, дозарезу, доупаду, заполдень, полночь, навесу, наощупь, наплаву, наскоку, наносях, подстать, непрочь*. Процесс кодификации слитных написаний наречий традиционно носит сугубо индивидуальный характер, т.е. направлен на конкретные языковые единицы. Выборочный подход к закреплению слитных написаний наречий обусловлен, с одной стороны, устойчивостью традиций письма, а с другой, живым характером процесса обособления наречий от парадигмы существительных и вытекающей отсюда возможностью различной лингвистической интерпретации одного и того же факта».

Слитность или раздельность написания отдельных наречий, регламентированная ныне существующими правилами и зачастую объяснимая лишь традиционным принципом орфографии, давно уже сделалась едва ли не главным камнем преткновения для современных носителей русского языка.

В самом деле, приставочный характер, скажем, компонента *до* в наречии *до зарезу* настолько очевиден (ибо в современном русском языке вообще не существует существительного *зарез*, родительный падеж которого мог бы управлять предложением *до-*), что даже в школьном учебнике этот раздельно пишущийся элемент откровенно назван приставкой¹¹¹, что не может не вызывать закономерного недоумения у учащихся, которым хорошо известно, что приставки являются частью слова и потому пишутся слитно.

Действующая система правил в области слитного/раздельного написания наречий, чрезвычайно громоздкая и путаная, ориентируется, вопреки подавляющему большинству современных правил орфографии, не на морфологический принцип, а лишь на устойчивую традицию. Согласно этой системе при выборе слитного или раздельного написания пишущий обязан учитывать целый ряд разнообразных факторов, от фонетических, морфологических и синтаксических до семантических, как то:

¹¹¹ См.: Русский язык: учебник для 5–6 классов / Баранов М. Т. и др. 7-е изд. М.: Просвещение, 1980. С. 132.

- какая часть речи участвует в образовании наречного сочетания (так, например, слитно пишутся наречия типа *влево и зачастую*, образованные соединением кратких или полных прилагательных с предлогами-приставками, а раздельно — наречные сочетания, состоящие из двух одинаковых существительных с предлогом между ними, как *бок о бок*¹¹²);
- какой предлог-приставка участвует в образовании наречного сочетания (слитно пишутся наречия на -о, имеющие в своем составе приставку *по-*, например *поминутно*, но раздельно — наречия с предлогом-приставкой *без-*, например *без ведома*);
- с какой буквы (гласной или согласной) начинается «бывшее существительное»¹¹³ или «бывшее прилагательное» в составе наречного сочетания (если исходное имя прилагательное начинается с гласной, наречие пишется раздельно, например *в открытую*);
- сохранились ли какие-либо падежные формы у исходных существительных (так, наречное сочетание *в головах* пишется раздельно благодаря существованию наречия *под головами*);
- прямое или переносное значение имеет существительное в составе наречного сочетания (так, раздельно пишется сочетание *в верхах = в высших, руководящих кругах общества, организации и т. п.*, но слитно — наречие *вверху*);
- возможно ли между приставкой и бывшим существительным без изменения смысла вставить какое-либо определение или поставить к такому существительному падежный вопрос (*потянуться вбок = в сторону*, но *толкнуть в бок = в правый бок*);
- причудливые сочетания вышеперечисленных факторов (например, наречие *наизнанку* пишется слитно благодаря тому, что отвечает на наречный вопрос *как?*, но вопреки тому, что а) имеет в своем составе существительное, а не полное или

¹¹² Здесь и далее формулировки правил и примеры приводятся по следующему изданию: *Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация: Справочник. М.: Высшая школа, 1993.*

¹¹³ См.: Там же. С. 102.

краткое прилагательное; б) исходное существительное *изнанка* имеет полную парадигму склонения; в) исходное существительное начинается с гласной; г) в образовании наречия участвует предлог *на*-).

Причины, по которым именно эти внешние факторы становятся определяющими при выборе написания, нигде и никем, кажется, еще не объяснены. Тем более нелепым кажется, что при этом написание некоторого числа наречий все равно не поддается логике сформулированных выше правил. Например, наречие *наутро* пишется слитно, хотя а) имеет в своем составе существительное, а не полное или краткое прилагательное; б) исходное существительное *утро* имеет полную парадигму склонения; в) исходное существительное начинается с гласной; г) в образовании наречия участвует предлог *на*-; д) между предлогом и существительным легко вставить определение, не меняющее смысла высказывания: *на следующее утро*.

Невольно приходится заключить, что в современной орфографии отсутствует как таковая система правил, регламентирующих слитное/раздельное написание наречий, а имеется лишь попытка обобщить требования узуса.

Предвидя упреки в излишнем радикализме, рискнем тем не менее сформулировать возможное логическое основание (ориентирующее написание большинства наречий на лексико-морфологический, а не традиционный принцип орфографии), которое могло бы стать рычагом будущего орфографического правила.

1. Рекомендуются писать **слитно** все наречия, образованные сочетанием

- одиночного полного прилагательного;
- одиночного краткого прилагательного;
- одиночного существительного;
- одиночного местоимения;
- одиночного наречия;
- одиночного числительного

с любыми предлогами (независимо от того, с какой буквы, гласной или согласной, начинается исходное слово), если такое сочетание имеет определенный наречный статус, т. е. обозначает непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака — качества либо свойства (*зачастую, влево, наискосок, вовсю, послезавтра, вчетвером*).

Примечание 1. Под эту рекомендацию не попадают случаи, перечисленные в п. 2 и 3 данного правила.

Примечание 2. Следует различать в написании наречия и сочетания рядом стоящих предлога и прилагательного. Ср.: *съездить впустую* (наречие; относится к глаголу: *съездить как?*) — *войти в пустую комнату* (прилагательное; относится к имени существительному: *в комнату какую?*). В затруднительных случаях можно прибегнуть к помощи синонимов (тоже наречий): *впустую = напрасно, зря* и т. п.

Примечание 3. Следует отличать слитное написание наречий, образованных соединением существительных с предлогами-приставками, от раздельного написания похожих наречных сочетаний, в которых между предлогом и существительным можно без ущерба для наречного значения такого сочетания вставить какое-либо определение. Ср. *замучиться вконец* (= *окончательно, совершенно*) — *пройти в конец* (= *в самый конец*) зала.

Примечание 4. Следует отличать слитное написание наречий, образованных соединением местоимений с предлогами-приставками, от раздельного написания сочетаний предлога и падежной формы местоимения. Ср.: *Ей стало тепло оттого, что костер разгорелся* — *Он бежит от того, от чего нельзя убежать*. В первом примере наречие *оттого* указывает на причину состояния (*стало тепло почему?*), к этому наречию можно подобрать синоним *потому* (*стало хорошо потому, что...*); во втором — местоимение *от того* указывает на объект, который в придаточной части предложения обозначен тоже местоимением (*от чего*), и замена местоимения *от того* наречием *потому* исказит смысл предложения.

2. Рекомендуется писать через **дефис**:

— наречия, образованные повторением одного и того же слова (*вот-вот*), в том числе осложненные приставкой, суффиксом (*крепко-накрепко, мало-мальски*) или предлогом между ними (*бок-о-бок, тютелька-в-тютельку, один-на-один* и т. п., аналогично и ныне принятому дефисному написанию наречия *точь-в-точь*), а также наречные беспредложные сочетания, где одно из существительных стоит в именительном, а другое — в творительном падеже (*честь-честью*), и сочетания, образованные соединением синонимичных слов (*нежданно-негаданно*).

Примечание. Не ставится дефис в повторяющихся основах типа *ревмя ревет, кишмя кишит* и т. п., так как здесь наречия не входят в состав сложного слова, а определяют глаголы: *ревет как? ревя;*

- наречия, образованные сочетанием полных прилагательных или притяжательных местоимений, оканчивающихся на *-ому, -ему, -ки, -ски, -ьи*, с предлогом *по-*, перешедшим в разряд приставок (*по-доброму, по-вашему, по-немецки, по-английски, по-волчьи*);
  - наречия, образованные от порядковых числительных с помощью приставки *в-/во-* (*во-первых, в-третьих*), и — по аналогии — наречие *в-последних*;
  - неопределенные наречия, имеющие в своем составе частицы, лишь приближающиеся по значению к аффиксам: *кое-, -либо, -нибудь, -то* (*кое-кто, что-либо, где-нибудь, когда-то*).
3. Рекомендуются писать **раздельно** наречия, образованные от существительных с предлогами, если исходные существительные сохранили в составе наречных сочетаний некоторые падежные формы (*поставить в туник — оказаться в тунике*), а также наречные сочетания устойчивого фразеологического характера, состоящие из нескольких разнокорневых слов (т. е. *с боку припека, с начала до конца, без зазрения совести*);
- нескольких слов, принадлежащих к различным частям речи (*во веки вечные*);
  - сочетания нескольких слов с предлогом перед ними (*во веки веков*).

Лексико-морфологический принцип орфографии положен в основу и следующих рекомендаций:

«Писать через дефис сочетания, состоящие из существительного в именительном падеже и того же существительного в творительном, имеющие усилительное значение, напр.: *честь-честью, чин-чином, молодец-молодцом, дурак-дураком, бревно-бревном, свинья-свиньей*, и таким образом подвести их под общее правило написания сочетаний-повторов. Дефисные написания отграничат их от сочетаний именительного падежа с творительным и последующим союзом *а* или *но*, не имеющих усилительного значения — таких, как: *дружба дружбой, а служба службой; смех смехом, но...*; *шутки шутками, но...* и т. п. Сочетания последнего типа могут быть образованы едва ли не с любым существительным, тогда как “усилительные” повторы образуются лишь с формами существительных определенной семантики.

Распространить слитное написание на все сложные существительные особого структурного типа — с первой частью, совпадающей с формой повелительного наклонения глагола. Писать слитно не только *горюцвет, держиморда, вертишейка, скопидом, сорвиголова, грабьярмия* и т. п., но и *перекатиполе, гуляйгород* (писавшиеся через дефис), *неразлейвода* (писавшееся раздельно, в три слова), *вырвиглаз* (слово, впервые орфографически регламентированное в академическом “Русском орфографическом словаре” 1999 г.).

Писать через дефис местоимение *друг-друга*, являющееся фактически единым словом, хотя и пишущееся до сих пор раздельно. Оно относится к классу местоимений-существительных и составляет особый их разряд — взаимно-возвратное местоимение (см., например, энциклопедию “Русский язык”, 1997, статьи “Местоимение” и “Возвратные местоимения”). Все грамматические особенности объединяют это слово с другими местоимениями-существительными, ни одно из которых (в беспредложных формах) не пишется раздельно. Как и у слов *себя, некого, нечего*, у слова *друг-друга* нет формы именительного падежа; как и у слов *кое-кто, кое-что, никто, ничто, некого, нечего*, в предложно-падежных сочетаниях предлог вставляется внутрь этого слова, первая же часть его остается неизменной: ср. *друг с другом, друг о друге* и *кое с кем, кое о чем, ни у кого, ни с чем, не на кого, не в чем* и т. п. Предлагаемое дефисное написание слова *друг-друга*, сближающее его орфографически с местоимениями с первой частью *кое-*, делает весь класс местоимений-существительных единообразным не только грамматически, но и орфографически».

Убедительным с семантико-синтаксической точки зрения кажется предложение, рекомендуемое

«...расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только сочетания с однословным приложением, следующим за определяемым словом (*мать-старуха, садовод-любитель, Маша-резвушка*), но и сочетания с предшествующим определяемому слову приложением — таким, которое, по определению свода 1956 г. (§ 79, п. 4, примечание 1), “может быть приравнено по значению к прилагательному” (*старик-отец, красавица-дочка, проказница-мартышка*), в том числе и с приложением, предшествующим собственному имени (*красавица-Волга, матушка-Русь, юноша-Пушкин, резвушка-Маша*). Обе последние группы в своде 1956 г. предлагалось писать раздельно. Из формулировки действующего правила (см. § 79, п. 14, примечание 3а) следует, что сочетание нарицательного имени со следующим собственным может быть написано только раздельно. Примеры приве-

дены лишь на такие случаи, когда собственное имя является приложением. Таким образом, в этом правиле не предусмотрена возможность, когда в качестве приложения выступает предшествующее собственному имени нарицательное слово. Такие случаи, представленные в практике печати, теперь подведены под правило».

Овладение правилами, регулирующими раздельность, слитность или полуслитность передачи на письме тех или иных частей речи, представляет в современной орфографии, пожалуй, наибольшую сложность. Несколько предложений в новом своде правил русской орфографии можно рассматривать как попытку урегулировать часть написаний такого рода, а точнее говоря, уложить некоторые исключения в прокрустово ложе правил. Само по себе намерение похвальное, но осуществить его возможно лишь в одном-единственном случае — если удастся выработать относительно единый, базирующийся на внятном (т.е. удобном для объяснения) логическом основании принцип слитного, полуслитного (дефисного) и раздельного правописания сложных слов.

Если ранее в качестве критерия, определяющего тип написания, выступал семантико-синтаксический принцип¹¹⁴, требующий учитывать характер отношения основ, составляющих сложное слово, то теперь авторы реформаторского проекта русской орфографии предлагают заменить его принципом формально-грамматическим, т.е. при выборе написания, например, сложного прилагательного опираться на фактор наличия/отсутствия суффикса в основе первого компонента сложного слова. Рекомендуется

«...писать через дефис сложные прилагательные, имеющие в первом компоненте основу относительного прилагательного с суффиксом, а также основы на *-ик-*, *-лог-*, *-граф-* (соотносительные с прилагательными на *-ический*), напр.: *народно-хозяйственный*, *северно-русский*, *западно-сибирский*, *центрально-азиатский*, *водно-спортивный*, *бес-срочно-отпускной*, *первобытно-общинный*, *церковно-славянский*, *авторско-правовой*, *химико-технологический*. При отсутствии суффикса прилагательных в первом компоненте писать сложные прилагательные слитно, напр.: *нефтегазовый*, *буровзрывной*, *звукобуквенный*, *приходо-расходный*, *товаропассажирский*. Таким образом, меняется принцип написания сложных прилагательных, последняя часть которых может употребляться в качестве самостоятельного слова: семантико-синтак-

¹¹⁴ Частное проявление лексико-морфологического принципа.

сический принцип (характер отношения основ, составляющих сложное слово) заменяется формально-грамматическим. Семантический критерий остается определяющим лишь в двух группах сложных прилагательных — обозначающих оттенки качества (преимущественно цвета и вкуса) и отношения стран, языков, народов и т.п. В основу этого правила взяты положения, принятые Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой в их словаре-справочнике “Слитно или раздельно?” и опирающиеся на те тенденции, которые были выявлены ими в современной практике письма. Действующее правило написания сложных прилагательных (свод 1956 г., §§ 80–81) основано на противопоставлении написаний прилагательных с равноправным (дефисное написание) и неравноправным, подчинительным (слитное написание) отношением основ. В практике письма это правило, при всей своей кажущейся простоте, никогда последовательно не соблюдалось, что и фиксировалось в академическом “Орфографическом словаре русского языка”, причем при переизданиях этого словаря количество написаний, противоречащих действующему правилу, увеличивалось. Таковы, например, написания, зафиксированные в 13-м издании словаря (1974): *буровзрывной, асбестобетонный, нефтегазовый, газопаровой, пароводяной, водовоздушный*, а также *буржуазно-демократический, военно-исторический, парашютно-десантный, жилищно-кооперативный, государственно-монополистический, научно-исследовательский, научно-фантастический, ракетно-технический, уголовно-процессуальный, гражданско-правовой, врачебно-консультационный, молочно-животноводческий, народно-демократический, стрелково-спортивный, экспериментально-психологический, ядерно-энергетический* и многие другие. В 29-м издании словаря (1991) к ним добавились: *грузопассажирский, ликероводочный, геолого-разведочный, патолого-анатомический, древесно-стружечный, естественно-научный, минно-заградительный, народно-поэтический, народно-хозяйственный, первобытно-общинный, условно-рефлекторный* (и *безусловно-рефлекторный*), *церковно-приходский, церковно-славянский* и др. Так же оформляются на письме и другие сложные прилагательные, впервые зафиксированные в «Русском орфографическом словаре» (1999), например: *христиански-демократический, лечебно-физкультурный*, *новые партийно-номенклатурный, валютно-обменный*. Переход к новому, основанному на формально-грамматическом принципе правилу приведет к изменению написания еще ряда прилагательных; все такие изменения специально отмечаются в новом академическом “Русском орфографическом словаре”. В то же время в настоящем проекте сохранено в виде исключения несколько традиционных написаний по старому правилу, а также оговорено, что допускается противоречащее новому правилу слитное написание узкоспециаль-

ных сложных прилагательных, если оно опирается на устойчивую традицию. Новому правилу предлагается подчинить написание сложных прилагательных, образованных от двусловных (раздельно пишущихся) географических названий: ср., с одной стороны, *великоустюгский, новозеландский, латиноамериканский*, где в первой части сложных прилагательных нет суффикса, а с другой, *южно-американский, нагорно-карабахский, горно-алтайский, набережно-челнинский, сергиево-посадский* и т. п., где такой суффикс имеется. Влияние фактора суффикса в первой части таких сложных прилагательных давно обнаруживалось в написании составных географических наименований: входящие в их состав сложные прилагательные при наличии в первой части суффикса писались через дефис и с двумя прописными буквами, напр.: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Китайское море, Южно-Африканская Республика, Горно-Алтайская автономная область* (старое название), *Гаврилово-Посадский район* (от *Гаврилов Посад*), *Камско-Устьинский район* (от *Камское Устье*, поселок), но: *Малоазиатское нагорье, Великоустюгский район, Старооскольский район, Краснопресненский район* и т. п. (в то же время не в составе географических наименований все такие прилагательные писались слитно). Теперь прилагательные с суффиксом в первой части предлагается писать единообразно — через дефис, вне зависимости от того, употреблены они в составном наименовании или нет».

Заметим, что такое предложение возникло не вдруг, оно основывается на многолетнем тщательном анализе узуса, живой языковой практики, стихийно складывающейся закономерности выбора пишущими того или иного типа написания сложных слов. Орфографическая тенденция последних десятилетий убедительно доказывает, что в сознании пишущего «первая часть сложного слова, обремененная суффиксами, более самостоятельна, и на письме, как правило, соединяется со второй частью посредством дефиса. Суффикс придает первой части явно выраженную морфологическую подчеркнутость. Сокращенный вариант структуры легче связывается со второй частью, легче вливается в него, растворяясь в нем, — на письме это передается через слитное написание. В результате мы получаем разные написания семантически одинаковых слов, отличающихся только разной структурой»¹¹⁵. Такие написания частично фиксируются сегодняшними пособиями по русскому языку, где

¹¹⁵ Букчина Б. З. Анализ орфографических ошибок (на материале проектов терминологических ГОСТов) // Терминология и норма. М.: Наука, 1972. С. 62.

рекомендуется писать *плодоягодный* — но *плодово-ягодный*, *плодоовощной* — но *плодово-овощной*¹¹⁶.

Однако, на наш взгляд, устранение семантико-синтаксического критерия как регулятора правописания сложных прилагательных в первую очередь приведет к появлению значительного числа ошибок логических. Скажем, по новым правилам прилагательное *индоевропейский* следует писать только слитно, тогда как, согласно правилам, ныне действующим, слитностью или дефисностью написания этого слова подчеркивается смысл высказывания: так, *индоевропейскими* можно назвать, в частности, языки большинства народов Европы (слитное написание демонстрирует здесь взаимообусловленность, неразрывность компонентов в этом определении), тогда как *индо-европейскими* — культурные связи между Индией и Европой (здесь вполне возможна постановка сочинительного союза между прилагательными).

В рекомендации, касающейся правописания сложных существительных, авторы проекта, не желая поступиться любезным их сердцу формально-грамматическим принципом и по-прежнему исповедуя верность «не духу, но букве», предлагают будущим отличникам руководствоваться хотя и формальным, но принципиально иным критерием — наличия/отсутствия соединительной гласной между производящими основами исходных компонентов.

Предложение «ликвидировать исключения из правила слитного написания сложных существительных с соединительными гласными, распространив слитные написания на: а) названия единиц измерения, например: *койкоместо*, *машиноместо*, *пассажирокилометр*, *самолетовылет*, *человекодень*; б) названия политических партий и направлений и их сторонников, например: *анархосиндикализм*, *анархосиндикалист*, *монархофашизм*, *монархофашист*, *леворадикал*, *коммунопатриот* (в своде правил 1956 г. (§ 79, пп. 2 и 3) такие названия предлагалось писать через дефис)» не распространяется на все сложные существительные, а касается лишь нескольких семан-

¹¹⁶ См. основанное на семантико-синтаксическом критерии разумное объяснение такого написания: «Первое образовано от существительного *плодоовощи*, а второе — из сочетания двух прилагательных: *плодовый* и *овощной* (признаком прилагательного является суффикс *-ов-*)» (Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация. Справочник. М., 1993; М., 2001. С. 62).

тических групп, а именно названий единиц измерения и названий политических партий и направлений и их сторонников. То есть все равно сохраняется необходимость учитывать семантику слова. За рамками правила остается при этом небольшая, но весьма показательная группа слов, называющих промежуточные стороны света (*северо-восток, юго-запад* и т. п.); отдельного объяснения при такой формулировке правила потребуют слова с первой основой *динамо* (*динамо-машина*), где *-о-* является не соединительной гласной, а финалью первого компонента основы.

Таким образом, можно заключить, что очевидный разницей при выборе формального логического основания не только не устраняет уже имеющихся сложностей и отнюдь не уменьшает возможности ошибок, но и прямо их продуцирует.

Очевидно, в основание правила, регулирующего слитность, полуслитность и раздельность правописания сложных слов, следует положить тот принцип, который разумно дозировал бы семантико-синтаксический и формально-грамматический подходы.

Именно такое основание обуславливает разумность следующего предложения: «писать слитно прилагательные, образованные от раздельно пишущихся личных имен, типа *вальтерскоттовский, романроллановский, жюльверновский, маоцзэдуновский*. Такое написание фактически уже устоялось, абсолютно преобладает в практике письма (вопреки рекомендации писать их через дефис, содержащейся в своде 1956 г., § 81, п. 1)».

В самом деле, в прилагательных типа *вальтерскоттовский* очевидна неразрывность компонентов слова, подчеркнутая наличием словообразовательного суффикса, объединяющего части именованного в цельное определение — иначе говоря, в таком написании семантико-синтаксический критерий дополняется формально-грамматическим. Рекомендацию эту, на наш взгляд, следовало бы расширить, включив в число слитно пишущихся прилагательных и такие, которые образованы от существительных, пишущихся через дефис: писать *санфранцисский* (вместо *сан-францисский*, как установлено ныне действующими правилами), *дизельмоторный* (вместо *дизель-моторный*) и т. д. Тем более что существительные, образованные от пишущихся через дефис географических наименований и пишущихся раздельно восточных собственных имен, и сегодня

рекомендуется писать именно слитно: *ньюйоркцы*, *маоцзэдуновцы* и т. п.¹¹⁷.

Отдельная группа изменений касается правил, регулирующих употребление строчных и прописных букв. Общеизвестно, что с прописной буквы пишутся имена собственные, а со строчной — нарицательные. Однако сложность самого разграничения понятий «собственное имя — нарицательное имя» приводит в практике печати к разнообразию в орфографическом оформлении одних и тех же слов и их сочетаний. Значительность числа подобных колебаний привела к необходимости создания отдельного словаря¹¹⁸, регламентирующего написание такого рода. Но и словарь в этом случае не может стать панацеей от неграмотности, так как узус гораздо более оперативно реагирует на изменение внешних реалий, чем успевают это сделать лексикография. Например, на с. 84 словаря Д. Э. Розенталя «Прописная или строчная?» отмечено, что сочетание *гражданская война* следует писать со строчной, а не прописной буквы. Очевидно, по той причине, что это нарицательное название любой вооруженной классово-борьбы внутри государства и, следовательно, слово *гражданская* здесь является лишь определением, а не частью официального именованья (война может быть гражданской, отечественной, национально-освободительной и т. п.). Однако приведенное в скобках уточнение «1918–1920 гг., Россия», напротив, говорит о возможности трактовки этого словосочетания как названия конкретного события российской истории, т. е. имени собственно — в том случае, когда сочетание *гражданская война* не конкретизировано ни датой, ни местом события, а читающему тем не менее вполне понятно, о какой именно войне идет речь¹¹⁹. За прошедший со времен издания словаря период истории количество гражданских войн сильно возросло, но ведь и отечественных войн известно немало, просто официальные названия они получили разные: *Великая Отечественная война* и *Отечественная война 1812 года* (заметим, что при этом в обоих именованьях прилагательное *отечественная* пишется с прописной буквы).

¹¹⁷ См., например, издание: Валгина Н. С., Светлышева В. Н. Орфография и пунктуация.

¹¹⁸ Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). М.: Русский язык, 1984.

¹¹⁹ Ср. у Булата Окуджавы: «Я все равно паду на той, / На той *единственной* Гражданской...».

Изменения, происшедшие в общественном сознании за последние десятилетия и связанные с экстралингвистическими причинами, обусловили необходимость внести значительные коррективы в правописание священных понятий религии, официальных названий органов власти, учреждений, должностей, титулов и т. п.:

«...изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании священных понятий религии, потребовали включения в новый свод особого раздела “Названия, связанные с религией”. В основе его — практика употребления прописных букв, существовавшая в дореволюционное время и установившаяся в современной печати, — например, в словах *Бог, Господь, Богородица*, в названиях религиозных праздников, священных книг и др. Однако вводятся существенные уточнения: о написании со строчной буквы слов *бог* и *господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (например, *ей-богу, не бог весть что, не слава богу* (‘неблагополучно’), междометия *боже мой, господи* и т. п.), об употреблении прописной буквы в названиях праздников, связанных с церковным праздничным циклом, — таких как *Святки, Масленица*, и ряд других уточнений.

В официальных названиях органов власти, учреждений, обществ, научных, учебных и зрелищных заведений, политических партий и т. п. писать с прописной буквы всегда только первое слово (а также входящие в их состав собственные имена), например: *Всемирный совет мира, Государственная дума, Российская академия наук, Военно-морской флот, Союз театральных деятелей России*. Тем самым отменяются директивные рекомендации старого свода, согласно которым предлагалось писать с прописной буквы все слова, кроме служебных и слова *партия*, в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза (например: *Верховный Совет, Совет Министров СССР, Советская Армия* и *Военно-Морской Флот*), а во всех других названиях центральных учреждений и организаций писать с прописной буквы только первое слово (например, *Министерство иностранных дел СССР*: см. свод 1956 г., §§ 105–106).

Писать со строчной буквы любые названия должностей и титулов, а прописную букву использовать при именовании высших государственных должностей и титулов только в текстах официальных документов. Таким образом, отменяется правило, предусматривавшее писать с прописной буквы наименования высших должностей в СССР и со строчной — наименования других должностей и титулов (см. свод 1956 г., § 95, примечания 6 и 7)».

Значительному упрощению предполагается подвергнуть правила переноса. «В новых правилах переноса сняты многие ограничения свода 1956 г. В ряде случаев правила, прежде предлагавшиеся как обязательные, признаются лишь предпочтительными. Теперь запрет отделять гласную букву от предшествующей согласной сформулирован отдельно для букв *е, е, ю, я*, где он носит абсолютный характер, и для остальных гласных букв, где такой запрет не распространяется на положение после приставки, первой части сложного или сложносокращенного слова: переносы типа *без-ответственный, спец-одежда* признаются даже желательными. Новшеством является “правило-минимум”, в котором отдельно сформулированы только основные строгие запреты».

Был сформулирован в обсуждаемом проекте и порядок введения в действие новых правил: «Любые изменения в правописании усваиваются не сразу. Требуется определенное время, чтобы носитель языка к ним адаптировался. Это нельзя не учитывать при выработке критериев официальной оценки грамотности человека — например, при выведении оценки на выпускном школьном письменном экзамене или на приемном экзамене в вуз. Потребуется, по-видимому, какой-то переходный период (например, 3 года), в течение которого должен быть объявлен “мораторий” на признание ошибками старых, не отвечающих новому своду правил, написаний. За этот период могут быть внесены также необходимые изменения в действующие учебники и методические пособия, подготовлены новые пособия и рекомендации. Такой переходный период мог бы быть объявлен распоряжением, оформленным как приказ министра образования и обязательным для всех выпускных и приемных комиссий. Это было бы, по мнению разработчиков нового свода и членов Орфографической комиссии, наиболее рациональным решением острого вопроса, возникающего при переходе к новым правилам с их (в целом немногочисленными) изменениями правописания».

Следует отметить, что поставленная авторами обсуждаемого проекта задача корректировки правописания и в самом деле требует скорейшего разрешения, ибо многие из существующих ныне правил никак нельзя назвать «действующими»: в том, что в реальности они бездействуют, убеждает лавина ошибок, обрушивающаяся на читателя со страниц разнообразных печатных изданий. Не спасает положения и издание огромного количества всяческих справочников

и пособий, дающих более или менее подробные объяснения правилам современной русской орфографии и пунктуации. Ибо даже относительно логичные пособия по современному русскому языку предлагают изучать правописание всего лишь как сумму практических приемов. Причем правила, регламентирующие эти приемы, столь путаны и порой противоречивы, что мало кто в состоянии их успешно применить — как раз вследствие того, что в основании этих правил лежат разные, зачастую противоречащие друг другу, орфографические принципы.

Другая сторона проблемы состоит в том, что язык — это живой организм, находящийся в постоянном развитии, изменении, стремительно обновляющийся, в том числе и в области словарного состава, так что учесть все новые слова и зафиксировать их неизбежное написание не в силах ни одна грамматика и ни один словарь.

Таким образом, оказывается, что задача корректировки современной системы правописания складывается из двух составляющих. С одной стороны, невозможно не учитывать требования узуса, но нельзя и идти у него на поводу. С другой стороны, необходимо тщательно выстроить ту внутреннюю логику, на стержень которой могли бы быть нанизаны все частные орфографические и пунктуационные правила и рекомендации по написанию.

От части предложений, подвергнутых наиболее ожесточенной критике, авторы проекта в результате отказались (например, устранить исключения и писать *брошура* и *парашут*; устранить нарушения слогового принципа графики и писать *конвеер*, *феерверк* и т. п.; писать слитно образования с приставкой *экс-* в значении 'бывший' (*экспрезидент*, *экссоветский*); писать слова с компонентом *пол-* ('половина') всегда через дефис (*пол-метра*, *пол-двенадцатого*); писать с одним *н* как прилагательные, так и причастия, образованные от глаголов несовершенного вида: не только *жареная картошка*, но и *жареная на масле картошка* и т. п.).

В 2006 г. вышло из печати одобренное Орфографической комиссией РАН издание «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник», содержащее 386 параграфов, из которых 219 посвящены орфографическим нормам и 167 — пунктуационным. Был подготовлен и орфографический словарь («Русский орфографический словарь», под ред. В. В. Лопатина, 1-е изд., М., 1999; 2-е изд., испр. и доп., М., 2005; 3-е изд., М., 2010; 4-е изд., испр. и доп., М., 2012), который является дополнением к правилам.

В этих изданиях довольно много нововведений: писать через **а** прилагательное *разыскной* (в соответствии с фонетическим принципом письма), как и во всех случаях употребления этой приставки; у слов с односложной основой на *-ий, -ия* в предложном падеже писать **е**: *о змие, о кие, в «Вие», на Бие* (тогда как Правила-1956 предлагали для всех слов с основой на *-и* написания *о гении, в «Вии», на Бию, о Марию*); в качестве исключений писать через дефис некоторые сложные прилагательные с подчинительным соотношением основ: *государственно-монополистический* (от *государственная монополия*), *военно-исторический* (от *военная история*), *генно-инженерный* (от *генная инженерия*) и множество других (по мнению авторов справочника, дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффикса относительных прилагательных *-н-, -енн-, -ов-, -ск-*) и т. п.

После выхода этих справочника и словаря сразу возник вопрос об их правовом соотношении с Правилами русской орфографии и пунктуации 1956 г. и «Орфографическим словарем русского языка» (под ред. С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро). С одной стороны, в предисловии к новому справочнику сказано, что он призван восполнить неполноту Правил-1956, действующих до сих пор. С другой стороны, речь идет о «новой редакции действующих „Правил“, которая, по сути, должна отменять старую в случае расхождений. Как в этом случае быть со справочниками, учебниками, пособиями, основанными на «старой» редакции? Они устарели, отменяются?

С 2015 г. председателем Орфографической комиссии стал А. Д. Шмелёв, и работа по усовершенствованию орфографических правил продолжилась.

Общественный запрос на создание нового правописного свода сегодня, как представляется, весьма велик. Вот характерный пример — обращение группы учителей-словесников, поступившее в начале 2018 г. в Комитет по образованию и науке Государственной думы: «Вот уже более 60 лет наша страна живет по “Правилам русской орфографии и пунктуации”, утвержденным в 1956 г. Министерством образования СССР и официально действующим до сих пор. Однако российские лингвисты много раз обращали внимание на то, что свод правил 1956 г. недостаточно полон, чтобы охватить все аспекты русского правописания, а также в некоторых случаях противоречит современному русскому письму (особенно

в плане использования прописной буквы). <...> В 2006 году было опубликовано первое издание полного академического справочника “Правила русской орфографии и пунктуации”, подготовленного сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова и членами Орфографической комиссии РАН. Этот справочник дополняет, уточняет и корректирует официально действующие “Правила” 1956 года с учетом современной практики письма и появления в языке новых слов. Однако он не является законом. Просим Государственную Думу разработать совместно с лингвистами и принять новый свод правил русского правописания взамен свода 1956 года, который бы в полной мере соответствовал нынешним потребностям пишущих по-русски: был полным, точным, современным, актуальным».

Рекомендуемая литература

- Аванесов Р. И.* Заметки по теории орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. М.: Наука, 1978. С. 220–229.
- Алпатов В. М.* Русская латиница Н. Ф. Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 8–28.
- Арутюнова Е. В.* Нужна ли школе «реформа орфографии»? // Русский язык в школе. 2014. № 10. С. 64–72.
- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е.* Орфография дескриптивная и ортологическая // Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 10–43.
- Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004.
- Еськова Н. А.* Коснемся истории // Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. М.: Наука, 1966. С. 57–96.
- Зиндер Л. Р.* Проблема совершенствования письма // Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. С. 104–110.
- Кузьмина С. М.* История и уроки кодификации русской орфографии в XX веке // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2 (6). С. 173–191.
- Лопатин В. В.* Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. 2001. № 5. С. 136–146.
- Нечаева И. В.* Глобализация в языке и проблема письменного освоения заимствований // Сборник Матице српске за славистику. 85. Нови сад, 2014. С. 9–23.
- Осипов Б. И.* Уроки русских орфографических реформ // Осипов Б. И. К истории языка, письма и культуры: Избранные статьи. Т. 2. история письма

- и культуры. Омск: ЛИТЕРА, 2015. С. 305–314 (впервые опубликовано в: *Осипов Б. И.* Уроки русских орфографических реформ // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления. Омск, 2007. С. 13–19).
- Чернышев В. И.* Ф. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов — реформаторы русского правописания (по материалам Архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям) // Академик А. А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов / под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 167–252.
- Щерба Л. В.* Мнение Л. В. Щербы о проекте кабардинского алфавита на основе русской графики // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 234–240.
- Яковлев Н.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1930. С. 27–43.

Глава V

НЕАЛФАВИТНЫЕ ЗНАКИ В РУССКОМ ПИСЬМЕ

Кроме букв в русском письме используются и другие знаки — неалфавитные, или небуквенные. Эти знаки не являются буквами, но играют важную роль в создании письменного текста и способствуют его адекватному восприятию и пониманию. К неалфавитным знакам письма относятся знаки препинания, пробел, красная строка (= абзац), дефис (= черточка), слеш (= косая наклонная черта), диакритические знаки (в частности, апостроф, знаки ударения и др.), идеограммы и эмодзи, эмотиконы (= смайлики), различные виды шрифтовых выделений (в частности, подчеркивания, курсив, полужирный шрифт и др.) и некоторые другие.

Особенно важную роль среди перечисленных небуквенных знаков письма играют знаки препинания, которые вместе с правилами их расстановки в письменном тексте образуют систему пунктуации.

§ 1. Знаки препинания

Знак препинания — это неалфавитный графический символ, указывающий на смысловое и структурное членение письменного текста и сигнализирующий об интонации его прочтения. «Я понимаю препинания строчные некоторыми будто перегородочками, которые пришедших к ним останавливают», — еще в середине XVIII в. замечал один из участников сочиненного В. К. Тредиаковским «Разговора об орфографии...»¹. Знаки препинания — сигналы паузы, заминки, остановки перед каким-либо препятствием, возникшим на пути плавного чтения текста («ноты при чтении», по выражению

---

¹ Разговоръ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ орфографі старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріі / Сочинень Васильемъ Тредіаковскимъ, Профессоромъ елоквенціі. — Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіі наукъ, 1748.

А. Чехова), которые ведут мысль читателя в заданном автором направлении. К знакам препинания русской графической системы традиционно относят *точку, вопросительный знак, восклицательный знак, запятую, точку с запятой, двоеточие, тире, многоточие, скобки, кавычки* и их некоторые сочетания.

В русских текстах XI–XIV вв. отсутствовало графическое разграничение между словами внутри фразы и отдельными фразами. Внутри абзацев в небольшом интервале между слитно написанными группами слов на уровне середины строки ставилась *строка (срока)* — знак (·), промежуточный между запятой и точкой, которые до XVI–XVII вв. функционально не противопоставлялись. Своим возникновением в XV в. часть знаков препинания (*точечный ромбик* (:·), *двоеточие* (:), *подобие запятой* (,)) обязана практике переписывания книг, в которых писцы по своему усмотрению отделяли слова и части текста друг от друга. И лишь с появлением книгопечатания началась история знаков препинания в синтаксическом их смысле. Правила расстановки известных современной письменной практике знаков препинания в тексте разрабатываются с конца XVIII в.

В зависимости от места постановки знака в тексте выделяют знаки конца предложения (точка, вопросительный и восклицательный знаки, многоточие) и знаки середины предложения (запятая, точка с запятой, двоеточие, скобки, тире, кавычки), например: *Кривицкий (заместитель Симонова по «Новому миру») мне нравится. Умен, схватывает на ходу, с ним легко. Хочет власти — но сольной власти: например, надо мной* (Ю. Олеша). На основе выполняемой знаком препинания функции разграничивают знаки отделяющие (= разделительные) и выделяющие.

Отделяющие знаки препинания служат границей самостоятельных предложений (точка, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки) или частей сложного предложения (запятая, точка с запятой, тире, двоеточие), а также разделяют однородные члены предложения. Например: *На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?* (Т. Толстая); *Шел дождь, и от сильного ветра шумели деревья* (А. Чехов); *Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе...* (И. Тургенев); *Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями* (А. Пушкин); *Дунул ветер — всё дрогнуло, ожило и засмеялось* (М. Горький); *По утрам солнце бьёт в неё сквозь пурпурную, лиловую, зелёную и лимонную листву*

(К. Паустовский). Отделяющие знаки препинания всегда одиночны. Некоторые классификации подразделяют подобные знаки на две группы: 1) разделительные — знаки конца предложения, которые используются для оформления отдельного предложения как законченного и 2) отделительные — знаки середины предложения, которые используются для разграничения частей сложного предложения и однородных членов в простом предложении.

Выделяющие знаки препинания маркируют разные виды осложнения предложения (обособленные обороты, в том числе уточняющие члены, вводные и вставные конструкции, обращения, междометия), а также придаточные предложения внутри главного. Такие знаки, как правило, бывают парными: парные запятые, парные тире, скобки, кавычки: *Испанский драматург — невысокий человек в клетчатом костюме — сидел на диване и все время как-то тревожно смеялся* (Г. Газданов); *Как-то мы, пишущие, сидели в Татарском ресторане* (А. Чехов); *В тридцатые годы (время Пушкина) часовня горит* (В. Солоухин); *Эта тоска природы, если взглянуть на нее оком художника, в своем роде прекрасна и поэтична* (А. Чехов). Выделяющим знаком являются кавычки, когда, например, они выделяют слова-названия: *Слово «буянить», видимо, навело его на мысль буянить* (Л. Толстой). Знак считается выделяющим и в том случае, если по условиям контекста представлен лишь один из элементов парного знака (например, если знак закрывает выделяемую конструкцию, стоящую в начале предложения, или открывает конструкцию, стоящую в конце предложения): *Эх, как важно развернулся!* (Н. Гоголь); *Облака кудрявились, как на наивной картинке в детской книжке* (Н. Тэффи). Б. С. Шварцкопф в работе «Современная русская пунктуация: система и ее функционирование» (М., 1988) описал еще один выделяющий знак препинания — *парное многоточие*, оформляющее вставные конструкции: *Я не стал звонить матери, зная её ... как бы сказать ... нервную реакцию на всё* (В. Амлинский).

Нормы постановки знаков препинания зафиксированы в правилах пунктуации (от фр. *punctuation* ‘расстановка знаков препинания’ < лат. *punctum* ‘точка’ от лат. *pungo* ‘колю’), которую называют также интерпункцией (лат. *interpunctio* ‘расстановка точек между словами’, от *inter* ‘между’ и *punctum* ‘точка’). В России разработка пунктуационных правил приходится на XVIII–XIX вв. Разделы, посвященные употреблению знаков препинания, встречаются в грамматических трудах М. И. Ломоносова, Н. Я. Курганова, А. А. Барсова,

А. Х. Востокова и др. Большой вклад в нормализацию правописания, и в частности пунктуации, внес во второй половине XIX в. академик Я. К. Грот, но и его капитальный труд «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне» (1885) не положил конца разнобою в пунктуационном оформлении печатных текстов. В XX в. разработке принципов русской пунктуации уделяли значительное внимание Л. В. Щерба, А. М. Пешковский, А. Б. Шапиро. В 1956 г. Академией наук СССР были изданы Правила русской орфографии и пунктуации, в которых изложены нормы употребления знаков препинания в русском языке. Этот труд лежит в основе современного употребления знаков препинания. Однако и в Правилах 1956 г. отражены далеко не все случаи употребления знаков препинания, поскольку русская пунктуация продолжает развиваться.

§ 2. Знаки препинания и принципы пунктуации

Правила постановки знаков препинания базируются на принципах пунктуации, т. е. руководящих идеях, которые определяют постановку и выбор пунктуационных знаков в письменном тексте, лежат в основе пунктуации конкретного языка и организуют отдельные пунктуационные правила в целостную систему. Современная пунктуация отражает структуру, смысл и интонацию предложения, поэтому говорят о трех принципах русской пунктуации — грамматическом, смысловом и интонационном.

Основным принципом русской пунктуации является **грамматический**, согласно которому знаки препинания являются показателями структурного членения письменной речи. Знаки препинания, поставленные на основе грамматического принципа, делят предложения на грамматически значимые отрезки вне зависимости от конкретного лексического наполнения этих отрезков и вне связи с фонетическим членением — фразы на синтагмы. К грамматическим знакам препинания относятся:

- а) знаки конца предложения: *Шла весна. Сильнее пригревало солнце* (М. Шолохов). Точка на конце предложения отграничивает его от следующего за ним предложения;
- б) знаки, разделяющие главные члены простого предложения: *Одиночество в творчестве — тяжёлая штука* (А. Чехов). Тире отделяет группу подлежащего от группы сказуемого;

- в) знаки, разделяющие части сложного предложения: *Пришла наконец весна, и отца моего отдали под суд* (А. Гайдар); *Далее вспоминал он о том, что произошло после описанного вечера* (А. Чехов). В первом предложении запятая разделяет части сложносочиненного предложения, во втором — отделяет главную часть сложноподчиненного предложения от придаточной;
- г) знаки, которые выделяют разнообразные конструкции (вводные и вставные, обращения, междометия) в составе простого предложения, не связанные с ним грамматически: *У Брунсвика (или как его там?) не было отбоя от покупателей и заказчиков* (В. Катаев) — скобками выделяется вставная конструкция; *Должно быть, и подводчикам было жутко* (А. Чехов) — запятой выделяется вводное слово; — *Дед, гроза будет?* — *спросил Егорушка* (А. Чехов) — запятой выделяется обращение;
- д) знаки, отделяющие однородные члены предложения: *От неподвижного речного зноя, от пыли, от вялого, но непрерывного шума медленной погрузки Петю клонило ко сну* (В. Катаев);
- е) знаки, выделяющие приложения или определения, выраженные причастным оборотом или прилагательным с зависимыми словами, если они стоят после определяемого слова или оторваны от него другими словами, например: *У лодочной станции он поднялся на ступеньки беседки, обвитой плющом* (Д. Гранин) — запятой выделяется причастный оборот после определяемого слова.

Знаки препинания, в основе постановки которых лежит грамматический принцип, являются обязательными и употребляются в текстах любой стилевой принадлежности. Грамматические знаки препинания помогают читающему соотнести значимые части текста друг с другом и тем самым облегчают ему понимание общего смысла написанного.

Смысловый принцип пунктуации определяет, что знаки препинания используются для членения текста на смысловые единицы. Чаще всего смысловые знаки препинания совпадают с грамматическими, так как структурное и смысловое членение текста оказываются взаимосвязанными. Но в некоторых случаях смысловое членение текста оказывается определяющим по отношению к структурному. Например, в зависимости от места знака в известной фразе *Казнить*

нельзя помиловать по-разному группируются члены предложения и, как следствие, меняется общий смысл. Ср. подобные же примеры: *Она говорила долго только о нем* и *Она говорила долго, только о нем*; *Надя чувствовала: сестра не зря вызвала ее* и *Надя, чувствовала сестра, не зря вызвала ее*.

Смысловый принцип определяет постановку знаков препинания, которые являются факультативными и могут быть опущены без изменения основного смысла предложения. Главная цель употребления таких знаков — выделение того или иного отрезка предложения. Так, многоточие внутри предложения подчеркивает логическую или эмоциональную несовместимость соединяемых понятий: *В лесу... без леса* (заголовок в газете). Запятая между определениями указывает на то, что в данном контексте их следует воспринимать как однородные: *С моря дул **влажный, холодный** ветер...* (М. Горький); *Среди бледных москвичей его **темный, южный** загар бросался в глаза* (Д. Гранин). Факультативные смысловые знаки препинания часто используются при обособлении того или иного члена предложения. Например, обособление определения, расположенного перед определяемым словом, является факультативным и придает ему оттенок причинности или условия (***Раскрашенный в цвета осени**, сад был тоже наполнен красноватой духотой* — М. Горький); обособление обстоятельства в предложении *Четверка ехала по дороге, **шагом**, с напряжением вытаскивая из грязи тяжелый экипаж* (А. Чехов) способствует его логическому выделению. Оформление присоединительных и парцелированных конструкций также связано с использованием факультативных смысловых знаков препинания: *Лестницы тоже исчезнут — **до следующего раза*** (В. Распутин); *В полдень приходил обедать, после обеда спал часа полтора и опять уходил к своим жеребятam — **до поздней вечера*** (В. Панова). Тире в этих предложениях факультативно и может быть опущено, однако с изменением смысла: член предложения, отделенный при помощи тире, имеет добавочное, комментирующее значение относительно основного высказывания. При парцелляции знаки препинания разбивают одно предложение на несколько высказываний; например: *Злое солнце встает над тайгой. Сквозь черный дым встает над тайгой. Сквозь черный дым пожарищ. Сквозь пелену туч. Сквозь стоячий морозный туман якутской зимы* (из газет). Разбиение одного предложения на несколько частей способствует смысловому выделению каждого компонента, оформленного как отдельная фраза.

Второй случай употребления смысловых знаков препинания представляют примеры, когда знак препинания обязательно должен быть употреблен, но у пишущего есть возможность выбрать либо один из имеющихся в пунктуационной системе знаков препинания, либо место его постановки. Пишущий по-разному может сгруппировать члены предложения и, исходя из этого, по-разному организовать общий смысл предложения. Так, подобный случай постановки знаков препинания действует в сложноподчиненном предложении при употреблении сложных союзов типа *потому что, оттого что, до тех пор пока* и т. д. Такие союзы могут расчленяться в зависимости от смысла предложения. Например: *Это трудно понять молодежи **потому, что** этой России уже нет* (К. Паустовский). В данном предложении расчленение союза приводит к акцентированию, подчеркиванию причины. При иной постановке запятой (*Это трудно понять молодежи, **потому что** этой России уже нет*) придаточная часть имеет мотивирующее значение без какого-либо подчеркивания причинно-следственных отношений. Ко второму случаю употребления смысловых знаков препинания также относятся бессоюзные предложения: характер смысловых отношений между их частями подчеркивается выбором знака. Например, в предложении *Тяжелая лесная сырость и духота кончились, потянуло сухим ветерком* (П. Проскурин) между частями устанавливаются перечислительные отношения, но при замене запятой на двоеточие (или тире) между частями актуализируются уже причинно-следственные отношения: *Тяжелая лесная сырость и духота кончились: потянуло сухим ветерком*.

В основе **интонационного принципа** пунктуации лежит стремление отразить на письме интонацию устной речи. Этот принцип редко выступает в чистом виде, так как интонация, как правило, является следствием заданного смыслового и грамматического членения предложения. Ср.: *Брат — мой учитель* и *Брат мой — учитель*. Тире здесь фиксирует паузу, однако место паузы предопределено структурой предложения, его смыслом. Из существующих знаков препинания с выражением интонации в наибольшей степени связаны тире, многоточие, вопросительный и восклицательный знаки. Так, интонационный принцип лежит в основе выбора знака препинания на конце предложения. Повествовательные предложения и вопросительные предложения без вопросительных слов отличаются друг от друга интонацией (которая, в свою очередь, задана

смыслом и грамматикой), что на письме отражается выбором либо точки, либо вопросительного знака. Напр.: — *Дед, скоро мы поедем?* — спросил Егорушка у Пантелея (А. Чехов). При превращении вопроса в утверждение вопросительный знак заменяется точкой: *Дед, скоро мы поедем.* В некоторых случаях в зависимости от интонации происходит выбор либо вопросительного, либо восклицательного знака. Например, замена вопросительного знака в предложении 1) *Зачем ему гулять?* — сказал Пантелей. (А. Чехов) на восклицательный в предложении 2) *Зачем ему гулять!* — сказал Пантелей. полностью меняет смысл высказывания. Второе предложение не только характеризуется эмоционально-восклицательной интонацией, но и противоположным вопросительной форме предложения утвердительным смыслом ('ему незачем гулять').

Интонационный принцип обуславливает постановку многоточия при передаче взволнованной речи, например: *Он... вы не думайте... Он не вор и не что-нибудь... только...* (В. Короленко). Многоточие подчеркивает прерывистый характер речи, ее затрудненность, которые обусловлены эмоциональным напряжением говорящего.

Гораздо чаще интонационный принцип выступает в качестве сопровождения грамматического или смыслового принципа, причем относительно грамматического принципа интонационный находится в явно подчиненном положении. Это особенно ярко проявляется, во-первых, когда знак препинания ставится при отсутствии паузы или, во-вторых, когда при наличии паузы знак препинания отсутствует. Например, обособление придаточной части в предложении «*Вы пишете портреты людей, **которых вы не любите***», — сказал Крылов. (Д. Гранин) происходит на основании только грамматического принципа, так как придаточное определительное интонационно не отделяется от главной части. Наоборот, в предложении *Часов около пяти утра на скотном дворе экономии раздался звук трубы.* (В. Катаев) сочетание слов *часов около пяти утра* интонационно отделяется от остальной части предложения, но никак не обособляется.

Подчиненное положение занимает интонационный принцип и относительно смыслового принципа пунктуации. При сопоставлении предложений *Он быстро сунулся в какой-то темный переулок и исчез — навсегда.* (М. Горький) и *Он быстро сунулся в какой-то темный переулок и исчез навсегда.* кажется, что различие между ними создается только интонацией. На самом деле возможность

различного интонирования определяется здесь заложенной в предложении возможностью по-разному организовать смысл его частей.

Интонация оказывается важной при пунктуационном оформлении бессоюзных предложений: при перечислительной интонации используется запятая, при пояснительной — двоеточие, при интонации обусловленности и противопоставления — тире. Например: *Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал* (И. Бунин); *Ответить Миллер не успел: лодка вошла в буруны* (К. Паустовский); *Он просил на праздник оставить дома — не оставили* (В. Распутин). С одной стороны, тип интонации сопровождает в бессоюзном предложении определенные смысловые отношения (т. е. можно говорить о том, что и в бессоюзном предложении интонационный принцип пунктуации выступает как сопровождение смыслового), однако, с другой стороны, в последнее время в бессоюзных предложениях отмечается усиление интонационного принципа при постановке знаков препинания: так, тире часто ставится и там, где правилами рекомендуется постановка двоеточия, например: *Паханов крепко держал капитана за локоть — капитан был еще слаб* (К. Паустовский), — поскольку тире в подобных случаях подчеркивает паузу между частями сложного предложения, постановка этого знака отражает именно интонационную сторону высказывания.

Знаки пунктуации (тире и кавычки), а также иные неалфавитные знаки могут использоваться для передачи такого компонента интонации, как фразовое ударение, т. е. просодическое (супрасегментное) выделение одного из словесных ударений фразы. Поскольку фразовое ударение семантизировано, оно может, хотя и факультативно, находить отражение на письме. Для передачи фразового ударения используются такие традиционные графические средства, как знаки препинания, прежде всего тире (*Через несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошел — Швабрин* (А. Пушкин); *...объединяет всю эту деятельность разнообразных художников, вдыхает в них творческую волю — режиссер* (Л. Чуковская)) и кавычки (*Итак, порядок слов выступает как «организатор» предложения* (Н. Валгина), *Ее (хату) купили другие люди и позволили ему только «дожить» в ней* (И. Бунин)), шрифтовые выделения (курсив, полужирный шрифт, разрядка, прописные буквы): «— Ты ведь любишь тюрбо? — сказал он Левину, подъезжая. — Что? — переспросил Левин. — Тюрбо? Я ужасно (в других изданиях разрядка —

у ж а с н о) люблю тюрбо» (Л. Толстой); «Эта репродукция подарена мне Ею!» Очевидно, что в это «Ею» он вкладывает некий высший смысл (О. Негин)².

Грамматический, смысловой и интонационный принципы пунктуации не только не противопоставлены друг другу, но и тесно связаны между собой. Так, точка в конце предложения *На завтрашние газеты вряд ли стоило рассчитывать.* (Д. Гранин) обозначает, во-первых, границу между предложениями (грамматический принцип), во-вторых, законченность сообщения (смысловой принцип), в-третьих, понижение голоса и длительную паузу (интонационный принцип). В предложении *Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя* (К. Паустовский) постановка двоеточия (:) обусловлена его грамматической структурой — тем, что это сложное предложение (грамматический принцип), но выбор знака определяется причинным значением второй части бессоюзного предложения (смысловой принцип), причем данный тип бессоюзного предложения характеризуется особой пояснительной интонацией и паузой между частями (интонационный принцип). Таким образом, во многих случаях за знаком препинания стоит не один, а два или даже все три принципа пунктуации.

§ 3. Семантика знаков препинания

Философ и культуролог М. Н. Эпштейн в эссе «Дух буквы» замечает, что «в системе культурных рефлексов пунктуация едва ли не важнее орфографии, и ошибки в ней менее простительны»: «Буква — это материя письма, а пунктуация — его музыка. Если я путаю местами *e* и *i* в слове *винегрет*, то я совершаю преступление только против данного слова. Если же я не способен выделить причастный оборот или поставить двоеточие после обобщения, я совершаю преступление против самого языка, против его вразумительного звучания, расчленяемого смысловыми паузами»³. Не исключено, что корень проблемы неразличения функций знаков препинания отчасти кроется в методике школьного изучения пунктуационных правил, ко-

² Механизмы шрифтового варьирования подробно анализируются в главе VI «Графическая стилистика».

³ Эпштейн М. Н. Дух буквы // Эпштейн М. Н. Все эссе: в 2 т. Т. 2. Из Америки (1990–2000-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 265.

торая уделяет явно недостаточное внимание вопросу семантизации знаков.

«Традиционная концепция пунктуации более сосредоточена на разработке принципов системно-нормативной регламентации деятельности пишущего, сводящейся в первую очередь к правилам постановки знаков препинания», — отмечает Н. Д. Голев⁴. И, на наш взгляд, попытка объяснения пунктуационных правил с функционально-грамматической точки зрения на них все более и более подтверждает свою несостоятельность. Не случайно во второй половине XX в. наряду с традиционными направлениями в оценке роли и принципов русской пунктуации (грамматическим, смысловым и интонационным) наметилось и коммуникативное понимание роли пунктуации — «возможность подчеркивания в письменном тексте с помощью знаков препинания коммуникативной значимости слова / группы слов»⁵. Решению коммуникативной задачи подчинена и основная функция пунктуации — при помощи членения и графической организации письменного текста передать читающему смысл написанного таким, каким он задуман пишущим⁶.

Потому-то и можно утверждать, что «антропоцентрическая парадигма новейшей лингвистики допускает известную смену ракурса анализа», при котором объектом становится «свернутое» в пунктуационном знаке «эмоциональное состояние человека-говорящего»⁷.

Вопросам семантизации знаков письма в древнерусской и средневековой традиции посвящена обширная литература⁸, однако современные тексты в этом отношении представляют для исследова-

⁴ Голев Н. Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России начала XXI века. Т. 1. Кемерово, 2002. С. 147.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 407.

⁶ Валгина Н. С. Русская пунктуация: принципы и назначение: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1979. С. 5.

⁷ Вардзелашвили Ж. Семантизация знака. Многозначие как символика молчания // Славистика в Грузии, ТГУ. Вып. 10. Тбилиси, 2009. С. 149.

⁸ См., например: Мечковская Н. Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв. // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 710: *Slavica Tartuensia*, 1: Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985. С. 15–54.

телей как будто бы куда меньший интерес⁹. И это тем более удивительно, что символический смысл знаков препинания, безусловно присутствующий в сознании носителей языка, в значительной мере явлен уже национальной фразеологией, не говоря уже о художественных и публицистических текстах.

Точка обозначает полную законченность повествовательного предложения. Символическая суть этого определения — «полная законченность», т. е., образно говоря, финал, бесповоротная, непреклонная, неумолимая окончательность и определенность. Именно этот смысл обнаруживается у множества фразеологизмов, в составе которых имеется слово *точка*: *ставить точку (на чем)* ‘заканчивать что-либо, останавливаться на чем-либо’; *до точки* ‘досконально, в мельчайших подробностях, в совершенстве (знать, видеть и т. п.)’; *доходить (доводить, доиграться и т. д.) до точки* ‘доходить (доводить, доводить и т. д.) до безвыходного, отчаянного положения’. То же демонстрируют и художественные тексты: *Живем взахлеб, живем вовсю, / Не зная, где поставим точку* (Д. Самойлов); *Все. Точка. / В просторечии — крышка* (Б. А. Слуцкий); *И глаза бы мои не глядели, как время мое / Через силу идет в коллективное небытие. / Обездоят вконец, раскулачат — и точка* (С. Гандлевский).

Недаром точка в конце текстовых сообщений все реже встречается в интернет-коммуникации¹⁰. По мнению американского лингвиста Джеффри Нюнберга, такая точка нагружена особым значением: она служит для читающего сигналом нежелания пишущего продолжать диалог — сообщает, что сказать ему больше нечего и поэтому длить разговор не смысла.

Точка не только первый в истории письма знак препинания, но и главный, центральный символ пунктуационной системы — именно что *точка отсчета, отправная точка, точка опоры* этой системы, та *точка зрения*, с которой носитель языка и оценивает

⁹ Непосредственно этой теме посвящены следующие работы: Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М.: Изд-во РГГУ, 2006; Анна А. Зализняк. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог’2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., Тбилиси, 2007; *Вард-зелашивили Ж.* Семантизация знака. Многогочие как символика молчания // Славистика в Грузии, ТГУ. Вып. 10. Тбилиси, 2009.

¹⁰ См. об этом: Туркова К. Свободная точка. URL: https://snob.ru/selected/entry/110386#comment_831624 (дата обращения: 18.07.2018).

все остальные пунктуационные знаки. Точка — своего рода нулевой знак пунктуационной системы¹¹.

Символически противопоставлены точке в первую очередь те знаки препинания, которые маркируют конец предложения, — поскольку только она лишена какой бы то ни было экспрессии («*Восклик*» — *командует, как часовой: «руки вверх!»*; **точка** — *знак спокойный, но бессмысленный, всего лишь дает паузу для вдоха-выдоха; многоточие — мнимомышление; ...а вот самый достойный знак в моем ощущении — вопросительный* (В. Аграновский). Не случайно некоторые из обнаруженных нами контекстов демонстрируют исчерпывающий набор знаков (или их номинаций), которые возможны в такой позиции, причем заданную автором последовательность можно рассматривать как фигуру экспрессивного синтаксиса.

Так, в эссе Виктора Топорова (*Трудно произнести такое — при всей очевидности, — еще труднее увенчать фразу не **восклицательным** знаком (возмущенным или восхищенным), не **вопросительным** («как он мог?» или хотя бы «неужели?»), не **пестрой**, как смешение рас, чередой вопросов и восклицаний и даже не **амбивалентным** в своей устремленности в будущее (которое, как известно, туманно) **многоточием**, а **невзрачной, сиротливой, взвешенной** или по меньшей мере как бы **взвешенной точкой**)* последовательность восклицательный знак — вопросительный знак — многоточие — точка складывается в фигуру антиградации: названия нагруженных эмоционально-экспрессивным содержанием знаков расположены по убыванию экспрессии (эмоция возмущения или восхищения сменяется «хотя бы» вопросом, переходя к «амбивалентности» и заканчиваясь «невзрачной, сиротливой взвешенностью или как бы взвешенностью»).

В фрагменте рассказа Татьяны Толстой «Милая Шура»: *На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?* — благодаря стилистически значимой последовательности восклицательный знак — точка — многоточие — вопросительный знак на конце назывных предложений (состоящих из слов, которые представляют собой замкнутую группу с общей семантикой «названия времен года») не только задается ритм художе-

¹¹ Подробнее о нулевом знаке см.: Шварцкопф Б. С. О пунктуационном нулевом знаке // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К 100-летию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 366.

ственного текста, но и создается столь же замкнутая система знаков, внутри которой градуирована эмоционально-экспрессивная функция каждого из ее членов: от восторженности, выражаемой при помощи восклицательного знака, — через удовлетворенную завершенность, отмеченную точкой, — к недосказанности, символизируемой многоточием, — до недоумения, передаваемого знаком вопроса.

В статье Ирины Кравченко (*Есть что-то невероятно подкупающее в человеке, который в свои семьдесят четыре года чаще ставит **вопросительные знаки**, чем **восклицательные**, и **многоточия** вместо **точек***) попарно противопоставлены номинации вопросительный знак / восклицательный знак и многоточие/точка, и при таком противопоставлении выявляется общее значение двух первых и двух вторых компонентов этих пар: если вопросительный знак и многоточие символизируют возможность продолжения и развития, то восклицательный знак и точка — решительную и бесповоротную законченность.

Из знаков середины предложения главный антагонист точки — запятая. С одной стороны, она, как и точка, не способна выражать какие-либо эмоции (*Он говорит удивительно гладко, не понижая и не повышая голоса. Говорит с безукоризненными запятыми. **Знак восклицательный, знак вопроса и многоточие** отсутствуют в его речи* (А. Мариенгоф)). С другой же — **запятая** символизирует незаконченность, появление новых вариантов, их перечисление и перебор, и этот символический смысл запятой явлен в контекстах с условным значением ‘не точка, а запятая’: *Но ведь после ночи наступает утро. Значит, смерть — это не **точка**, а **запятая*** (В. Токарева); — *Бизнес должен приносить деньги. — Бабло, и **точка?** — **Запятая**. Опасен всякий специалист, который работает только за деньги и кует только деньги* (Из интервью с бизнесменом); *Я к нему поднимусь в небо, / Я за ним упаду в пропасть, / Я за ним (извини, гордость), / Я за ним одним, я к нему одному. / Понимаю, что для вида я друзьям улыбаюсь — / Это не просто / Я поставила бы **точку**, но опять **запятая** — / Это серьезно* (И. Дубцова); *И вот пишу, и мечется рука / По **запятым** полному листочку, / Но все же сил достаточно пока, / Чтоб не поставить там, где должно, **точку**, / Подобную / Могильному / Цветочку!* (Л. Мартынов); *Обладминистрация считает, что это не **точка**, а лишь **запятая** в данном деле, и обещает обжаловать решение в Федеральном арбитражном суде Поволжского округа в Казани* (И. Воробьева); *И вот поставил*

*точку, Труба трубит отбой, / А точка усмехнулась / И стала за-
пятой* (Ю. Ким).

В «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» под ред. А. Н. Тихонова (Т. 1. М., 2004) толкуется устойчивое выражение *до последней запятой* ‘во всех подробностях, не упуская ничего’: *Что за дурная манера уточнять всё до последней запятой!* (Ю. Домбровский); *Они хотят, чтоб не упало / с телеги жизни прожитой / травинки даже самой малой, / последней даже запятой* (Я. Смеляков); *Поразительное богатство наблюдений — литературоведческих, персональных, сколько тонких, метких мыслей, по-новому раскрывающих строки, казалось бы, знакомые до последней запятой...* (Б. Кушнер). Однако ни в одном из известных нам фразеологических словарей не зафиксировано не менее употребительное *через запятую* — ‘на равных основаниях, без учета различий и внимания к значимым подробностям’: *Ахматовский «Реквием» запросто, через запятую, обсуждался вместе (и наравне) с романом Анатолия Злобина «Демонтаж»* (Н. Иванова); *Но даже через запятую в школьный стандарт не попали поэты, воспевавшие революцию: Тихонов, Багрицкий, Жаров, Светлов, Безыменский* (И. Стрелкова); *Ты исполнил миссию святую / По благоустройству бытия, — / За кумиром, через запятую, / Значится фамилия твоя* (А. Межиров); *Мы предлагаем весь материал давать пунктиром, как бы через запятую...* (А. Владимирова); *Необходимо иметь в виду, что в основополагающих работах Л. С. Выготского понятия «личность», «психическое развитие», «структура сознания» содержательно не были разведены, а иногда употреблялись как синонимы, через запятую* (К. Поливанова).

Таким образом, семантика запятой, явленная во фразеологических сочетаниях, оказывается амбивалентной и варьируется от ‘во всех подробностях’ до ‘без учета каких бы то ни было подробностей’, однако главный компонент этой семантики связан с неперменным наличием в содержании высказывания деталей, ряда сопоставимых элементов и потому (в противоположность семантике точки) — с потенциальной возможностью продолжения и развития сюжета.

Основываясь именно на этом свойстве запятой, М. Н. Эпштейн предложил ввести в пунктуационную систему новый знак препинания — многопятие: параллельный многоточию, такой знак в виде трех запятых мог бы, по мнению ученого, использоваться для обозначения пропущенных при перечислении элементов высказывания

и указывать на незавершенность или даже принципиальную незавершенность перечислительного ряда. Так, полагает Эпштейн, в примерах типа *Я мучусь, уговариваю, доказываю,,* а ты ни слова в ответ! многопятие уместнее, чем многоточие. «Многоточие означает некую недоговоренность, невыразимый смысл позади слов. А многопятие означает множество элементов перечисления, пропущенных для краткости, для скорости. Многоточие многозначительно, а многопятие многопредметно. Оно указывает на ряд явлений, пропущенных в обзоре ради честного свидетельства о его неполноте. Многопятие сигнализирует о пунктирном методе описания, о невидимых, неисчислимых “и”, пронизывающих текст. “Многопятие” ,, выступает как замена другого, более громоздкого составного знака — повторяющегося соединительного союза: “и... и... и...” “И мучусь..., и уговариваю..., и доказываю..., и...” Это за-и-кание было бы неуклюже, да и многоточие обманчиво отсылает в некую глубину, которая многопятием не предполагается»¹². По мнению М. Н. Эпштейна, «таких внутренне растяжимых перечислений, впускающих в себя потенциальную бесконечность» немало, например, у А. Пушкина:

Швед, русский — колет, рубит, режет,,,
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,,,
И смерть и ад со всех сторон.

В современной поэзии нередко комбинации знаков точки и запятой: так, в текстах Владимира Тарасова (р. 1954, Иерусалим) запятая на конце многоточия обозначает завершение вызванной им паузы и немедленный переход к следующему действию:

Я копаюсь в карманах..
нашёл..
спички.

Семантика точки с запятой также формируется в противопоставлении семантике знака точки (в первую очередь) и знака запятой (во вторую). «Где *запятой* мало, а *точки* много, там надо *точку с запятой*», — простодушно формулирует герой чеховского рассказа «Восклицательный знак». Рискуем предположить, что точка

¹² Эпштейн М. Н. Знак препинания ,, — многопятие. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar161.html> (дата обращения: 10.07.2018).

с запятой столь редко используется пишущими не в последнюю очередь именно потому, что в этом знаке, с одной стороны, ощущается присущая точке символика завершенности (не случайно в ряде контекстов упоминание о точке с запятой соседствует со словами, выражающими идею конца: *Того гляди, всё кончится бедой... / Но тут я ставлю точку с запятой* (М. Щербаков); — *Точка? / — Вывернулся ловко / Из-под крышки гробовой Теркин твой. — Лиха концовка. — Точка все же с запятой...* (А. Твардовский), — с другой же — символика незаконченности, свойственная запятой (*Жизнь — только миг (и точка с запятой); / Жизнь — только миг; небытие — навеки. / Крутится во вселенной шар земной, / Живут и исчезают человеки. / Но сущее, рожденное во мгле, / Неистребимо на пути к рассвету. / Иные поколенья на Земле / Несут все дальше жизни эстафету* (Ю. Андропов).

В социальных сетях по хэштегу #ProjectSemicolon (точка с запятой) можно найти тысячи упоминаний о движении, в котором участвует множество людей, сделавших себе татуировку «точка с запятой», — участники этой кампании призывают окружающих поддерживать тех, кто борется с депрессией, суицидальными расстройствами, зависимостями и желанием причинять себе вред. Девиз движения, указанный на сайте <http://www.projectsemicolon.com>, гласит: “A semicolon is used when an author could’ve ended a sentence but chose not to. You are the author and the sentence is your life” («Точка с запятой ставится, когда автор мог закончить предложение, но решил не делать этого. Автор — это вы, а предложение — это ваша жизнь»). Иначе говоря, точка с запятой осознается как знак преодоления конца, еще мгновение назад казавшегося неотвратимым.

Кроме этого, точка с запятой связывается в сознании носителей языка с усложненностью высказывания (...*Вытесняются сложные предложения, что разрушает механизм нюансирующей оговорки. Не в первый раз поддаюсь искушению призвать всех на борьбу за точку с запятой* (С. Аверинцев); *Свободный синтаксис воспоминаний, / наплывы через точку с запятой...* (Г. Семенов), а также манерностью способа изложения (*Забавно-обстоятельный слог, кропотливо вкрапленные наречия, страсть к точке с запятой, застревание мысли в предложении и неловкие попытки ее оттуда извлечь...* — всё это так понравилось Федору Константиновичу, его так поразило и развеселило допущение, что автор, с таким умственным и словесным стилем, мог как-либо повлиять на литературную судьбу

России, что на другое же утро он выписал себе в государственной библиотеке полное собрание сочинений Чернышевского (В. Набоков); ...Остерман... затеял длинную фразу, где родительные надежды громоздились бы горами сахара, а **точки с запятой** делали бы манерные паузы, — но я не дал его песне даже взлететь (К. Букша); Потом натолкнешься на «сатирические и философские сочинения господина Вольтера» и долго упиваешься милым и манерным слогом перевода: «Государь мой! Эразм сочинил в шестнадцатом столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, — **точка с запятой**); вы же приказываете мне превознести пред вами разум...» (И. Бунин).

«Благодаря чему <...> мы можем различать графические знаки между собой или устанавливать их тождество? <...> Одинаковые зрительные впечатления вызывают одинаковые раздражения в коре головного мозга, подобные впечатления — подобные и раздражения, несхожие друг с другом впечатления вызывают также несхожие друг с другом и раздражения; а эти раздражения “проявляются” в сознании как переживания *единства, подобия или контрастности*»¹³ — такой тезис предпослал А. А. Реформатский своей работе «Техническая редакция книги», посвященной теории информации. Исследуя вопросы пространственной организации знаков препинания, И. Е. Ким отмечает, что экспрессивность тире объясняется в том числе и протяженностью/мерностью этого знака, вследствие чего контексты, расположенные по левую и правую стороны от тире, оказываются визуально отдаленными друг от друга¹⁴. То же отмечают и другие исследователи: «Тире как актуализатор определенных семантических отношений — амбивалентный знак: он разъединяет для того, чтобы снова соединить на новом смысловом уровне. <...> Такой двойной направленности — разъединению и соединению — соответствует и графический облик тире — горизонтальная черта»¹⁵.

¹³ Реформатский А. А. Техническая редакция книги // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. С. 141–142.

¹⁴ См. в кн.: Ким И. Е. Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность: Доклады науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2000. С. 100.

¹⁵ Ковтунова И. И. Поэтика пунктуации (Функции тире) // Язык как творчество: К 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 336.

Тире как знак, чья основная характеристика — протяженность, длимость в пространстве и времени, метафоризируется в таком, например, контексте: *Экспериментаторы пожелали проверить, как скоро образ потерянного ребенка можно стереть из родительской памяти. То есть измерить длину тире в поговорке «с глаз долой — из сердца вон»* (Е. Чен). Не случайно одна из основных функций тире, проявляющихся при упоминании об этом знаке в художественной речи, — значимое отсутствие. Так, в поэтических текстах тире, разделяющее даты рождения и смерти, нередко становится символом всей полноты человеческого существования: *Меж датами рожденья и кончины / <...> / Стоит тире, стоит черта, / Стоит знак минус / И в этом знаке жизнь заключена...* (Э. Рязанов); **Тире**, две даты — вот вся жизнь вкратце (К. Симонов); *Вся жизнь с вопросами проклятыми, / Всё, всё поместится в тире, / Поставленное между датами...* (И. Елагин); *Я знаю — смерть придет, не разминуться с ней, / Две даты наберут под карточкой моей, / И краткое тире, что их соединит, / В какой-то миллиметр всю жизнь мою вместит* (С. Щипачев).

Тире в первую очередь — умолчание, пропуск, брешь: *Эти пять дней я представляю себе на фоне всей моей жизни, как длинное черное тире. Тире, и больше ничего. Сейчас я с большим трудом вспоминаю кое-какие подробности моей тогдашней деятельности* (А. Макаренко). Оно знаменует резкость перехода от сказанного к должствующему быть сказанным¹⁶: *Весь поэт на одном тире / Держится...* (М. Цветаева). Но, кроме этого, еще и приравнивание — и такое осмысление знака реализуется в связанном сочетании *через тире*: *Оркестр называется «Виртуозы Москвы», но через тире подразумевается — Владимир Спиваков* (С. Спивакова). *Ее имя прочно связывают с вашим, ее и ваше имена пишут через тире, — подчеркнул он несколько раз* (Н. Алексеева); *У них и фамилии звучали будто через тире, одна без другой и смысла не имела. Шатрова — Вольский. Вольский — Шатрова* (В. Колочкова); *Объединять их через тире нелепо* (М. Барышев).

Двоеточие воспринимается как знак, разделяющий «общее» и «частное» (*Любимый знак препинания раннего Слуцкого — двоеточие. В «Зоопарке ночью» оно «разделяет» общее [«И глухое сочув-*

¹⁶ Знаком «неожиданности» — смысловой, интонационной, композиционной — удачно окрестила тире Н. С. Валгина (Валгина Н. С. Трудные вопросы пунктуации. М., 1983. С. 49).

ствие тихо во мне подымалось:”] и частное [“Величавость слонов, и печальная птичья малость, / И олень, и тюлень и любое другое зверье / Задевали и трогали / Сердце мое.”]. И так же в “Мосте нищих”: “И ко мне обращаются сразу <...> / Все: чернявые и белобрысые, / Даже рыжие, даже лысые... А еще есть стихотворение, которое так и называется “После двоеточия” и в котором внутренние монологи, произносимые разными людьми “вечером после рабочего дня / По дороге в отдельные и коммунальные берлоги”, предваряются словом “двоеточие” как заголовком (М. Копелиович), за которым следует либо перечисление (Дрозд начинает читать, мучительно растягивая свои яти: “По распоряжению начальника училища сегодня наряжены на бал, имеющий быть в Екатерининском женском институте, двадцать четыре юнкера, по шести от каждой роты. От четвертой роты поедут юнкера”. Он делает небольшим молчанием двоеточие, совсем маленькое, всего в полторы секунды... (А. Куприн); — Кстати, что твоя любовь?.. — Я поставил уже точку... — Кажется, даже **двоеточие**? (Д. Мамин-Сибиряк)), либо разъяснение (Он тебя называет **двоеточием**, за которым последует неизвестно что, но — что-то оригинальное (М. Горький)).

Все парные знаки препинания («двойная запятая [“; N;”], двойное тире [“— N —”], скобки и кавычки») в классификации А. А. Леонтьева относятся к «включающим»¹⁷. Определим их инвариантное значение как способность ограничивать контекст, грамматически или семантически обособленный от основного высказывания.

Однако **кавычки** и **скобки** очевидно отличаются от прочих парных знаков препинания хотя бы тем, что их роль как семантического ограничителя явно превалирует над грамматической (Земля луну замкнула в **скобки**, / А мы замкнем в **кавычки** (В. Маккавейский); Мне вручено считать все крапинки вселенной, / ее погрешности с усмешкой отмечать / и к ней, зажатой в **скобки и кавычки**, / к ней подбирать ключи, подыскивать отмычки (С. Петров)): как скобки, так и кавычки могут служить маркером комментария, создавая тем самым эффект диалогичности.

Так, в стихотворении Михаила Генделева и скобки, и кавычки семантизируются как знак иронии: *Ирония летает по ночам. / Сова*

¹⁷ См. в кн.: Леонтьев А. А. Функциональная классификация русских знаков препинания // Русский язык. 2001, № 7. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200100707> (дата обращения: 18.07.2018).

ее, бессонная с заката, / при свете пристальном подслеповата — / сидит в дупле, но в полуночный час / летит, добытчица, и ищет нам добычу, / все видит, видит то, чего и нет, / и тушки теплые приносит на обед, / то в **скобках** клюва, то в когтях **кавычек**. (Заметим в скобках, что в этом тексте, как и в ряде других, проявляется метафоризация знаков препинания на основе их визуального сходства с иными предметами и субъектами. Ср.: Знак *вопросительный* — *состарившийся знак восклицательный* (М. Светлов); ...*Рыжая борода*нка, ещё недавно столь победно проплывавшая над толпой, теперь намокла и скрутилась, как **вопросительный знак**... (В. Аксенов); ...*Брови задрались, как запятые* (В. Липатов) и т. п.)

А. П. Чехов в письме А. С. Лазареву (Грузинскому) аттестует **скобки** и **кавычки** как знак отстраненности говорящего от сказанного: ...*В своих рассказах Вы боитесь дать волю своему темпераменту, боитесь порывов и ошибок... Вы излишне вылизываете и шлифуете, всё же, что кажется Вам смелым и резким, Вы спешите заключить в **скобки** и в **кавычки**... Ради создателя, бросьте и **скобки** и **кавычки**!* <...> *Кавычки* употребляются двумя сортами писателей: робкими и бесталанными. Первые пугаются своей смелости и оригинальности, а вторые... заключая какое-нибудь слово в кавычки, хотят этим сказать: гляди, читатель, какое оригинальное, смелое и новое слово я придумал!

В лексикографических пособиях зафиксированы сочетания, сохраняющие номинации **кавычки** и **скобки**: в кавычках — ‘не в собственном смысле слова; иронически, презрительно (говорить о чем-либо)’ (*Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в кавычках?* (А. Блок); *Один из признаков германского шовинизма состоит в том, что «социалисты» — социалисты в кавычках,* — говорят о независимости других народов кроме тех, которые угнетены их собственной нацией (В. Ленин); Термин «*малые формы*» (в кавычках), а главное интонация, с которой многие этот термин произносятся, должны раз и навсегда исчезнуть из лексикона советского автора (А. Толстой) и в скобках ‘между прочим, попутно, кстати (сказать, заметить, упомянуть и т. п.)’; (*И кстати я замечу в скобках, / Что речь веду в моих строфах / Я столь же часто о пирах, / О разных кушаньях и пробках, / Как ты, божественный Омир, / Ты, тридцати веков кумир!* (А. Пушкин); — *Вот почему, говоря в скобках, так хороши наши светские условия и приличия* (Ф. Достоевский); — *Вообще, брат, скажу в скобках, гнетет меня судьба. В дугу гнет* (А. Чехов).

Однако не менее употребительно не отмеченное словарями устойчивое выражение *за скобками* (*оставить*) 'умалчивая о чем-л., недостаточно важном в данном случае; не придавая значения чему-л.: Мне легко *оставить за скобками* мою истинную цель приезда — Шуру (Г. Щербакова); *Виновность принца здесь не очень прямая: все пакости за него творили другие. Кто, — разумеется, оставлю за скобками* (А. Гусев); Но, *оставляя за скобками* (в черновых бумагах) мотивы языческой мифологии как материал понимания Пушкина, Достоевский в публичной речи строил о Пушкине миф христианский (С. Бочаров); ...*Нереальность происходящего оставалась как бы за скобками* моего сознания; сам же вечер был вполне обычным... (В. Пелевин); В целом страна продемонстрировала консолидированную реакцию на убийство политика, а его спорное реноме *осталось за скобками* (П. Скоробогатый) и т. п.

Таким образом, в сочетаниях в *скобках* и *за скобками* проявляется различное понимание говорящими функций этого знака: в первом случае скобки выключают из большого объема информации наименее важную ее часть, а во втором, напротив, включают наиболее важную. При этом остается неизменной способность скобок выделять в тексте какой-либо его фрагмент, так или иначе имеющий отдаленное отношение к основному сюжету высказывания.

Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что часть знаков пунктуационной системы русского языка «имея <...> отношение к морфологии или расчленяемости писанной речи, подчеркивает главным образом семасиологическую сторону, указывая на настроение говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого»¹⁸. Можно полагать установленным, что отношение говорящего или пишущего к основным функциям знаков препинания ясно проявляется при упоминании уже самих номинаций этих знаков в художественных текстах и национальной фразеологии, и материал, демонстрирующий подобную семантизацию символов пунктуации в сознании носителей языка, может быть использован в преподавании основ правописания.

¹⁸ Бодуэн де Куртенэ И. А. Знаки препинания // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. II. С. 238–239.

§ 4. Инвентарь знаков препинания

Кроме точки, вопросительного знака, восклицательного знака, запятой, точки с запятой, двоеточия, тире, многоточия, скобок и кавычек, традиционно включаемых в состав знаков препинания русской графической системы, некоторые лингвистические исследования относят к пунктуационным знакам также и следующие:

- одиночную скобку, которая используется при цифровой или буквенной рубрикации перечислений (1), 2)... или а), б)... и функции которой отличаются от функций парных скобок;
- парные (двойные) запятые — как единый знак обособления;
- парное (двойное) тире — также единый выделяющий знак;
- астериск (*) — как знак сноски, поскольку его роль также состоит в указании на обособление части текста, вынесенной в примечание;
- дефис в функции присоединения к определяемому слову одиночного приложения (*девушка-почтальон*); дефис в полуслитных написаниях (*сине-зеленый, кто-то*) является орфографическим, а не пунктуационным знаком;
- слеш (косая наклонная черта);
- абзац (красная строка);
- пробел.

Астериск (от греч. ἀστήρ (astēr) ‘звезда’) — знак сноски в виде звездочки. Если на странице несколько сносок, то астериск удваивается (**), утраивается (***) и т. д. При большом количестве сносок на странице вместо астериска обычно применяется цифровое обозначение (в книге А. Кондратова «Звуки и знаки»¹). В лингвистических текстах астериск используется для обозначения реконструируемых, незасвидетельствованных или невозможных форм, например: *русское слово овца восходит к древнерусскому овьца, а последнее — к праславянскому *avikā; малоупотребительна форма 1 лица единственного числа настоящего времени переубежу (в отличие от вовсе несуществующей *убежу).*

Дефис (нем. *Divis* ‘дефис’ < лат. *divisio* ‘разделение’) — неалфавитный знак в виде короткой горизонтальной черты (-), выступающий в качестве соединительного шва между двумя словами, частями слова или графического сокращения, а также знака переноса.

Дефисные написания слов появились лишь в XVIII в. — в случаях, когда было трудно установить границу слов и безоговорочно принять один из двух способов написания (слитно или раздельно). Термин «дефис» пришел в русскую науку значительно позднее: до 30-х гг. XX в. в лингвистических работах этот знак называли «чёрточкой», а слово «дефис» хотя и вошло в русский язык во второй половине XIX в. (оно упомянуто, например, в «Кратком руководстве для наборщиков типографского искусства» А. Серкова (1861)), но употреблялось исключительно как типографский термин.

Дефис может играть роль как орфографического, так и пунктуационного знака. Как орфографический знак он выступает между частями сложного слова (*русско-японский, жар-птица, S-образный, 25-процентный*); между словом и частицей (*сделал-таки, ну-ка*); между морфологическими частями слова (*по-моему, из-под, полиюня, экс-президент, ва-банк*); между элементами слова при сокращенном написании (*ж.-д., г-н, 5-го, 30-й*) и при обозначении переноса. Как знак пунктуационный дефис используется при соединении одиночного приложения с определяемым словом (*юноша-студент, Волга-река*; ср. написания названий фильмов «*Такси-2*» и «*Смертельное оружие — 2*», где в первом случае употребляется дефис, а во втором — тире, так как приложение (2) относится уже не к одному слову, а к сочетанию слов), а также при повторе слов (*поговорили-поговорили, едва-едва, большой-большой*), в сочетаниях слов одного и того же корня (*день-деньской, строго-настрого*) и в синонимических или антонимических сочетаниях слов (*нежданно-негаданно, имя-отчество, взад-вперед, купля-продажа*).

В художественных и публицистических текстах дефис может использоваться также в качестве графического средства выразительности: для передачи особенностей произношения (протяжного звучания гласных, раскатистого [r], произношения по слогам и т. п.): *Бу-удто-с? — тотчас подхватил и протянул с иронией тот самый голос* (Ф. Достоевский); *Мм-м!* — промышчал утвердительно дядя, обгладивая косточку (И. Гончаров); *Кр-р-ру...хом!* (В. Катаев); *Суслик!* — позвала вдова. — *Су-у-услик!* (Ильф и Петров); *Хоррошо-о!* — крикнул Севка (Е. Носов); — *Петя!* — закричал Гаврик вверх, приложив ко рту ладошки. Молчание. — *Пе-етька!* — Ставни закрыты. — *Пе-е-е-етька-а-а-а-а!!* (В. Катаев); ...*Уплатите им не из январского гонорара, а из будущего февральского, ибо сейчас не имею ни гроша. Буквально: ни-гро-ша!* (А. Чехов), — а также для

выделения (смыслового или произносительного) какой-либо части слова, например: *Рас-стояние: версты, мили... / Нас рас-ставили, рас-садили* (М. Цветаева); *Ему [Чехову] было в высшей степени доступно умение заражать, казалось бы, самых равнодушных людей своим со-чувствием, своим со-страданием* (К. Чуковский); *Он танцует у оград, / Пританцо-вы-вает* (Е. Евтушенко).

В особых случаях применяется так называемый **висячий дефис**: при записи конструкций с однородными членами, имеющими общий конечный элемент, который приводится только в последнем слове, а в предыдущих опускается: *кино-, теле- и видеофильмы; как шести-, так и семилетние дети; 5- или 6-этажные дома; не только мини-, но и макси-юбки.*

Слеш (англ. *slash*, букв. 'разрез') — небуквенный знак в виде косяк вертикальной черты (/). Предшественниками слеша в русском письме можно считать математический знак, указывающий на соотношение величин ($2/8 = 1/4$), а затем и компьютерный символ, используемый для обозначения вложенности папок (например, запись *C:/Documents/Personal/poetry.doc* указывает, что файл с названием *poetry.doc* помещен в папку *Personal*, которая, в свою очередь, лежит в папке *Documents*, и все это находится на диске С).

Сфера применения слеша постепенно расширяется: первоначально его употребляли лишь в технических характеристиках (например, на упаковке: *Macca / Net Weight: 200 г/г*) для указания на вариантность форм выражения одного и того же содержания. Затем этот знак в функции, близкой к роли союзов *и* или *или*, проник в научную речь, где стал соединять однородные компоненты, находящиеся в синтаксическом противопоставлении, и указывать на альтернативность понятий: *проблема слитных/раздельных написаний* (в значении союза *как..., так и...*); *в режиме замены/вставки* (в значении союза *либо..., либо...*); *различия в пунктуации однородных/неоднородных определений* (в значении *с одной стороны..., с другой стороны...*). В деловой речи и графических сокращениях функции слеша аналогичны функциям математического символа: он употребляется для указания на соотношение каких-либо параметров, например: *соотношение цена/качество, км/ч.*

В художественных и публицистических текстах слеш нередко употребляется в качестве знака, который подчеркивает возможность самостоятельного выбора читателем одного из нескольких значений, подразумеваемых автором текста, или одной из форм, су-

ществующих в употреблении (в значении 'а может быть и'): *правдиво/искренне/начистоту, повинуются/поддаются, подоплеку/основания* (П. Крусанов); *выпившие свой/свое кофе* (П. Кашин).

Так, на титульном листе и в выходных данных книги «Чайка: комедия и ее продолжение» знаком слеша разделены имена двух авторов текста (*А. Чехов / Б. Акунин*) и названия двух издательств, взявших на себя ответственность за ее публикацию (*Иерусалим: Гешарим / М.: Мосты культуры, 2000*). И если во втором случае слеш выступает в уже традиционной для него роли двойного союза 'как..., так и...', то в первом он, по сути дела, осуществляет функцию компьютерного символа, обозначая «вложенность» одного текста в другой. Ведь в данном случае под одной обложкой скрывается как канонический вариант чеховской комедии в четырех действиях, так и дополнительные (приложенные, вложенные) два действия пьесы, написанные Б. Акуниным, причем второе из них существует в «восьми дублях»: в первом действии герои договариваются о поисках убийцы Константина Треплева, а последующие «восемь дублей» последовательно примеривают эту роль на каждого из персонажей пьесы, демонстрируя возможность множественной интерпретации текста и превращая традиционное по форме художественное произведение в гипертекст.

В начале XXI в. знак косой вертикальной черты все чаще появляется в тексте как несистематический знак препинания: герой, всю жизнь обожавший *актрису/певицу* (Т. Москвина); *герой/автор* думает о Шарлотте (Т. Толстая); *Вс(ё)/е* тягаем из ноосферы (газета Pulse); *стоит у входа/выхода, кем бы он/она себя ни мнил/мнила, пару-тройку бутылочек виски/текилы; Вот что... не давало ему покоя: совпадение/соотношение!* (О. Негин) и т. п.

Так, в романе Павла Крусанова «Бом-бом» (СПб., 2002) слеш используется уже в 37 случаях и служит одним из текстообразующих элементов произведения. Стержневой идеей романа Крусанова является проблема выбора: в финале герою предстоит решить, способен ли он совершить поступок, губительный для него самого, но спасительный для России. При этом автор, прекрасно осознавая, что для русского общественного сознания нравственным и идеологическим фундаментом, точкой отсчета, незыблемым символом веры традиционно служит именно литературный текст, не считает себя вправе предложить читателю единственный вариант финала — «делай с нами, делай как мы, делай лучше нас»... «Судь-

ба дает человеку право выбора, включая право на отказ от права быть ею выбранным»¹⁹, — замечает Крусанов. Герой «Бом-бома» бросает монетку, которая решит его судьбу и тем самым определит линию сюжета. У половины тиража книги, в том варианте романа, где финалом становится гибель героя, на задней стороне обложки помещено изображение монеты, развернутой «орлом», а у другой половины — изображение «решки». Таким образом, заложником идеи выбора становится не только автор книги, не только ее герой, но и читатель, который, покупая книгу в магазине, и не предполагает, что он тоже тянул жребий и силою случайных обстоятельств выбрал одну из альтернатив. Повествование в романе идет в двух временных планах: в четных главах рассказывается о предках главного героя, Андрея Норушкина, в нечетных — о Норушкине-2002, т.е. нашем современнике. Знаменательно, что слеш появляется только в главах, посвященных современной эпохе в истории рода Норушкиных, и только в том варианте финальной главы, который символически обозначен «решкой» (*объяла/облапила, среда/обстановка, машинке/технике/аппаратуре, повинуются/поддаются, подоплеку/основания, источник/мотив, комфортную/безмятежную, уныло/обреченно* и т.п.): слешем, превратившимся из знака пунктуационного в знак судьбоносный, разделены два пути — и возможность выбора одного из них существует только для современного человека.

Иначе говоря, здесь слеш как знак препинания употребляется не в ставших для него уже традиционными значениях ('как/так и', 'либо/либо', 'с одной стороны/с другой стороны', 'и/или'), не в роли «знака оппозиции», а как символ реализации некоей возможности, потенциально заложенной в тексте, имманентно присущей тексту — в значении 'а может быть и', т.е. в роли «знака пресуппозиции».

Пробёл (из др.-рус. *пробѣлъ* м. р. (вар-т *пробѣль* ж. р.) 'белый (незаполненный) промежуток', из *про-* + *бѣл(ыи)*) — один из неалфавитных знаков письма: интервал между элементами текста (словами, строчками или более значительными по объему фрагментами), служащий графическим знаком их границы. Пробел, обозначающий межсловные границы, фактически следовало бы отнести к знакам препинания, если учесть его грамматическую и семантическую функцию. Однако пробел после конечной буквы, обознача-

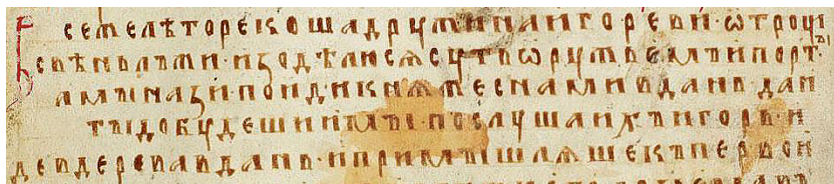
¹⁹ Крусанов П. В. Бом-бом. СПб.: Амфора, 2002. С. 148.

ющей парную по твердости/мягкости согласную фонему, указывает на твердость последнего согласного словоформы и функционально противопоставлен мягкому знаку, передающему мягкость предшествующего согласного: ср. *кон* — *конь*. Поэтому иногда пробел в русском письме трактуют как букву и называют «буквой пробела», которая, разумеется, никогда не включается в алфавит. Межсловный пробел — понятие, тесно связанное с понятиями дефиса и контакта, так как выбор между пробелом, дефисом и контактом определяет выбор раздельного, полуслитного и слитного написания. Пробел между словами — сравнительно позднее приобретение во всех письменностях, где он существует. Старославянская письменность (глаголическая и кириллическая) была беспробельной.

Примером типичного древнерусского летописного текста может служить отрывок из Повести временных лет по списку Лаврентьевской летописи 1377 г. (л. 14 об.), содержащий всем известный текст об убийстве древлянами киевского князя Игоря (вертикальными чертами отмечены концы строк):

Всеже лѣто рекоша дружина игоревн · втроци | свѣньльжи · изодѣли
сасуть в ружьемъ и порт^м · | амъ нази · понди княже с нами в дань · да | т
ты добудеши мъ · послуша ихъ игорь · | иде в дѣрева в дань · (л. 14 об.).

В самой рукописи этот текст выглядит так:

А вот этот же текст с разделением на слова:

В се же лѣто рекоша дружина игоревн · втроци свѣньльжи · изодѣли сасуть в ружьемъ и порт^м · а мы нази · понди княже с нами в дань · да и ты добудеши и мы · послуша ихъ игорь · иде в дѣрева в дань ·

Перевод: ‘В тот же год [945 г.] сказала дружина Игорю: «Воины Свенельдовы нарядились в доспехи и одежды, а мы — наги. Давай, князь, пойдём за данью. И ты разбудеешься, и мы». Послушал их Игорь [и] пошел в Древлянскую землю за данью.’

Традиционно считается, что письмо с пробелами между словами стало проникать в восточнославянскую письменность в XVI в. под западнославянским влиянием.

Последовательному членению текста на отдельные слова способствовало распространение во второй половине XVI–XVII вв. книгопечатания. Печатные книги сразу издавались с пробелами между словами, в рукописных же памятниках разделение на слова, более или менее соответствующее современному, окончательно формируется лишь к XVIII в. Что касается пробела в качестве знака твердости конечного согласного, то эта функция появляется только после реформы орфографии 1917–1918 гг.

В рамках целого текста пробел служит одним из графических средств выразительности. В поэтическом произведении строфическая пауза подчеркивает законченность мысли в первой строфе и создает установку на восприятие следующей строфы как тоже относительно самостоятельного стихотворения; в прозаическом произведении знаком деления текста на смысловые отрезки становятся абзац и вертикальный пробел — просвет перед строкой, увеличенный промежуток между строками, который также называют межстрочным интервалом, или интерлиньяжем (от фр. *interlignage* ‘написанное между строк’, букв. ‘междустрочие’, *inter* ‘между’ и *lignage* ‘число строк’).

«Классический пример экспериментальной графики — “Пустой сонет” Леонида Аронсона. Сонет из традиционных 14 строк расположен в виде прямоугольника, а в его центре — пустое пространство страницы. Сам текст, таким образом, становится границей, очерчивающей некое пространство, приобретающее самостоятельное значение»²⁰.

Абзац (нем. *Absatz* ‘отступ’ от *absetzen* ‘отставлять в сторону, смещать’) — отступ вправо в начале строки печатного или рукописного текста (красная строка). Деля текст и отмечая завершение одного смыслового отрезка текста и начало нового, абзац выступает в роли неалфавитного знака письма — своего рода «знака препинания». Графически выделяя фрагмент текста и тем самым привлекая внимание к микротеме каждого фрагмента, автор задает и определенный ритм текста, который подчинен коммуникативному замыслу

²⁰ Поэзия: учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин и др. М.: ОГИ, 2016.

ПУСТОЙ СОНЕТ

КТО ВАС ЛЮБИЛ ВОСТОРЖЕННЕЙ, ЧЕМ Я? ХРАНИ ВАС БОГ,
 ВАШ ВИД, ТРАВЫ НОЧНОЙ, ВАШ ВИД ЕЕ РУЧЬЯ, ЧТОБ ТА
 ПОЛОН ВАШИМИ НОЧНЫМИ ГОЛОСАМИ УДУНАННЫХ

ХРАНИ ВАС БОГ, ХРАНИ ВАС БОЖЕ. (СТОЯТ САДЫ, СТОЯТ ВИНУХА,
 ПЕЧАЛЬ, ЧТОБ ТА ТРАВА НАМ СТАЛА ЛЕЖЕМ. ПРОНИКНУТЬ В
 ЛИЦО ПОДНО ГЛАЗАМИ. ЧТОБ ВЫ СТОЯЛИ В НИХ, САДЫ СТОЯТ.

ХОТЕЛ БЫ Я СВОЮ ПЕЧАЛЬ ВАМ ТАК ВКУШИТЬ, ВАМ ТАК ВКУШИТЬ, НЕ ПОГРЕВОЖИ
 ЗА, ЧТОБ С НЕБЕСАМИ РАВНИТЬ И НОЧЬ В САДУ, И САД В НОЧИ, И (САД), ЧТО

БЫ В САДАХ, И БЫ В САДАХ, И БЫ В САДАХ, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА,
 САД, ПРОНИКНУТЬ В ВАС, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА, ПОДНЯТЬ ГЛАЗА

лу. Таким образом, абзачное членение помогает не только осмыслить композиционную структуру текста, но и постичь замысел автора.

§ 5. Расширение инвентаря знаков препинания в современном письме

Начиная со второй половины XX в. неоднократно предпринимались попытки создания новых знаков препинания²¹. Так, в 1962 г. глава

²¹ Обзор вопроса см., например, в: *Houston K. Punctuation that failed to make its mark // BBC. URL: [338](http://www.bbc.com/culture/story/20151104-punctuation-</i></p>
</div>
<div data-bbox=)*

рекламного агентства «New York Advertising» Мартин Спектер придумал знак для обозначения риторического вопроса — *интерробанг* (?) (англ. *interrobang* < лат. *interrogatio* ‘вопрос’ + англ. *bang* ‘бах!’, ‘восклицательный знак’ на жаргоне печатников и корректоров) — «вопросительный знак», лигатуру, образованную наложением вопросительного и восклицательного знаков. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. интерробанг широко использовался в американских СМИ: в 1966 г. он вошел в состав типографской гарнитуры *Americana*, а в 1968-м компания «Remington Rand» включила его в набор знаков выпускаемых ею пишущих машин. В настоящее время интерробанг принят в стандарте «Юникод» (U+203D), а также присутствует в гарнитурах *Arial Unicode MS*, *Calibri*, *DejaVu* и некоторых других. В 1966 г. французский писатель Эрве Базен в книге *Plumons l'oiseau* предложил от имени своего героя, профессора Алексиса Патагоса, шесть новых знаков препинания, которые могли бы использоваться для подчеркивания любви (два развернутых друг к другу вопросительных знака, образующих сердце), одобрения (два восклицательных знака над одной точкой), уверенности (перечеркнутый восклицательный знак, напоминающий крест), сомнения (изогнутый вопросительный знак), авторитетности (восклицательный знак, перечеркнутый опрокинутой горизонтальной скобкой и напоминающий «зонтик турецкого султана») и иронии (восклицательный знак, перечеркнутый изогнутой вверх горизонтальной скобкой). Потребность в подчеркивании иронического либо саркастического отношения к сказанному или адресату сообщения послужила причиной изобретения еще нескольких пунктуационных символов. Так, в 2001 г. блогер Тара Лилоия предложила заканчивать саркастические предложения знаком тильды (~). В 2004 г. журналист Джош Гринман в этих же целях предложил использовать перевернутый восклицательный знак (¡), напоминающий букву i (*i-rony*), а двумя годами спустя дизайнер Чоз Каннигем предложил свой знак сарказма или иронии — *сарк*, состоящий из точки и тильды (.~). В 2007 г. голландский дизайнер Бас Якобс создал *ironieteken* в виде зигзагообразного восклицательного знака. А в 2010 г. американский инженер Пол Сак и его сын Дуглас зарегистрировали как торговую марку

---

that-failed-to-make-its-mark (дата обращения 17.06.2018); Гончарова Н.Н. К вопросу о современных тенденциях в английской пунктуации // Научный диалог. 2018. № 4. С. 54–64.

знак *саркмарк* (SarcMark™), похожий на вывернутую наизнанку цифру 6 (или @), в которую вписана точка.

Помимо знаков иронии и сарказма, предлагались и другие пунктуационные символы. К их числу, например, относится знак *квазицитаты* (the quasiquote), перефразирования, неточного цитирования, означающий «что-то в этом роде», который в начале 1940-х использовался в самиздатовских журналах поклонников набирающего популярность научно-фантастического жанра и состоял из кавычек с напечатанным поверх них дефисом. В 1992 г. канадец Леонард Сторч и его коллеги запатентовали два знака: вопросительную и восклицательную запятые (*вопроситая* и *восклицитая*), предназначенные для выражения восклицания и вопроса внутри сложных предложений. Дизайнер Артемий Лебедев, который почему-то решил, что «точку с запятой... русские писатели обычно избегают», в 2006 г. выступил с предложением ввести новый знак — *двоезапятые*, состоящий из двух запятых, расположенных одна над другой, поскольку «графически и интонационно такой символ гораздо лучше подходит для обозначения паузы»²², чем точка с запятой:

Приехал князь Ипполит,
сын князя Василия,
с Мортемаром, которого
он представил; приехал
и аббат Морио и многие
другие.

Л. Толстой. Война и мир

§ 6. Диакритические знаки

К неалфавитным знакам русского письма относят также **диакритические знаки**, или **диакритики** (от греч. διακριτικός (diakritikos) ‘умеющий различать, служащий для различения’), — дополнитель-

---

²² Лебедев А. Ководство. URL: <https://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/133/> (дата обращения: 11.08.2018).

ные надстрочные, подстрочные и внутрискрипционные значки, применяемые в буквенном письме для изменения или уточнения значения буквенных знаков. Диакритические знаки широко используются в фонетической транскрипции, где их число достаточно велико.

Диакритики служат одним из возможных способов обогащения системы уже существующего письма. Во-первых, при необходимости обозначить фонемы конкретного языка, для которых не хватает букв в используемом алфавите, можно создать новые буквы или взять из какого-нибудь другого алфавита. Так поступили, например, создатели первоначальной кириллицы, добавив в греческий алфавит недостающие буквы из глаголицы. Во-вторых, можно использовать сочетания букв используемого алфавита — диграфы и полиграфы. Такой способ широко использовался при приспособлении латиницы, например, к польской фонологической системе (ср. пол. **cz** /č/, **sz** /š/, **rz** /ž/, **ch** /x/ и т. п.), а также в старочешской письменности (ср. ст.-чеш. **řř** /š/, **zz** /ž/, **chz** /č/, **cz** /c/ и др.). В-третьих, можно модифицировать уже существующие буквы, добавляя к ним вспомогательные элементы, т. е. диакритики (ср. пол. **ś** /ś/, **ź** /ź/, **ć** /ć/, **ż** /ż/, **ń** /ń/, **ą** /ɔ̃/, **ę** /ɛ̃/).

Идеальной графикой, системно использующей диакритические знаки для обозначения фонем, можно считать такую, в которой фонемы, обозначаемые графемами без диакритиков, характеризуются теми же фонологическими признаками, что и фонемы, передаваемые соответствующими графемами с диакритическими знаками, но отличаются от них каким-либо одним фонологически существенным признаком, для обозначения которого и служит тот или иной диакритик. С этой точки зрения удачную систему приспособления латиницы для передачи фонологических противопоставлений чешского языка с помощью диакритических знаков создал Ян Гус²³. Эта система оказалась весьма жизнеспособной и используется до сих пор. Чешская система диакритических знаков в целом стремится к такой идеальной системе, хотя и не вполне последовательно: ср. шипящие **š, ž, č** — свистящие **s, z, c**; долгие **ó, á, é, í, ů** — краткие **o, a, e, i, u**; мягкие **ň, ř, ď** — твердые **n, t, d**.

Что касается русского письма, то в нем количество диакритических знаков весьма невелико. Надстрочными знаками в русском

²³ Именно Яну Гусу приписывается труд *De orthographia bohémica* ('О богемской [= чешской] орфографии') (издан между 1406–1412 гг.), в котором кодифицировано чешское письмо на основе латиницы.

письме являются: апостроф; акцент (знак ударения); две точки над ё и (в редких случаях) над ö, э и ѣ; кратка на буквой й. Внутрискочным диакритиком можно считать разве что дефис в тех случаях, когда он используется для передачи особенностей произношения (*Бу-удто-с; Кр-р-ру...хом*).

Небесспорно отнесение к диакритическим знакам в собственно лингвистическом, а не типографском значении этого термина таких элементов письма, как верхнее и нижнее подчеркивание близких по начертанию рукописных букв ѣ («т») и ѣ («ш»), а также хвостиков у букв ѣ/ѣ и ѣ/ѣ.

В типографском деле к диакритическим знакам относят не только дополнительные значки при буквах, но и некоторые отдельные небуквенные элементы письма. В этом значении внутрискочными диакритиками можно считать *дефис*, применяемый в лингвистических текстах перед буквенным комплексом или после него при записи частей слова (приставок, корней, основ, суффиксов, окончаний; например: *пре-, голов-, -енн-, -ют* и т. п.) и в середине слова для обозначения его членения на значимые части или слоги, например: *пред-диплом-н-ый, го-ло-ва* и т. п.; а также знак >, который, выступая между двумя словами, формами или буквами, указывает на то, что второе слово, форма или обозначаемый второй буквой звук происходит из первого, например фр. *vinaigre* 'уксус' > *vinaigrette* 'соус из уксуса и масла' > рус. *винегрет* 'холодное кушанье из смеси мелко нарезанных овощей, приправленное растительным маслом и уксусом'.

Древнейшими диакритическими знаками были, по всей видимости, обозначения ударения, а также долготы и краткости гласных в греческом языке. Так, знаки основного и побочного ударения, используемые в русском письме, по своей конфигурации (á и à) восходят к греческим знакам ударения разных типов — *оксия* (греч. ὀξία, от ὀξύς 'острый') и *вария* (греч. βαρία, от βαρύς 'тяжелый'), знак кратки — к древнегреческому указанию на краткость гласных. Важнейшим надстрочным знаком в памятниках старославянской и древнерусской письменности было *титло* (̑), которое применялось для сокращенной записи слов сакрального характера, часто повторяющихся в тексте (БГ̑Ъ = БОГЪ, ГД̑Ъ = ГОСПОДЪ), и для буквенной записи чисел (·ā̑· = 1).

§ 7. Апостроф

Апостро́ф (фр. *apostrophe* от греч. ἀπόστροφος [*apostrophos*] ‘обращенный в сторону или назад’) — небуквенный надстрочный знак в виде запятой (’), который в разных алфавитных системах используется в разных функциях. В русском письме имеет ограниченное применение и употребляется в следующих случаях:

- 1) для присоединения к слову особых элементов в собственных именах иноязычного происхождения, например: *О’Кейси, д’Артаньян, Кот-д’Ивуар* (ср.: *Шарль де Костер*). В словах, производных от таких имен собственных, апостроф не пишется: *дартаньяновский*;
- 2) для отделения русских окончаний и суффиксов от передаваемой латинскими буквами предшествующей части слова, например: *пользоваться e-mail’ом, сообщить sms’кой*;
- 3) для замещения пропущенного звука в так называемых редуцированных формах лишь окказионально, например: *на б’шке* (И. Сельвинский), *быва’т, ину п’ру случа’тся* (В. Даль);
- 4) для замены разделительного твердого знака: *с’ехал, под’езд* (такое употребление апострофа не соответствует современным нормам письма: оно возникло вследствие орфографической реформы 1917–1918 гг., упразднившей написание буквы **ъ** на конце слов, и просуществовало до 1928 г.);
- 5) для указания на мягкость согласного звука в фонетической транскрипции: [l’it’] (*лечь*), [n’a’na] (*няня*);
- 6) в художественной литературе — после **г** для передачи картавого произношения /r/ (ср. *до уг’а, пг’ошу* и т. п.).

§ 8. Акцент

Знаки **акцента** (ударения) указывают на место основного или второстепенного ударения словоформы. Диакритик, отмечающий место основного ударения, носит название *аќут*, на место второстепенного ударения указывает *гравис*.

Знак **акута** (лат. *acutus* ‘острый, резкий’) (´) ставится над гласной буквой, обозначающей ударный гласный. Последовательное употребление этого знака принято в учебных текстах (например,

предназначенных для изучающих русский язык как иностранный) и в неоднозначных заголовочных словах энциклопедических словарей. В обычных текстах знак ударения употребляется выборочно: для предупреждения неправильного понимания слова (*бóльшая, чуднó, прóклятый, подрéзать*; для разграничения формы относительного местоимения *что* и союза *что* в сложных синтаксических конструкциях: *Я пришел к тебе с приветом / <...> / Рассказать, что отовсюду / На меня весельем веет, / Что не знаю сам, **что́** буду / Петь, — но только песня зреет* (А. Фет)), — или для указания на правильное ударение в недостаточно хорошо известном слове, в том числе в имени собственном (*апóкриф, Ферма́*).

В русской орфографии при необязательности употребления буквы **ѐ** знак акута над **ѐ** может также использоваться для обозначения произношения /e/ в отличие от ударного /o/ после мягкого согласного: ср. *всѐ /fsɛ/ — все /fsɔ/, нѐбо /nʲɛba/ — небо /nʲɔba/* и т. п. Некоторые лингвисты считают, что использование **ѐ** не для обозначения ударения, а в функции «не-ѐ» может быть полезно при издании классики для указания на правильное чтение **е**: ср. *Орел, любимец гордый грома, / Свой к небу правит быстр полѐт; / Он, кажется, достигнет дома, / Отколь исходит солнца свет* (Я. Княжнин, Утро, 1779).

В современном церковнославянском языке постановка знаков ударения, которые заимствованы из греческого письма, обязательна. Используются три вида и соответственно три знака ударения, которые в церковном произношении не различаются, но могут использоваться для различения омофонов: *острое* (акут — ц.-сл. **цáрь** им. ед.), *тяжелое* (гравис — ц.-сл. **царѣ** р. ед.) и *облеченное* (циркумфлекс — ц.-сл. **цáрь** р. мн., **царѣ** им. дв.).

Знак *гравис* (от лат. *gravis* ‘тяжёлый’), противопоставленный акуту, имеет вид такой черты над гласной буквой, левый конец которой выше правого (`). В разных системах письма он выполняет разные функции. Например, во французском буква **è** (с грависом) обозначает открытое /ɛ/ в отличие от **é** (с акутом), которое обозначает закрытое /e/ (ср. фр. *péramèle* [peramɛl] ‘сумчатый барсук’, а иногда для разграничения омонимов (ср. фр. *où* ‘где’ — *ou* ‘или’, *là* ‘там’ — *la* (артикль))). В русском письме гравис указывает на место побочного (второстепенного) ударения словоформы в отличие от основного, обозначаемого акутом (*клятвопреступлѐние, òколозѐмный, вице-президент, микрoкалькyлятор*). Используется, как правило, в словарях и учебной литературе.

Гравис как символ побочного ударения по своей форме восходит (через церковнославянское посредство) к *варіи* (греч. *βαρία*, от *βαρύς* ‘тяжелый’) к греческому диакритическому знаку (´), который обозначал особый тип древнегреческого музыкального ударения, характеризовавшегося отсутствием повышения тона, и противопоставлялся *оксіи* (греч. *ὀξύια*, от *ὀξύς* ‘острый’) — знаку (´), обозначающему восходящее ударение.

§ 9. Две точки над «ё» и умлаут

Две точки над ё должны указывать, что в данном случае буква служит обозначением /o/, а не /e/ (после мягких согласных), или звукосочетания /jo/, а не /je/ (после гласных, разделительных твердого или мягкого знаков или в начале слова), однако на практике такой надстрочный знак часто опускается. У этого диакритика нет устоявшегося терминологического наименования: чаще всего надстрочное «двоеточие» называют «двумя точками над ё», но иногда используют термины «умлаут» (умляут), а также (ошибочно) «диерезис» или «трема».

Умлаут, или **умляут** (нем. *Umlaut* ‘перегласовка’) — надстрочный знак в виде двух точек над гласной буквой, призван указывать на то, что фонема, обозначенная буквой с умляутом, отличается от фонемы, обозначенной буквой без умляута. Так, в немецком языке буква **a** обозначает фонемы переднего ряда /a/ или /a:/, а **ä** — фонемы переднего ряда /ɛ/ и /ɛ:/ того же подъема (ср. *Gans* ‘гусь (ед. ч.)’ — *Gänse* ‘гуси (мн. ч.)’). Сходные отношения имеются между **o** (/ɔ/ и /o:/) и **ö** (/œ/ и /ø:/), **u** (/ʊ/ и /u:/) и **ü** (/ʏ/ и /y:/). Термин «умлаут», используемый для обозначения надстрочного знака, восходит к названию древнего фонетического изменения — перегласовки (перехода гласного заднего ряда в передний), которая привела к появлению новых гласных фонем переднего ряда в результате ассимилятивного воздействия /i, i:, j/ следующего слога, а затем и к возникновению исторического чередования, обслуживаемого в немецкой графике парами **a/ä**, **o/ö** и **u/ü**. Знак умлаута встречается в древневерхненемецких памятниках XII–XIII вв. и восходит к маленькому ^ε, надписанному над гласными. В свою очередь **a^ε**, **o^ε**, **u^ε** возникали из диграфов **ae**, **oe**, **ue**. Постепенно это ^ε превратилось сначала в две черточки над гласным, а затем и в две точки. Таким образом, эволюцию знака умлаута

можно схематично представить следующим образом: **oe > o^e > ö > ð**. Считается, что термин *Umlaut* впервые был употреблен в 1774 г. поэтот Фридрихом Готлибом Клопштоком, а впервые применил его по отношению к древневерхненемецкому фонетическому изменению один из основоположников сравнительно-исторического языкознания Якоб Гримм уже в XIX в.

Таким образом, можно считать, что надстрочный знак в виде двух точек над **ë** в русском письме действительно является аналогом немецкого умлаута, а возможно, и появился не без влияния последнего. Необходимость в такой букве для русского письма, как и для немецкого, в конечном счете была вызвана произошедшим фонетическим изменением. Несмотря на некоторое сходство в фонетических условиях (в русском это ассимилятивное воздействие твердого согласного на предшествующий гласный /o/), принципиальное различие между русским и немецким изменениями заключается в том, что, в отличие от древневерхненемецкого умлаута, старорусский переход /e/ в /o/ не привел к возникновению новой фонемы.

В последние десятилетия XX в. получил распространение так называемый хеви-метал-умлаут (англ. *Metal umlaut*, также *röck döts* < англ. *rock dots*) — две точки над гласной (а иногда даже и над согласной), не имеющие никакого фонетического значения, а служащие лишь графическим средством выразительности: они используются в декоративных целях — для придания слову (как правило, названию рок-группы, имени музыканта и т. п.) «нордического» вида (ср. *Blue Öyster Cult*, *Motörhead*, *Mötley Crüe* и др.).

motörhead

Логотип британской хард-рок-группы Motörhead

В истории русского письма известны случаи употребления этого диакритика в сочетании и с другими буквами. Так, в стихотворении А. Блока «Осенний вечер был...» появляется буква **ö** (вместо **э**) в слове *sör*, звучавшем у поэта, как заметил К. Чуковский, «с французским оттенком»: *На кресло у огня уселся гость устало, / И пес у ног его разлегся на ковер. / Гость вежливо сказал: “Ужель еще вам мало? / Пред Гением Судьбы пора смириться, sör”*. В конце XIX — начале XX в. с целью имитации иноязычного (немецкого, ан-

глийского, французского) произношения предпринималась попытка ввести в русскую письменность еще одну букву с таким диакритиком — **Ӭ**, для передачи средствами кириллицы лабиализованного гласного переднего ряда, перед которым предшествующий согласный сохранял твердость. Такой гласный, изображаемый немецким **ö** (= **oe**), французским **eu** и английским **u**, встречается преимущественно в собственных именах: *Гётте (Goethe)*, *Шлётцер (Schlözer)*, *Сент-Бёв (Sainte-Beuve)*, *Бёрнс (Burns)* и др. И. А. Бодуэн де Куртенэ, редактор 3-го издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1903), считал необходимым ввести в словарь букву **ять** с двумя точками (**ѣ̈**) для некоторых форм, в которых фонема /o/ после мягкого согласного появляется на месте орфографического (и этимологического) **ть**: **звѣздка**, **звѣздочка**:

Звѣздá ж. одно изъ свѣтящихъ (самосвѣтныхъ) небесныхъ тѣлъ, видимыхъ въ безоблачную ночь. Умалт.: **з'вѣздка**, **звѣздочна**, **звѣздúшна**, **звѣздíнна**, —ночна; запд. **звѣздáнна**, [звѣзданна. смол. Оп.]. *Вотъ и вызвѣдило, и звѣздочки показались.* || Подобіе небесной звѣзды, лучистое изображеніе, писанное или изъ чего-либо сдѣланное. *Пяти-, шести-лучная или -лучная звѣзда.* || Такое же украшеніе, жалуемое при орденахъ высшихъ степеней. || Бѣлое пятнышко на лбу лошади, коровы. *Меринъ пльдь, звѣздка на лбу, правое ухо по́рото.* || *Счастье или удача, талантъ. *Звѣзда мол закатилась, счастье погибло. Неподвижная звѣзда, не измѣняющая положенья своего*

Статья из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М.: Издание Вольфа, 1903

Также известен единичный случай окказионального употребления (в издании: Василий Рклицкий. Русская хрестоматия. Варшава, 1837–1838) такой диакритики, как одна точка над графемой **е**, т. е. **ё**, — для обозначения при помощи этого графического комплекса, названного исследователем буквой «полу-ё», особого по качеству ударного гласного звука после шипящих (*чёрный, шѣсть* и т. п.)²⁴.

²⁴ Бобрин М. Полу-ё. Из наблюдений над забытым памятником русского языка первой трети XIX века // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 153–188.

§ 10. Кратка

Кратка (устар. *краткая*) ($\sim$) — надстрочный знак в виде дужки, который ставится над буквой и для указания на ее неслоговой характер. Заимствован из греческого письма, где обозначал краткость гласного: ср. греч. $\acute{\alpha}$, $\dot{\iota}$, $\ddot{v}$ (краткие) — $\bar{\alpha}$, $\bar{\iota}$, $\bar{v}$ (долгие). Со второй пол. XIV в. кратка ($\sim$) над гласной буквой (*ѣ, ѥ, ѧ* и т. п.) указывала на согласный /j/ (*йот*), предшествующий этой гласной (ср. *своѣѧ* /svoja/), но со временем закрепилась только над *и* (ср. *своиѧ* /svoji/), став элементом новой буквы *й* (*и* с краткой), обозначающей фонему /j/. Древнерусское название этого знака — «чаша» или «чашка». В современном русском письме является неотъемлемым элементом буквы *й*. В белорусском письме наряду с буквой *й*, аналогичной русской *й*, имеется буква *ѣ*, которая обозначает неслоговой [ɥ]/[w] (ср. бел. *воўк* ‘волк’, *праўда* ‘правда’, *прыехаў у горад* ‘приехал в город’).

§ 11. Идеограммы

В современном русском письме, которое по своему типу является буквенно-звуковым, имеются некоторые отступления от буквенно-звукового письма, что, в частности, выражается в использовании арабских и римских цифр, математических символов, =, + и др., а также знаков типа № ‘номер’, №№ ‘номера’, § ‘параграф’, §§ ‘параграфы’, ° ‘градус’, £ ‘фунт стерлингов’, ♀ ‘женский пол’, ♂ ‘мужской пол’ и т. п. Эти небуквенные графические символы напоминают знаки идеографического (словесного) письма и фактически являются идеограммами (логограммами). Идеограммы передают не звуковой состав слова, а прежде всего его значение, точнее целый пучок ассоциативно связанных значений, которые в принципе могут быть выражены разными словами данного языка. Так, текст +20°C, записанный исключительно с помощью идеограмм (логограмм), передает содержание сообщения и вполне однозначен, но может быть лексически, грамматически и фонологически интерпретирован («прочитан») в пределах его содержания несколько по-разному: *плюс двадцать градусов по Цельсию*, или *плюс двадцать градусов Цельсия*, или даже *двадцать градусов выше нуля по Цельсию*, или *двадцать градусов тепла по Цельсию* и т. п.

А. А. Реформатский еще в 1930-е гг. в статье «Лингвистика и полиграфия» отмечал, что «не только отдельные символы и зна-

ки являются идеограммами, но и их сочетания и приемы их пространственного расположения (определенная последовательность в отношении горизонтальных и вертикальных координат), а также и чисто шрифтовые приемы: уменьшение кеглей, применение выделительных шрифтов и т. д.»²⁵. В качестве примера такой идеограммы он приводил «графему», состоящую из математических символов:

$$\lim_{x \rightarrow \infty} x = f_1(u, v),$$

которая «читается так: “лим(ит) от икс при икс, *стремящемся* к бесконечности, равно эф первое *от* у вэ”. Курсивом здесь отмечено то, что идеографически “вычитывается” из восприятия шрифтовых и пространственных приемов»²⁶.

Идеограммами фактически являются многие аббревиатуры, поскольку в системе буквенно-звукового письма они не передают адекватно фонемный состав сокращенного слова и фактически отрываются от его плана выражения. Такие широко распространенные международные идеограммы, как №, £, \$ и др. по своему происхождению являются аббревиатурами, иногда модифицированными. Международной идеограммой на базе латинской аббревиатуры является *etc.* ‘и прочее, и так далее, и тому подобное’, которое представляет собой сокращение латинского выражения *et cetera* ‘(букв.) и прочие’ (от лат. *cetera* им. мн., ср. *ceterum* им. ед. с. р. ‘прочее, остальное’). По-русски эта идеограмма читается «и так далее», «и тому подобное», «и прочее» (возможно чтение по-латыни [эт цэтэра] или на французский манер с ударением на последнем слоге [эт сэтэра]), по-английски — «and so on» и т. д. Потенциальными идеограммами, в сущности, являются и русские аббревиатуры «и т. д.», «и др.», «и мн. др.».

Идеограммы, которые привязаны не столько к плану выражения, сколько к плану содержания слова, легко заимствуются из одной письменности в другую, где продолжают выражать то же значение (комплекс значений), но прочитываются как слово того языка, чья письменность заимствует идеограмму. Такие идеограммы письма-донора (письма-рецептора), которые заимствованы из другой письменности, называют **гетерограммами** (от греч. ἕτερος ‘иной,

²⁵ Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. I. М.; Л.: Издание ВЦК НА, 1933. С. 53.

²⁶ Там же.

другой' и ур́ацца 'рисунок, знак, буква'). Для русского письма гетерограммами являются арабские и римские цифры, знаки типа №, \$, %, &, etc. и некоторые другие вкрапления словесного письма в буквенно-звуковое. Символы иностранных валют (\$ 'доллар США', € 'евро', £ 'британский фунт стерлингов', ¥ 'японская иена' и т. д.) естественным образом являются гетерограммами. Идеограммой фактически следует признать и символ российского рубля — Р (прописная буква Р с перечеркнутой ножкой), который был официально утвержден в 2013 г. и который, разумеется, не является гетерограммой.

Выразительные возможности идеограмм нередко используют в художественных текстах, в особенности поэтических. См., например, в стихотворении С. Н. М́арина: *Искусства ратного Суворов госп-1 / В Италию вступивши лишь е-2; / Разбил французов вне и замешал вну-3: / В Париже будем мы как дважды два* — 4. Цифры и математические символы часто присутствуют в текстах А. М. Кондратова — лингвиста и поэта, принадлежавшего к так называемой филологической школе: *100-ю на острове +совском / совсем 1... Но торо+ь / Гу100ю ночью авгу100вской / Упьюсь* — и в *листьях уто+ь*.

Относительно новым явлением в современном русском письме стало широкое употребление таких небуквенных символов, как эмодиконы (англ. *emoticon* < *emotion* 'эмоция' + *icon* 'образ'), которые также называют смайликами (от англ. *smile* 'улыбка') и эмограммами (от англ. *emo(tion)* 'эмоция' + греч. ур́ацца 'письменный знак, буква'). Эмодиконы — письменные символы, служащие для передачи эмоционально-оценочного отношения пишущего к собеседнику или содержанию своего сообщения в интернет-коммуникации (переписке по электронной почте, в форумах и т. п.). Изначально эмодикон представлял собой последовательность знаков, которые имеются на клавиатуре компьютера (цифр, букв, знаков препинания и др.), например: :-)'улыбка'; ;-)'ироническая улыбка'; :-('грустное лицо'; 8-['лицо с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами; имеет значение очень сильного удивления или испуга' и т. п. С течением времени подобные текстовые эмодиконы трансформировались в графические — изображение лица, выражающего ту или иную эмоцию. Эмодикон одновременно выполняет иероглифическую функцию и замещает знак препинания конца предложения (точку или восклицательный знак).

Право считаться создателем эмодикона оспаривают несколько человек. Так, профессор Скотт Фалман из университета Карнеги-

Меллон в Питтсбурге 19 сентября 1982 г. предложил участникам электронного форума использовать сочетание знаков :-)) для обозначения того, что к содержанию послания надо отнестись с юмором. На пальму первенства претендует и Кевин Маккензи, якобы еще в 1979 г. употребивший символ -) в значении англ. *tongue in cheek* 'неискренне, насмешливо', дословно 'с языком за щекой'. Однако еще в 1969 г. писатель В. Набоков заметил в интервью газете *The New York Times*: «Я часто думаю, что должен существовать специальный типографский знак, обозначающий улыбку, — нечто вроде выгнутой линии, лежащей навзничь скобки; именно этот значок я поставил бы вместо ответа на ваш вопрос». Регулярно в письменном общении используются лишь несколько десятков широко употребительных эмотиконов, служащих, как правило, заменой жестов и мимики, однако существует и множество значков, понятных только участникам конкретной переписки, как C=}>;*f)) 'пьяный злой черт в парике, надетом наоборот, с усами и двойным подбородком', ЯЯ 'ссора', РЯ 'примирение' и т. п. См., например, в рассказе Л. Петрушевской «Путем переписки»: *Медуза написала на компьютере бойфренду К. письмо: ?? ~ ; ^” _ ^^ ____// (~ 1) (как ты поживаешь, я живу хорошо, сию как бы одна).*

Близки к графическим эмотиконам и эмодзи (от яп. 絵 'картинка' и 文字 'знак, символ'; [emodji]) — пиктограммы, используемые в интернет-коммуникации. Однако эмодзи призваны не только передавать эмоцию пишущего, но и служить заместителями слов, поэтому при помощи эмодзи могут быть созданы целые тексты. Например:

(«Хочешь сладких апельсинов? / Хочешь вслух рассказов длинных? / Хочешь, я взорву все звезды, / Что мешают спать?» — строки из песни Земфиры.)

Уже создано множество сервисов, способных переводить любой текст, как письменный, так и устный, на язык эмодзи и наоборот. Такого рода тексты фактически представляют собой разновидность пиктографического или идеографического (словесного) *письма*, а их создание для пользующихся русским письмом является своего рода видом языковой игры.

К числу новых неалфавитных знаков письма следует отнести и знак «решетки» (#), маркирующий начало хештега (англ. *hashtag* < *hash* ‘знак «решетка» #’ + *tag* ‘метка, ярлык, этикетка’) — содержательной метки, состоящей из знака (#) и ключевых для данного сообщения слов и позволяющей пользователям какой-либо социальной сети найти все сообщения подобной тематики. Впервые появились в 2007 г. в сети Твиттер. «Словарь языка интернета.ru»²⁷ приводит примеры популярных хештегов в Инстаграме: #фотоног, #лук, #мирдолжензнатьчтояем, #туфлейдолжнытьемного и др. С течением времени знак «решетки» вышел за пределы интернет-среды и стал использоваться не только в функции маркера темы сообщения: его можно встретить, например, в составе названий художественных текстов (роман Вадима Демидова «#Яднаш» (2016); сборник стихотворений в прозе Андрея Орловского «#спички. дорога домой» (2016)) и научных трудов (#ТОТСБОРНИК: Сб. научных трудов по материалам Тотального диктанта).

Рекомендуемая литература

Бодуэн де Куртенэ И. А. Знаки препинания // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 238–239.

Голев Н. Д. Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования. // Языковая ситуация в России нач. XXI века. Т. 1. Кемерово: Кемеровский ун-т, 2002.

Друговейко-Должанская С. В. ...И точка! (о семантизации знаков препинания в художественных текстах и фразеологии) // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 1 / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 2017. С. 101–113.

Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Труды Международного семинара «Диалог’2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Изд-во РГГУ, 2007.

²⁷ Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016.

- Ицкович В. А.* Опыт описания современной пунктуации // Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука, 1974. С. 170–191.
- Леонтьев А. А.* Функциональная классификация русских знаков препинания // Русский язык. 2001. № 7. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200100707> (дата обращения: 18.07.2018).
- Николаева Т. М.* Что стоит за сложными правилами русской пунктуации? // Николаева Т. М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 291–298.
- Пешковский А. М.* Знаки препинания и научная грамматика // Школьная и научная грамматика: опыт применения науч.-граммат. принципов к шк. практике. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лит. Изд., 1918. С. 81–106.
- Пешковский А. М.* Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания // Пешковский А. М. Избранные труды / сост. и ред. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. С. 19–32.
- Шмелев А. Д.* Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Бориса Самойловича Шварцкопфа. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 516–529.
- Шубина Н. Л.* Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста // Русский язык за рубежом. 1997. № ¾. С. 67–74.
- Щерба Л. В.* Пунктуация [1935 г.] // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 241–245.
- Щерба Л. В.* Теория небуквенных знаков русского письма // Щерба Л. В. Теория русского письма [1943 г.]. Л.: Наука, 1983. С. 123–132.

Глава VI

ГРАФИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

Графическая стилистика — раздел лингвистики, изучающий приемы построения письменного текста, используемые для акцентуаций смысла и тем самым служащие более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя.

Этот термин был предложен в 1969 г. Л. Г. Ведениной, однако распространение получил лишь в начале XX в., после выхода монографии «Графическая стилистика японского языка» (1999) Е. В. Маевского, предложившего выделять в составе этой научной дисциплины **орфографическую стилистику**, объектом изучения которой являются орфографические тропы, а также пунктуация, шрифтовые выделения (курсив, разрядка и т. п.), расстановка абзацев и другие способы организации письменного текста, и **каллиграфическую стилистику**, изучающую такие выразительные средства, как шрифт и почерк, которые, по мнению Маевского, можно «объединить в понятии графического стиля».

Впрочем, предыстория графостилистических штудий восходит к более давним временам. Развитие приемов графической образности во многом восходит к каллиграфии (греч. *καλλιγραφία* ‘красивый почерк’) — искусству красивого письма. Именно в каллиграфии на протяжении веков складывались многие приемы графической стилистики, целью которых становится соединение стиля начертания текста или его фрагментов с их смыслом. Так, согласно традициям японской письменной культуры произведения определенного литературного стиля и содержания следует записывать определенным почерком, облик которого максимально соответствует смысловому и стилевому содержанию текста: например, исторические трактаты — уставом, дневники и эссе — полускорописью, стихотворные сборники — тонкой, вытянутой в длину строкой скорописи, пьесы — причудливо закрученной, плотной скорописью, растянутой

в ширину и «приплюснутой» по вертикали и т. п. «Правила графической стилистики диктовали не только строгое соответствие стиля письма жанру сочинения, но и законы расположения знаков на поверхности листа, правила употребления иероглифики и слогового письма, приличествующие мужчинам и женщинам, мирянам или монахам»¹.

Описания отдельных средств графической выразительности содержатся уже в ранних грамматических руководствах. Так, в «Грамматике Пор-Рояля» (1660) отмечено: «В одном и том же языке существуют... разные формы письма, например прямое и курсив в печатном шрифте для латыни и ряда новых языков, что может быть с пользой применено для передачи смысла, чтобы выделить некоторые слова и обороты»². В русской литературе увлечение каллиграфией и вообще страсть к переписыванию нередко становится важной частью характеристики персонажа (вспомним Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели» или главного героя романа Ф. Достоевского «Идиот»). Вот как рассуждает о каллиграфии князь Лев Мышкин:

«...Я вот тут написал другим шрифтом: это круглый, крупный французский шрифт, прошлого столетия, иные буквы даже иначе писались, шрифт площадной, шрифт публичных писцов, заимствованный с их образчиков (у меня был один), — согласитесь сами, что он не без достоинств. Взгляните на эти круглые *д*, *а*. Я перевел французский характер в русские буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вот и еще прекрасный и оригинальный шрифт, вот эта фраза: “усердие всё превозмогает”. Это шрифт русский писарский или, если хотите, военно-писарский. Так пишется казенная бумага к важному лицу, тоже круглый шрифт, славный, черный шрифт, черно написано, но с замечательным вкусом. ...В целом, посмотрите, оно составляет ведь характер, и, право, вся тут военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотелось, и талант просится, да воротник военный туго на крючок стянут, дисциплина и в почерке вышла, прелесть! <...> Ну, вот, это простой, обыкновенный и чистейший английский шрифт: дальше уж изящество не может идти, тут всё прелесть, бисер, жемчуг; это закончено; но вот и вариация, и опять французская, я ее у одного французского путешеству-

¹ *Завадская Е. В.* Японское искусство книги (VII–XIX века). М.: Книга, 1986. С. 22–23.

² *Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / пер. с фр. Ю. С. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 26–27.

ющего комми заимствовал: тот же английский шрифт, но черная линия капельку почернее и потолще, чем в английском, ан — пропорция света и нарушена; и заметьте тоже: овал изменен, капельку круглее и вдобавок позволен росчерк, а росчерк — это наипаснейшая вещь! Росчерк требует необыкновенного вкуса; но если только он удался, если только найдена пропорция, то эдакой шрифт ни с чем не сравним, так даже, что можно влюбиться в него».

Система письменных знаков выполняет в культуре как минимум две функции. Во-первых, это совокупность символов, с помощью которых передается звуковой облик слов языка и — шире — перевод устной речи в письменную форму. Каждый из знаков несет в себе определенную информацию. Например, буква **а** передает фонему /а/, а запятая сигнализирует о членении текст на значимые отрезки. С этой точки зрения графика — лишь внешняя оболочка, которую (по крайней мере на первый взгляд) легко поменять, что время от времени и происходит в истории культуры отдельных народов. Так, например, в 1920-е гг. многие языки народов СССР, которые ранее использовали письменность на основе арабского алфавита, были латинизированы, а уже в середине 1930-х начался процесс перевода всех латинизированных алфавитов на кириллицу. А после распада СССР ряд народов вновь перешел на латинский алфавит: молдаване, азербайджанцы, узбеки, туркмены³. Во-вторых, алфавит определяет общий стиль, своего рода графический дизайн текстов. Даже будучи не в состоянии прочесть тот или иной текст, мы можем определить, что он написан, например, иероглифами или арабской вязью, знаками еврейского письма или же индийского деванáгари. Знаки письменности в этом случае воспринимаются не как носители информации, а, по удачному выражению Ю.В.Кнорозова, — как средство передачи фасцинации. Термином *фасцинация* (от лат. *fascinatio* ‘околдовывание, зачаровывание’) называют такое воздействие сигнала, которое само по себе приковывает внимание и вызывает определенные ассоциации.

Можно сказать, что в письменности фасцинация достигается путем специально организованного графического оформления текста, при котором воздействие его информационной составляющей усиливается и становится максимально эффективным. По мнению

---

³ См. об этом: *Арапов М.В.* Латиница и кириллица. URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/> (дата обращения: 08.05.2018).

Кнорозова, фасцинирующее воздействие на читающего графических средств, при помощи которых организована речь на письме, можно сравнить с воздействием на слушающего интонации устной речи⁴.

Представим себе, например, слово *письменность*, оформленное при помощи использования разных шрифтов:

ПИСЬМЕННОСТЬ

ПИСЬМЕННОСТЬ

ПИСЬМЕННОСТЬ

ПИСЬМЕННОСТЬ

Информационная составляющая (значение) этого слова остается неизменной, однако читающий ясно осознает, что в одном случае речь идет о письменности славянской, в другом — об арабской, в третьем — о германской, в четвертом — об индийском письме дewanагари и т. д.

Фасцинация наравне с информацией составляет стержень коммуникативных процессов в обществе. И если иметь в виду фасцинацию, то понятие кириллицы — не просто ссыла на историческое происхождение знаков, — это актуальный и идеологически нагруженный концепт. Так, по замыслу Петра I русская азбука должна была измениться в своих начертаниях, подобно тому, как и русскому человеку следовало отныне одеваться в платье иноземного покроя. В результате изменения внешнего облика букв кириллица была приближена к латинице. Через тридцать лет после этой реформы В. К. Тредиаковский напишет: «Петр Великий не оставил и того, чтоб ему не приложить старания своего и о фигуре наших букв. Видя толь красную печать в европейских книгах, потщился и нашу так-

⁴ См. об этом же в «Анализе поэтического текста» Ю. М. Лотмана: «Поскольку устная жизнь художественного текста регулируется исполнением (декламацией), письменный текст должен иметь соответствующие знаки организации. Эту роль выполняет графика» (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 81).

же сделать подобную... Прекрасная была сия самая первая печать: круга, мерна, чиста. Словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется»⁵. Петровская реформа изменила ту компоненту алфавита, которая была связана с передачей фасцинации, — буквы, как и людей, переодели в немецкое платье. По мнению М. В. Арапова, в результате этой реформы «в сознании русских из средства сопротивления латинам “гражданская кириллица” превратилась в проводника их влияния. Истинная же кириллица была как бы сдана в музейный запасник вместе с церковно-славянским языком, откуда время от времени извлекалась»⁶. При том что информационная компонента осталась практически неизменной: исключение из алфавита нескольких букв, которые и в допетровскую эпоху употреблялись редко, не могло бы само по себе оказать никакого влияния на развитие культуры.

Однако формирование графической стилистики как отдельной лингвистической дисциплины не случайно связано с эпохой рубежа XX–XXI вв., поскольку существенные отличия современной графической системы связаны с расширением способов выражения эмоциональности в языке, значительным усилением визуальности письменного текста. Новое отношение к визуальному облику текста становится сегодня одной наиболее актуальных областей исследования во многих гуманитарных науках: лингвистике, философии, социологии, культурологии, искусствознании и т. п. Речь идет уже о формировании особой академической междисциплинарной области исследований с условным названием *visual studies* (*visual culture studies* ‘исследования визуальной культуры’) и вполне сложившейся методологической спецификой и собственным инструментарием.

Наиболее часто прибегает к графическим приемам, помогающим представить предмет описания во всей совокупности его признаков, поэтический текст⁷. Еще греческий философ Симонид заме-

⁵ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 244.

⁶ Арапов М. В. Латиница и кириллица. URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/> (дата обращения: 08.05.2018).

⁷ «Поэтический текст со своей общей установкой на максимальную упорядоченность подразумевает презумпцию и графической упорядоченности текста» (Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. С. 77). «Визуальное и вербальное, графика и слова, выступают нераздельно и усиливают друг друга» (Поэзия: учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин и др. М.: ОГИ, 2016. С. 178).

чал, что живопись — это немая поэзия, а поэзия — говорящая живопись. Так, барочные стихотворения Симеона Полоцкого в честь рождения царевичей Федора (в форме сердца) и Симеона (в форме звезды); плакаты Владимира Маяковского и Александра Родченко, представляющие собой синтез текста и графики; «изопы» (изобразительная поэзия) и «видеомы» Андрея Вознесенского, в которых стихи совмещаются с рисунками, фотографиями, шрифтовыми композициями, различными знаками и символами и др. тексты так называемой «визуальной поэзии» могут восприниматься как разновидность изобразительного искусства.

С. Полоцкий. «От избытка сердца уста глаголят» (1661)
(Фото: https://txt.drevle.com/person/view/simeon_polockiy)

Страшней зрассъ звездой и прелестней дичиной
Свѣтила лучи на мѣрѣ разшириши
Новой лѣто издѣстныи пѣлѣство
Даже бже что сѣя звезда лѣвѣщай?
Внѣкъ же Сумѣнь Красивѣе стѣетъ
Енѣ да нѣо . все бже при дѣстѣетъ?

С. Полоцкий. «Благоприветствие царю Алексею Михайловичу по случаю рождения царевича Симеона» (1665)
(Фото: https://txt.drevle.com/person/view/simeon_polockiy)

Владимир Маяковский, Александр Родченко (1925)
(URL: https://artchive.ru/artists/73470-Vladimir_Vladimirovich_Majakovskij_Rodchenko_Aleksandr_Mikhajlovich/works/485972-Nigde_krome_kak_v_Mossel'prome (дата обращения 12.05.2019))

ЖАИ ПЛАВКИ БОГА

Из книги: *Вознесенский А. А. Тень звука. М.: Молодая гвардия, 1970*

Как буквенные, так и небуквенные графические знаки способны быть не только послушной формой отражения устной речи на письме, но и вносить в текст дополнительные смыслы. Различные приемы построения письменного текста, служащие более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя, принято называть графическими средствами выразительности. Роль графических средств выразительности состоит в том, чтобы теснее связать внешнюю форму текста и его содержание и тем самым придать такому синтезу внешнего и внутреннего максимальную воздействующую силу.

Совокупность невербальных знаков и средств, участвующих в организации письменного текста и способствующих восприятию и пониманию его читателем, а также раздел языкознания, изучающий такие знаки и средства, принято называть **параграфемикой** (от греч. *παρά* 'возле, около' и *γράφω* 'пишу'; ср. греч. *παράγράφω* 'приписываю, присоединяю'). В этом же значении используется термин **метаграфемика** (от греч. *μετά*- 'между, после, через' и *γράφω* 'пишу').

Термин «параграфемика» введен в 1959 г. американским лингвистом Эриком Хэмпом. О параграфии, или метаграфии, как «различных приемах, употребляемых в пределах или за пределами письма как такового» упоминается в работе Игнация Гельба *Principles of Writing systems within the Frame of Visual Communication* (1979). К числу «пара- и мета-приемов» Гельб относил «знаки препинания для обозначения границ между словами, сочетанием слов, предложениями и т. д.; форму знаков (например, две формы сигмы в греческом для указания на ее начальную и среднюю или конечную позицию в слове); форму букв (например, прописные буквы и строчные); различные условные приемы, включая цвет (например, на картах или в бухгалтерских книгах); и, наконец, статистические и приборные графики».

В России изучение графических приемов как дополнительных средств выражения содержания началось уже в первые десятилетия XX в. в рамках семиотических (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Реформатский) и стиховедческих исследований (Г. О. Винокур, Б. В. Томашевский, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов и др.).

Параграфические средства, служащие для передачи паралингвистической информации, — это своего рода «письменные жесты», способные дополнить и прояснить содержание сказанного. В современную эпоху с ее поисками новых способов выражения, и появлением текстов новой, нелинейной природы (гипертекстов, содержащих многоуровневую информацию) декодирование и интерпретация параграфических средств становится для читателя важным этапом восприятия, способствующим максимально полному извлечению смыслов. Параграфемика как область науки находится на стыке лингвистики и психологии: так, психологические исследования, посвященные изучению закономерностей зрительного восприятия, показали, что человеческому глазу левый объект кажется большим, чем правый, светлая фигура — более близкой, чем темная, верхняя фигура — меньшей, чем нижняя, а расположенный в центре композиции элемент имеет бóльшую значимость. Результаты таких исследований находят применение в первую очередь в рекламистике. Например, в названии компании Nex3, предоставляющей услуги связи на основе трех потоков данных (телевидения, телефонии и Интернета), использована цифра 3, которая является читаемой частью слова («Некстри»), и буквы латинского алфавита, призванные привлечь молодых, продвинутых людей, следящих за новыми технологиями.

В репертуар параграфических средств входят различные приемы расположения текста на плоскости; **орфографические тропы** или приемы **экспрессивной орфографии**; неалфавитные знаки; таблицы, схемы, символы, рисунки, графики и т. п., вплоть до фактуры материала, на котором располагается текст. Набор этих инструментов зависит от характера создаваемого текста. Все многообразие таких паравербальных средств, которые создают воздействующий потенциал письменного текста, можно свести к нескольким группам: 1) синграфемные — механизмы пунктуационного варьирования; 2) супраграфемные — механизмы шрифтового варьирования; 3) топографемные — механизмы графической аранжировки плоскостной синтагматики текста; 4) ксенографемные — механизмы

включения в графический облик слова элементов иных знаковых систем; 5) пиктографемные — механизмы замены буквенного знака пиктографическим элементом, тематически связанным с областью рекламируемого.

Раздел параграфемики, изучающий механизмы художественно-стилистического варьирования пунктуационных знаков, носит название *синграфэмика* (от греч. συν- ‘вместе’ и γράφω ‘пишу’).

Возможность пунктуационного варьирования (выбора знака или места его постановки) определяется смысловым принципом пунктуации. Синграфический же потенциал того или иного знака препинания заложен в функциях самих знаков. Так, способность тире выступать в качестве знака актуального членения предложения используется в стихотворении В. Сосноры, которое представляет собой парафраз пушкинского «Я вас любил. Любовь еще, быть может...»: *Я вас любил. Любовь еще — быть может. / Но ей не быть* (в начале текста) и *Я — вас любил. Любовь — еще быть может... / Не вас, не к вам* (в финале стихотворения). Благодаря варьированию местоположения знака меняется не только смысл высказывания, но и частеречный статус слова *еще*: если во втором случае оно выступает как наречие, то в первом может быть понято как окказиональное прилагательное со значением ‘возможный в будущем’.

Роль синграфем (знаков препинания, участвующих в художественно-стилистическом варьировании) играют и внутрисловные знаки препинания, способные обнажить обусловленное контекстом структурное или интонационное членение словоформы. См., например, в «Цыганском вальсе на гитаре» И. Сельвинского (1922): *Нночьчи? Сон-ы. Прох?ладыда / Здесь в аллеяях загалохше?-го сад-ы / И доносится толико стон’ы? гиттаоры*. По замечанию Ю. Тынянова, это стихотворение «читать... нельзя, а нужно петь». Внутрисловные скобки служат средством визуализации текста, индикатором многозначности слова в контексте произведения. Чаще в этой функции используются круглые скобки: *(Из)вращения любви и ненависти* (название психоаналитического исследования Ренаты Салецл); *П(р)оиски литургического звука* (заглавие рецензии Д. Бавильского); *Провинциальный роман(с)* (название книги Е. Ярошевского); — но в исключительных случаях и квадратные: *[голово]ломка* (название романа А. Гарроса и А. Евдокимова). В качестве внутрисловных знаков как графического средства актуального членения слова в рекламных текстах регулярно используются восклицательный знак

(*Да!лпорт* — название сети универсамов) и апостроф (*GOOD'OK* — название услуги, предлагаемой абонентам МТС).

РЕНАТА САЛЕЦЦ

(ИЗ)ВРАЩЕНИЯ
ЛЮБВИ
И НЕАВИСТИ

XX
ОЗОН.RU
КООПЕРАТИВНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
МОСКВА 11999

Да!Спорт СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС
Нам всегда нужны профессионалы!

Да!Строй СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАГАЗИН

Внутрисловные знаки препинания

В сознании носителей языка знаки препинания отчетливо семантизированы, и представление об инвариантном значении каждого из знаков отражается, в частности, в национальной фразеологии: *ставить точку на чем-л., до последней запятой, заметить в скобках* и т.п. Вследствие этого пунктуационные символы оказываются способными не только указывать на смысловое и структурное членение письменного текста и сигнализировать об интонации его прочтения, но и сами по себе быть носителями смыслов. Поэтому последовательность знаков препинания в тексте может быть семантически и стилистически значимой. Так, в эссе В. Л. Топорова «На допросе у вещего старца» последовательность восклицательный

знак — вопросительный знак — многоточие — точка складывается в фигуру антиградации — названия нагруженных эмоционально-экспрессивным содержанием знаков расположены по убыванию экспрессии: *Трудно произнести такое — при всей очевидности, — еще труднее увенчать фразу не **восклицательным** знаком (возмущенным или восхищенным), не **вопросительным** («как он мог?») или хотя бы «неужели»?», не пестрой, как смешение рас, чередой вопросов и восклицаний и даже не амбивалентным в своей устремленности в будущее (которое, как известно, туманно) **многоточием**, а невзрачной, сиротливой, взвешенной или по меньшей мере как бы взвешенной **точкой***. Во фрагменте рассказа Татьяны Толстой «Милая Шура»: *На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! Лето. Осень... Зима?* — последовательность восклицательный знак — точка — многоточие — вопросительный знак представляет собою пунктуационный комплекс, внутри которого градуирована эмоционально-экспрессивная функция каждого из его членов: от восторженности, выражаемой при помощи восклицательного знака, — через удовлетворенную завершенность, отмеченную точкой, — к недосказанности, символизируемой многоточием, — до недоумения, передаваемого знаком вопроса.

Более того, знаки препинания могут служить заместителями высказываний. См., например, диалог:

Он: !

Она: ?

Он: !!

Она: ?

Он: !!!

Она: ?

Он: ???

Она: !

Он: «...», «...», «...»!

Она: «...», «...», «...», «...», «...», «...»...

Он: ?

Она: !

Он: ??

Она: !!!

Он: .

Она: .

Синграфически значимым может быть и отсутствие знаков препинания. В поэтическом тексте этот прием позволяет устранить границы между синтагмами, благодаря чему каждая словоформа оказывается включенной во множество сочетаний:

Лечу стрелой насквозь большую жизнь
 чей незабвенный образ я веду
 за руку до которой сам дошел
 своим умом когда с него сходил
 на землю где сегодня прохожу
 по делу о хищениях по складу
 души своей где был я проведен
 кладовщиком как ясельный младенец
 чьими устами истину как мед
 да пить дать Маху чей идеализм
 пришлось в пору бурного расцвета
 борьбы за чистоту моральных норм
 и Правил над народами Иосиф
 неистовый Виссариона сын
 принявший власть за способ извлекать
 из щелей средства от любой болезни
 посредством ампутации больных
 и пораженных членов их семей
 под общим политическим Наркозом
 госбезопасности и внутренних болезней
 от детской левизны и до окраин

Владимир Строчков (1986)

Лечу стрелой насквозь < лететь, лечу насквозь большую жизнь < лечить и т. п. Нелинейность текста подчеркнута в этом случае и его геометрией, т. е. расположением на странице.

Супраграфэмика (от лат. *supra-* ‘сверху, над’ и греч. *γράφω* ‘пишу’) изучает выбор средств шрифтового выделения и механизмы

шрифтового варьирования. К супраграфемным средствам, которые называют также каллиграфемами (от греч. *καλλιγραφία* 'красивый почерк, рисунок, стиль, чистописание'), относятся курсив, подчеркивание, разрядка или сжатие, цветовое окрашивание, шрифт другой гарнитуры, кегля и т. п., используемые для выделения части текста.

Часть шрифтовых выделений служит графическим средством передачи логического ударения. Например: «Мне стало еще досаднее и совестнее, и чтобы загладить чем-нибудь свой отказ, я поспешил сообщить, что я не буду дома, потому что должен быть у князя Ивана Иваныча, у княгини Корнаковой, у Ивина, того самого, что имеет такое важное место, и что верно буду обедать у княгини Нехлюдовой. Мне казалось, что, узнав, к каким важным людям я еду, они уже не могли претендовать на меня» (Л. Толстой); «Если человеку суждено стать богом, то престолом его будет **книга**» (Л. Андреев). По мнению Г. А. Гуковского, весьма велика роль курсива в поэтических текстах В. Жуковского: при помощи такого «внешнего подчеркивания» поэт «выделяет слово-символ, выпавшее из обычных связей речи, значащее больше, чем оно может значить просто в контексте», «чтобы показать, что это слово — не слово, а целая тема, что оно — знак огромных смыслов»⁸. Например:

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
 Без страха верь; обмана сердцу нет;
 Сбылося все; я в стороне свиданья;
 И знаю *здесь*, сколь *ваши* прекрасен свет.

Друг, на *земле* великое не тщетно;
 Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят,
 О милый, *здесь* не будет безответно
 Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
 Незрима я, но в мире мы одним;
 Будь верен мне прекрасною душою;
 Сверши *один* начатое *вдвоем*.

(«Голос с того света», 1815)

Н. Д. Светозарова, анализируя графические приемы передачи

⁸ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. литература, 1965. С. 67.

интонации в художественном тексте, предлагает термин *интонационный курсив*, объединяющий такие средства, как собственно курсив, разрядка, жирный и полужирный шрифт, послоговое написание (дефисация) — поскольку все они, по мнению ученого, призваны подчеркнуть акцентную выделенность слова⁹. Например: «— Я всё слышал и всё *видел*, — сказал он, особенно упирая на последнее слово» (Ф. Достоевский); — *Не нужно, понятно тебе? Во всяком случае, м н е не нужно* (Ю. Трифонов); *В таком случае **займите*** (в других изданиях курсив. — С. Д.-Д., М. П.) *десять рублей!* (И. Ильф, Е. Петров); *Эти люди, слышите, Киса, вы-и-гра-ли пятьдесят тысяч рублей!* (И. Ильф, Е. Петров).

В современных текстах (особенно в художественных) супраграфические приемы приобретают все большее значение и часто выступают в качестве объекта языковой рефлексии. Так, Д. Быков в предисловии к роману «Орфография» сообщает, что, «стараясь сделать сочинение удобным для широкой аудитории, он выделил курсивом места, которые можно пропускать без особого ущерба для фабулы, а **полужирным шрифтом** — те, которые сам он относит к “хитовым”». С. Носов замечает по поводу своего романа «Хозяйка истории»: «Там важны размер шрифта, игра курсивом и даже отступы на полях... <...> Иначе вообще ничего не понять».

Капитализация (из англ. *capitalization* ‘письмо прописными буквами’, от *capital letter* ‘прописная буква’) — набор прописными буквами какой-либо части текста — может свидетельствовать об интонационном выделении (например, о чрезвычайно громком или эмоциональном произношении: *И тогда вам придется иметь дело с **ИДИОТОМ***. Все буквы большие (О. Негин); в строчках А. Вознесенского *У каждого своя Секвойя, / Мы Садим Совесть Словно Сад* прописная **С** обращает внимание на аллитерацию) или смысловом акцентировании (*Когда люди все время вместе, они становятся **ОДНО*** (В. Токарева); *Герой едет в аэропорт: ему надо встретить друга Макса. Даже не так — **ДРУГА!!!*** Автор «Рубашки» неизменно использует капслок для подчеркивания значимости отдельных слов (К. Мильчин). Можно сказать, что в таких случаях письменная форма доступными ей средствами пытается имитировать устную речь: жест, мимику, интонацию. Например, в сказке Л. Толстого «Три медведя» одинаковые

⁹ Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 30.

фразы, произносимые медведем, медведицей и медвежонком (*Кто сидел на моем стуле?*), передаются соответственно буквами большого, среднего и маленького размера — и юному читателю сразу становится ясно, кому из героев принадлежат данные слова:

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ?

— заревел Михайло Иванович страшным голосом.

— КТО ЛОЖИЛСЯ В МОЮ ПОСТЕЛЬ И СМЯЛ ЕЁ? — зарычала Настасья Петровна не так громко.

А Мишенька подставил скамеечку, полез в свою кроватку и запищал тонким голосом:

— кто ложился в мою постель?..

14

Варьирование прописных и строчных букв в современном русском языке сделалось средством повышения/понижения стиля или указания на высокий/низкий статус называемого объекта: «*Эта репродукция подарена мне Ею!*» Очевидно, что в это «Ею» он вкладывает некий высший смысл (О.Негин); **социализм с маленькой буквы** — только социально-политическая программа, но есть и **Социализм с буквы заглавной**: он является «религиозной идеей, новой верой и новым знанием, идущим на смену знанию и старой вере христианства» (В.Ходасевич); — *Добрый день, это щелкунов*, — представлялся я с **маленькой буквы** (А.Щербаков).

В рекламных слоганах и заголовках публицистических текстов при помощи прописных букв могут выделяться наиболее значимые

элементы: названия рекламируемого товара или фирмы (*куПИКвартиру в агентстве «ПИК»*); части высказывания, сигнализирующие о его двояком прочтении (*компания «МегаФон» — ср. мега ‘огромный’ + фон*); *ОдноПОЛчане* (газетная статья о людях одного пола). Так, в рекламе «Все по МАКСИМуму!» название сигарет («Максим») выделено прописными буквами, а остальная часть слогана представляет собой самостоятельный текст: «Все по уму!».

Стилистическое значение имеет и выбор шрифтовой гарнитуры: так, критики отмечают удачность использования в поэтических сборниках издательства «ОГИ» шрифта «**Officina**», который был разработан для функционального чтения, для деловых документов: «...такой шрифт не дает стихам погружаться в успокаивающий контекст “изящной словесности”, он жестко и безжалостно акцентирует в них каждое слово»¹⁰. Многие из гарнитур имеют отчетливые исторические ассоциации: например, шрифт «**GyrllicOld**» отсылает к давнему прошлому, а гарнитура «**Родченко**» — к эпохе первых лет советской власти. Другие шрифты могут иметь эмоциональные ассоциации — изящества и легкомысленности или, наоборот, солидности и основательности и т. д.

Например, для названия магазина, торгующего продуктами, которые соответствуют исламским традициям, не случайно выбран шрифт, вызывающий ассоциации с арабской письменностью:

¹⁰ Герчук Е. Петит // Независимая газета. Ex libris. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-08-17/5_petit.html (дата обращения: 11.08.2018).

Тогда как стилизация под древнюю кириллицу в иноязычном названии «Арт-отель» выглядит довольно нелепо:

Неудачен и выбор шрифта для рекламы фильма Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник»:

Гарнитура «герольд», разработанная немецким дизайнером Хайнцем Хофманом в традициях югендстиля, входит в противоречие с основной идеей киноленты, пропагандирующей «русскую национальную самобытность» (слоган фильма: «Он русский. Это многое объясняет»).

Топографэмика (от греч. τόπος ‘место’ и γράφω ‘пишу’) — совокупность приемов размещения текста на плоскости, а также раздел **параграфемики**, изучающий такие приемы. В этом же значении используют термин **геометрия текста**. Использование различных приемов пространственно-плоскостного варьирования призвано служить более глубокому пониманию заложенного в текст содержания и усилению его воздействия на читателя. Такие приемы были характерны для барочной поэзии. Ср. стихотворение «Крест» Симеона Полоцкого:

Крест пречестный церкви слава,
На нем умре наша глава
Христос Господь, всех спаситель,
Кровию си искупитель.
Хотяй дело
си весело
Совершити,
должен быти
Креста чититель
и любитель.

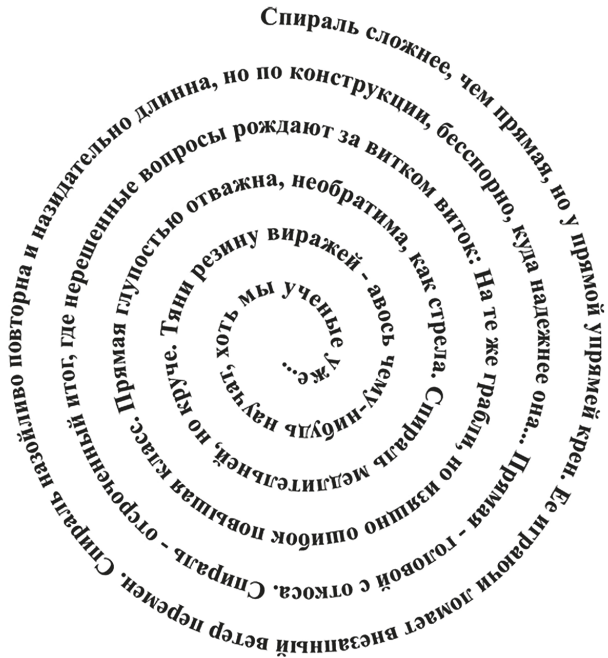
И от него все дела начинати   в распятом на нем вину уповати.
Он бо обыче тех благословити,   и же крест на ся тщася возложити
В началех дел си и конец дарует,   какова в делах кто благо требует
Крест на демона мечь от Бога даны   и на вся, и же гонят христианы
Сим враг Голиаф адский посечеса,   и жало смерти грех в конец сотресея.

Сей царем верным
в бранех помогает,
Нечестивыя
враги истребляет.
Он православным
есть защищение,
гонителем же
в водах топление.
Его zde знамя
впередe полагагало,
его те силы,
царю наш, желаю.
Да та тя вславит, яко Константина,
читителя суца приснодевы сына.
Да будет ти крест, яко столп огненный
в нощи, а во дни — облак божественный.
Щит твоим людем,
страх же враждующим,
на христианы
со мечем идущим.
Сим Христос враги
своя победил есть,
да христианы
от варвар спасеши,
сам в силе его
много лет живеши.

Примером фигурного графического оформления поэтического высказывания уже в Новое время может служить стихотворение Г. Державина «Пирамида»:

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свѣщами,
Во мракѣ блестящу,
Въ восторгъ всѣ души приводящу.
Но что? — Отъ солнца ль въ ней толь милое блистанье?
Нѣтъ! — Пирамида — дѣль благихъ воспоминанье.

Или текст современного поэта Павла Галича «Спираль сложнее, чем прямая...»:

Спираль сложнее, чем прямая, но у прямой упрямей крен. Ее ниточки ломают внезапный ветер перемен. Спираль назойливо повторна и назидательно длинна, но по конструкции, бесспорно, куда надежнее она... Прямая - голова с откоса. Спираль - отсеченный иголок повязав клас. Прямая глупостью отважна, необратима, как стрела. Спираль медлительней, но круче. Тяни резину виражей - авось, чему-нибудь научатся, хоть мы ученые уже...
Спираль сложнее, чем прямая, но у прямой упрямей крен. Ее ниточки ломают внезапный ветер перемен. Спираль назойливо повторна и назидательно длинна, но по конструкции, бесспорно, куда надежнее она... Прямая - голова с откоса. Спираль - отсеченный иголок повязав клас. Прямая глупостью отважна, необратима, как стрела. Спираль медлительней, но круче. Тяни резину виражей - авось, чему-нибудь научатся, хоть мы ученые уже...

(http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=409318)

В стихотворении Марины Цветаевой из цикла «Ученик» (1921) зримый образ создается идеальной «вертикалью тире», разделяющей текст на две противопоставленные друг другу части, в первой из которых выражена идея движения, а во второй — идея трудности пути:

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим...

Особенности геометрии текста регулярно эксплуатируются в палиндроме (тексте, дающем возможность прочтения как слева направо, так и справа налево): *ДОМ МОД; кит на море романтик* и т. п.

Изменение направления текста, заставляющее зрителя затратить больше усилий на его прочтение и тем самым лучше запомнить, нередко в городских вывесках: например, в названии магазина «PLAYLIFE» — **ЫГЛУГІЕ** — буквы написаны «вверх ногами», в названии ресторана «Седьмой гость...» надпись дана в зеркальном отображении и т. п.

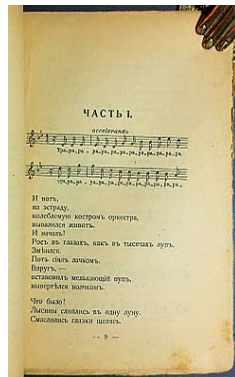
Особое графическое расположение частей текста, рекомендованное стандартом, характерно для официально-деловых бумаг: например, рубрикация (от лат. *rubrica* — ‘заглавие закона, написанное красной краской’), т. е. деление какого-либо произведения на части, разделы, главы, параграфы и т. п., выполненное по определенной системе и отражающее взаимосвязь и соподчиненность таких частей.

Лишенное стилистической задачи нарушение стандартных приемов расположения текста на плоскости может привести к коммуникативному провалу. См., например:

Совокупность элементов иных знаковых систем — букв других алфавитов, гетерограмм и т. п., которые выступают в качестве параграфических средств письма, а также раздел параграфемики, изучающий такие знаки и средства, называют **ксенографемикой** (от *греч.* ξένος ‘чужой’ и γράφω ‘пишу’).

Ксенографемы служат одним из средств графической выразительности. Их стилистические возможности нередко используются в художественных текстах, в рекламе, в нейминге. Так, фрагмент поэмы В. Маяковского «Война и миръ» (1915–1916) представляет собой нотную запись: в части I даны ноты аргентинского танго, популярного в эту эпоху.

Гетерограммы способны служить внесловесными эквивалентами текста. Так, в одной из строф стихотворения А. А. Вознесенского «Нирвана» неалфавитные знаки, образующие визуальную рифму, легко могут быть прочитаны, поскольку такое чтение (*параллельные и второго*) подсказано рифменными парами:

Над трамплином в небо смертельное,
как двуперстие на дорогу,
взвиты лыжины I I
словно путь Николая I I

См. также: магазин «7я», музыкальная группа «Uma2rman» и т. п.

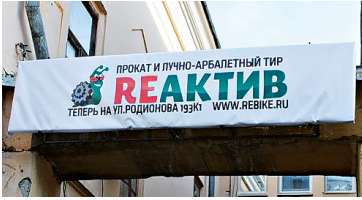
Двуплановость высказывания создается и благодаря включению в кириллический текст символов, имеющих сходное с буквами изображение, но нагруженных семантикой не буквенно-звукового, а иероглифического по своей природе знака: П@УТИН@ (название компьютерного центра); Бе\$ценный доллар (название документального фильма) и т. п.

Инкрустация в кириллический текст элементов латиницы может преследовать разные цели:

- а) включение латинских букв в названия фирм и товаров, рекламные слоганы служит символом новизны, модности называемого предмета, ориентированности его на молодежную аудиторию: магазин «KONTEЙNER», салон красоты «МОЗАИКА»;
- б) выделение латиницей частей слова сигнализирует о том, что такие элементы могут быть прочитаны как самостоятельно значимые слова: Федоров **VIP**рендривается в Шереметьеве (заглавие газетной статьи); **Человек** — это существо любящее и призванное к любви. Иногда чужой язык помогает увидеть то, о чем умалчивает свой. В сердцеvine русского слова... читается английское «love» — любовь. Об этом заповеди: возлюбите Бога всем сердцем и возлюбите ближнего как

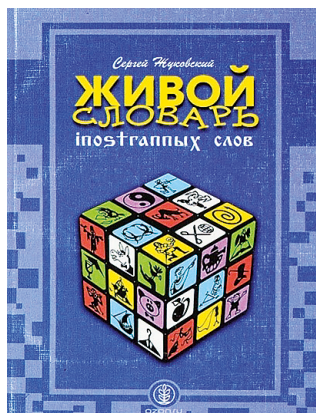
себя. Слово «человек» не только о человеческой любви, но еще и о любви языков, о любви латиницы и кириллицы, поскольку здесь наглядно представлена графика их сплетения (М.Эпштейн).

Приведем также пример неосмысленного и потому неудачного употребления этого приема:

В названии стоматологической клиники «ЗУБ**OFF**» графически маркирован элемент *off*, который может быть прочитан не только как русский суффикс фамилии в его англоязыченном произношении, но и как широко употребительное английское слово, употребляемое в качестве наречия для указания на удаление, отсутствие чего-л. Ср. реализацию того же приема в названии пьесы М. Угарова «Облом *off*», где *off* удачно прочитывается как сленговый глагол в значениях 'прекращать' и 'убить, укокошить, «ликвидировать»'.

Подобные графические новообразования, в которых оксюморным образом соединяются разнородные элементы, уместно назвать **словами-кентаврами**. Их широкое распространение (*VIP-мероприятие, PR-технологии, SMSка, web-документ, WWW-страница, CD-диск, DOS-овский*) — яркая примета современной эпохи, результат не только языковой игры, но и нового отношения к визуальной стороне текста. В процессе «соединения несоединимого» обогащается семантический потенциал слова, а благодаря своему экзотическому облику такие неологизмы приковывают внимание даже случайных читателей. Кроме того, они демонстрируют богатый потенциал системы русского языка, способной не просто использовать, но и включать в свой состав «иностранцы» строительный материал.

- в) иноязычное графическое оформление отдельных букв, целых слов или фрагментов текста подчеркивает инородность называемых ими явлений, принадлежность их к иной, чуждой культуре: «Живой словарь иностранных слов» (заглавие лексикографического пособия С. Жуковского); *Что делает Михалков? Снимает «Сибирского цирюльника». Про вечную, неизменную, не подверженную кризису и инфляции russkuju dushu* (А. Гаррос, А. Евдокимов); *Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga, то есть Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле glupyi, а сидели мы в молочном баре «Korova», шевели mozgoi насчет того, куда бы убить вечер* (Энтони Бёрджесс. Заводной апельсин / пер. В. Бошняка) — Ср. оригинальный текст романа: *There was me, that is Alex, and my three droogs, that is Pete, Georgie, and Dim, dim being really dim, and we sat in the Korova Milkbar making up rassoodocks what to do with the evening* (текст романа насыщен русскими жаргонизмами, и потому трудность перевода состояла в том, чтобы для русскоязычного читателя эти слова выглядели столь же непривычно, как и для англоязычного);
- г) в художественном тексте включение элементов иноязычного алфавита может быть и способом передачи особенностей речи персонажа: *...заявила, глотая твердое «л»: — Я соврава пану* (Б. Акунин); *...лягушка Самсон... вывалил свой слишком длинный язык..., и тут внезапно хлопнула дверь <...>. Самсон торчал у закрытых дверей, высунув язык, причем язык*

его простирались по обе стороны закрытых дверей... Дядя Сережа спросил, сколько время... Самсон... залопотал языком.: — Без *пятнадцати* *пятнадцати* (без пятнадцати и т. д.) (Л. Петрушевская).

В целом же манипулирование двумя алфавитами в современном тексте служит приемом языковой игры и способом переключения внимания, перевода иноформленного текстового фрагмента в иную систему координат. Так, в названии проекта Формального театра «*Медный всадник — 3003*» (5 и 6 мая 2004 г. в Санкт-Петербурге) манифестируется слияние традиционного, классического и прогнозируемого, новаторского: в основе сценария — текст поэмы Пушкина, но само действие разворачивается в космической лаборатории в 3003 г. Аналогичного эффекта травестирирования добивается и Виктор Пелевин, изображая в романе «*Generation “П”*» слоган «*UMOM ROSSIJU NYE PONYAT, V ROSSIJU MOJNO TOLKO VYERIT*». Давая своей статье о перформансах как одном из основных видов современного искусства заглавие «*ART-НАЛЕТ*» критик Алла Боссарт сталкивает значения кириллического *арт* как ‘начальной части сложных слов, вносящей значение: *артиллерийский*’ (в аббревиатуре *артналет* ‘неожиданное массированное нападение артиллерии’) и сравнительного нового для русского языка иноязычного префиксоида *арт-* от англ. *art* ‘искусство’ (*арт-бизнес*, *арт-галерея*, *арт-дилер* и т. п.), благодаря чему в названии статьи актуализируется совершенно новое значение ‘неожиданное массированное нападение на искусство (с стороны искусства)’. Подобную языковую игру можно наблюдать и в выражениях *PRопаганда* и *игра против PРавил*, включении написанного латиницей названия марки фотоаппаратов «*РЕКАМ*» в рекламный слоган «*РЕКАМендуем крупный калибр*» и т. п.

В стихотворении Виктора Кривулина «Типографский погром» «визуализация с помощью ненормативного использования букв и шрифтовых выделений “работает” прежде всего внутри отдельной стихотворной строки. Здесь же используются и ненормативные с традиционной точки зрения пробелы между словами и группами слов, призванные, с одной стороны, обозначить авторское членение стихового единства, а с другой — подчеркнуть особую протяженность и насыщенность текста паузами, характерную именно для стихотворной речи в противоположность прозаической»¹¹.

ТИПОГРАФСКИЙ ПОГРОМ

Зачеркнуто (*Здесь Лермонтов меняет
в пыли песчаной п а л ь м у на с о с н у*)
Бумага терпит Сила именная
не в семени словесном — но в одну
минуту все, действительно, смешалось
Какие-то пришли, рассыпали набор —
и вдребезги очки! О чем я? эта жалость —
куда ее? Обрыв. *Колблющийся бор
слабей травы*. Растерянность. И снова:
отравленный свинцом ослепший метранпаж,
еврей в отставке (чтение Толстого
и Достоевского ночами)... — ну так я ж
ничем не лучше! — у наборной кассы
«Три пальмы». Лермонтов. Дозволено в печать,
число — вчерашнее...
Мы — заполночь,
мы — часа
последнего работники:
начать
когда над головой, в окне полуподвала
полоска бледная огня
полозья, валенки, далекое начало
воскресного рождественского дня

¹¹ Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 617.

Массовым явлением в последние десятилетия стало и использование букв дореформенного русского алфавита (прежде всего **ѣ** на конце слов, **і** и **Ѣ**) — на городских вывесках, в названиях фирм и товаров: монпансье «Ландринѣ», фильм «Сибирскій цирюльникѣ», телепередачи «Вѣди», «Русскій міръ», магазин «Сѣмена» и др. В конце мая 1998 г. в московском Доме журналистов прошел учредительный фестиваль общественного движения «Твердый знак»: оно стремится объединить все фирмы и организации, имеющие в своем названии букву **ѣ**, которая, по мнению инициаторов движения, стала символом «возвращения к существовавшим в великой России традициям, к стабильности, надежности, “твердости”»; символом России, «вечной и непонятной, устойчивой и всегда идущей своим путем»¹².

Возрождение дореформенной орфографии стало еще и отражением того политизированного общественного сознания первых лет перестройки, которое не только настаивало на сохранении традиций, но и считало реформу 1917–1918 гг. результатом действия некой темной силы, овладевшей языком, и потому всячески стремилось вернуть якобы незаконно отнятое большевистскими декретами русское правописание. Так, архиепископ Аверкий писал, что «только старая орфография и есть в собственном смысле слова... правописание, а та порча... которая насильственно введена в употребление большевиками в порабощенной ими России... есть только искажение правописания». А поэт Андрей Вознесенский заявлял, что «репрессированные “твердые знаки” и “ять” были двойниками убитых в подвалах»...

Использование старых графем в том или ином названии, рекламе всегда призвано служить намеком на стабильность, солидность, незыблемость традиций: «Банкѣ», «Шоколад “СладковѢ” — традиции высокого качества», «Ресторан “ШустовѢ”. Возрождение традиций», «СМИРНОВѢ. Русский характер» и др.

Однако безграмотное употребление букв дореформенного алфавита в современном городском пространстве (неразличение **ѣ** и **Ѣ**, автоматическая замена **е** на **Ѣ**, **и** на **і** и т. п.) зачастую заставляет вспомнить о тех, кого еще полтора столетия назад высмеивал М. Н. Погодин: «В вывесках, кажется, все возможные ошибки сде-

¹² Цит. по: Григорьева Т. М. Старая орфография в новое время // Русский язык. 2001. № 17. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200101702> (дата обращения: 08.05.2018).

ланы и еще придумываются. Но вот что замечательно: уж пусть бы ошибались в местах сомнительных, неопределенных, — нет, ошибаются там, где ошибиться, кажется, нельзя; никто не мудрствует так лукаво, как вывесочные грамотеи. По темному понятию, неясному слуху, они знают, что где-то ставится **Ъ** и где-то **е**, в одном месте вставляется **ъ**, а в другом не вставляется, одна речь отделяется запятой, а другая точкою. Посмотрите же, какое употребление они делают из этих своих сведений. Посмотрите, где они ставят точки, запятые, **ь**, **е** и **ъ**? **ВЪХОТЪ.ВТРАХЪПІРЪ**. Скажите, не лучше было бы, чтоб они не знали ничего о **Ъ** и **е**, о **ъ** и **ь**?¹³ Среди таких изобретений современных «вывесочных грамотеев» — название кооператива «**ТОВАРИЩЪ**», ресторана «**РеюортЪрь**», магазинов «**Чай**», «**Галерея обувЪ**», «**ОбувЪ**», «**АРБАТСКАА ЛАВЦА**» и др.

Пиктографэміка (от лат. *pictus* ‘нарисованный’ и греч. *ура́φω* ‘пишу’) — совокупность пиктограмм, тематически связанных с содержанием текста и заменяющих в алфавитном письме буквенные

¹³ *Погодин М. Н. Прогулка по Москве // Современник. 1836. Т. 3. С. 260–265.*

знаки, что характерно для современных рекламных текстов, а также раздел параграфемики, изучающий такие замены.

Термин *пиктографемика* предложен Т. М. Григорьевой¹⁴, по мнению которой тенденция к пиктографичности характерна для рекламных текстов и номинаций городских объектов и заключается в том, что рисунок (пиктограмма) внедряется в букву и, заменяя ее, становится знаком отдельного слова или всего рекламного текста. Целью использования пиктографемы (изображения, соединяющего в себе черты графемы и пиктограммы) всегда является обыгрывание ассоциаций, дешифровка смысла текста, извлечение имплицитной информации, заложенной в знак — пиктографему. Рисуночные эквиваленты имеются у большинства букв кириллического алфавита. См., например:

Пиктограмма может становиться эквивалентом не только отдельной буквы, но и целого слова. Так, рисунок сердца выступает эквивалентом слова *люблю* во фразах типа *Я ♥ свой город* и т. п. Ср. также изображение сердца вместо иероглифа «сердце» в названии гостиницы в Пекине (фото М. В. Ахметовой) (см. с. 384).

К графическим средствам выразительности следует отнести также и использование орфографических тропов, или приемов экспрессивной орфографии.

¹⁴ Григорьева Т. М. Параграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия: научно-методический бюллетень. Вып. 1. Абакан, 2003. С. 68–76.

Экспрессивной орфографией называют стилистически значимое нарушение норм правописания, заключающееся в использовании **орфографических тропов и графонов**.

Для современной орфографии характерна высокая степень стандартности и потому соблюдение обязательных норм правописания зачастую не дает пишущему возможности отразить нюансы различий в значении или стилистической окраске употребляемых им языковых единиц. Орфографический троп обнажает отношение пишущего к называемому: *Рыжий <...> любил упомянуть шокирующую деталь собственного быта — чаще всего выдуманную или утрюрованную — в кругу людей **эскюства** — форма **эскюства** в этом тексте Д. Быкова символизирует манерность и претенциозность.*

В этом же значении иногда используют термин **графон**. Однако некоторые исследователи расширяют это понятие, понимая под графоном также и отступления от графического стандарта (т. е. всю совокупность средств графической выразительности); другие же, напротив, предлагают считать графоном лишь такое нарушение норм правописания, которое отражает произносительные особенности говорящего (индивидуальные, диалектные и т. п.): *Мими начинает, с «неподражаемым шиком» аккомпанируя себе на гитаре, исполнять цыганские романсы... «Ты сиводни сапрасила с укорам, Атачего я при **вастречи малачу**» (А. Куприн); «Какой **зверь!**» — с ужасом и твердым знаком шипит мне на ухо Гуськин (Н. Тэффи); хочется спросить: «**Непонэл?**» (И. Стогоff); **Ваиш ипрашивал** какой-то **шта-***

рик (Д. Хармс); *«Ровным **счотом** — ничего!»* Букву «ч» она произнесла жестко. Дальше шло круглое, несмягченное «о». И от этого «ровным **счотом**» выглядело убедительно и категорично (В. Токарева) и т. п.

Искажение орфографического облика слова под влиянием произношения, применяемое как последовательный прием, характерно для некоторых контркультурных литературных течений, например футуризма (*«Асел **напракат**»* (И. Зданевич), *на **маст**овой сверлят **мазоли**, **калючки*** (А. Крученых)) и постмодернизма (*С**и**час я **раска**жу **пичаль** / **П**ра**сто**ва **па**р**ня** **ис** **За**п**ру**д**ни** / **И** **пачи**му он **хмур** как **ста**ль (Мэо)).*

Примером сравнительно недавнего явления такого рода может служить стиль нарочито неправильной орфографии, который стихийно появился в Интернете (так называемый язык падонков, он же «олбанский язык»). Некоторые из «олбанских» написаний стали настолько популярными, что проникли в тексты современной художественной литературы: *Как же вы в исторической книжке решились на этот интернетовский сленг — **йад**? — ...Я считаю, что это очень удачно придуманное слово, что оно выразительно и ... более зловеще, чем традиционное **яд**. Долг писателя — поддерживать удачные изменения в языке* (из интервью В. Курицына).

Однако в большинстве случаев авторская орфография призвана не столько эпатировать читателя, вызывая у него раздражение, сколько разными написаниями одного и того же слова обозначить различия в их значениях. Так, например, А. Блок настаивал на том, что при издании его стихотворений следует сохранять написания *жолтый* и *жёлтый*, поскольку в первое прилагательное он вкладывал особый идейно-психологический смысл: оно служило у поэта синонимом душевной сытости, мещанского самодовольства, всяческого хамства (*И в **жолтых** окнах засмеются, / Что этих нищих провели*), тогда как второе было просто обозначением цвета (*Медлительной **чредой** нисходит день осенний, / Медлительно крутится **жёлтый** лист*). Поэт утверждал, что в зависимости от произношения (фиксация которого на письме могла вступать в противоречие с орфографией) он по-разному ощущает смысл слова. Так, на замечание одного из современников о том, что в поэме «Двенадцать» все та же *метель*, что и в «Снежной маске», Блок возразил: «Нет, теперь не *метель*, а — *мятель*...» (*метель* в стихах 1907 г. — это вихрь, *метуций* снег, а *мятель* в «Двенадцати» — вихрь, приводящий в *смятение*; ср. в словаре В. Даля: «Говорят *метель*, от *мести*, и *мятель*, от *мятись*»).

Нередко авторское написание, напротив, призвано сблизить слова, находящиеся в одном контексте (особенно в поэтическом), и тем самым указать на возможное восприятие их как однокоренных: *Кидает сумрачный **ноган** / К ее растерзанным **ногам*** (Д. Хармс); *...на **работу**. / Благолепствовать. / **Рабетъ*** (В. Ширали).

В исключительных случаях авторская орфография может базироваться на сознательных теоретических установках пишущего, по тем или иным причинам негативно относящегося к сложившимся нормам правописания. Так, А. Солженицын утверждает, что основные принципы применяемых им написаний основаны не на индивидуальных предпочтениях, а на принципиальной установке большей части общества. Например, писатель полагает, что в уменьшительном суффиксе *-ёнк/-онк-* после шипящих под ударением следует писать **ё** у существительных женского рода (*бумажёнка, девчёнка*) и **о** у существительных мужского рода (*мальчонка, мужичонка*); что не нужно фонетическим написанием затемнять смысл морфемы (и предлагает писать *черезсильно, низсылал* и *предъизбрать*, а не *черессильно, ниссылал* и *предызбрать*); что не следует упускать различий там, где можно их сохранить, поскольку «задача языка — как можно меньше уподоблять и смешивать, как можно тоньше различать» (и потому писать слитно союз *нето* и отдельно указательное местоимение с отрицанием *не то*: *Нето сказал, нето собирался только, но: Не то, мой друг, не то. Не то сказал*) и др.

А. Пушкин, называя орфографию «геральдикой языка», видел в ней эмблему того или иного культурного направления: отношение к орфографическим установкам сразу же позволяет отличить «своих» от «чужих». По замечанию литературоведа Ю. М. Лотмана, «если орфография — геральдика, то, внося в нее изменения, мы меняем знамена, под которыми происходит литературное сражение»¹⁵.

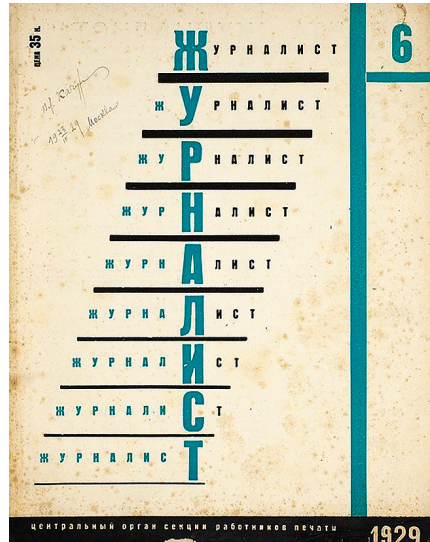
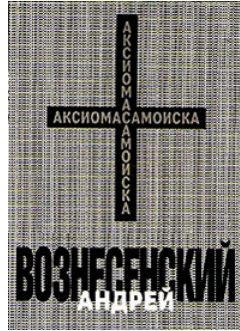
Однако намеренные отступления от орфографического стандарта, выполняющие стилистическую задачу, позволительны лишь в том случае, когда и автор текста, и его адресат владеют языковыми нормами на достаточно высоком уровне: «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает понимать всю прелесть обожанных отступлений от нее» (Л. Щерба)¹⁶.

¹⁵ Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: «Искусство-СПБ», 1996. С. 371.

¹⁶ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 4. Вып. 5. 1945. С. 183.

Некоторые приемы графической выразительности можно рассматривать как особые стилистические фигуры¹⁷. Например,

- **графическая зевгма** (зевгма — вид эллипсиса, состоящий в сокращении конструкции за счет устранения повтора ее общего члена):

¹⁷ Некоторые из них приведены в кн.: Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007.

- **графический каламбур**, в основе которого лежат приемы языковой игры: *Празднование 300-летия Санкт-Петербурга питерцы уже окрестили «зоолетием». То ли за особенности наглядной агитации, то ли за то, что Питер превращается в своеобразный зверинец, в котором менты, собранные по всем городам и весям, выступают в роли загонщиков и дрессировщиков, а питерские жители находятся, соответственно, в роли животных* (газета «Дуэль»);
- **графический эвфемизм** (эвфемизм — нейтральный способ выражения, используемый для замены, завуалированного обозначения того, что в данной ситуации неуместно обозначать прямым наименованием): в этой функции регулярно выступает многоточие, заменяющее неприличное слово или его часть: *полное г...; С утра садимся мы в телегу, / Мы рады голову сломать / И, презирая лень и негу, / Кричим: Пошёл, ...* (А. Пушкин. Телега жизни). Объектом эвфемизации может выступать и слово литературного языка: *Эта тема день истемнила, в темень / колотись — велела — строчками лбов. / Имя / этой / теме: / . . . . . !* (В. Маяковский. Про это); *Не упрямся! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу) поцелуй у него ручку...* (А. Пушкин. Капитанская дочка);
- **графическая метонимия**: *побком (б = ш), ничего (4 = ч)*;
- **графический хиазм** (хиазм — повтор двух речевых компонентов, сопровождаемый инверсией: **ДОМ МОД**;

У-
лица.
Лица
У
догов
годов
резче.
Через...

(В. Маяковский. Из улицы в улицу);

- **графическая аппликация**: *Студия современного искусства «АЗиЯ-плюс»;*
- **графическая перифраза**: *Вскоре 7я 40и о5 сядет за 100л, блещущий чи100тою. Сес3цы е2 ухи3лись пр2рительно при-*

готовить обед, отыскать вме100 осезны 100лько ус3ц, что прет100ит целый пир!;

- **графический макаронизм** — смешение разноязычных графем как прием макаронической речи: *Литература Russкого зарубежья; Это не ваша party. Вы тут всего лишь лазутчик. Партизан* (С. Минаев. Духless);
- **графическая парцелляция** при помощи использования внутрисловных знаков препинания, например скобки: *Провинциальный роман(с)* (название книги Е. Ярошевского); *GOOD'OK* (название услуги, предлагаемой абонентам МТС); *БАР'Д КАФЕ* — вывеска московского кафе «Гнездо глухаря», которое является не только заведением общепита, но и концертной площадкой для исполнителей авторской песни и др.

Рекомендованная литература

- Григорьева Т. М.* Новая жизнь старой орфографии // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию М. В. Панова / сост. Л. А. Капанадзе; отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 399–406.
- Григорьева Т. М.* Параграфемные явления в современном русском письме // Язык. Культура. Коммуникация: аспекты взаимодействия. Абакан, 2003. С. 68–76.
- Григорьева Т. М.* Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковик, 2000. С. 66–77.
- Зубова Л. В.* Орфографическая стилистика // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. М., 2017. С. 413–422.
- Зубова Л. В.* Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковик, 2001. С. 367–381.
- Перцов Н. В.* О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Перцов Н. В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 515–550.
- Шапир М. И.* Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 265–274.

Используемая литература

- Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1972. 415 с.
- Алексеев Д.И.* Сокращенные слова в русском языке. Саратов: Изд-во СГУ, 1979. 328 с.
- Алпатов В.М.* Русская латиница Н.Ф.Яковлева // Научный диалог. 2015. № 3 (39). С. 8–28.
- Анастасевич В.Г.* Нечто о Российской абевеге // Улей. 1811. № 2. С. 95–103.
- Андронов А.В.* Графическое обозначение фонологических признаков как ориентир при совершенствовании алфавитного письма и свидетельство реальности фонологических категорий // *Studi Slavistici*. 2017. XIV. С. 253–274.
- Арапов М.В.* Латиница и кириллица. URL: <http://polit.ru/article/2003/09/23/625530/> (дата обращения: 08.05.2018).
- Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональна грамматика (Грамматика Порталя) / пер. с фр. Ю.С.Маслова, Е.Д.Панфилова, М.В.Гординой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 128 с.
- Бахтин Н.Н.* Проект новой системы азбуки и орфографии. Киев: [Б. и.], 1886. 26 с.
- Бешенкова Е.В., Иванова О.Е.* Лексикографическое описание орфографического оформления сочетаний единиц на -о, -е с последующим прилагательным или частью сложного прилагательного (*активно действующее вещество* и *сильнодействующее вещество*) // Труды Института русского языка им. В.В.Виноградова. Вып. I. М.: [Б. и.], 2014. С. 329–357.
- Бобрин М.* Полу-ё. Из наблюдений над забытым памятником русского языка первой трети XIX века // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 153–188.
- Богородицкий В.А.* О русском правописании // Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. С. 75–83.
- Бодуэн де Куртенэ И.А.* Знаки препинания // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Том II. С. 238–239.

- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку (1912 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 209–239.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: [Б. и.], 1912. 132 с.
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В., Зиндер Л. Р., Касевич В. Б.* Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
- Брандт Р. Ф.* О лженаучности нашего правописания: (Публ. лекция). Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1901. 58 с.
- Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982. С. 96–122.
- Буков А.* Введение в новейшую русскую грамматику // Молва. 1831. № 19. С. 1–9.
- Букчина Б. З.* Анализ орфографических ошибок (на материале проектов терминологических ГОСТов) // Терминология и норма. М.: Наука, 1972. С. 43–65.
- Былинский К. И., Никольский Н. Н.* Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. 2-е изд., перераб. М.: Искусство, 1952. 312 с.
- Валгина Н. С.* Русская пунктуация: принципы и назначение: пособие для учителей. М., 1979. 125 с.
- Валгина Н. С.* Трудные вопросы пунктуации. М., 1983. 175 с.
- Валгина Н. С., Светлышева В. Н.* Орфография и пунктуация: справочник. М.: Издатель Булатникова И. С., ООО «Большая Медведица», 2002. 320 с.
- Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Соцэкгиз, 1937. 409 с.
- Вардзелашвили Ж.* Семантизация знака. Многоточие как символика молчания // Славистика в Грузии. ТГУ. Вып. 10. Тбилиси, 2009. С. 149.
- Власов С. В.* К истории буквы Ё: легенды и факты // Письменная культура народов России: материалы Всерос. науч. конф. 19–21 ноября 2008 г. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 25–30.
- Волоцкая З. М., Молошина Т. Н., Николаева Т. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме. М.: Наука, 1964. 186 с.
- Вяземский Б. А., Заморзаева Е. Н.* Практика газетной корректуры. Л.: Лениздат, 1953. 239 с.
- Гвоздев А. Н.* Основы русской орфографии [1947 г.] // Гвоздев А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике. М.: Просвещение, 1963. С. 27–86.
- Гельб И. Е.* Опыт изучения письма. Основы грамматиологии. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.

- Герасимов А. Г.* Подарок неизгнанного неба «Рожок-сам-гудок», или Новые песни, новые речи, новая грамота. М.: Тип.-лит. В. Рихтер, 1901. 74 с.
- Гиляров-Платонов Н. П.* Экскурсии в русскую грамматику. М.: Изд-во К. П. Победоносцева, 1904. 63 с.
- Глазарий* языка. URL: https://www.facebook.com/glazslov/posts/1861733510585740?__tn__=K-R (дата обращения: 26.08.2018).
- Голев Н. Д.* Исследование русской пунктуации в коммуникативном аспекте: постановка проблемы и программа экспериментального исследования // Языковая ситуация в России нач. XXI века. Т. 1. Кемерово: Изд-во КемГУ, 2002. С. 146–159.
- Гончарова Н. Н.* К вопросу о современных тенденциях в английской пунктуации // Научный диалог. 2018. № 4. С. 54–64.
- Гордина М. В.* О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М.: Наука, 1966. С. 172–183.
- Гордина М. В.* К вопросу о фонеме во вьетнамском языке // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 103–109.
- Гордина М. В., Быстров И. С.* Фонетический строй вьетнамского языка. М.: Наука, 1984. 242 с.
- Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=297461> (дата обращения: 10.07.2018).
- Григорьева Т. М.* Старая орфография в новое время // Русский язык. 2001. № 17. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200101702> (дата обращения: 08.05.2018).
- Григорьева Т. М.* Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М.: Элпис, 2004. 456 с.
- Грот Я. К.* Русское правописание: Руководство, сост. по поручению Второго отделения Имп. акад. наук академиком Я. К. Гротом. 11-е изд. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1894. 120 с. + XL.
- Грот Я. К.* Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне: Филологическое разыскание // Грот Я. К. Филологические разыскания. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. С. 459–668.
- Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. 355 с.
- Добровольский Д.* Как читать летописи. URL: <https://arzasmas.academy/materials/463> (дата обращения: 16.06.2018).
- Долобо М. Г. Ю.* Крижанич о русском языке // Советское языкознание. Вып. 3. Л.: Издание Научно-исследовательского института языкознания, 1937. С. 7–40.
- Дьяконов И. М.* Письмо // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БСЭ; Дрофа, 1998. С. 339–344.
- Евецкий О.* Гипотетический ход человеческого ума, изобретающего графику // Телескоп. 1832. Ч. 8. № 7. С. 324–341.

- Еськова Н. А. О написании *nn* — *n* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи. Вып. 7. М.: Наука, 1966. С. 122–135.
- Еськова Н. А. Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М.: Наука, 1965. С. 147–152.
- Еськова Н. А. Популярная и занимательная филология. М.: Флинта; Наука, 2004. 176 с.
- Жирмунский В. М. Готские *ai*, *au* с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 67–78.
- Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: в 2 т. Т. 1. Ч. I. 4-е изд. М.: А. Д. Ступин, 1918. 792 с.
- Завадская Е. В. Японское искусство книги (VII–XIX века). М.: Книга, 1986. 214 с.
- Зализняк А. А. Доклад академика А. А. Зализняка о берестяных грамотах из раскопок 2017 г. URL: <https://www.pravmir.ru/novyye-otkryitiya-akademika-zaliznyaka-v-2017-godu-video-tekst-lektsii/> (дата обращения: 16.06.2018).
- Зализняк А. А. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 543–576.
- Зализняк А. А. О понятии графемы // *Balkanica*: Лингвистические исследования. М.: Наука, 1979. С. 134–152.
- Зализняк Анна А. Семантика кавычек // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. семинара «Диалог'2007» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: РГГУ, 2007. С. 188–193.
- Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. 112 с.
- Зиндер Л. Р. Вопросы фонетики: Популярный очерк. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. 56 с.
- Иванова В. Ф. Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1991. 190 с.
- Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. 288 с.
- Иванова В. Ф. Принципы русской орфографии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 230 с.
- Иванова В. Ф. Трудные вопросы орфографии. М.: Просвещение, 1982. 173 с.
- Иванова Т. А. Избранные труды. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 344 с.
- К. О русской азбуке. Отрывок из письма // Телескоп. 1832. Ч. 7. № 23. С. 430–432.
- Кадинский К. М. Преобразование и упрощение русского правописания. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1857. 32 с.

- Кадинский К. М.* Упрощение русской грамматики. СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. 56 с.
- Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 296 с.
- Ким И. Е.* Пунктуационные знаки в письменной форме современного русского языка: означающее и означаемое // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Ученый. Учитель. Личность: Доклады науч.-практ. конф. «Лингвистическое наследие И. А. Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия». Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2000. С. 95–104.
- Ковтунова И. И.* Поэтика пунктуации: Функции тире // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 331–339.
- Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Наука, 1974. 375 с.
- Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель; Сogrus, 2012. 217 с.
- Кузьменко Ю. К.* Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л.: Наука, 1985. С. 11–55.
- Куйо М. Куев.* Черноризец Храбър. София: БАН, 1967. 454 с.
- Кукулин И.* Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Еремин // Иностранная литература. 2013. № 12. С. 147–160.
- Кульман Н.* О русском правописании // Русская мысль. 1923. Кн. VI–VIII. С. 4–16.
- Леонтьев А. А.* Функциональная классификация русских знаков препинания // Русский язык. 2001. № 7. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200100707> (дата обращения: 18.07.2018).
- Лингвистический энциклопедический словарь. М. Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб.: Изд-во Имп. академии наук, 1755.
- Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 995 с.
- Лопатин В. В.* Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 37–47.
- Лопатин В. В.* Из истории реформирования русского правописания. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/orthografia/28_15 (дата обращения: 18.07.2018).
- Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1971. 271 с.
- Луначарский А. В.* Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку: Изд. В. Ц. К. Н. Т. А., 1930. С. 20–26.

- Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку: Издание В.Ц.К.Н.Т.А., 1930. С. 208–219.
- Мечковская Н. Б. Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточнославянских грамматик XVI–XVII вв. // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 710: Slavica Tartuensia, 1: Исследования по истории славянского языкознания. Тарту, 1985. С. 15–54.
- Мильчин А. Э., Чельцова Л. К. Справочник издателя и автора: Редакционно-издательское оформление издания. 3-е изд., испр. и доп. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 800 с.
- Моисеев А. И. Буквенное обозначение звукового состава слов (первая часть орфографии) // Ветвицкий В. Г., Иванова В. Ф., Моисеев А. И. Современное русское письмо: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1974. С. 88–101.
- Моисеев А. И. Буквы и звуки: О современном русском письме. Л.: Просвещение, 1969. 112 с.
- Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
- Надеждин Н. Н. Уполномоченный от Ижицы. Ижица к Азу // Вестник Европы. 1828. Ч. 162. № 23. С. 187–194.
- Нечаева И. В. Прописная графема и ее функции в современном письме // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 143–161.
- Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XIX вв.). М.: Наука, 1965. 500 с.
- Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2. Вып. 2. М.: Учпедгиз, 1948. 342 с.
- Онацкая О. И. Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII — первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 260 с.
- Орлицкий Ю. Б. Визуальный компонент в современной русской поэзии // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 181–192.
- Орфография и русский язык / отв. ред. И. С. Ильинская. М.: Наука, 1966. 135 с.
- Осенмук Л. П. Причастия страдательного залога прошедшего времени с основами несовершенного вида в современном русском языке (морфология и орфография): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 194 с.
- Осинов Б. И. История русского письма: Графика. Орфография. Пунктуация: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Омск: Изд-во ОмГУ, 2012.
- Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. 664 с.

- Панов М. В. Принципы русской графики и орфографии // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии XVIII–XX вв. М.: Наука, 1965. С. 15–51.
- Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 290 с.
- Пентауръ [Брюсов В. Я.] [Рец. на: Соколов Н. М. Русско-японская война. Пародии и рифмы. СПб., 1904] // Весы. 1904. № 9. С. 61.
- Петрушевская Л. Маленькая девочка из «Метрополя». СПб.: Амфора, 2006. 464 с.
- Письмо // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
- Плунгян В. А. Русская дореформенная орфография: Как? Почему? Зачем? // #ГОТСБОРНИК: сб. науч. трудов по материалам Тотального диктанта. Новосибирск: Фонд «Тотальный диктант»; НГУ, 2017. Вып. 2. С. 5–35.
- Погодин М. Н. Прогулка по Москве // Современник. 1836. Т. 3. С. 260–265.
- Попов М. Б. Фонетика современного русского языка. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2014. 303 с.
- Попов М. Б. Чередования фонем в синхронии и диахронии (Существуют ли живые фонетические чередования в русском языке?): научный доклад. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 16 с.
- Постановление «О Совете по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга». URL: <http://docs.cntd.ru/document/891838947> (дата обращения: 10.07.2018).
- Поэзия. Учебник / Азарова Н. М., Корчагин К. М., Кузьмин Д. В. и др. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации: утв. АН СССР, Мин-вом высш. образования СССР и Мин-вом просвещения РСФСР. М.: Учпедгиз, 1956. 176 с.
- Резолюция секции графических искусств по поводу нового правописания, вынесенная общим собранием 14 января 1918 года. Пг.: [Б. и.], 1918. 7 с.
- Реформатский А. А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. Сб. I. М.; Л.: Изд. ВЦК НА, 1933. С. 42–58.
- Реформатский А. А. Техническая редакция книги // Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика. М.: Худож. литература, 1987. С. 141–179.
- Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания // Русский язык в школе. 1937. № 1. С. 63–70.
- Реформатский А. А. Упорядочение русского правописания. Лингвистические принципы написания прописной и строчной букв // Русский язык в школе. 1938. № 1. С. 93–101.

- Розенталь Д. Э.* Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). М.: Русский язык, 1984. 328 с.
- Русский орфографический словарь Российской Академии наук / отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. тип. № 2, 2005. 943 с.
- Русский язык: учебник для 5–6 классов / Баранов М. Т. и др. 7-е изд. М.: Просвещение, 1980. 368 с.
- Санников В. З.* О русских графических сокращениях // О современной русской орфографии. М.: Наука, 1964. С. 58–87.
- Светозарова Н. Д.* Интонация в художественном тексте. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 180 с.
- Светозарова Н. Д.* Просодическая структура высказывания как целое и ее отражение в авторских обозначениях интонации // *Revue des études slaves*. LXII, ½. Paris, 1990. С. 417–425.
- Словарь языка интернета.ru / Под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс: АСТ-Пресс Книга, 2016. 288 с.
- Соколов Н. М.* Двухсторонняя атака // *Русский вестник*. 1904. № 5. Т. 291. С. 444–448.
- Солженицын А. И.* Некоторые грамматические соображения // *Русская речь*. 1993. № 2. С. 36–49.
- Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 1. № 7. С. 71–72.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–273.
- Сумароков А. П.* О правописании // *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений: в 10 т. Часть X. М., 1782. С. 3–39.
- Технико-орфографические правила. М.; Л.: Госиздат, 1927. 30 с.
- Тредиаковский В. К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и всем, что принадлежит сей материи. СПб., 1748.
- Туркова К.* Свободная точка. URL: https://snob.ru/selected/entry/110386#comment_831624 (дата обращения: 18.07.2018).
- Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоновский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Успенский Л. В.* Слово о словах. Имя дома твоего. Л.: Лениздат, 1974. 719 с.
- Черных П. А.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1999.
- Шварцкопф Б. С.* О пунктуационном нулевом знаке // *Семиотика. Лингвистика. Поэтика*. К 100-летию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
- Шереметьевский В. П.* К вопросу о единообразии в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание» // *Шереметьевский В. П.* Сочинения. М.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. С. 237–311.

- Шмелев А. Д.* Прописные буквы в светской и церковной печати // Сретенский сборник. Вып. 7–8. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2017. С. 698–734.
- Шмелев А. Д.* Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык: сб. статей памяти Б. С. Шварцкофа. М.: Изд-во РГУ, 2006. С. 516–529.
- Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 188 с.
- Щерба Л. В.* Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. 134 с.
- Щерба Л. В.* Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Щерба Л. В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 153–161.
- Эпштейн М. Н.* Дух буквы // Все эссе: в 2 т. Т. 2. Из Америки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- Эпштейн М. Н.* Знак препинания „,„ — многопятие. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/dar161.html> (дата обращения: 10.07.2018).
- Яковлев Н. Ф.* За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1930. С. 35–36.
- Яковлев Н. Ф.* Тезисы проф. Яковлева Н. Ф. «О необходимости латинизации русского алфавита», принятые в начале работ подкомиссии по латинизации русского алфавита при Главнауке (приложение к статье: Яковлев Н. За латинизацию русского алфавита) // Культура и письменность Востока. Кн. VI. Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1930. С. 42–43.
- Яковлев Н. Ф.* Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 123–148.
- Houston K.* Punctuation that failed to make its mark // BBC. URL: <http://www.bbc.com/culture/story/20151104-punctuation-that-failed-to-make-its-mark> (дата обращения: 17.06.2018).
- Jakobson R.* Избыточные буквы в русском письме // Jakobson R. Selected writings. T. I. s'Gravenhage, Mouton, 1962. P. 559–562.
- Narloch A.* О латинизации русского письма в XVIII–XIX вв. // Studia Rossica Gedanensia. 2014. № 1. С. 38–50.
- Trubetzkoy N. S.* Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem. Wien: Rohrer, 1954. 197 S.

Учебное издание

*ДРУГОВЕЙКО-ДОЛЖАНСКАЯ Светлана Викторовна,
ПОПОВ Михаил Борисович*

СОВРЕМЕННОЕ РУССКОЕ ПИСЬМО:
ГРАФИКА, ОРФОГРАФИЯ, ПУНКТУАЦИЯ

Учебник

Редактор *Л. Ю. Киреева*
Корректор *А. С. Яшина*
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*
Обложка *А. В. Самойловой*

Подписано в печать 01.07.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 25. Тираж 108 экз. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11. Тел./факс +7(812)328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги **Издательства СПбГУ** можно
ЗАКАЗАТЬ
на сайте издательства: **publishing.spbu.ru**
в интернет-магазинах: **ozon.ru**; **bookvoed.ru**; **URSS.ru**

ПРИБРЕСТИ
в книжных магазинах СПбГУ **Дом университетской книги**

Менделеевская линия, д. 5
6-я линия В. О., д. 15
Университетская наб., д. 11

А также в магазинах

- Санкт-Петербурга:* Сеть книжных магазинов «Буквоед»
Санкт-Петербургский Дом книги, Невский пр., д. 28
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57
- Москвы:* «Библио-Глобус», ул. Мясницкая, д. 6/3
«Фаланстер», М. Гнездииковский пер., д. 12/27
- Перми:* «Пиотровский», ул. Ленина, д. 54